

**ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЛЕСА**

ЛЕСНОЙ ВЕСТНИК

Научно-информационный журнал

2003 г. № 4(29)

Координационный совет журнала

Главный редактор
Зам. главного редактора

А.Н. ОБЛИВИН
В.Д. НИКИШОВ

Члены совета

Н.И. КОЖУХОВ
О.Н. НОВОСЕЛОВ
А.К. РЕДЬКИН
Е.И. МАЙОРОВА
О.А. ХАРИН
В.С. ШАЛАЕВ
А.С. ЩЕРБАКОВ
С.Н. РЫКУНИН

Ответственный секретарь

Е.А. РАСЕВА

Номер подготовили:

Ответственный секретарь
Редакторы

Е.А. РАСЕВА
Е.Г. ПЕТРОВА
Н.Д. БЛАГОДАТОВА
А.П. ГОЛОВИНА
Т.В. ГОРБУНЧИКОВА
М.А. ЗВЕРЕВ

Корректор
Набор и верстка

Оригинал-макет подготовлен в редакторе Microsoft Word 2000.

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации журнала «Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник» ПИ № 77-12923 от 17.06.2002 г.

Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов и фотографий журнала «Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник» только с письменного разрешения издательства.

© Московский государственный университет леса, 2003

Лицензия ЛР № 020718 от 02.02.1998 г.

Лицензия ПД № 00326 от 14.02.2000 г.

Подписано к печати . . . 2003 г.
Объем 26,63 п. л.

Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательство Московского государственного университета леса.
141005. Мытищи-5, Московская обл., 1-я Институтская, 1, МГУЛ.
Телефоны: (095) 588-57-62, 588-53-48, 588-54-15, факс (095) 588-51-09

Содержание

Право

Майорова Е.И.	<i>Наркомания – национальное бедствие</i>	6
Макаренко С.М.	<i>Актуальные проблемы защиты прав собственности в условиях чрезвычайного и военного положения</i>	11
Попов В.А.	<i>Использование оперативно-розыскной информации в обеспечении экологической безопасности</i>	12
Маслов Д.В.	<i>Правовое регулирование формирования экологической культуры в Российской Федерации</i>	16
Пивульский В.В.	<i>О некоторых пробелах и противоречиях ГК РФ в регулировании общих положений о договоре</i>	19
Дехтерева Л.П.	<i>Проблемы сохранения и развития городских природных территорий в природоохранном законодательстве</i>	21

Филология

Жаворонкова Р.Н.	<i>Текстообразующие функции артикля в английском языке</i>	32
Маньковская З.В.	<i>Межкультурные особенности реализации речевых стратегий в британской и российской моделях переговоров</i>	35
Волоснова Ю.А.	<i>Особенности перевода метафорических терминов в сфере информационных технологий</i>	39
Красикова Т.И.	<i>К проблеме исторического развития омонимии в английском языке</i>	45
Бондаренко Т.Н.	<i>Методические приемы определения семантики лексических единиц в преподавании иностранных языков</i>	53
Уварова Т.П.	<i>Сколько слов в английском языке, и какой в среднем запас слов у человека?</i>	57
Жердева М.О.	<i>Суффикс -ing/-ung в истории английского языка</i>	60
Пильгун М.А.	<i>Развитие имен со значением действия в истории русского языка</i>	63

Салерно Т.В.	<i>Структурно-семантические особенности прилагательных, образованных от числительного ДВА в XVIII веке</i>	71
Красухин К.Г.	<i>Предикаты состояния</i>	77
Корнилова Е.Н.	<i>XX век и диктатура (Почему художественная литература оказалась в оппозиции к историософии?)</i>	87
Крапотина Т.Г.	<i>Парадигматика фразеологических единиц в русском языке</i>	100
Майорова А.В.	<i>Ошибки, связанные с употреблением фразеологизмов в устной и письменной речи</i>	109
Падерина Е.Г.	<i>Опыт рассуждений о преподавании «русского языка и культуры речи» для негуманитарных специальностей МГУЛ</i>	112

Философия

Фролов В.В.	<i>Проблема свободы в философии Н.А. Бердяева</i>	116
Шестова Т.Л.	<i>О категории «социальное» в современной философской литературе</i>	130
Фалько В.И.	<i>Типология мировоззрений. Статья вторая</i>	137

История и культурология

Матяш Н.И.	<i>Особенности формирования современной социокультурной парадигмы в России</i>	148
Зозуля О.А.	<i>Таможенное обложение и его влияние на машиностроение и земледелие на рубеже XIX – XX вв. (по ранним работам К.Б. Кафенгауза и Л.Н. Литошенко)</i>	151
Филатов М.В.	<i>К вопросу о библейской концепции эсхатологии</i>	157
Агафонова А.С.	<i>«Крепостная интеллигенция» – феномен в культуре России XVIII – первой половины XIX веков</i>	161
Красиков С.И.	<i>Откуда ты Русь?</i>	166
Крыжановская И.В.	<i>Кризисные проявления современной системы образования</i>	169

Педагогика

Соломахо Э.П. Климачева Е.В.	<i>Стресс и стрессоустойчивое поведение</i>	172
Конягина Л.Н.	<i>Секты – фактор угрозы для российской молодежи.</i>	175
Соломахо Э.П., Чепалыга Г.И.	<i>Проблемное обучение как один из видов инновационных технологий в системе высшего профессионального образования</i>	178
Наретя Н.М., Королева Н.А.	<i>Психологическая составляющая педагогической практики</i>	182
Бахтигулова Л.Б.	<i>Задачи и основы семейного воспитания, его характерные черты и проблемы</i>	184
Материалы для обсуждения		
Щербаков С.А.	<i>Образ любимой в лирике Н. Старшинова</i>	193
Левин А.Б.	<i>Архонты в Москве</i>	197

НАРКОМАНИЯ – НАЦИОНАЛЬНОЕ БЕДСТВИЕ

Е.И. МАЙОРОВА, зав. кафедрой права МГУЛа, д. ю. н.

Криминогенная ситуация в России характеризуется ростом преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков и злоупотреблением наркотическими средствами. Этот вид преступности становится существенным фактором усиления социальной напряженности, способствующей нравственно-психической деградации отдельных слоев населения. Причем, согласно данным отечественной и международной статистики число латентных наркоманов почти в 10 раз превышает количество выявленных лиц. Наркомания и связанная с ней преступность угрожают национальной безопасности государства, и в силу этого борьба с ними становится проблемой государственной важности.

Происхождение наркотиков

Человеку свойственно стремление к удовольствиям. Однако за многие из них приходится платить дорогой ценой: потерей здоровья, семьи, круга общения, деградацией личности, нести юридическую ответственность. Сказанное в наибольшей мере относится к наркотикам.

Термин «наркотик» происходит от греческого глагола *narkoo*, что означает «оцепенеть, сделаться нечувствительным». Название весьма условно, оно охватывает большую группу веществ с одним общим признаком – способностью вызывать зависимость.

Греческие вакханалии, религиозные праздники обитателей джунглей Амазонки или верховий Нила всегда ожидались народом с большим нетерпением, поскольку сопровождалась употреблением снадобий из различных растений, вызывающих эйфорию, беспричинную веселость, а затем странное оцепенение.

Природа щедро наделила флору растениями, способными вызывать подобную

реакцию. К наиболее известным из них относятся мак и конопля.

Мак снотворный – *Papaver somniferum* – является продуцентом опиатов, то есть морфина и кодеина. Собственно опиумом называется загустевший млечный сок – латекс, – выделяющийся при надрезах зеленых коробочек мака. Издавна опиум курили на Востоке, особенно в Гонконге и Сингапуре. Когда правители «Поднебесной империи», озаботившись распространением курения опиума, ввели ограничение на его продажу, разразилась «опийная война» 1839 – 1842 годов. Англичане пушками проббили свободу для торговли наркотиком и окончательно прибрали к рукам Гонконг – основную перевалочную базу опиума. С тех пор Европа не знала недостатка в дешевом сырье, из которого получали чистый морфин. Последний широко применяли в качестве обезболивающего, успокаивающего и снотворного средства; препараты опиума назначали при поносе, кашле, одышке.

В начале XIX века лучшие представители английской «золотой молодежи» пришли к отрицанию традиционного незатейливого развлечения отцов и дедов – неумеренного потребления алкоголя, характерного для самых высоких слоев общества. Осуждая старшее поколение за роковое пристрастие, они противопоставили ему более изысканное и утонченное наслаждение – курение опиума. Поэт Томас де Куинси, стремившийся избавиться от алкогольной зависимости, исключительно живо и ярко описал свои ощущения от другого вида опьянения – наркотического – и обосновал гипотезу лечения от алкоголизма с помощью опиума. В короткое время она приобрела множество последователей. Длинная курительная трубка для опиума так и осталась на полотнах известных мастеров в качестве атрибута денди из высшего света.

Для опиатов характерно состояние созерцательной эйфории, ложное ощущение осуществленности желаний, минимум двигательной активности. Грубая психопатология поначалу отсутствует, но быстро развивается, по мере привыкания к препарату.

Близкими, но несравненно более опасными, по действию к опию являются синтетические наркотики, из которых наиболее известны морфин и героин.

Конопля, *Cannabis sativa*, является полезнейшим растением, известным на Руси с незапамятных времен. Из ее стеблей изготавливали пеньку, из семян получали конопляное масло. В Средней Азии она столь же издавна служила сырьем для получения гашиша и марихуаны. Они, попадая в организм, воздействуют на область лимбической системы, где располагаются наиболее действенные центры удовольствия и, говоря в общем виде, угнетают сдерживающие механизмы – тормозит контроль. Поток обрушивающихся на мозг беспорядочных сигналов дезорганизирует психику; отражения внутреннего мира организма причудливо переплетаются с реалиями действительности, и возникают галлюцинации.

Справедливости ради следует отметить, что препараты конопли применяются при лечении бронхиальной астмы, глаукомы, в качестве противорвотных средств и т. д.

В широко известном романе Ч. Айтматова «Плаха» много места уделено описанию способов получения наркотика из конопли и его разрушающего действия на личность человека. Ученые, зная эту особенность конопли, еще с 30-х годов прошлого века занимались ее селекцией, направленной на увеличение выхода технического волокна и уменьшение содержания наркотика.

Особое место среди растений, продуцирующих наркотические вещества, занимают производители психотомиметиков, или галлюциногенов.

В пустынях Мексики растет небольшой кактус пейотль, или лофофор (*Peyote*). Он содержит набор алкалоидов, главный из которых мескалин. Ацтеки почитали пейотль как божественное растение, принося-

щее удачу, защищающее от болезней и гарантирующее долголетие. Не последнюю роль в обожествлении пейотля сыграли его свойства – возбуждать центральную нервную систему и вызывать красочные галлюцинации. Сейчас установлено, что мескалин вмешивается в нервные процессы мозга в тех зонах, раздражение которых вызывает удовольствие.

Там же, в Южной Америке, популярен гриб *Psilocybe mexicana*, обладающий еще более выраженным галлюциногенным действием благодаря присутствию в нем алкалоида псилоцибина.

Мицелий гриба из порядка Гипокрейные, вызывающий болезнь различных злаков – спорынью, разрастается в завязи колоса, и вместо зерна образуются склероции. В 1943 году швейцарский биохимик А. Гофман, изучая алкалоиды склероций, обнаружил, что они вызывают фантастические видения и потерю чувства реальности. Синтезированные впоследствии, эти алкалоиды получили в комплексе название ЛСД.

Кроме наркотических и галлюциногенов, существуют растения, стимулирующие центральную нервную систему, так называемые психостимуляторы.

Как повествует легенда, африканские пастухи, заметив, что козы, отведав листьев кофейного дерева *Coffea arabica*, приходят в возбуждение, решили последовать их примеру. Выяснилось, что растение снимает усталость и улучшает настроение. Таким образом был открыт широко распространенный психостимулятор – кофе.

Шоколадное дерево, или какао (*Theobroma*) относится к семейству Стрекулиевые, представители которого произрастают исключительно в тропических и субтропических лесах. Плоды какао – ягоды удлиненной формы с заостренным концом – прикрепляются пучками к стволу. Они содержат до 50 % жира, около 15 % азотистых веществ и алкалоид теобромин, использующийся в медицине.

К этому же семейству относится дерево кола (*Cola Schott et Endl.*), семена которого, называемые «орехи кола», содержат

кофеин и теобромин. Из семян приготавливаются настойки (например кока-кола) и соки, действующие возбуждающе, снимающие утомление и депрессию.

На высокогорьях Африканского Рога и юге Аравийского полуострова произрастает древовидный кустарник *Сапта edulis*. Для местного населения дружеские вечеринки, на которых жуют кат, так же естественны, как званые обеды в Европе. В молодых зеленых ветвях и листьях ката имеется алкалоид катинон, стимулирующий эмоциональное возбуждение, повышающий умственную и физическую работоспособность.

Жертвы наркотиков

Употребление наркотиков, как правило, и начинается со стремления снять стресс и улучшить настроение. Сама наркотическая эйфория длится от одной до пяти минут; остальные 1 – 3 часа человек находится в фазе расслабления и успокоения, переходящей в дремоту, состояние бреда и сна. Доза постоянно растет, наркотик становится необходимым.

Спрос порождает предложение. В мире работает целая индустрия производства наркотических веществ. На смену более «безобидным», мягким, наркотикам растительного происхождения пришли героин, первертин, «экстази», ЛСД. Многие творческие натуры, использовавшие наркотическое опьянение для стимуляции вдохновения, погибли в расцвете творческих сил: В. Ван Гог, Модильяни, Мэрилин Монро и многие другие. Михаил Булгаков едва не повторил их судьбу, но сумел вовремя остановиться. Он описал свои жуткие ощущения в небольшом произведении «Морфий».

Жертвами наркотиков стали А. Башлачёв, Дж. Белуши, Джим Морриссон и многие другие. Список погибших настолько велик, что его невозможно привести в небольшой статье.

Наркоманы погибают в основном от отека мозга или от отказа почек, печени.

Наркоманы находятся в группе риска заболевания гепатитом и СПИДом.

Вот как описывают наркомана специалисты: «...бессоница и бледность, необычно широкие зрачки и маскообразное, лишенное привычной мимики, застывшее лицо, сухость слизистых оболочек, дрожащие, с исколотыми венами руки, многочасовая зевота, частое чихание и постоянно заложенный сопливый нос».

Очень скоро употребление наркотиков приводит к общему истощению организма. Человек худеет, его кожа приобретает желтоватый оттенок, появляются ломкость ногтей и волос, полная и необратимая импотенция. Наступает преждевременное старение с признаками слабоумия.

Наркомания считается неизлечимой болезнью. Успех лечения бывает лишь кажущимся и имеет временный характер. Наркотические вещества откладываются у людей в тканях и, даже если перестать употреблять их, остаются в организме не один год. Остаточные количества наркотических веществ постоянно требуют очередную «дозу», организм вовлекается в замкнутый круг. Единственная возможность спастись – вовремя остановиться, а лучше – вовсе не начинать.

Наркомания стала настолько опасной для самого существования нации, что необходимо принимать экстренные меры.

Мир против наркотиков

Существуют различные национальные модели борьбы с наркоманией. Одни страны – Малайзия, Иран, Пакистан, Китай – проводят карательную политику по отношению к употребляющим наркотики, вплоть до смертной казни. Тем не менее, несмотря на крайние меры, количество преступлений, связанных с наркотиками, в этих странах ежегодно возрастает.

Соединенные Штаты, Великобритания и Франция относятся к группе «жесткого контроля». Например, законодательством большинства штатов США предусмотрено наказание не только за хранение и употребление наркотиков, но даже за попытку их приобретения. В Англии и Франции наркоманов в судебном порядке отправляют на

принудительное лечение. В последние годы антинаркотические меры еще больше ужесточились.

Правительство стало выделять крупные суммы структурам, помогающим борьбе с наркотиками.

Пропаганда здорового образа жизни в конформистской Америке приняла огромные масштабы: стало неприлично «колоться», принимать «колёса» и «ловить кайф» иными подобными способами. Число людей, употребляющих наркотики, сократилось почти вдвое.

Самые либеральные государства по отношению к наркотикам – Голландия и Швейцария. Голландское правительство считает, что может эффективно контролировать наркоманов, поскольку в стране нет собственного сырья и баз для производства наркотиков.

Испания пошла по голландскому пути, и за десять лет число зарегистрированных наркоманов возросло в 8 раз, достигнув почти двух миллионов человек.

Россия наконец начинает осознавать масштабы бедствия, грозящего будущему государства. Наркомания – это гибель нации: это не только распад личности, но и потеря генофонда, поскольку употребление наркотика внутривенно в 97 % случаев чревато ВИЧ-инфекцией.

Правовые меры борьбы с наркоманией в России

Еще в начале 90-х годов прошлого века считалось, что наркомании у нас в стране нет, а Москва тем временем весьма активно употребляла медицинский препарат циклодол – галлюциноген, напоминающий своим действием печально известный ЛСД. Циклодол не упоминался в действующем в то время «Решении Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве СССР» от 14 ноября 1986 года, содержащем Список наркотических веществ и поэтому не вызывал тревоги правоохранительных органов. Пользуясь отсутствием в Списке многих веществ, прибыльный бизнес распространения наркотиков осваивали отдельные

лица и группы лиц. Проблема стала выходить из-под контроля.

Разнообразие наркотических препаратов вызвало к жизни появление «Перечня наркотических веществ, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации», утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681. В него вошло большое количество веществ, хотя бы частично обладающих наркотическим действием, за распространение которых следовали уголовные санкции.

Однако джинн уже был выпущен из бутылки.

Быстро сформировавшаяся российская организованная преступность обратила пристальное внимание на этот вид бизнеса. Преступные группировки, сделавшие наркобизнес источником своих доходов, стали вовлекать в потребление наркотиков все новых членов, стремятся к распространению наркомании и способствуют этому самыми разными средствами. В прекрасно оборудованных подпольных лабораториях растет производство синтетических наркотиков; подвергаются обработке известные лекарственные средства: появляются всевозможные «креки» и «джефы», синтезируются новые соединения, гипнотизирующие простаков своими подпольными кличками – «Ева», «ангельская пыль» и пр. Увеличиваются территории, занятые посевами мака и конопли.

Четко прослеживается связь российских группировок с международными преступными организациями, специализирующимися на торговле наркотиками. На нашем наркорынке появились нехарактерные для России кокаин и героин. В последние годы в дело пошел дешевый, так называемый «иранский героин», который можно назвать ядом не в переносном, а в прямом смысле.

Эффективная борьба с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств, зависит от политики государства.

Основной удар должен быть нанесен не наркоманам, а лицам, занимающимся распространением и сбытом наркотиков и

вовлечением новых жертв в их потребление. К этой группе можно отнести и лиц, незаконно культивирующих запрещенные к возделыванию растения, содержащие наркотические вещества (ст. 231 УК РФ); организующих либо содержащих притоны для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232 УК РФ); склоняющих к их потреблению (ст. 230 УК РФ).

Уголовным кодексом впервые предусмотрена ответственность за незаконный оборот психотропных средств (ст. 234 УК РФ). Установлена уголовная ответственность за нарушение правил оборота веществ, инструментов, оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под особым контролем. Особенно важно, что субъектом данного преступления является не должностное, а любое лицо, в обязанности которого входит соблюдение соответствующих правил.

Однако по сравнению с прежним УК СССР санкции по статьям 228 – 234 УК РФ показывают, что произошедшие в законодательстве изменения направлены, прежде всего, на лиц, приобретающих и хранящих незначительное количество наркотика для личного употребления. Ответственность же лиц, занимающихся незаконным оборотом крупных партий наркотических веществ, не изменилась.

Понижена санкция за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ. Если раньше совершение данного преступления без отягчающих обстоятельств могло повлечь лишение свободы на срок до 5 лет, а с отягчающими обстоятельствами – до 10 лет, то теперь соответственно – до 3 лет и от 3 до 8 лет.

Ответственность за организацию либо содержание притонов для потребления наркотических средств дополнена квалифицирующим признаком – совершение данного преступления организованной группой. Но и в этом случае нижняя и верхняя границы санкции снижены соответственно на 2 и 3 года лишения свободы.

Прежнее законодательство помимо ответственности за незаконный оборот нар-

котических средств предусматривало различные виды ответственности за незаконный оборот наркотиков в небольших и крупных размерах. Новый закон, исключив понятие «небольшой размер», ввел понятие «особо крупный размер». Для разных веществ эти размеры неодинаковы.

Например, согласно перечню Постоянного комитета по контролю за наркотиками количество гашиша весом включительно до 100 граммов образует крупный размер, а свыше 100 граммов – особо крупный. Вес кодеина от 0,2 до 10 граммов является крупным, а свыше – особо крупным. Вместе с тем понятие «небольшой объем» в указанном перечне вообще отсутствует. Это также означает, что изменения, произошедшие в уголовном законодательстве, направлены прежде всего на потребителей наркотиков, а торговцы и распространители отделяются небольшими сроками.

Не потому ли так «гуманны» наши законы, что в самой милиции есть и сбытчики наркотиков, и их пособники, и просто наркоманы? По принципу случайной выборки были обследованы 300 работников милиции. В моче 117 из них обнаружены следовые количества опиатов.

В колониях «дурь» стоит дешевле, чем на воле: опий продают работники и охранники зоны.

На место одного арестованного продавца наркотиков готовы встать 10 новых. Один сотрудник милиции, вовлеченный в торговлю наркотиками, сводит на нет огромные суммы и грандиозные усилия, вложенные в борьбу с наркотиками.

Что делать?

Общество привыкло к существованию наркоманов, наркомании и наркомафии. Бетселлеры и боевики со своих страниц и экранов ТВ внушают, что «люди гибнут за наркотики», все завязано на них: лощеный государственный муж не может выдать блестящую речь, предварительно не «ширнув-шись»; певец, любимец народа, лечится в закрытой клинике в Швейцарии; красавица-актриса «села на иглу»... Эти банки, эти

особняки, эти офисы выстроены на «героиневые» деньги... А мы так уважали их владельцев, борцов за народное счастье, за их бескорыстие и бескомпромиссность!

Да, уровень жизни в России таков, что найдутся отчаявшиеся маргиналы, готовые отдать свою жизнь, сплошь состоящую из «свинцовых мерзостей», за лишнюю дозу. Но ведь множество благополучных, казалось бы, людей тоже не чуждо этого порока.

Возникает традиционный для России вопрос: что же делать?

На наш взгляд, наиболее действенными мерами должны стать следующие:

- жестокое, вплоть до пожизненного заключения, наказание для должностных лиц, принимающих участие в обороте наркотиков;

- ужесточение мер уголовной ответственности для торговцев и распространителей наркотиков;

- усиление таможенного контроля за ввозом в Россию наркотиков;

- расширение пропаганды среди молодежи против употребления наркотиков.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

С.М. МАКАРЕНКО, *ст. преподаватель кафедры права МГУЛа*

Конституция Российской Федерации 1993 года признаёт и защищает равным образом государственную, муниципальную, частную и иные формы собственности.

Каждый собственник имеет право свободно использовать свое имущество для предпринимательской и другой не запрещенной законом деятельности. Конституцией допускается принудительное отчуждение имущества для нужд государства (реквизиция) только при условии предварительного и равноценного возмещения. Такое изъятие имущества производится только по решению суда. Иное изъятие имущества запрещено (ст.34 часть 1, ст. 35 Конституции РФ).

В Российской Федерации запрещено издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. В то же время права и свободы могут быть ограничены федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства. В условиях чрезвычайного положения в соответствии с федеральным конституционным законом отдельные ограничения прав и свобод устанавливаются с указанием пределов и срока их действия. Ряд прав человека и гра-

жданина не подлежит ограничению ни при каких условиях. Среди них – и право экономической свободы, предусмотренное частью 1 ст. 34 Конституции.

За годы становления российского законодательства принят ряд законов, предусматривающих принудительное отчуждение имущества для нужд государства в условиях чрезвычайного и военного положения. Среди них:

- Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (пункт «в» статьи 13);

- Федеральный конституционный закон от 16 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (подпункт 7 пункта 2 статьи 7);

- Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (пункты 1, 2 статьи 9, пункт 1 статьи 10);

- Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года (глава VII).

А Федеральный конституционный закон «О военном положении» (пункт 1 статьи 8) допускает временное изменение формы собственности в период действия военного

положения в целях производства продукции, выполнения работ или оказания услуг для государственных нужд, при этом не только на территориях, на которых введено чрезвычайное положение. Открытым остается и вопрос защиты инвестиций вследствие допустимости введения ограничений на осуществление финансовой деятельности.

Вопросы возмещения государством убытков, понесенных гражданами и организациями в связи с принудительным отчуждением имущества, согласно указанным законам отнесены к компетенции Правительства Российской Федерации.

Каких-либо законов и нормативных актов правительства, определяющих порядок возмещения убытков, связанных с принудительным отчуждением имущества, временным изменением форм собственности и ограничением инвестиционной деятельности в настоящее время не существует.

Практически все перечисленные законы содержат нормы права, предусматривающие последующую выплату государством стоимости изъятого имущества и возмещение убытков при временном изъятии собственности для нужд государства, а в некоторых случаях – только право собственни-

ка на последующее возмещение ущерба, что прямо противоречит Конституции РФ.

Ни указанные федеральные законы, ни иные действующие в настоящее время нормативные акты (Гражданский кодекс РФ, ст. 242), не содержат правовых последствий ограничения имущественных прав собственников в чрезвычайных условиях как российских граждан, так и иностранцев. Кроме того, они еще и противоречат основному закону – Конституции РФ.

Наличие правовых пробелов и правового вакуума в законодательстве, регулирующем вопросы защиты прав собственности, повышает риски инвестиционных проектов в объекты, которые в чрезвычайных условиях с большой степенью вероятности могут быть реквизированы.

Таким образом, приведение законодательства в соответствие с конституционными нормами и выработка правового механизма выплаты государством стоимости изъятого имущества и возмещения убытков при временном изъятии собственности для нужд государства или изменении ее формы являются актуальными проблемами защиты прав собственности.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.А. ПОПОВ, *ст. преподаватель кафедры права МГУЛа*

Сложившаяся экологическая ситуация требует обратить особое внимание на наиболее опасные проявления, угрожающие экологической безопасности. Такими проявлениями являются экологические преступления, несущие в себе серьезную угрозу природной среде.

По мнению Э.Н. Жевлакова; «...настала пора взглянуть на экологические преступления не как на деяния, истощающие природные блага, даруемые природой, а как на преступления, подрывающие биологическую основу существования, обеспечения

здоровья и жизнедеятельности всего живого на земле».[1]

Ввиду этого особую значимость приобретает информация о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях, причиняющих вред природной среде. В правовых работах о методах и тактике борьбы с преступностью такую информацию называют оперативной, или оперативно-розыскной, информацией.

Оперативно-розыскная информация является разновидностью социальной информации, специфичной по цели получения

(борьба с преступностью), методам получения и режиму использования, обеспечивающему конспирацию, надежную зашифровку источников, возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только заинтересованными работниками. [2]

Оперативно-розыскная информация включает знания о явлениях, которые не только свидетельствуют о деятельности, нарушающей экологическое законодательство, но и раскрывают механизм возникновения информации о ней.

Получение информации о явлениях, порождающих, сопутствующих и характеризующих экологическую преступность, можно рассматривать как процесс приобретения специальными методами и средствами знаний о неизвестном. С помощью оперативно-розыскной информации происходит познание неизвестных фактов и событий как непосредственно составляющих предмет доказывания – время, место совершения преступления, виновность в совершенном преступлении, способ преступных действий и др., – так и явлений, косвенно связанных с событием преступления, но из которых можно сделать вывод об искомых по делу фактах.

С помощью оперативно-розыскной информации познаются как события прошлого, так и события настоящего; могут познаваться также вероятные прогнозируемые явления, устанавливаются факты и определенные зависимости между ними: следование фактов и событий во времени, одновременность, взаимоисключение, сопутствие, детерминация с прошлым, настоящим и будущим.

Значение оперативно-розыскной информации состоит в том, чтобы познать скрытый механизм развития противоправного деяния, причиняющего вред природной среде. Поэтому содержание информации должно выходить за рамки очевидных фактов, углубляясь до познания тщательно маскируемых поступков, поведения, намерений, общения, взглядов.

Оперативно-розыскную информацию получают в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, проводимых субъ-

ектами оперативно-розыскной деятельности. Оперативно-розыскная деятельность (далее ОРД) прежде всего направлена на получение оперативной информации, которая способствовала бы предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, предотвращению угроз национальной безопасности. Одной из задач ОРД в соответствии со ст. 2 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» является добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу экологической безопасности Российской Федерации. Таким образом, подразделения, наделенные полномочиями по осуществлению ОРД, должны принимать непосредственное участие в информационном обеспечении экологической безопасности.

Перечень органов, осуществляющих ОРД, установлен ст. 13 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Вопрос об оперативно-розыскной подведомственности преимущественно определяется уголовно-правовым характером общественно-опасного посягательства. В основном экологические преступления подведомственны двум правоохранительным ведомствам: прокуратуре и органам внутренних дел.

Поскольку органы прокуратуры не осуществляют оперативно-розыскную деятельность, задачу по сбору оперативной информации в экосфере в целях информационного обеспечения экологической безопасности должны взять на себя органы внутренних дел. Пока эта задача за ОВД не закреплена. Это вызвано прежде всего тем, что обеспечение безопасности традиционно отнесено к органам федеральной службы безопасности России. Однако эта служба не осуществляет производства по экологическим преступлениям, кроме случаев терроризма с экологическими последствиями.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством следователи органов внутренних дел расследуют: уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ (ст. 259 УК); квалифицированные виды незаконной порубки леса и кустарников (ч. 2 и ч. 3 ст. 260 УК); квалифицированные виды

уничтожения или повреждения лесов (ч. 2 ст. 261 УК).

Дознавателями органов внутренних дел проводится дознание по делам: о загрязнении вод без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 250 УК); о загрязнении атмосферы без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 251 УК); о загрязнении морской среды без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 252 УК); о порче земли без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 254 УК); о незаконной добыче водных животных и растений (ст. 256 УК); о нарушении правил охраны рыбных запасов (ст. 257 УК); о незаконной охоте (ст. 258 УК); о незаконной порубке леса и кустарников без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 260 УК); об уничтожении или повреждении лесов без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 261 УК); о нарушении режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК).

Как видим, органам внутренних дел подведомственно 17 составов экологических преступлений.

Такая ситуация требует создания в системе ОВД специального подразделения, призванного вести производство по уголовным делам об экологических преступлениях и осуществлять ОРД в полном объеме в целях обеспечения экологической безопасности государства. Во многих регионах уже созданы подразделения экологической милиции, но они относятся к милиции общественной безопасности и могут осуществлять ОРД лишь в ограниченном объеме.

Необходимо учитывать, что большое число экологических составов отнесено теперь к дознанию. Конечно, ОРД прежде всего направлена на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, по которым ведется предварительное следствие. Но в соответствии со ст. 7 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскные мероприятия (далее ОРМ) могут проводиться и при получении сведений о признаках совершаемого или совершенного любого противоправного деяния, а также при наличии возбужденного уголов-

ного дела, которое может расследоваться и в форме дознания.

Сокращение сроков дознания до 15 дней делает нелегкой задачу сбора достаточных доказательств. И здесь положительную роль призвано сыграть оперативное сопровождение дознания по экологическим преступлениям. Ведь результаты ОРД могут послужить поводом и основанием как для возбуждения уголовного дела по экологическому преступлению, так и для подготовки и осуществления отдельных следственных действий.

Но при этом следует помнить, что ОРМ, затрагивающие конституционные права и свободы граждан – контроль почтовых, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, обследование жилища, – могут проводиться только в следующих случаях:

- при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;

- при наличии информации о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправные деяния, по которым производство предварительного следствия обязательно;

- при наличии информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

В первых двух случаях ОРМ, ограничивающие права граждан, невозможно использовать, когда по экологическим преступлениям проводится дознание, хотя необходимость в таких ОРМ может быть. Поэтому представляется возможным возложить обеспечение экологической безопасности также на органы внутренних дел, что позволит им проводить вышеуказанные ОРМ при получении информации о событиях или действиях, создающих угрозу экологической безопасности Российской Федерации.

Некоторые экологические преступления имеют латентный характер. Без проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий сбор необходимых сведений, составляющих предмет доказывания, становится затруднительным. Значение оперативной информации в процессе доказывания выражается в том, что она определяет факты, предметы и вещи, которые могут быть доказательствами; указывает на людей и документы, которые могут стать источниками доказательств.

Получение оперативной информации необходимо для ориентирования уголовного процесса. Органы, осуществляющие ОРД, помогают следственному аппарату и дознанию отыскать среди множества нагроможденных фактов те, которые связаны с совершением экологического преступления. Без оперативно-розыскных мероприятий следственные органы устанавливают истину вслепую. Поэтому оперативно-розыскные подразделения выступают в качестве «поводыря» следственного аппарата.

Оперативная информация служит установлению обстоятельств совершенного преступления и получению данных о доказательствах. Кроме того, оперативно-розыскная информация выполняет еще одну немаловажную задачу. В уголовно-процессуальном праве создана концепция познаваемости объективной истины в процессе уголовного судопроизводства, без познания которой невозможно принять правильное судебное решение.

Но процессуальная форма, регламентирующая ряд тактических и методических аспектов уголовно-процессуальной деятельности, не всегда может обеспечить гарантии познания истины по делу при столкновении с фактами маскировки, лжесвидетельствования, сокрытия известных обстоятельств недобросовестными свидетелями. Здесь необходимо негласное проникновение в эту сферу специфических отношений с целью констатации осведомленности об экологическом преступлении отдельных лиц, обнаружения предметов, которые могут стать вещественными доказательствами по делу. Поэтому оперативно-розыскная информация стано-

вится гарантом достоверности истины по уголовным делам.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в информационном обеспечении экологической безопасности следует использовать методы и средства ОРД. Однако на практике оперативно-розыскная информация в борьбе с экологическими противоправными деяниями и в обеспечении экологической безопасности в целом используется крайне редко. Причинами этого являются недостатки действующего законодательства и несовершенство организационно-правовой системы обеспечения экологической безопасности.

В условиях, когда экологическая ситуация ежегодно ухудшается, необходимо форсировать совершенствование системы обеспечения экологической безопасности. Одним из элементов этой системы следует считать органы, осуществляющие ОРД, и прежде всего ОВД. Но плохое материальное обеспечение ОВД не даст возможности успешно вести борьбу с экологической преступностью. Загруженность ОВД другими категориями дел не позволяет территориальным органам внутренних дел вести эффективную борьбу с экологическими правонарушениями и поэтому требуется создание специальной службы экологической безопасности в системе МВД России.

Некоторая правовая база для этого уже существует. Так, органы внутренних дел полномочны: осуществлять административное производство; проводить предварительное расследование по многим экологическим преступлениям; осуществлять оперативно-розыскную деятельность; проводить экспертизы по уголовным делам и делам об административных правонарушениях; проводить карантинные мероприятия во время эпидемий и эпизоотий; проводить мероприятия по нейтрализации последствий аварий, катастроф и стихийных бедствий. Кроме того, в некоторых регионах уже созданы подразделения экологической милиции.

Служба экологической безопасности МВД РФ должна включать в свою структуру подразделения, осуществляющие оператив-

но-розыскную деятельность в полном объеме; экспертные подразделения, которые будут проводить судебно-экологическую экспертизу, необходимую для административного и уголовного производства; следственные подразделения для ведения дел по экологическим преступлениям; отряды милиции особого назначения для проведения экологических рейдов и других мероприятий.

Для обеспечения независимости своей деятельности отделы и отделения экологической безопасности в регионах не должны подчиняться территориальным органам внутренних дел. Вертикальное подчинение подразделений на местах только Управлению экологической безопасности МВД РФ позволит исключить давление со стороны местных властей и обеспечит приоритет экологических интересов над экономическими.

Для реализации вышеизложенных предложений необходимо разработать положение «Об Управлении экологической безо-

пасности МВД РФ», внести соответствующие изменения и дополнения в Закон «О милиции», в Закон «Об охране окружающей среды», в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в положение «О Министерстве внутренних дел России» и другие нормативные акты.

Но даже если в структуре МВД будет создано Управление экологической безопасности, возникнет проблема в кадрах. Поэтому уже сейчас следует задуматься о подготовке экспертов, проводящих судебно-экологическую экспертизу, и юристов-экологов с оперативно-розыскной специализацией.

Литература

1. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления и экологическая преступность: Учебное пособие. – М.: Белые альвы, 1996. – С. 3.
2. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 621.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.В. МАСЛОВ, *ст. преподаватель кафедры права МГУЛа*

При рассмотрении вопроса о правовом регулировании формирования экологической культуры следует отметить, что организация и развитие системы экологического образования, а также формирование экологической культуры относятся к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации соответственно на всей территории страны и на территориях субъектов Федерации [1].

В данном законодательстве (Федеральный закон «Об охране окружающей среды», отдельная глава «Основы формирования экологической культуры» [2]) подчеркнута юридическая значимость вопросов формирования экологической культуры и впервые предусмотрены и выделены сле-

дующие четыре основополагающих принципа формирования экологической культуры:

- 1) всеобщность и комплексность экологического образования;
- 2) воспитание бережного отношения к природе;
- 3) рациональное использование природных ресурсов;
- 4) распространение экологических знаний и информации через средства массовой информации, музеи, библиотеки, учреждения культуры, природоохранные учреждения, организации спорта и туризма.

Таким образом, приведенный акт экологического законодательства содержит норму о том, что любая хозяйственная и иная деятельность субъектов права, которая оказывает воздействие на окружающую

среду (как правило, негативное), должна быть основана на воспитании и формировании у личности и в обществе экологической культуры – одним из базовых, основополагающих принципов охраны окружающей среды [1].

Следует отметить, что вопрос о правовом регулировании отношений, возникающих в процессе формирования экологической культуры в российском законодательстве, именно этим перечислением упомянутых выше принципов концептуальных и декларативных положений практически полностью исчерпывается.

Из общей теории права известно, что не все общественные отношения могут быть урегулированы правовыми нормами. Соблюдение социальных норм во многом зависит как от состояния законности и правопорядка в стране и в обществе, так и от уровня правосознания каждой личности.

Так, например, хотя экологические правонарушения влекут за собой юридическую ответственность, одна из целей которой – предотвращение новых экологических правонарушений, мы видим, что на практике часто совершаются все новые и новые экологические правонарушения и даже преступления, а число их неуклонно растет.

Очевидно также, что выполнение норм права, регулирующих отношения в сфере использования и охраны окружающей среды, немыслимо без надлежащей экологической культуры поведения субъектов права. Недаром в российском законодательстве многократно отмечался низкий уровень экологического сознания и экологической культуры, как со стороны должностных и начальствующих лиц, так и населения страны [3], [4].

Таким образом, формирование экологической культуры, как неперемного элемента правовой культуры, должно быть результатом деятельности по формированию в обществе правового сознания и правомерного поведения, направленных на предупреждение, прежде всего, экологических правонарушений. В свою очередь, по-

вышение экологической культуры населения, уровня его экологического воспитания, просвещения и образования – роста экологических знаний – является одним из важных путей достижения целей государственной политики в области экологии [3].

В российском обществе необходимо развивать и укреплять осознание того, что природные богатства не беспредельны. Важно, чтобы в прошлое ушло представление о возможности брать от природы как можно больше, не давая ничего взамен. Современное общество не имеет права жить за счет будущих поколений. Оно обязано сохранить и оставить природу грядущим поколениям не только сохраненной, но и обогащенной.

Варварски-иждивенческое отношение к природе является вредным и отсталым анахронизмом, противоречащим коренным национальным интересам, интересам каждой личности и общества в целом.

Без «экологизации» общественного сознания путем формирования экологической культуры, без экологического воспитания, просвещения и образования невозможно создать современное цивилизованное гражданское общество [5], как и невозможно добиться выполнения требований законодательства об охране природы [6].

Представляется, что создание законопроекта Федерального закона «Об экологической культуре», внесение его в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, последующее введение его в действие и выполнение будут способствовать формированию необходимых элементов экологической культуры для широких кругов населения Российской Федерации с вытекающими отсюда положительными результатами для страны, общества и населения.

На основании сказанного можно сделать вывод, что основные принципы формирования экологической культуры должны сводиться к следующему:

– развертывание общественного экологического движения Российской Фе-

дерации с максимальным охватом широких слоев населения;

– широкое распространение экологической информации о состоянии окружающей среды, природных ресурсов и экологической безопасности;

– координация деятельности и консолидация усилий государственных, общественных и частных экологических структур, а также передовой части национально-бизнеса;

– участие в международных экологических программах и т. д.

Формирование экологической культуры не может не учитывать и религиозного фактора, исходя из того, что российскому обществу присуща многоконфессиональность.

Основными целями активного влияния экологической культуры на правовое сознание личности и общества в связи с этим являются:

– повышение правовой ответственности и статуса юридических обязанностей на основе морально-правовых принципов, начал и ценностей по отношению к окружающей среде обитания;

– преодоление пренебрежительного отношения к праву, правового нигилизма и правовой пассивности;

– повышение уровня правосознания и законности не только у чиновников, руководящих работников, сотрудников правоприменительных органов, но и у самых широких слоев населения;

– создание системы всеобщего и комплексного экологического образования, продекларированной Федеральным законом «Об охране окружающей среды»;

– формирование экологических знаний, образования и культуры.

Экологическая культура должна стать приоритетом в развивающемся эко-

логическом законодательстве, и его реализации – неотъемлемая часть правовой культуры общества, включающей в себя систему взаимодействия общества с окружающей природной средой. Она является условием развития культуры личности и культуры общества, обеспечения духовного роста общества, его устойчивого социально-экономического развития, экологической безопасности страны и каждого ее гражданина.

Литература

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7 -ФЗ «Об охране окружающей среды» ст. 5, 6 // СЗ РФ от 14 января 2002 г., № 2.
2. С.А. Боголюбов. Новый Федеральный закон Об охране окружающей среды // Журнал российского права. – 2002. – № 6
3. Распоряжение Правительства РФ «Об одобрении экологической доктрины РФ» от 31 августа 2002 г. N 1225-р// СЗ РФ от 09.09.2002 ст. 3510
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации 2001 году // Российская газета., № 111, 22.06.2002 г.
5. Керимов А.Д. К вопросу о формировании в России гражданского общества // Гражданин и право. – 2002. – № 3.
6. Комментарий к Закону Российской Федерации об охране окружающей природной среды (по разделам) под ред. С.А. Боголюбова // М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. С. 47.
7. ФЗ «Об охране окружающей среды».
8. Экологическая культура и образование: опыт России и Югославии / Под ред. С.Н. Глазачева, В.И. Данилова-Данильяна, Данило, Ж. Марковича. – М., 1998.
9. Ясвин В.А.. История и психология формирования экологической культуры. (Удобно ли сидеть на вершине пирамиды?). – М., 1999.
10. Сальников В.П. Правовая культура. Теория государства и права. Курс лекций/ Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1999.– 672 с.
11. Байниязов Р.С. Мировоззренческие основы общероссийской правовой идеологии // Журнал российского права. – 2001. – № 11.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЕЛАХ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ ГК РФ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ О ДОГОВОРЕ

В.В. ПИВУЛЬСКИЙ, *ст. преподаватель кафедры права МГУЛа*

Предмет договора, именуемый еще иначе объект сделки, — существенное условие всякого возмездного договора. Предмет договора — это самая главная его часть, без чего договор считается недействительным. Без предмета договора невозможен договор купли-продажи, поставки, мены, перевозки, поручения.

При заключении сделки необходимо указать точное и наиболее употребительное название товара, не допускающее при этом подмены, а также, при необходимости, наделить товар определенными характеристиками и отличительными признаками. Если же товар обладает сложными техническими свойствами, то в договор включаются специальные разделы, именуемые «Технические условия» или «Техническая спецификация». Обычно в контракте они идут под названием «Приложения», под соответствующими номерами, с указанием, к какому конкретно договору, под каким номером и от какого числа, месяца и года относится означенное приложение. Причем в тексте контракта делается оговорка: «Приложение № 1 от 23.02.2003 года (Спецификация на товары) является неотъемлемой частью настоящего договора».

Согласно ст. 469 ГК РФ продавец не только должен, но и обязан передать покупателю товар, обладающий надлежащим качеством, обусловленный договором либо определяемыми целями, для которых такой товар используется и «в пределах разумного срока» будет пригоден для этих целей. Однако даже в том случае, когда в контракте отсутствуют специальные требования к качеству, в силу прямого предписания закона (п. 1 ст. 470 ГК РФ) будет действовать общее правило о гарантии продавцом качества товара. Что означает *абсолютную ответственность продавца* за все недостатки то-

вара, если только будет доказано, что они возникли до передачи товара или хотя бы позднее, но по причинам, уже существовавшим к моменту его передачи (п. 1 ст. 476 ГК РФ). Законодатель последовательно усложняет положение продавца в вопросах ответственности. Продавец не может ссылаться ни на скрытый характер недостатков товара или иное отсутствие своей вины, ни на явную очевидность этих недостатков для покупателя, в том числе на вину своих субпоставщиков либо на другие причины.

Итак, отсутствие в договоре указаний о предмете договора, а также иных обязательных для конкретного договора условий в силу ст. 168 ГК влечет ничтожность указанного контракта (договора).

Именно в вопросе признания вышеозначенного вида договора как сделки ничтожной и кроется определенный пробел. В наиболее упрощенном виде этот пробел сводится к следующим моментам.

1. В силу Гражданского кодекса ничтожные сделки признаются таковыми без решения суда. При этом следует знать, что «...трудности в использовании данной нормы возникают главным образом при рассмотрении экономических споров в судах, когда признание сделки ничтожной или оспоримой не является предметом исковых требований, однако в ходе судебного разбирательства устанавливаются факт ничтожности сделки, связанной с возникшим спором, и правовые последствия ее недействительности. В этом случае нет ясности в правоприменительной практике, хотя она и изобилует подобными ситуациями».

2. Гражданский кодекс не раскрывает понятия «предмет договора», в связи с чем приходится обращаться к теории права. «Предметом договора являются вещи, вклю-

чая ценные бумаги, недвижимость, имущественные права и другие объекты гражданских прав». Такое определение создает трудности в обозначении предмета в договорах смешанного типа и даже в классических видах договоров.

Таким образом, анализ не раскрытого до конца в законодательстве понятия «предмет договора» обязывает предпринимателей обозначить в его тексте предмет и условия, индивидуализируя их применительно к конкретному виду заключаемого контракта. Это даст гарантию избежать признания договора недействительным.

Статья 424 в Гражданском кодексе РФ имеет название «Цена». Пункт 3 этой статьи гласит: «В случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора может быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы и услуги».

Как усматривается из формулировки п. 3 ст. 424 ГК, закон допускает сторонам возмездного договора не указывать цену за товары, работы и услуги. Что это означает практически? Фирма «А» отгрузила фирме «С» один вагон стрйматериалов, а цену ни в договоре, ни в ж.-д. накладной не указала, хотя часть товара и оплачена, но неизвестно в каком объеме. Как быть?

Исходя из толкования п. 3 ст. 424 ГК контрагенты (фирмы «А» и «С») не нарушили закона. А с точки зрения ГНИ отсутствие цены в договоре — нарушение налогового законодательства.

Налицо коллизия норм гражданского и налогового законодательства.

Законодатель в п. 3 ст. 424 ГК делает оговорку: «... исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги». Однако далее во всем Гражданском кодексе мы не найдем «расшифровки» определений: «сравнимые обстоятельства», «аналогичные товары». Как же быть руководству фирмы

«А», которая хотя и получила от фирмы «С» большую часть оплаты за товар, но цену в договоре не указала, опираясь на положение пункта 3 ст. 424 ГК? Надо ли предъявлять иск и доказывать соразмерность, истинность цены, исходя из сравнимых обстоятельств?!

Цена в большинстве видов договоров хотя и не отнесена к существенным его условиям и дана лишь в виде общего правила, но именно на счет цены имеются исключения. Цена должна быть письменно согласована сторонами:

- по договору купли-продажи недвижимости (ст. 555 ГК);
- по договору поставки для государственных нужд (ст. 532 ГК);
- при продаже товаров в кредит с рассрочкой платежа (п. 1 ст. 489 ГК);
- одинаковая цена должна быть указана для всех потребителей в публичном договоре (п. 1 ст. 426 ГК);
- отдельные правила о цене устанавливаются по договору купли-продажи (ст. 485 ГК), подряда (ст. 709 ГК) и в других случаях, указанных в ГК.

В некоторых случаях закон заставляет участников контракта заключать возмездный договор с указанием цены, чего не видно ни из текста пункта 3 ст. 424 ГК, ни из самого анализа ст. 424, имеющей обобщенное название «Цена».

С точки зрения юридической техники построения конструкции всей ст. 424 ГК, — это вряд ли оправданно. Статья, имеющая название «Цена», да еще расположенная в разделе «Общие положения о договоре», на наш взгляд, должна иметь как минимум бланкетную (отсылочную) оговорку: «За исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом и (или) законом».

Данная формулировка облегчит правоприменение ст. 424 ГК РФ и уменьшит количество арбитражных споров по установлению цены с «резиновой» формулировкой «при сравнимых обстоятельствах», так как при наличии такой оговорки в тексте ст. 424 ГК стороны будут стараться зафиксировать цену в тексте заключаемого контракта.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРИРОДООХРАННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Л.П. ДЕХТЕРЕВА, *ст. преподаватель кафедры права МГУЛа*

В настоящее время все более острыми становятся проблемы создания экологически чистых городов, проблемы охраны природы, сохранения памятников исторического и культурного наследия. В современном градостроительстве на первый план выходит решение задачи разумного благоустройства городской среды обитания.

Это понятие включает в себя, в первую очередь, оздоровление городской среды при помощи озеленения, улучшение санитарно-гигиенических условий жилой застройки. Очевидно, что для успешного практического решения таких важных задач необходимы их тщательная и продуманная правовая аргументация, система соответствующих рекомендаций и норм на общеправовом и ведомственном законодательных уровнях.

Начало XXI века население Земли встречает в условиях нарастающего экологического кризиса, и особенно тяжелая обстановка складывается в городах. По прогнозу ООН, в 2005 году городское население будет составлять более 50 процентов, а в наиболее заселенных регионах мира этот показатель уже достиг 80; в России доля горожан уже составляет 73 процента.

Экологические проблемы затрагивают прежде всего наиболее крупные города. В государственном докладе «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1997 году» было отмечено, что не менее 60 % городов с населением 0,5 – 1 млн. человек характеризуются острой экологической обстановкой. Полный спектр этих проблем проявляется в Москве, хотя, может быть, и не в таких крайних формах, как в крупных промышленных центрах Урала, Сибири и Нижней Волги.

Уровень городского благоустройства и озеленения неразрывно связан с уровнем экономического, культурного и правового развития общества.

В большинстве европейских городов состояние природных комплексов удовлетворительное. Их размещение и развитие отличаются плановостью и постоянством в учёте экологических факторов. Защита природы отнесена к категории важнейших градостроительных задач. Общество готово содержать городские природные комплексы в хорошем состоянии.

Достигается это не только разумным планированием, архитектурными решениями, воспитанием граждан в духе уважительного отношения к природе, но и комплексом других мероприятий; таких, как создание законодательства, чутко реагирующего на возникающие негативные явления в области охраны природы; обеспечение гражданам возможности через судебные органы защитить её, экономическое стимулирование граждан в разумном использовании земли и сохранении природы.

Американские защитники природы П. и Ч. Ревелль в своей книге по охране окружающей среды, [1] пользующейся в США большой популярностью, предлагают способы решения проблем сохранения природы, которые нашли практическую реализацию во многих штатах. В основе их предложений лежит *бережное отношение к использованию земли*. Этого можно добиться *разумным распределением прав государства* – резервирование, выкуп, конфискация земельных участков – и *местных общин* – планирование использования городских и пригородных земель, регулирование роста городов, зонирование, контроль за использованием земель, льготное налогообложение.

Состояние природных комплексов зарубежных городов доказывает, что даже в современных условиях существует возможность поддерживать природные комплексы в таком состоянии, чтобы они могли обеспечить населению, проживающему в городах, благоприятную окружающую среду.

Качественное состояние окружающей среды в городах зависит от множества факторов, но самыми существенными из них являются техногенные и рекреационные воздействия, а также способность природного комплекса города противостоять им.

Изучение состояния природных комплексов российских городов позволяет сделать вывод, что сохраняются тенденции к сокращению площади зеленых насаждений и, соответственно, снижению их средовосстанавливающих свойств. В целом наличие проблем сохранения природной среды можно объяснить неадекватностью установленных обществом требований к участникам отношений «общество – природа» или невыполнением ими по какой-либо причине этих требований. В цивилизованном обществе эти требования устанавливаются законодательством.

На новом этапе общественного и экономического развития наше государство активно обновляет и дополняет свою законодательную базу, в том числе и в области экологических проблем. Основными нормативными актами по рассматриваемому вопросу можно считать федеральные законы от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» и от 30 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»; законы РСФСР от 14 апреля 1992 г. «Об основах градостроительства в Российской Федерации», от 23 февраля 1995 г. «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах»; от 14 марта 1995 г. «Об особо охраняемых природных территориях» и некоторые другие.

Несмотря на то, что новое экологическое законодательство Российской Федерации в настоящее время уже достаточно обширно и разнопланово, оно проходит стадию постоянного реформирования и совершенствования. Это ведет к тому, что правовая база охраны природной среды и рационального использования природных ресурсов в настоящее время еще недостаточно сформирована. С каждым годом растет количество ведомственных нормативно-правовых актов, противоречащих основополагающим прин-

ципам Российской Федерации по вопросам природопользования и охраны среды.

Вопрос правового режима городских природных территорий является, с одной стороны, частной внутриведомственной проблемой; с другой стороны, рассматриваемый вопрос должен стать неотъемлемой составной частью нашего нового экологического законодательства. Только в этом случае можно надеяться на преодоление тревожной экологической обстановки в наших городах; снижение вредных нагрузок на атмосферу, водный бассейн и почву.

Прежде чем перейти к анализу законодательства о городских природных территориях, следует ответить на вопрос: почему проблемы особо охраняемых природных территорий занимают такое важное место в экологии городов?

Важность этих проблем объясняется возможностями, которыми располагает в настоящее время человек для поддержания природной среды на уровне, безопасном для своего существования. Во-первых, это возможность сокращения выбросов в окружающую среду отходов производства и жизнедеятельности и, во-вторых, – восстановление среды обитания человека природными объектами (комплексами). Как бы человек ни пытался сократить размеры вредных выбросов, их количество в обозримом будущем будет увеличиваться, постоянно оказывая воздействие на природную среду.

На данном уровне развития человек не в состоянии осуществить переработку этих отходов искусственным путем, но часть их в состоянии переработать сама окружающая нас природа, восстанавливая при этом окружающую среду. Следовательно, сохранением и увеличением природных объектов человек может восстановить часть природной среды. Отсюда появляется зависимость качества природной среды от наличия и состояния природных объектов. Исследования экологов показывают, что природные объекты в сложной экологической обстановке могут существовать только при соблюдении ряда условий. [2].

Одним из таких условий является обеспечение минимальных размеров природных объектов, при которых они в состоянии самовосстанавливаться. Современное российское законодательство выделило эти природные объекты в особую категорию, которая в законодательных актах названа «особо охраняемая природная территория». Таким образом, законодатель выбрал способ сохранения и развития природных комплексов через определение правового режима использования и охраны территорий, на которых размещаются природные комплексы.

15 февраля 1995 года Государственная Дума РФ приняла закон «Об особо охраняемых природных территориях» (далее ФЗ ООПТ), в котором дается определение земель, имеющих особую ценность для страны: «...участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны» (преамбула ФЗ ООПТ).

Таким образом, к особо охраняемым природным территориям отнесены территории, на которых размещаются природные объекты, выделяющиеся своей особенностью, уникальностью, невосполнимостью, необходимостью, с потерей которых общество понесёт ощутимые, невосполнимые утраты.

То, что является ценностью для всего общества, безусловно, является ценностью и для населения больших городов. Но для горожанина ценность имеют не только эти территории. Для него уникальна, невосполнима и жизненно необходима в буквальном понимании этого слова любая природная территория, поскольку она создаёт необходимые условия существования – если и не благоприятную, то хотя бы приемлемую по уровню безопасности городскую среду. И в этом смысле для города становится уникальной и незаменимой буквально вся го-

родская природная территория, которая восстанавливает и сохраняет природную среду.

Поэтому назначение особо охраняемой городской природной территории отличается от назначения особо охраняемых природных территорий, находящихся в других, не городских, условиях. Если назначение последних – сохранить уникальные природные комплексы, то первых – *сохранить любые природные комплексы, способные восстанавливать природную среду.*

Природные комплексы для города становятся жизненным фактором, *элементом городской структуры*, развитие которой надо предусматривать при развитии городов. Для этих элементов городской структуры нужна *территория*, на которых размещались бы природные объекты.

В городах же для новых застроек градостроители длительное время использовали территории, занятые растительностью, поскольку это не требовало сноса существующих строений, разработки инженерных коммуникаций, отселения жильцов и решения других проблем, связанных с обеспечением жизнедеятельности остающихся объектов на период строительства.

Эти территории были особенно привлекательны для районов новостроек. В результате площади природных территорий значительно сократились. Важнейшей задачей теперь при планировании развития городов стало их сохранение.

Для того чтобы обеспечить функционирование и охрану этих объектов, необходимо создавать определённые структуры, которые вместе с природными объектами образуют природно-административные комплексы, способные выполнять предназначенные им функции.

Итак, в понятия «особо охраняемая природная территория» и «особо охраняемая городская природная территория» закладывается разное содержание. Последняя должна быть защищена не только от воздействия результатов человеческой деятельности и покушения на её природные объекты, но и от покушения на её территорию, которая в условиях города приобретает особую ценность. Сле-

довательно, городская природная территория нуждается в особом режиме охраны, который для территорий вне города был бы излишним.

Рассмотрим более подробно наиболее важные законодательные акты, регулирующие правовой режим особо охраняемых городских территорий.

Федеральный закон от 10 января 2002 года «Об охране окружающей среды» (ФЗ ООС) регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды.

Кроме этого, закон определяет правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, при сохранении благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Согласно ст. 4 ФЗ ООС объектами охраны окружающей среды от загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности являются:

- земли, недра, почвы;
- поверхностные и подземные воды;
- леса и иная растительность, животные и другие организмы и их генетический фонд;
- атмосферный воздух, озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство.

В первоочередном порядке охране подлежат естественные экологические системы, природные ландшафты и природные комплексы, не подвергшиеся антропогенному воздействию.

Особой охране подлежат объекты, включенные в Список всемирного культурного наследия и Список всемирного природного наследия; государственные природные

заповедники, в том числе биосферные, государственные природные заказники, памятники природы, национальные, природные и дендрологические парки, ботанические сады; лечебно-оздоровительные местности и курорты, иные природные комплексы; исконная среда обитания, места традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации; объекты, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение; континентальный шельф и исключительная экономическая зона Российской Федерации, а также редкие или находящиеся под угрозой исчезновения почвы, леса и иная растительность, животные и другие организмы и места их обитания.

Для охраны таких природных объектов устанавливается особый правовой режим, в том числе создаются особо охраняемые природные территории.

Порядок создания и функционирования ООПТ регулируется законодательством об особо охраняемых природных территориях. Особо охраняемые территории, природные объекты, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, образуют природно-заповедный фонд.

Новый Федеральный закон устанавливает нормы, запрещающие изъятие и приватизацию земель природно-заповедного фонда, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. На них запрещается хозяйственная и иная деятельность, оказывающая негативное воздействие на окружающую среду и ведущая к деградации или уничтожению природных объектов.

Другим существенным моментом является то, что в ФЗ ООС вводится понятие «зеленый фонд городских и сельских поселений» и устанавливаются нормы, предусматривающие их охрану. Статьей 61 – Охрана зеленого фонда городских и сельских поселений – устанавливается, следующее:

1. Зеленый фонд городских и сельских поселений представляет собой совокупность

зеленых зон, в том числе покрытых древесно-кустарниковой растительностью территорий и покрытых травянистой растительностью территорий, в границах этих поселений.

2. Охрана зеленого фонда городских и сельских поселений предусматривает систему мероприятий, обеспечивающих сохранение и развитие зеленого фонда и необходимых для нормализации экологической обстановки и создания благоприятной окружающей среды.

На территориях, находящихся в составе зеленого фонда, запрещается хозяйственная и иная деятельность, оказывающая негативное воздействие на указанные территории и препятствующая осуществлению ими функций экологического, санитарно-гигиенического и рекреационного назначения.

3. Государственное регулирование в области охраны зеленого фонда городских и сельских поселений осуществляется в соответствии с законодательством.

Кроме того, что вводится новая категория природных территорий – «зеленый фонд городских и сельских поселений», – данной статьей законодатель признал, что:

– во-первых, *только одними «особо ценными природными объектами»* проблеме нормализации экологической обстановки и создания благоприятной окружающей среды в городах решить *невозможно*;

– во-вторых, для сохранения «зеленого фонда городских и сельских поселений» *требуется охрана*, то есть деятельность органов государственной власти различных уровней, общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и физических лиц, направленная на их сохранение, восстановление, рациональное использование и воспроизводство, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности.

– в-третьих, требуется создание законодательства, которое на *государственном уровне* регулировало бы отношения в области охраны зеленого фонда городских и сельских поселений.

Охрана зеленого фонда городских и сельских поселений предусматривает систему мероприятий, обеспечивающих сохранение и развитие зеленого фонда и необходи-

мых для нормализации экологической обстановки и создания благоприятной окружающей среды. На территориях, находящихся в составе зеленого фонда, запрещается хозяйственная и иная деятельность, оказывающая негативное воздействие на указанные территории и препятствующая осуществлению ими функций экологического, санитарно-гигиенического и рекреационного назначения.

Таким образом, ФЗ ООС ввел термины, не применявшиеся ранее в законодательстве, и определил содержание некоторых уже существующих, что поставило вопрос о необходимости согласования отдельных положений существующего законодательства.

Ограничившись установлением отдельных вышеназванных норм, направленных на защиту особо охраняемых природных территорий, законодатель в ФЗ ООС регулирование их правового режима – создания, использования и особой охраны – возложил на действующий Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 1995 года.

ФЗ ООПТ устанавливает, что «...все особо охраняемые природные территории учитываются при разработке территориальных комплексных схем, схем землеустройства и районной планировки» (п. 4 ст. 2) и что «...на основании принятых схем развития и размещения особо охраняемых природных территорий и территориальных схем охраны природы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают решения о резервировании земельных участков, которые предполагается объявить особо охраняемыми природными территориями, и об ограничении на них хозяйственной деятельности» (п. 5 ст. 2). Тем самым Закон помимо сохранения имеющихся особо охраняемых природных территорий *предусматривает и их создание*. Особо охраняемые природные территории по этому Закону могут иметь не только федеральное или региональное, но и местное значение.

Для каждой категории ООПТ закон определил одного собственника, то есть она может быть только федеральной собственностью.

стью, собственностью субъектов Российской Федерации или муниципальных образований и находиться в ведении федеральных, региональных органов или органов местного самоуправления (п. 6 ст. 2).

Впрочем, уже в следующей статье ФЗ ООПТ законодатель записал: «Государственное управление и государственный контроль в области организации и функционирования территорий государственных природных заказников, памятников природы, дендрологических парков и ботанических садов, лечебно-оздоровительных местностей и курортов регионального значения осуществляются органами государственной власти субъектов Российской Федерации и *специально уполномоченными* на то государственными органами Российской Федерации в области охраны окружающей природной среды» (п. 2 ст. 3), причём право устанавливать порядок их взаимодействия законодатель передал ведомству.[3]

Особенностью ФЗ ООПТ является и то, что для отдельных категорий особо охраняемых природных территорий могут быть установлены дифференцированные режимы особой охраны с учетом их природных, историко-культурных и иных особенностей. Исходя из указанных особенностей, на территориях могут быть выделены различные функциональные зоны; например, на территории национального парка такие, как-то:

- заповедная, в пределах которой запрещены любая хозяйственная деятельность и рекреационное использование территории;

- особо охраняемая, в пределах которой обеспечиваются условия для сохранения природных комплексов и объектов и на территории которой допускается строго регулируемое посещение;

- познавательного туризма, предназначенная для организации экологического просвещения и ознакомления с достопримечательными объектами национального парка;

- рекреационная, предназначенная для отдыха, для обслуживания посетителей, предназначенная для размещения мест ночлега, палаточных лагерей и иных объектов тури-

стского сервиса, культурного, бытового и информационного обслуживания посетителей;

- хозяйственного назначения, в пределах которой осуществляется хозяйственная деятельность, необходимая для обеспечения функционирования национального парка.

Учреждение особо охраняемых природных территорий оставлено за исполнительной властью.

Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» устанавливает правовые основы охраны атмосферного воздуха и направлен на реализацию конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии. Применительно к особо охраняемым природным территориям, он устанавливает принципы нормирования качества атмосферного воздуха и вредных воздействий на атмосферный воздух.

В целях определения критериев безопасности или безвредности воздействия химических, физических и биологических факторов на людей, растения и животных, особо охраняемые природные территории и объекты, а также в целях оценки состояния атмосферного воздуха закон требует установления *гигиенических и экологических нормативов качества атмосферного воздуха и предельно допустимых уровней физических воздействий* на него.

Эти нормативы устанавливаются и пересматриваются в порядке, определенном Правительством РФ. Постановлением Правительства РФ от 2 марта 2000 г. № 182 установлено, что экологические нормативы качества атмосферного воздуха, методы определения экологических нормативов качества атмосферного воздуха, предельно допустимые уровни физических воздействий на атмосферный воздух, предельно допустимые (критические) нагрузки [4] на экологические системы и другие экологические нормативы в целях охраны атмосферного воздуха устанавливаются и пересматриваются Государственным комитетом РФ по охране окружающей среды.

Для особо охраняемых природных территорий важное значение имеет тот факт,

что федеральный закон требует установления предельно допустимого уровня воздействия на атмосферный воздух, при котором отсутствует вредное воздействие на здоровье человека и окружающую природную среду. Тем самым Закон создаёт правовую основу для защиты прав человека на безопасную среду обитания.

Федеральный закон от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» устанавливает объекты государственной экологической экспертизы в Российской Федерации. Согласно ст. 11 этого закона обязательной государственной экологической экспертизе подлежат проекты нормативных правовых актов Российской Федерации, реализация которых может привести к негативному воздействию на окружающую природную среду, нормативно-технических и инструктивно-методических документов, утверждаемых органами государственной власти РФ и регламентирующих хозяйственную деятельность, в том числе использование природных ресурсов и охрану окружающей природной среды, и иную деятельность, а также материалы комплексного экологического обследования участков территорий, обосновывающие придание этим территориям правового статуса особо охраняемых природных территорий федерального, регионального или местного значения, зоны экологического бедствия или зоны чрезвычайной экологической ситуации, а также программы реабилитации этих территорий.

При всей полезности и необходимости этого закона законодатель заложил в нём принцип пассивного подхода к участию в решении экологических проблем: оценивать то, что дадут, а не то, что необходимо, в частности, – по вопросам режима использования особо охраняемых природных территорий.

Особое положение среди природопользовательных актов об особо охраняемых природных территориях занимает Лесной кодекс Российской Федерации от 29 января 1997 г. № 22-ФЗ. Особенность его объясняется тем, что большая часть городских природных объектов, относящихся к особо охраняемым при-

родным территориям, составляют городские леса. Особенность его проявляется ещё и в том, что цели, задачи, отношения, возникающие в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, как входящих, так и не входящих в лесной фонд, совпадают во многом с законодательством об ООПТ.

Лесной кодекс развивает правовые положения, записанные в ФЗ ООПТ относительно государственных природных заповедников, национальных и природных парков, находящихся на территории лесного фонда. Использование, охрана, защита и воспроизводство лесов на территориях государственных природных заповедников осуществляются в соответствии с настоящим Кодексом и законодательством РФ об особо охраняемых природных территориях (ст. 125 – 127).

Ряд законодательных актов, регулирующих отношения в сфере хозяйственной, управленческой и иной деятельности, в той или иной степени связан с использованием природных ресурсов, в том числе – и на особо охраняемых природных территориях.

Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ (ГСК) регулирует отношения в области создания системы расселения, градостроительного планирования, застройки, благоустройства городских и сельских поселений, развития их инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, рационального природопользования, сохранения объектов историко-культурного наследия и охраны окружающей природной среды в целях обеспечения благоприятных условий проживания населения.

ГСК определяет территории, на которых градостроительная деятельность подлежит особому регулированию (ст. 6). К ним могут относиться территории объектов историко-культурного наследия; особо охраняемые природные территории, подверженные воздействию чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; территории зон чрезвычайных экологических ситуаций, экологического бедствия и иные территории.

К поселениям, которые являются объектами градостроительной деятельности особого регулирования, отнесены: Москва,

Санкт-Петербург, города – центры субъектов Российской Федерации, города-курорты, городские и сельские поселения с особым режимом жизнедеятельности – поселения в государственных природных заповедниках, национальных парках, природных парках и тому подобное.

При осуществлении градостроительной деятельности должно обеспечиваться соблюдение требований сохранения объектов особо охраняемых природных территорий: установление границ зон охраны, учёт градостроительных требований в части сохранения территорий объектов природного наследия и недопущения изъятия земель, занятых особо охраняемыми объектами; установление ограничений на использование территорий заповедных зон, зоны особо охраняемых природных территорий.

В ГСК решена часть проблем, которые не решил ФЗ ООПТ. ГСК впервые подошёл к правовому регулированию отношений, связанных с природными комплексами, размещёнными на *городских* территориях со статусом особо охраняемых природных территорий; определил правовые основы формирования и развития особо охраняемых природных территорий городов, обеспечение их сохранности в процессе градостроительной деятельности; поднял значение экологической экспертизы для охраны природных комплексов на особо охраняемых городских природных территориях. В то же время он не может заменить законодательного акта об особо охраняемых городских природных территориях.

Земельный кодекс РФ, в отличие от Земельного кодекса РСФСР, рассматривает землю как *природный объект, подлежащий охране в качестве важнейшей составной части природы*, как важнейший *компонент окружающей среды*. Он устанавливает, что государственной собственностью являются земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований.

Земельное законодательство регулирует отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации. Регулирование использования и охраны земель осу-

ществляется в интересах всего общества при сочетании интересов общества и законных интересов граждан. Изъятие земель особо охраняемых территорий и объектов для иных целей ограничивается или запрещается в порядке, установленном федеральными законами.

К отношениям по использованию и охране особо охраняемых природных территорий и объектов применяется, соответственно, законодательство об особо охраняемых природных территориях и объектах. К земельным отношениям нормы указанного законодательства применяются, если эти отношения не урегулированы земельным законодательством.

Согласно ст. 7 Кодекса земли ООПТ не выделяются в отдельную категорию. Они относятся к категории земель особо охраняемых территорий и объектов. Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

Отнесение земель к определенным категориям, перевод их из одной категории в другую осуществляются в отношении:

1) земель, находящихся в федеральной собственности, – Правительством Российской Федерации;

2) земель, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации, и земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в муниципальной собственности, – органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

3) земель, находящихся в муниципальной собственности, за исключением земель сельскохозяйственного назначения, – органами местного самоуправления (ст. 8).

Земельный кодекс РФ вводит ряд правовых норм, которые усиливают правовое положение ООПТ, но он не решает вопросы разделения государственной собственности на землю на собственность Российской Федерации, собственность субъектов Россий-

ской Федерации и собственность муниципальных образований и вносит большое количество правовых норм, не согласованных с существующим законодательством об ООПТ. Кодекс вводит новый термин «земли особо охраняемых территорий и объектов», а следовательно, – хотел того законодатель или нет, – и термин «особо охраняемые территории и объекты».

Согласно ст. 94 к землям особо охраняемых территорий относятся *земли, которые имеют особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение*, которые изъяты в соответствии с постановлениями федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации или решениями органов местного самоуправления полностью или частично из хозяйственного использования и оборота и для которых установлен особый правовой режим.

При этом к землям особо охраняемых территорий относятся земли:

- 1) особо охраняемых природных территорий, в том числе лечебно-оздоровительных местностей и курортов;
- 2) природоохранного назначения;
- 3) рекреационного назначения;
- 4) историко-культурного назначения;
- 5) иные особо ценные земли в соответствии с настоящим Кодексом, федеральными законами.

Законодательные акты, принимаемые субъектами РФ, рассмотрим на примере законодательства Москвы.

В Москве законодательство об особо охраняемых природных территориях представлено такими законодательными актами: Закон г. Москвы от 21 октября 1998 г. № 26 «О регулировании градостроительной деятельности на территориях природного комплекса города Москвы», [5] Закон г. Москвы от 9 декабря 1998 г. № 28 «О градостроительном зонировании территории города Москвы», [6] Закон г. Москвы от 10 марта 1999 г. № 13 «О территориальных единицах с особым статусом в городе Москве», [7] Закон г. Моск-

вы от 26 сентября 2001 г. № 48 «Об особо охраняемых территориях в городе Москве». [8].

Анализ содержания принятых законов показывает, что данными законодательными актами власти Москвы предприняли попытку решить проблемы, которые не решил ФЗ ООПТ, а именно:

- проблему правового регулирования градостроительной деятельности с сохранением и развитием природного комплекса города в интересах развития Москвы;
- проблему включения природных комплексов Москвы в экономический оборот при сохранении ими статуса особо охраняемых городских природных территорий.

Но региональные законодательные акты не могут решить эти проблемы в долгосрочном плане, поскольку не имеют под собой необходимой правовой основы. В соответствии с п. 1 ст. 72 Конституции РФ, особо охраняемые природные территории отнесены к совместному ведению РФ и её субъектов и, следовательно, при принятии соответствующих федеральных правовых актов на основании требований п.п. 2 – 4 ст. 76 Конституции РФ должны быть приведены в соответствие с ними.

Основу законодательства Москвы о городских природных территориях составляет Закон города Москвы «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве», проект [9] которого готовился с момента выхода ФЗ ООПТ в 1995 году и был утверждён Постановлением Правительства Москвы только в октябре 1999 года. Подготовленный на основе ФЗ ООПТ проект практически повторял все его основные положения. Однако в такой редакции Московской городской Думой он принят не был и впоследствии подвергся основательной переработке. Только 26 сентября 2001 года закон принят Городской Думой. [10].

В ходе почти двухлетней работы над законопроектом он подвергся значительным изменениям. В варианте, принятом Московской городской Думой, к основным категориям ООПТ относятся, в частности, национальный, природный, природно-исторический, экологический и дендрологический парки; природный заказник, ботанический сад, го-

родской лес, водоохранная зона. Закон закрепляет порядок их образования, упразднения и изменения их границ, а также вводит перечень требований по соблюдению режимов особой охраны на заповедных участках столицы и ответственность за их нарушение.

В законе, в отличие от федерального законодательства и первоначального варианта, изменён подход к распределению полномочий законодательной и исполнительной властей.

Из ведения исполнительной власти изъяты и переданы в ведение Московской городской Думы вопросы в области образования, управления и упразднения особо охраняемых природных территорий в городе Москве.

В соответствии с полномочиями, определёнными Законом, к ведению Московской городской Думы относятся следующие вопросы:

- утверждение схемы развития системы ООПТ;
- утверждение решений об образовании, изменении категории и упразднении ООПТ в соответствии с настоящим Законом;
- утверждение границ особо охраняемых природных территорий;
- утверждение комплексных программ, направленных на охрану и использование ООПТ.

Московская городская Дума принимает участие в согласовании образования особо охраняемых природных территорий федерального значения в городе Москве в соответствии с федеральным законодательством.

К ведению Правительства Москвы отнесено:

- представление Московской городской Думе предложений об образовании ООПТ;
- разработка комплексных программ, направленных на охрану и использование ООПТ, а также обеспечение их реализации;
- установление полномочий специальной службы охраны ООПТ в соответствии с федеральным законодательством и настоящим Законом;
- определение форм экономического стимулирования по конкретным видам дея-

тельности в области охраны, содержания и использования ООПТ.

В Законе определены полномочия специально уполномоченного органа Правительства Москвы по управлению особо охраняемыми природными территориями в городе Москве, районных управ города Москвы в области образования, управления и упразднения особо охраняемых природных территорий в городе Москве; определены права и обязанности граждан и юридических лиц в области образования, управления и упразднения ООПТ в городе Москве. После проверки сигналов граждан, озабоченных состоянием окружающей среды, должностные лица государственных органов должны принять меры по устранению установленных нарушений.

В Закон были внесены важнейшие положения, которые не были предусмотрены ФЗ ООПТ. В то же время Закон вступает в противоречие с п. 2 ст. 19; пп.1, и 2 ст. 23; пп. 2 и 5 ст. 26 и п. 3 ст. 28 ФЗ ООПТ, согласно которым полномочия в области образования ООПТ закрепляются за исполнительной властью.

Содержание Закона города Москвы от 5 мая 1999 года «О защите зеленых насаждений» [11] показывает, что подход к проблеме особо охраняемых природных территорий, как способу сохранения особых уникальных природных комплексов, не соответствует политике городских властей, которые ориентируются в настоящее время на *сохранение всех городских природных территорий*, а не только *особо ценных*.

Факт принятия этого закона подтверждает, что содержание федерального законодательства об ООПТ и его роль в сохранении городских природных территорий не отвечают современным требованиям. Принятие четырёх названных законов Москвы следует рассматривать, как следствие необходимости восполнить пробелы федерального законодательства по вопросу сохранения и развития природных комплексов на территориях городов. В силу указанных причин, региональные органы создают законодательство городов о природных территориях.

Отсутствие на федеральном уровне правовых норм, определяющих правовой режим природных территорий городов, стало важной проблемой. Город и городская агломерация настолько отличаются от других поселений своим предназначением, выполняемыми функциями, динамикой своего изменения и развития, плотностью населения, интенсивностью использования транспорта, спецификой производства и его экологической опасностью для человека и окружающей среды, что требуют принципиально другого подхода к вопросам сохранения и использования природных территорий городов.

В Законе города Москвы «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве» законодатель основной целью законодательного акта ставит «...сохранение и восстановление природно-территориальных комплексов, образующих их природных сообществ и объектов, ландшафтного и биологического разнообразия, улучшения состояния окружающей среды и качества жизни населения города».

Цель, указанная в последнем Законе, принципиально отличается от ранее заявленных в федеральном законодательстве и предусматривает:

- во-первых, не только сохранение, но и **восстановление** природно-территориальных комплексов;
- во-вторых, сохранение и восстановление **всех** природно-территориальных комплексов, а не только уникальных и типичных;
- в-третьих, они должны способствовать **улучшению состояния окружающей среды и качества жизни населения города**

Итак, начало нового тысячелетия характеризуется возрастанием новой угрозы для всего человечества – экологическим кризисом.

Проблема сохранения безопасной природной среды становится проблемой, от решения которой зависит судьба населения нашей планеты.

Особенно тяжёлая экологическая обстановка складывается в городах. Рост чис-

ленности населения городов, количества транспорта, выбросов отходов промышленного производства и сокращение природных территорий ухудшает экологическую ситуацию. В полной мере это коснулось городов России, и в первую очередь наиболее крупных, таких, как Москва, Санкт-Петербург и других.

Под воздействием промышленных и транспортных загрязнений окружающей среды, неорганизованного отдыха происходит деградация природных и озелененных территорий городов, а общий объем зеленых насаждений сокращается, что отражается на состоянии окружающей природной среды.

Экологические проблемы городов поставили под вопрос эффективность существующего режима правового регулирования зеленых насаждений соответствующим законодательством.

Литература

1. Ревелль П., Ревелль Ч. Среда нашего обитания. В 4-х книгах. Кн. 4. Здоровье и среда, в которой мы живём Пер. с англ. – М., 1995.
2. Теоретические и практические вопросы ландшафтной экологии и заповедного дела. – М., 1993.
3. О порядке взаимодействия Минприроды России с территориальными природоохранными органами в области организации заповедников и иных особо охраняемых природных территорий см. приказ Минприроды РФ от 17 декабря 1993 г. № 264.
4. Предельно допустимая (критическая) нагрузка – показатель воздействия одного или нескольких вредных (загрязняющих) веществ на окружающую природную среду, превышение которого может привести к вредному воздействию на окружающую природную среду (ст.1 ФЗ «Об охране атмосферы воздуха»).
5. Ведомости Московской городской Думы. 1998. № 11.
6. Ведомости Московской городской Думы. 1999. № 2.
7. Ведомости Московской городской Думы. 1999. № 6.
8. Тверская 13 от 10 октября 2001 г.
9. Постановление Правительства Москвы от 26 октября 1999 г. № 991 «О проекте закона города Москвы «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве»// Вестник мэрии Москвы. – 1999. – № 24.
10. Закон г. Москвы от 26 сентября 2001 г. № 48 «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве» // Тверская 13. – 2001. – № 46.
11. Закон г. Москвы от 5 мая 1999 г. № 17 «О защите зеленых насаждений» // Тверская, 13. – 1999. – № 25.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ АРТИКЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Р.Н. ЖАВОРОНКОВА, профессор, зав.кафедрой перевода МГУЛа, к. филол. н.

Одним из ведущих направлений современной лингвистики является лингвистика текста. Стремительное развитие новой отрасли языкознания связано, с одной стороны, с текстом и описанием категориальных характеристик и способов языковой организации текстов, а с другой стороны – «с целым комплексом изменений в лингвистических ценностях» [1, с. 25].

Новая ориентация лингвистического анализа обусловлена тем, что многие явления, например, функционирование артикля, не могли получить достаточного объяснения в рамках существующих теорий, которые рассматривали их ограниченно, в пределах структуры предложения.

Целью данной статьи является описание закономерностей функционирования английского артикля на уровне текста; в частности, рассмотрение его текстообразующих функций. Исследования артикля в последние десятилетия привели лингвистов к отказу от традиционного рассмотрения артикля лишь в связи с существительным и убедили их в необходимости выйти за пределы слова.

Дело в том, что в традиционных нормативных и теоретических грамматиках описание артиклей фактически сводится к перечислению случаев и правил их употребления, что вызывает нагромождение бесчисленных правил и затрудняет правильное понимание назначения и роли артиклей.

Однако всё чаще стали появляться работы, авторы которых уделяют определённое внимание роли артиклей в организации связанного текста (Е.В. Барабаш, М.Я. Блох, В.Е. Шевякова, Д.А. Штелинг).

Именно лингвистика текста даёт возможность более чётко теоретически обосновать проблему артикля и те закономерности

функционирования артикля, которые не всегда ясны на уровне автономного синтаксиса, так как изолированно взятое предложение, в отрыве от контекста, часто является коммуникативно слабым и не может раскрывать всей смысловой и коммуникативной информации, содержащейся в нём. Оно нуждается в подкреплении соседними предложениями и может быть правильно воспринято адресатом только в связанном тексте. Поэтому для более полного описания функционирования артикля требуется выход за рамки отдельного предложения.

Таким образом, коммуникативная семантика артикля может быть выявлена только в тексте. Артикли, принимая участие в создании связанного текста говорящим/ пишущим и в восприятии его слушающим/ читающим, обнаруживают все свои функции в синтаксической структуре высказывания. Другими словами, артикли являются актуализаторами не только грамматических категорий определённости/ неопределённости, но и текстовых категорий, например, такой, как категория коммуникативного членения предложения.

Задачей лингвиста-исследователя являются определение механизма порождения текста, его восприятие и интерпретация. В этом механизме заключена одна из текстуальных функций языка – функция создания текста. Языковые знаки, реализуемые в тексте и в высказывании и будучи текстосвязанными, получают определённое коннотативное значение в конкретных условиях коммуникации. Интерпретация любого высказывания осуществляется в определённом контексте. Текст и контекст составляют неразрывное единство и являются комплиментарными по отношению друг к другу (Zyons, 1981).

Связанность является имманентным свойством текста, принципом его организации, то есть текст не мыслим без связанности. В связанном тексте выявляются текстовые категории и единицы, являющиеся средством его организации и членения, то есть такие текстообразующие средства, которые участвуют в создании связанного текста. К таким единицам относится и артикль, поскольку он играет важную роль в организации и членении связанного текста.

Формальными грамматическими сигналами смыслового единства текста служат местоимения и местоимённые наречия, выбор артикля, употребление времени и т. д. Эти явления функционально раскрываются полностью лишь в масштабах сверхфразового единства (СФЕ) и целого текста. Они активно участвуют в установлении левосторонних и правосторонних связей между предложениями.

В этой связи высказывание, как последовательность нескольких предложений, имеет общую тему, переходящую из одного предложения в последующие, как субъект (референт) предикаций этих предложений. Принято считать, что *тема*, являясь сигналом левосторонней связи, указывает на ранее сказанное, скрепляет текст, а *рема*, участвуя в установлении правосторонней связи, передаёт новую информацию [2, с. 8].

Во многих работах по связанности текста отмечают роль артикля как средства соотносительной связи, что предполагает рассмотрение традиционных категорий в новом ракурсе. В связи с этим О.И. Москальская [3] замечает: «...рассмотрение категории определённости/неопределённости с позиции грамматики текста позволяет глубже понять сущность и назначение её в языке, эта категория обслуживает не предложение-контекст, а предложение-высказывание или текст, являясь, таким образом, категорией непредложечнической, а текстовой» [3 с. 102 – 103].

Большинство авторов, рассматривая функции артикля, выполняемые им за пределами одного предложения, делают это, как правило, на материале двух контактно расположенных предложений, вычлененных из

микротекста. Между тем, многие функции артикля проявляются именно в связанном тексте. В силу этого их исследование должно проводиться обязательно с учётом содержания всего текста, то есть на «фоне» всего макроконтраста.

Сопоставление функций артикля в микро- и макроконтрастах свидетельствует о том, что, с одной стороны, артиклю в связанном тексте свойственны те же функции, что и в предложении, а с другой стороны, в связанном тексте артикль может приобретать новые, не свойственные ему в пределах предложения функции, возможность выполнения которых обусловлена наличием макроконтрастного окружения предложения, в котором употреблён артикль.

Так, выполняя в макроконтрасте функцию показателя категории определённости/неопределённости имён существительных, расположенных в разных отрезках текста, артикль одновременно служит средством сцепления этих отрезков. Аналогичным может быть назначение артикля и при выполнении им коммуникативной функции. Являясь средством оформления *темы* и *ремы*, расположенных в разных отрезках текста, артикль одновременно может служить средством сцепления этих отрезков. Например:

The Metropolitan District Commission conducts a formal review to mitigate adverse impacts before the approval of each harvest plan. The review includes field inspections, written comments, and revisions from foresters and wildlife biologists as well as a water quality specialist, road supervisor, and archeologist (Journal of Forestry, Aug., 1984, p. 14).

Неопределённый артикль при существительном *review*, являющийся показателем *ремы* первого предложения, и определённый артикль *the*, характеризующий это существительное как тематический элемент второго предложения, соотносятся друг с другом и способствуют тем самым сцеплению обоих предложений. Это и позволяет сделать нам вывод, что неопределённый артикль имеет тенденцию употребляться в компонентах текста, обладающих перспективной направленностью, а определённый

артикуль – в компонентах текста, обладающих ретроспективной направленностью.

Связью функций неопределённого артикля с перспективной направленностью компонентов текста, в которых этот артикуль употреблён, объясняется преобладание его в начальных предложениях текста, открывающих новую тему и обладающих, следовательно, минимальной или даже нулевой степенью перспективной синсемантики. Поэтому в начальных компонентах текстов, открывающих статью, главу или раздел, чаще всего и употребляется неопределённый артикуль. Например:

The Interdisciplinary Team

A major reason for the smooth functioning of the team is that the scientists «own» the concepts and participate voluntarily (Journal of Forestry, Aug., 1984, p. 7).

Неопределённый артикуль перед существительным *reason*, открывающим новую главу, сигнализирует читателю, что повествование в ней будет идти именно о причине слаженного функционирования команды. В конечных компонентах абзацев, и прежде всего в тех, которые завершают изложение темы, неопределённый артикуль употребляется относительно редко. Здесь преобладает употребление определённого артикля. Это объясняется тем, что, подытоживая содержание всего абзаца, конечный компонент в этих случаях обладает ретроспективной направленностью.

Употребление же определённого артикля в начальных предложениях абзаца имеет место главным образом в тех случаях, когда им присуща ретроспективная направленность. Определённый артикуль употребляется здесь обычно для создания непрерывности в повествовании, для того, чтобы подчеркнуть связь данной темы, главы с содержанием предыдущей темы, главы и т.п. Например:

Keys to success

The science team has built a solid foundation for continued progress... (Journal of Forestry, Aug., 1984, p. 9).

Этот абзац открывает новую тему и главу. Употребление определённого артикля

в данном случае можно объяснить необходимостью создать непрерывность в повествовании. Кроме того, определённый артикуль позволяет подчеркнуть связь темы новой главы с содержанием предыдущих глав, где повествуется о создании и работе междисциплинарной команды (*an interdisciplinary team*). Существительное *team* с определённым артиклем является синонимом сочетания *an interdisciplinary team*. Определённый артикуль служит для сцепления абзацев и характеризует существительное *team* как тематический элемент данного абзаца.

Одним из главных факторов, обуславливающих влияние макроконтекстного окружения на артикуль, является так называемое «...сквозное сцепление содержаний и предложений – компонентов абзаца» [4, с. 150]. Вследствие наличия сквозного сцепления определённый артикуль выступает в качестве одного из средств сцепления как контактного, так и дистантно расположенных предложений. Например:

Paired watershed experiments showed that converting forests to grassy fields augmented water yield by increasing the amount of rain and snow reaching the surface while simultaneously decreasing evapotranspiration. The fields were mowed or burned to inhibit natural regeneration and maintain water yield increases (Journal of Forestry, Aug., 1984, p. 13).

Не случайно, в работах по связанности текста определённый артикуль часто выделяется как одно из важнейших средств связанности текста на том основании, что определённый артикуль употребляется в тексте чаще, чем неопределённый артикуль. Так, В.А. Кухаренко отмечает важную роль определённого артикля в создании **принципа повторяемости в тексте**: «Первое место в частотном словаре английского языка в целом, в словарях отдельных стилей, отдельных авторов, отдельных произведений неизменно и прочно занимает определённый артикуль» [5, с. 29].

Итак, изучение системы английского артикля в связанном тексте даёт возможность выявить функциональные характеристики артиклей, обеспечивающих создание и

связанность текста. Неопределённый артикль чаще всего используется в своей категорической функции и является лингвистическим средством, обеспечивающим прямо-направленную, перспективную связь в тексте. В то время как определённый артикль характеризует ретроспективную направленность элементов текста и обеспечивает его анафорическую соотнесённость в тексте.

Литература

1. Барабаш Е.В. Анафорическое и катафорическое употребление определённого артикля (на материале английского языка). Дисс... филолог. наук. – М., 1981. – 187 с.

2. Слюсарева Н.А. Категориальная основа темарематической организации высказывания-предложения // ВЯ. – 1986. – №4, – С. 3 – 15.
3. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
4. Фридман Л.Г. Особенности употребления артикля в абзаце / Синтаксис предложения и сверхфразового единства. – Ростов-на-Дону: РГПИ, 1977. – С. 149 – 162.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1979. – 326 с.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОДЕЛЯХ ПЕРЕГОВОРОВ

З.В. МАНЬКОВСКАЯ, *доцент кафедры перевода МГУЛа, к. филол. н.*

Несмотря на то, что существование категории «национальный характер» и связанных с ней стереотипов поведения не является общепризнанным, не вызывает сомнения тот факт, что представители разных культур оказываются восприимчивыми к различным приемам и установкам речевого поведения. А.К. Михальская [1, с. 379], один из специалистов в современной этнориторике, подчеркивает, что в каждой культуре складываются особые и вполне определенные представления о том, как должно происходить речевое общение.

Эти представления базируются на том, что люди, приобщаясь к культуре, входя в нее, получают как одну из ее составных частей некий образец – идеал речевого поведения, который в своих основных чертах соответствует общим представлениям об общеэстетических и этических идеалах, сложившихся исторически в данной культуре. Другими словами, в сознании представителей разных культур существует и действует определенная система ценностей и ожиданий по поводу того, как должно происходить речевое общение в той или иной ситуации.

Переговоры – особая форма общения, в частности, межкультурного общения, если

в них участвуют представители разных культур. Нередко возникающее непонимание во время переговоров объясняется незнанием носителями одних культур их структуризации, стратегий коммуникативного развертывания, неадекватной ориентацией в замыслах и социальных (профессиональных) ценностях, из которых исходят представители других культур.

Основным шагом на пути к достижению гармонии в переговорах является «эмпатия», которая базируется на признании различий между странами и строящихся на основе этого позитивных отношений [2, с. 420]. Умение разглядеть, понять и приспособиться к культурным навыкам, которыми обусловлено поведение деловых партнеров, составляет основу успеха переговоров и помогает избежать «культурного шока».

Необходимо признать, что модели проведения переговоров в разных культурах имеют много общего. Они включают следующие основные этапы (фазы) : социализацию – формирование отношений, влияющих на климат переговоров; обмен информацией, высказывание предложений и вариантов, торги, выработку соглашения, подведение итогов и закрепление результатов переговоров. Одна-

ко продолжительность названных этапов переговоров, их роль в достижении общей цели, способы реализации речевых стратегий и их функциональная нагрузка неодинаковы в разных моделях проведения переговоров.

Например, в британской модели переговоров этапу установления контакта отводится 5 минут, так называемые *the first five minutes*, в то время как очень серьезное внимание уделяется обсуждению предложений и выработке соглашения на основе «джентльменского решения» проблемы.

В российской модели обращается внимание скорее на общие цели; участники переговоров предпочитают действовать осторожно, не рисковать – реагировать на то, что предлагает партнер, нежели выдвигать собственные варианты решения, а уступки рассматриваются как проявление слабости. [3, с. 143]. Такие различия в представлениях об «идеале» проведения переговоров находят отражение в способах реализации речевых стратегий поведения.

Основным лейтмотивом и движущей силой поведения британцев во время переговоров является «принцип вежливости», который выражается в необходимости «сохранить лицо» (*face –management*) и ожидании вежливого обращения со стороны своих деловых партнеров, представителей другой культуры.

Доказательством этого могут служить тщательно разработанные стратегии хеджирования наиболее уязвимых с точки зрения принципа вежливости высказываний, их ранжирование по степени вежливости, а также та роль, которая отводится косвенным способам выражения коммуникативного намерения в британской модели проведения переговоров. Например, в высказывании *'I wonder if I might ask you to X'* наглядно представлены стратегии вежливой уклончивости (употребление *'I wonder if'* вместо формы императива) и хеджирования максимы такта с помощью модального глагола *'might'*.

Стереотипное поведение британцев на переговорах объясняется, с одной стороны, желанием упрочения и сохранения своей репутации и доброго имени в общении с другими, стремлением понравиться, быть

уважаемым, получить одобрение и высокую оценку своего вклада со стороны партнера (позитивная вежливость), а с другой стороны, намерением получить свободу действий, не испытывать давления на принятие решений и не допустить ущемления собственных интересов (негативная вежливость) [5, с. 146-176].

Таким образом, британская модель проведения переговоров для достижения цели «добиться джентльменского соглашения» использует речевые стратегии трех видов:

– первый – стремление снять угрозу «потери лица» при помощи «позитивной вежливости»: получить одобрение, подчеркнуть принадлежность партнера к своему кругу, пригласить его к совместному действию;

– второй – предоставление партнеру свободы выбора, минимизации давления на принятие решения, признания собственной назойливости, увеличения дистанции между участниками переговоров (негативная вежливость);

– третий – создание атмосферы сотрудничества в условиях отсутствия дистанции между партнерами и угрозы провала переговоров.

Изучение речевого поведения британцев в переговорном процессе показывает, что стратегии, основанные на «негативной вежливости», преобладают.

На этапе обмена информацией (*fact-finding*), который занимает значительное место в британской модели переговоров, основными речевыми стратегиями являются стратегии, связанные с необходимостью извиниться за причиняемое беспокойство, поскольку желание получить ответ на вопрос в британской культуре рассматривается как посягательство на личные интересы партнера, и требует умственных усилий и затрат времени со стороны отвечающего. Например, *'I'm afraid I have to know...'*, *'What are our chances of...'*

Замаскированная под утверждение форма вопроса дает партнеру формальную возможность не отвечать на запрос. При такой формулировке вопроса увеличивается дистанция между партнерами, а социальный статус слушающего возрастает.

На этапе проведения торгов (*bargaining, bidding*), которому в британской модели отводится первостепенная роль, реализуется стратегия хеджирования для выражения критики, неоправданности сформированных ожиданий. Неблагоприятные для партнеров высказывания сопровождаются объяснениями-комментариями: *'We were given to understand that there was no charge. We were rather surprised to receive the invoice.'*

Использование хеджирующих средств *rather*, смягчающих отрицательный эффект, делает высказывание менее категоричным и теряет в какой-то степени обвинительную силу.

В другом примере *'We hardly expected to receive a repair bill. – We find this attitude difficult to accept'*, – использование лексических единиц с семантикой неприятия, несогласия *hardly* и замена слова *impossible* с отрицательной коннотацией более слабым эквивалентом *difficult* способствует сохранению «лица» партнера.

Хеджирующие средства активно используются в следующем примере: *'With respect, you don't understand. Perhaps, I should make our position clear'*. Несогласие с точкой зрения партнера смягчается при помощи вводной фразы *'with respect'*, которая подчеркивает в целом уважение к партнеру. Уклончивое *'perhaps'* указывает на то, что говорящий предупреждает о резкости и настойчивости своего высказывания.

На этапе установления цен и выработки соглашения (*settling*) в британской модели речевые стратегии также подчинены принципу вежливости. Обычно британская сторона берет на себя инициативу выдвижения предложений, но делает это осторожно, ненавязчиво, боясь получить отказ.

Одной из стратегий получения уступок в цене является вопрос: *'Could you come down on price?'*, *'Any chance of a lower price from you?'* Вопросительная форма ставит слушающего в более привилегированное положение, принижая значение говорящего.

Согласование взаимных уступок реализуется при помощи условных предложений: *'If you buy 40,000 units, then I can offer a*

unit price of 19,5», *'If you committed to buy 20,000 units, then I consider a larger discount'*.

При сравнении указанных высказываний оказывается, что второе является более вежливым, поскольку имплицитно большую степень сомнения в получении уступки. Выбор из двух вариантов определяется дистанцией между партнерами, степенью заинтересованности в заключении сделки, а также фактором времени.

Выдвижение предложений и контрпредложений (*proposing*) также продиктовано стратегией сохранить «лицо» партнера. Уважение к противоположной стороне обеспечивается запросом обратной реакции.

Например, *'I'd prefer a system whereby the discount was variable. What are you feeling about that?'* демонстрирует целый комплекс средств, ведущих к получению положительного отклика.

Отсутствие окончательности суждения, кажущаяся нерешительность, передаваемые формами сослагательного наклонения *'I'd prefer'*, *'was'*, представляют действие не как фактическое, а как желаемое. Такой прием дает партнеру свободу в выборе ответного хода.

Даже в необходимости выражения угрозы (*threatening*) прослеживается ориентация на «лицо» партнеров, желание говорящего сохранить уважение к себе и к партнеру.

В примерах: *'In that case you would leave me no alternative than...'*, *'In that case, I should very reluctantly have to...'* – лексические единицы *'leave no alternative'*, *'reluctantly'*, *'have to'* с семантикой вынужденности нежелательности действия для говорящего формально оправдывают его речевое поведение, которому нужно соблюдать внешние приличия и поддерживать атмосферу сотрудничества и взаимной выгоды, что является целью общения на переговорах.

Одна из речевых стратегий в британской модели переговоров связана со стремлением британцев уйти от окончательного ответа, поскольку, как известно, британцы редко принимают решения на первой встрече. Многочисленные примеры показывают осмотрительность, нерешительность, осторожность и

сдержанность британцев на переговорах, подтверждая пословицу «*Prudence pays*».

Британская сторона редко открыто выражает свое несогласие с предложением противоположной стороны, чаще прибегая к стратегии отсылки к авторитету. В примерах: ‘*I’ll have to ask my colleagues about it*’, ‘*I’m afraid I can’t say that at the moment*’ – функция ‘*have to*’, ‘*I’m afraid*’ состоит в необходимости снять ответственность с себя и одновременно извиниться за свою нерешительность.

Противоположной по характеру стратегией является использование юмора. Как говорит Р.Д. Льюис [2, с. 251], спросите британских бизнесменов о том, каково их решение, и, скорее всего, они ответят: «Позвольте рассказать вам анекдот».

Вы с интересом выслушиваете его и в конце рассказа говорите: «Отлично! Ну, так как же насчет вашего решения?»

«Я же уже сказал», – отвечает британец.

Такие замечания могут сбить с толку оппонента и вызвать культурный шок.

В отличие от британской модели ведения переговоров, в основе риторического идеала российской модели лежат гармонизирующее диалогическое начало и желание избежать конфликта [4, с. 192].

Если британцы скрывают свои позиции как можно дольше, внося долю туманности в общение, русская сторона прибегает к стратегиям совместно проанализировать ситуацию, сблизить позиции и объединить интересы участников переговоров.

Кроме этого имеются существенные различия в способах реализации стратегий. Представители русской культуры ведут себя более категорично, более уверенно, иногда, как кажется британским бизнесменам, более агрессивно, напористо.

Например, стратегия гармонизации общения на этапе сближения позиций и приглашения к совместному поиску взаимоприемлемого решения реализуется с помощью форм повелительного наклонения или утверждений, которые не оставляют ни доли сомнения в окончательности и обдуманности своего хода русской стороной.

Сравните следующие высказывания : «*Проанализируйте график и отчет о выполненных работах...*», «*Мы предоставляем места на нашем рынке только на условиях предоплаты, и здесь никаких вариантов быть не может*».

Они показывают безапелляционность, прямолинейность, настойчивость, которые являются характерными чертами речевого поведения российских бизнесменов. С другой стороны, при всей категоричности высказываний гармония может достигаться за счет использования таких средств фасцинации, как местоимения «*вы*», «*нас*», которые приглашают слушающего к сотрудничеству.

В ходе переговоров русскоязычные партнеры, так же как и британские, стремятся достичь согласия при помощи частичного признания правильности точки зрения партнера. Однако одни и те же способы реализации, часто называемые приемом Сократа, имеют разные функции.

Так, в высказываниях: «*Вы абсолютно правы, но...*», «*Конечно, Вы правы, но как специалист вы понимаете, что...*» – и в российской, и в британской моделях переговоров, частичное согласие используется для «мягкого» возражения собеседнику с целью придать конструктивный тон переговорам.

Но в русской культуре цель данного приема – сохранить доброжелательную интонацию спора и развить диалог, а в британской культуре высказывания продиктованы уклончивостью и угрозой причинить вред «лицу».

Доказательством диалогического характера российской модели переговоров является также стратегия выражения сильной позиции, некой разновидности стратегии прессинга, которая бывает непредпочтительной, а в некоторых случаях – и необходимой. Ссылка на факты, опора на цифры переводят переговоры в заинтересованный диалог, в котором устанавливается лидерство. Например: «*Приведем некоторые цифры...*».

Таким образом, как показывает проведенное сравнение британской и российской моделей переговоров, между ними имеются существенные различия в способах реализации речевых стратегий, в подходах к обоснованию

ванию коммуникативной целесообразности высказываний и замыслов общающихся.

Межкультурные особенности проведения переговоров необходимо осознавать и учитывать для достижения взаимоприемлемых решений и избежания культурного шока, но нельзя допускать бездумного переноса стратегий и способов их реализации из одной модели в другую.

Наиболее эффективными будут те переговоры, которые соответствуют национальному риторическому идеалу страны, где они проводятся.

Литература

1. Михальская А.К. Основы риторики. – М.: Мысль и слово, 1996. – 379 с.
2. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. 2-е изд. – М.: Дело, 2001. – 448 с.
3. Лебедева М.М. Вам предстоят переговоры. – М.: Экономика, 1993. – 158 с.
4. Колтунова М.В. Язык и деловое общение. Нормы, риторика, этикет. – М.: Экономическая литература, 2002. – 287 с.
5. Thomas J., Meaning in Interaction. An Introduction to Pragmatics. – Longman, London and New York, 1996. – 224p.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ю.А. ВОЛОСНОВА, доцент кафедры перевода МГУЛа, к. филол. н.

В настоящее время происходит бурное развитие компьютерных технологий и внедрение их во все области нашей жизни. Появление огромного числа новых понятий вызывает, в свою очередь, появление соответствующих терминов. При этом часть терминов из языка специалистов по компьютерам стала проникать в общелитературный и даже в обиходный язык и сделалась всеобщим достоянием.

Эти термины быстро стали общепонятными благодаря тесной связи новейших научных открытий с повседневной жизнью. Тем не менее, нужно отметить, что основная масса научно-технической терминологии продолжает оставаться за пределами общелитературного языка и понятна лишь специалисту данной отрасли знания.

К сожалению, приходится признать, что в силу исторических условий развитие компьютерной техники в России значительно отстало от Запада. Поэтому вместе с компьютерными технологиями в нашу страну пришло много терминологических заимствований из английского языка. Насчет употребления иностранных заимствований в русском языке ведутся горячие дебаты. Сторонники ограничения употребления иностранных слов аргументируют свою точку зрения

тем, что русский язык достаточно богат, чтобы обеспечить словарным запасом любую область знания.

Конечно, вопрос о целесообразности замены уже существующих иноязычных терминов остается сомнительным, особенно в тех случаях, когда приоритет открытия в научно-технической области принадлежит другой стране. Однако существует еще несколько аргументов в пользу употребления иноязычных терминов. Один из них – принцип речевой экономии, поскольку средняя длина слова в английском языке гораздо меньше средней длины слова в русском языке.

Например, *перевод-описание* представленных ниже терминов приведет к значительному увеличению текстового объема, поскольку одно-двухсложные слова английского языка будут заменены многосложными словами и словосочетаниями русского:

bag – мультимножество, неупорядоченная совокупность, множество с повторяющимися элементами;

bit handling – поразрядные операции, манипулирование;

clipboard – буфер для вырезанного текста, ячейка для информационного обмена.

Процесс увеличения объема текста происходит еще и потому, что одной из ос-

новополагающих характеристик русскоязычного научно-технического стиля является строгая ясность изложения.

При переводе английского текста переводчик должен полно и точно передать мысль автора, облекая ее в форму, присущую русскому научно-техническому стилю и отнюдь не перенося в русский текст специфические черты английского подлинника. Эта серьезность изложения резко контрастирует с определенной игривостью и легкостью, свойственной английскому языку информационных технологий, что можно увидеть при семантическом анализе следующих примеров:

bit stuffing – подстановка битов, заполнение битами; дословно *набивание битами*;

bounce – срыв (изображения на экране), резкое изменение (яркости изображения); дословно *прыжок, отскок*;

browse – просматривать; дословно *пастись*;

bug – ошибка; дословно *жучок*;

capture – копирование текущего изображения на экране; дословно *захват*;

cobweb site – сайт, который давно не обновлялся; дословно *паутинный сайт*;

cuckoo egg – файл, по объему маскирующийся под искомый, но содержащий меньше информации и, возможно, несущий вирус; дословно *кукушкино яйцо*;

Easter egg – скрытое сообщение на экране или в приложении, обычно содержит сюрпризы, игры, или имена разработчиков; дословно *пасхальное яйцо*;

ferret – программа поиска избранных файлов или особой информации; дословно *хорек*;

firewall – система защиты от несанкционированного доступа; дословно *огненная стена*;

footprint – место, занимаемое компьютерной системой на письменном столе, ее опорная поверхность; дословно *след*;

gatekeeping – процесс выдачи информации тем, кто ее контролирует; дословно *охрана ворот*;

gateway – вход в Интернет или в сеть, межсетевой интерфейс; дословно *ворота*;

ghostsite – сайт, на который можно зайти, но который запущен и не обновляется; дословно *сайт с привидениями*;

handshake – квитировать установленные связи; дословно *рукопожатие*;

holy war – спор об основополагающих принципах компьютерной технологии; дословно *священная война*;

host – главный, базовый, ведущий компьютер; дословно *хозяин*;

hub – ядро в сети; дословно *ступица колеса*;

kill file – файлы, указывающие типы информации, которую пользователь не желает получать; дословно *файл-убийца*;

landscape / portrait – горизонтальный / вертикальный (о расположении страницы); дословно *пейзажный / портретный*;

last-in, first-out – в магазинном порядке; дословно *последним вошел, первым вышел*;

live – доступный, открывшийся (о сайте); дословно *живой*;

lurk – присутствовать на чате, но не участвовать в нем; дословно *скрываться в засаде, подстерегать*;

mail bomb – пересылка большого объема электронной почты, которая приведет к остановке работы компьютера; дословно *почтовая бомба*;

milestone – промежуточный отчет; дословно *веха*;

motherboard – объединительная плата; дословно *материнская плата*;

off hook – индикатор «включено» на модеме, показывающий, что телефонная линия работает и готова к коммуникации; дословно *снято с рычага*;

packet sniffer – программа, распознающая в пакетах информации в Интернете определенные группы цифр или букв, например, номера кредитных карт; дословно *вынюхиватель пакетов*;

peer-hole optimization – локальная оптимизация; дословно *оптимизация через замочную скважину*;

scissoring – отсечение, вырезание; дословно *вырезание ножницами*;

skin – вид программы на экране, расположение кнопок, дающих доступ к функциям; дословно *кожа*;

slice – вырезка; дословно *ломать*;

snail mail – презрительное название традиционной почты; дословно *улиткина почта*;

spaghetti code – неструктурная программа; дословно *код спагетти*;

squeeze – уплотнять, сдвигать; дословно *выжимать*;

star topology – звездообразная топология; дословно *звездная топология*;

top-down design – нисходящее проектирование; дословно *проектирование вверх ногами*;

unwind – вернуть в исходное состояние; дословно *раскрутить назад*;

unzip – программа открытия файлов ZIP; дословно *растегнуть молнию*;

virgin system – система в исходном состоянии; дословно *девственная система*;

volatile file – изменчивый файл; дословно *летучий*;

wrap-around – циклический переход от конца к началу, заворачивание строки, достигшей конца экрана; дословно *заворот*.

Как видно из примеров, при переводе не только увеличивается объем текста, возрастает употребление узкотехнических терминов, но и теряются образность и метафоричность оригинального термина.

Следует признать, что словарь компьютерной лексики в значительной мере отражает распространенность компьютерной техники в быту и ее доступность для рядового пользователя. К сожалению, компьютер еще не стал повседневным явлением в жизни россиян. Подчеркнутая техничность русского варианта текста предназначена для профессионала – специалиста по компьютерной технике.

Русский вариант текста может быть не понят рядовым пользователем, в то время как яркие образы английского текста, основанные на общеупотребительных словах и выражениях, доступны для технически не подготовленного пользователя, поскольку

полностью раскрывают семантику сложных технических явлений.

Рассматривая способы перевода технических метафор с английского языка на русский, следует отметить, что новые технические явления, еще не ставшие международными и общеизвестными, изначально не имели эквивалентов в русском языке и должны были переводиться с помощью описательного перевода, точно передающего смысл иноязычного слова в данном контексте.

Но по мере того, как техническое явление внедрялось в повседневную практику и в сознание профессионалов, работающих в этой области, описательный перевод отходил на второй план или исчезал из употребления в силу своей громоздкости. В силу вступал закон речевой экономии, а наиболее экономичным способом передачи понятия, ставшего общеизвестным, становилась **транслитерация**, которая сначала использовалась профессионалами и приобретала статус профессионализма в словарях, но затем проникала в сферу общего употребления рядовых пользователей. Например:

banner – заголовок; проф. *баннер*;

browser – программа, предоставляющая возможность просматривать информацию в сети; проф. *браузер*;

chat – беседа двоих или более человек в реальном времени с использованием компьютеров; проф. *чат*;

click – щелкнуть кнопкой мыши для активации чего-либо; проф. *кликнуть*;

client – удаленный компьютер, соединенный с сервером, являющийся клиентом этого сервера; проф. *клиент*;

cracker – тот, кто взламывает компьютерную систему с намерением принести вред; проф. *кракер*. Термин был придуман хакерами, чтобы отделить себя от злоумышленников, однако термины *кракер* и *хакер* взаимозаменяемы;

data traffic – поток информационного обмена; проф. *трафик*;

dump – разгрузка памяти; проф. *дамп*;

icon – образ, условный графический символ; проф. *иконка*;

navigation – передвижение; проф. *навигация*;

online – в режиме реального времени; проф. *онлайновый*;

robust – живучесть, устойчивость; проф. *робастность*;

server – обслуживающее устройство; проф. *сервер*;

spam – рассылаемая по множественным адресам реклама или сообщения, не содержащие нужной для пользователя информации; проф. *спам* (первоначально *консервированный колбасный фарш*);

Известная часть терминов при переводе калькируется, т. е. передается с помощью русских слов и выражений, дословно воспроизводящих слова и выражения английского языка. В следующих примерах дается как калькированный, так и описательный переводы, при этом видно, насколько **кальки** экономичнее и образнее описательного эквивалента:

alter ego, avatar – второе «я», аватар, персонаж, под именем и образом которого пользователь участвует в компьютерных играх и чатах;

angel – ангел, тот, кто делает капиталовложения в развивающиеся интернет-компании;

batch – пакет, пачка, партия, группа, серия;

bind – компоновать, связывать;

block – блок;

body – тело, внутренняя часть информационного объекта;

bookmark – закладка;

bubble sort – пузырьковая сортировка, кружок в обозначении логического элемента;

demon – демон, процедура, запускаемая автоматически при выполнении некоторых условий, то есть та, которая скрыта, но которую можно вызвать;

enter – вводить;

forward slash – косая черта, проф. *косая*;

hangup – неожиданный, незапланированный останов, зависание;

jagging – неровность, ступенчатость;

jump – переход, передача управления, скачок;

mouse – мышь, устройство ввода координат;

nesting – вложенность, формирование гнезда;

queue – очередь, очередность;

spider – программа, которая собирает данные о новых и обновленных страницах в Интернете и передает информацию о них в базу данных, паук;

sprite – персонаж анимационной графики, которым пользователь управляет в игре, эльф;

surf – перемещаться по Интернету от сайта к сайту с помощью щелчков по гиперссылкам, заниматься серфингом;

virus – вирус;

Web guru – гуру из Веба, знаток Интернета.

В этом ряду выделяются неполные кальки *enter* и *forward slash*, поскольку *enter* переводится переходным глаголом «вводить», в то время как оригинальный глагол имеет значение «входить» и в обиходной речи не является переходным. Но в компьютерной терминологии этот глагол приобретает свойство переходности и требует прямого дополнения.

Неполной калькой является и *forward slash*, поскольку в ней переводится только второй элемент – «косая черта». Первый элемент, *forward* – «направленная вперед», – опускается в целях речевой экономии, а пробел в семантической парадигме компенсируется при переводе словосочетания *back slash* – «обратная косая», создавая, таким образом, семантическую оппозицию «по умолчанию».

Модификации семантики метафоры, когда слово приобретает другой оттенок обиходного значения, оставаясь терминологически неизменным, часто имеют место при калькировании. Например:

fuzzy logic – нечеткая логика, обиходное значение слова *fuzzy пушистая*

high / low – старший / младший, обиходное значение *высокий / низкий*.

Особый интерес в ряду терминов представляют *ложные метафоры*, выражения, которые кажутся метафорами на первый взгляд, но на самом деле имеют вполне логическое, а не образное, объяснение. Например, *burn* – «программировать в ППЗУ», дословно *сжигать*. Первоначально термин относился к ППЗУ с однократной записью, производимой пережиганием плавких перемычек. Таким образом, значение *сжигать* является не метафорой, а, скорее, метонимией, основанной на смежности понятий. Или другое подобное выражение – *fox message* – «сообщение о лисе» представляет собой аллюзию на выражение *a quick brown fox jumps over the lazy dog*, стандартное сообщение, передаваемое для проверки работы связи и содержащее все буквы латинского алфавита.

Такие общеизвестные выражения, как *KISS-principle* – «кисс-принцип», «принцип поцелуя» (в объяснительном переводе принцип упрощения конструкции или работы), или *WORM* – «червяк» (компьютерный вирус), также являются не метафорами, а аббревиатурами. *KISS* расшифровывается как *keep it simple, stupid* «не усложняй, тупица», а *WORM* – как *write once read many* – «один раз напиши, много раз прочти»; то есть вирус, рассылающийся по всем адресам электронной почты пользователя.

Надо отметить, что программисты обладают своеобразным чувством юмора и охотно используют различные стилистические средства в терминообразовании. Например, выражение *bit-by-bit* имеет значение «порядочный, побитовый». Но в обиходной речи это устойчивое словосочетание означает «понемногу, потихоньку», т. е. налицо стилистическое средство *каламбур*.

Аллюзия также принадлежит к средствам терминообразования. Так, *aladdin expander* – «программа для извлечения архивных файлов» – делает отсылку к сказке про Аладдина, извлекшего джинна из кувшина. *Chernobyl packet* – «пакет, который серьезно нарушает работу сети», проводит параллель с чернобыльской аварией, а *cybersquatter* – «киберсквоттер», или «тот, кто регистрирует имя домена, которое по логике названия

должно принадлежать кому-то другому, с целью дальнейшей продажи домена», берет начало во времена колонизации Америки и намекает на самовольный захват земельных участков. К аллюзиям принадлежит и *Trojan* – «Троянский конь», компьютерный вирус, маскирующийся под программу.

Компьютерная терминология, особенно относящаяся к Интернету, изобилует метафорами и образными выражениями, поскольку Интернет является своеобразной копией реального мира, но в электронном выражении. В виртуальный мир приносятся конкретные и абстрактные понятия и категории реального мира, его общественно-политические институты, пороки и добродетели, которые обозначаются уже известными словами, наполненными иным смыслом. Например:

architecture – архитектура, структура;

archive – архив, хранилище;

auction – аукцион;

auditor – аудитор, независимая компания по проверке добросовестности заказчиков баннеров;

mail box – почтовый ящик;

broker, online – онлайн-брокер, посредник в сетевой торговле;

censoring Web material – цензура сетевых материалов;

denizen – обитатель – пренебрежительный термин для обозначения пользователя Интернета;

domainism – предубеждение против людей, основанное только на их электронном адресе, например: «Что вас слушать? Вы же пишете из aol.com»;

Internet security – служба безопасности Интернета;

Net God – тот, кто обладает обширными знаниями об Интернете;

Net Personality – тот, кто рассылает сообщения на многие форумы и, таким образом, хорошо известен;

Net Police – (ироническое) те, кто навязывает свои представления о правилах поведения в Интернете;

postmaster – почтмейстер, компания или провайдер, отвечающий за почту;

Web designer – дизайнер, проектировщик сайтов;

Web developer – разработчик архитектуры сайта; букв. – *застройщик*;

Web master – хозяин сайта, отвечающий за его функционирование;

Websmith – разработчик сайта, по аналогии с *goldsmith* – *золотых дел мастер*.

Часто для образования терминов используется *сленг*, который невозможно перевести на русский язык, сохранив семантику и стиль оригинала. Такие выражения переводятся с помощью описания или калькирования:

buddy lists – услуга, предоставляемая порталами, возможность узнать подсоединены ли друзья пользователя к сети в данный момент, дословно – *списки приятелей*;

cancelbunny, cancelmoose – тот, кто уничтожает спам или присланную почту от неизвестных источников; дословно – *зайка-уничтожитель*, или *лось-уничтожитель*;

fried – что-либо окончательно сломанное; дословно – *зажаренный*;

frozen – зависший, не отвечающий компьютер; дословно – *замороженный*;

hot list – список наиболее популярных сайтов в сети; дословно – *горячий список*;

key pal – приятель (кореш) по электронной переписке (аналог *pen pal* – приятель по переписке);

При таком широком распространении метафор у них появляются **производные метафорические неологизмы**. Существует множество способов образования неологизмов, например, с помощью продуктивного словообразовательного суффикса *able* (*clickable graphic* – графический рисунок с активными зонами, по которым надо щелкать для получения гиперссылок). В образовании производных метафор активно участвуют некоторые слова или аффиксы. Например:

cyber-, Net-

cybercafe – киберкафе, Интернет-кафе, где за плату пользователь может поработать или обменяться информацией в Интернете;

cybercide – киберцид (по аналогии с «геноцид»), уничтожение виртуального персонажа;

CyberSitter 2000 – программа, фильтрующая информацию на домашнем компьютере, чтобы не допустить просмотр детьми порнографических сайтов;

NetNanny – программа, закрывающая детям доступ на порносайты.

аффиксы e-, -er

e-cruiting – набор людей в сети, рекрутирование;

ego surfers – те, кто ищут в Интернете упоминание своего собственного имени.

Некоторые метафоры образуют группы производных метафор, включающих базовую корневую морфему. Например:

flame – писать агрессивные и грубые письма, что запрещается этикой Интернета;

flame bait – письмо-провокация на ответную грубость;

flame war – обмен агрессивными сообщениями между участниками коммуникации;

tool – инструментальные средства, инструментарий;

tool kit – набор, комплект инструментальных средств, дословно *сумка с инструментами*.

Аллюзия *Chernobyl packet* привела к образованию производной метафоры *melt-down* «результат чернобыльского пакета», которая в контексте чернобыльской аварии имела терминологическое значение «расплав активной зоны реактора».

Распространение сетевых магазинов также привело к образованию метафорических терминов, связанных с торговлей, таких, как:

shopping cart – «продуктовая тележка» или программа, дающая возможность отыскивать в Интернете товары и помещать их в электронную продуктовую корзину, которая затем подсчитывает их стоимость;

wallet – бумажник, программа для покупок в Интернете, содержащая номер кредитной карточки и данные пользователя.

Особое место в образовании метафор-неологизмов играет **стяжка**, которая практически не имеет адекватного перевода:

clickly – щелкать быстро кнопкой мыши (*click* и *quickly*);

cybrarian – киберкнижник, тот, кто зарабатывает, добывая и передавая нужную информацию в Интернете (*cyber* и *librarian*);

digizine – цифровой магазин (*digit* и *magazine*);

e-zine – электронный магазин (*e-* и *magazine*);

internesia – неспособность запомнить, какие сайты были осмотрены (*Internet* и *amesia*);

Netiquette – правила поведения в Интернете (*Net* и *etiquette*);

Netizen – человек, использующий Интернет в политических целях (*Net* и *citizen*);

spamdexing – спамдексирование, введение в заблуждение поисковых систем, когда сайту приписывается совершенно иное содержание (*spam* и *indexing*).

Рассмотренный материал показывает, что, во-первых, метафора и другие образные

средства являются продуктивным источником терминообразования в области компьютерной техники. Во-вторых, в русском и английском техническом стиле существуют определенные общестилевые различия и, следовательно, возникают стилистические трудности при переводе английских терминов на русский язык. И, в-третьих, благодаря распространению компьютерной технологии существует тенденция к интернационализации понятий, а следовательно, и терминов данной сферы деятельности человека.

Литература

1. Англо-русский словарь по программированию и информатике (с толкованиями). – М., 1994. – 335 с.
2. Зейденберг В.К. и др. Англо-русский словарь по вычислительной технике. – М., 1995. – 397 с.
3. Cowpewart J., Flynn S., *The Internet from A to Z.* – L., 2001. – 478 p.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОМОНИМИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т.И. КРАСИКОВА, доцент кафедры перевода МГУЛа, к. филол. н.

Одним из явлений, свойственных всем языкам, характеризующих лексико-семантическую систему каждого языка, является омонимия. В связи с тем, что это явление широко распространено во многих языках и имеет большое значение для характеристики лексико-семантической системы языка, проблема омонимии привлекает как отечественных, так и зарубежных лингвистов. На необходимость изучения омонимии обращали внимание как русские, так и зарубежные лингвисты. Это связано с потребностями лексикографии, методики преподавания английского языка. Однако, несмотря на очевидную важность исследования этого интереснейшего явления, несмотря на наличие большого числа работ, посвящённых его изучению, целый ряд проблем по омонимии всё ещё ждёт своего исследователя.

Целью данной статьи является анализ теоретических проблем, связанных с рассмотрением омонимии в синхронном и диа-

хронном планах на материале генетически не связанных омонимов.

В связи с тем, что омонимия представляет собой лингвистическое явление, принадлежащее синхронии, подавляющее большинство имеющихся исследований в этой области изучало это явление только в синхронном плане, на материале современных языков.

В современном языкознании имеются исследования по английской омонимии, рассматривающие такие проблемы, как определение омонимов, их классификация, источники омонимов. В современном языкознании нет работ по исследованию омонимов с древнейших времён до наших дней. Не рассматривалось историческое развитие омонимов, а также устойчивость омонимии как лингвистического явления, не определялась устойчивость омонимичных рядов и их отдельных компонентов, не выявлялись факторы, обуславливающие большую или

меньшую устойчивость омонимичных рядов и их членов в истории английского языка.

В лингвистической литературе совершенно нет работ, которые изучали бы специфику омонимии разных периодов истории одного и того же языка. Современное языкознание не располагает сведениями об изменениях в количественном соотношении омонимов, возникших в языке и выпавших из него в каждый данный период, о количественном соотношении омонимов разных видов, в частности генетически связанных и генетически не связанных, и о специфике путей их развития.

В современной науке не решены проблема о роли омонимии в разные периоды исторического развития того или иного языка, проблема общего направления развития омонимии в каждом отдельном языке, проблема так называемого «конфликта» омонимов, под которым понимается столкновение омонимов, в результате чего происходит выпадение омонимов из языка. Выбор предмета исследования обусловлен рядом обстоятельств.

Омонимия-явление, связанное с нарушением в естественных языках «закона знака», рассматривалась многими учёными, но все попытки прийти к однозначному решению по целому ряду вопросов, касающихся этого явления, не увенчались успехом. Поэтому до сих пор омонимия остаётся одной из сложнейших и наименее изученных проблем лингвистики.

Изучение языка как системы знаков предполагает особое внимание к явлению омонимии как в общелингвистическом плане, так и в плане частного языкознания, в отдельных языках и в отдельные исторические периоды одного и того же языка. Именно на уровне словесных знаков историческая непрерывность, глобальность означаемого находят своё выражение в явлениях полисемии и омонимии.

Теоретические предпосылки описания омонимов тесно связаны с кардинальной проблемой лингвистики – ассиметрией языкового знака. Один аспект ассиметрии языкового знака – одно–многочисленное соответ-

ствие между означаемым и означающим – давно уже является объектом плодотворных исследований – проблема разного рода гетерономии языковых элементов. Второй же, не менее существенный, аспект ассиметрии знака – одно–многочисленное соответствие между означающим и означаемым – до сих пор не был объектом всестороннего изучения.

Наряду с работами, в которых проблема омонимии трактовалась в общетеоретическом плане, в последнее время появилась целый ряд работ конкретных лингвистических исследований, рассматривающих явление омонимии. Эти работы направлены на рассмотрение, в основном, лексической и лексико-грамматической омонимии.

Целый круг вопросов связан с пониманием слова, его смыслового объёма, определением семантических границ омонимов, с разграничением явлений омонимии и полисемии (В.В. Виноградов, О.С. Ахманова), с выявлением языковых критериев «разрыва» тождества слова, особенно в практике составления словарей (С.А. Ожегов, В.И. Абаев, Л.И. Кутина, Е.А. Зверева), в машинном переводе (В.В. Копилов, К.Ф. Скороходько). В центре внимания учёных, занимающихся рассмотрением омонимии, неизменно стоит проблема определения самого термина «омоним». Стимулирующими в этой области явились работы В.В. Виноградова и, особенно, А.И. Смирницкого, который выдвинул новое понимание термина «омоним», включающее тождество не только исходных форм, но и других членов парадигмы, а также разработал новые принципы классификации омонимов слов и словоформ.

Предметом спора многих учёных служит классификация омонимов, которая занимает важное место в исследовании омонимов любого языка. Однако в существующих работах по омонимии пока нет единого общепринятого деления омонимов на классы. Нет единого мнения и в вопросах терминологии, в принципах выделения классов омонимов.

В определении термина «омоним» одни исследователи определяли омонимы как два или более слова, состоящие из тож-

дства фонемных рядов и различающихся только семантически или грамматически, или семантически и грамматически одновременно. Другие учёные считали, что в нашу эпоху план выражения не может ограничиваться лишь звуковой стороной, а должен включать не только звуковую, но и графическую сторону, при обязательном различии хотя бы по одному из признаков плана содержания, поэтому в основе термина «омоним» лежит учёт фонетического и графического состава слова. (Л.В. Малаховский). Что касается классификации омонимов, то предложенная А.И. Смирницким классификация наиболее полно и точно отражает объективно возможные случаи совпадения звуковых форм слов.

По классификации А.И.Смирницкого, омонимы подразделяются, с одной стороны, на полные и частичные; с другой стороны, на лексические, грамматические и лексико-грамматические. У полных омонимов звуковое тождество форм проходит через всю парадигму слов. Например: MASS 1 n. «месса» и MASS 2 n. «масса». К явлениям частичной омонимии относятся различные случаи совпадения по звучанию отдельных словоформ. В примере LIGHT 1 n. «свет» и LIGHT 2 adj. «лёгкий» совпадают лишь отдельные формы этих слов.

С другой стороны, А.И. Смирницкий делит все омонимы на лексические, различающиеся только по значению; грамматические, которые различаются грамматически, и лексико-грамматические, когда омонимы различаются между собой не только лексически, но грамматически. При этом лексические омонимы могут быть как полными, так и частичными, а грамматические и лексико-грамматические – только частичными.

Лексико-грамматическая омонимия, в свою очередь, подразделяется на: 1) простую лексико-грамматическую омонимию, которая наблюдается в таких случаях, когда слова относятся к одной и той же части речи, например: FOUД 1 «нашёл» и FOUND 2 «основывать»; 2) сложную лексико-грамматическую омонимию, представленную омонимией словоформ и относящуюся к разным

частям речи, например LIGHT 1n. «свет» и LIGHT 2 adj. «лёгкий».

Классификация А.И. Смирницкого лежит в основе всех других существующих классификаций на материале различных языков, при этом в отдельных работах вводятся отклонения от этой классификации, связанные с попыткой ввести дальнейшие уточнения.

В.Г. Горбань, например, предлагает классификацию омонимов в следующем виде, синтезируя при этом варианты классификации, предложенные А.И. Смирницким, И.С. Тышлером и И.В. Арнольд.

1. Лексические омонимы – слова, принадлежащие к одной части речи, имеющие различные, друг с другом не связанные значения и фонетически совпадающие совпадающие в грамматически тождественных формах. Они подразделяются на: а) полные, то есть совпадающие во всех своих формах, например, DIE WEIDE 1 n. *ива*, DIE WEIDE 2 n. *пастбище*; б) неполные, совпадающие не во всех своих формах, например, DER SCHILD 1 n. (мн. число SCHILDE) *щит* и DAS SCHILD 2 n. (мн. число SCHILDER) *вывеска*; в) частичные, совпадающие в отдельных формах, например, DER SCHECK 1 n. (Gen. des Schecks) *чек*, DER SCHECK n/ (Gen. Schecken) *пегая лошадь*.

2. Лексико-грамматические омонимы – омонимичный ряд, члены которого принадлежат к одной и той же или к разным частям речи, имеют различное значение и фонетически совпадают в разных грамматически не тождественных формах. Они также подразделяются на: а) полные, совпадающие в единственных своих формах, например, DAMIT 1-adv. ;DAMIT 2 –conj.; б) неполные, совпадающие не во всех своих формах, например, EIN GELEHRTER 1 n. *учёный* ; EIN GELEHRTER cds (eine gelehrte... gelehrtes) *учёный*; в) частичные, совпадающие в отдельных формах, например, LEDERN 1adj. *кожаный*, LEDERN 2 adj. *дубить*.

Однако деление омонимов на полные (100 % общего числа форм обоих омонимов), неполные (совпадение более 50 % форм) и частичные (менее 50 %) представля-

ется искусственным и лингвистически не обоснованным.

Внимание заслуживает классификация омонимов, предложенная Л.В. Малаховским. Исходя из своей трактовки омонима, автор со стороны плана выражения выделяет три основных типа омонимов: фонетико-графические, чистофонетические и чистографические. Со стороны плана содержания выделяются также три основных типа. Это лексико-грамматические, чистолексические и чистограмматические омонимы.

Например, омонимичная пара BANK 1 п. *берег*, и BANK 2 п. *банк* является фонетико-графической – со стороны плана выражения и чисто лексической – со стороны плана содержания.

Другая омонимичная пара USE 1 п. *польза* и USE 2 vb *использовать* содержит чистограмматические и чистографические омонимы.

Выделение девяти классов омонимов в английском языке, так же как и в других языках, представляется затруднительным, поскольку такая задача связана с многоплановым рассмотрением и выяснением взаимоотношений языковых единиц. К тому же, установление различия слов в плане содержания затруднено тем, что единицы плана содержания, в отличие от единиц плана выражения, не даны в слове эксплицитно и требуют для своего выявления специального дополнительного исследования.

Среди различных типов филологических словарей словари омонимов занимают в настоящее время очень скромное место, однако необходимость в создании таких словарей ощущается с каждым годом всё острее. На необходимость создания такого словаря в 1940 году указывал В.В. Виноградов. В 1953 году С.И. Ожегов подчёркивал ту же мысль о необходимости составления словаря омонимов, который даст действительно полный, а не иллюстративный материал для решения вопросов омонимии в теоретическом плане.

В лексикографической практике за рубежом и в России предпринято несколько попыток создания такого рода словарей,

причём они преследовали, в основном, практические цели и предназначались в качестве пособия для изучения языка. Чаще всего английского.

Первый словарь омонимов английского языка, созданный в нашей стране И.С. Тышлером, вызвал целый ряд возражений и нареканий. В словарь омонимов немецкого языка В.Г. Горбань включает лексические омонимы – полные, неполные и частичные; омографические и неомографические, в том числе и те, которые совпадают в «несловарных» формах. Всего в словаре 1188 омонимичных групп.

Словарная статья содержит исходные формы заглавных слов с указанием на грамматический род имён существительных и на парадигму их склонения, на переходность и непереходность и т. д., а также перевод на русский язык.

Вторым опубликованным в нашей стране словарём омонимов является «Словарь омонимов русского языка» О.С. Ахмановой. Он, по мнению автора, должен дать основу для более обстоятельного обсуждения широкими кругами лексикографов многообразных и сложных проблем, связанных с семантическим анализом слова и определения его границ.

Словарь состоит из основной части, содержащей омонимы русского языка, двух указателей и двух приложений. Основная часть словаря состоит из словарных статей, объединяющих омонимические пары или группы слов.

Для того чтобы подчеркнуть омонимическое противопоставление двух слов, автор часто прибегает к грамматическим сведениям; каждый омоним снабжён этимологической справкой. Словарная статья заканчивается переводами на русский, английский, французский и немецкий языки. Примеры лексической сочетаемости слова-омонима или словоформ, иллюстрирующие употребление его в языке, на наш взгляд, являются важной характеристикой омонима. Данный «Словарь омонимов русского языка» представляет собой ценный лексикографический материал.

ческий справочник, полно отражающий омонимию современного русского языка.

Появление словарей омонимов не только в английском, но и в других языках говорит о всё расширяющихся и углубляющихся изысканиях в области омонимии. Анализ материала зарубежных и русских лексикографов показал, что словари омонимов ограничиваются только синхронным описанием омонимичных рядов. До сих пор нет списков омонимов, которые охватывали бы разные виды омонимов на разных синхронных срезах какого-либо языка.

Исключением в этом плане является словарь Г.Ф. Торжинской, который в известной мере отражает эволюцию омонимики английского языка в один из периодов его развития. Это своеобразное и ценное приложение, в которое автор включил генетически не связанные омонимы, возникшие в новейший период в английском языке.

Данный словарь-приложение интересен тем, что в нём сгруппированы омонимичные ряды по мере их появления, выпадения, расширения, сужения. Каждая словарная статья характеризует лексическую единицу с точки зрения её лексико-грамматической принадлежности, этимологической справки и значения. Выпавшие омонимы в словарной статье имеют указание и на время исчезновения их из языка. Такое построение словарной статьи даёт достаточно полное представление об истории исследуемых единиц в новейший период.

Наряду с достоинствами словаря следует отметить и один существенный недостаток. В словарных статьях, содержащих конвертированное слово, не совсем удачно продумана подача рядов с генетически связанными омонимами.

Необходимо отметить, что историческое языкознание за последнее десятилетие стало областью весьма пристального рассмотрения как в плане общей теории развития науки, так и в плане оценки некоторых этапов прошлого в свете современности. На новом этапе возобновился интерес к диахронным исследованиям с успешным при-

менением достижений, накопленных при синхронном изучении языков.

При диахронном подходе нельзя учитывать синхронные аспекты: в любой данный момент единицы языка имеют характер либо новых, либо устаревающих или устарелых, либо нейтральных по отношению к изменению.

В лингвистической литературе немногочисленны работы, которые рассматривали бы омонимию в диахронии. При этом в центре внимания большинства диахронных исследований находятся источники омонимии.

Большинство учёных выделяют два основных источника омонимии: 1) распад полисемии; 2) совпадение по форме ранее звучащих слов. В русском языкознании давно отмечалось, что важным источником омонимии в русском языке является словообразование, в частности образование приставочных глаголов. А.И. Смирницкий выдвинул мысль о том, что одним из источников омонимии в английском языке следует считать конверсию.

Рассматривая источники омонимии Г.Ю. Князева обратила внимание исследователей на то, что другие способы словообразования и формообразования также являются источниками омонимии в английском языке.

Крупными исследованиями, в которых рассматриваются источники омонимии в английском языке, являются работы А.Я. Шайкевича и И.С. Тышлера.

Так, А.Я. Шайкевич, анализируя источники лексических омонимов в пяти германских языках, акцентирует внимание на распаде полисемии, а также выделяет такие источники, как фонетические изменения, заимствование и словообразование.

Рассматривая источники возникновения полных гомогенных омонимов в английском языке, И.С. Тышлер, в свою очередь, подвергает анализу распад полисемантического слова как одного из главных источников образования омонимов. Что касается первого источника – распада полисемии, – то омонимы, возникшие этим путём, являются

генетически связанными, так как распад полисемии по своей природе не может привести к возникновению другого вида омонимов. Омонимы, возникшие из ранее разно звучащих слов, могут относиться как к генетически связанным, так и к генетически не связанным.

Например, древнеанглийское существительное *BOC* «книга» и соответствующий глагол *BOCIAN* «заносить в книгу» в древнеанглийский период не были омонимами. Позднее эти разно звучащие слова совпали по звучанию: *BOOK* 1 n. «книга», *BOOK* 2 vb. «заносить в книгу». Таким образом появились омонимы, связанные по происхождению.

В другом примере нованглийского среза *GRIST* 1 – *GRIST* 2 – *GRIST* 3, *GRIST* 1n. «Corn which is to be ground» возникло в XI веке. *GRIST* 2 n. «The size of yarn» возникло в XVIII в. (первоначальная форма *GRIST*), а также *GRIST* 3, vb. «To grind corn», которое образовалось от *GRIST* 1 в XX веке. Слова *GRIST* 1 и *GRIST* 2 не совпадали по форме до XX века. В результате фонетических изменений в XX веке *GRIST* 1 и *GRIST* 2 стали омонимами генетически не связанными.

Другие вопросы, связанные с диахронным исследованием омонимов, остаются за пределами рассмотрения указанных работ. В частности, ещё не подвергались изучению особенности развития генетически связанных и генетически не связанных омонимов.

Вплоть до недавнего времени исследователи не ставили перед собой даже задачи чёткого разграничения генетически связанных омонимов от генетически не связанных, хотя рассматриваемый ими материал включал оба эти типа. Это объясняется главным образом тем, что сам материал, необходимый для постановки и разрешения различных важных проблем функционирования языка вообще и отдельных языков, в частности, в плане различной денотации и сигнификации при тождественности выражения, инвентаризировался без достаточных и чётко сформулированных теоретических оснований, что приводило к субъективизму не только в

толковании проблем омонимии, но и в отборе подлежащего исследованию материала.

Распространённым является мнение о том, что сининимия и полисемия – закономерные явления в языках, что само функционирование языка как средства общения и познания невозможно без этих явлений. Что касается омонимии, то, наоборот, этот аспект асимметрии языкового знака многими считается аномалией, помехой коммуникации. В связи с этим распространено мнение, что естественное стремление языка – освободиться от помехи такого рода. Если эта тенденция действительно имеет место, то процессы развития и совершенствования любого языка должны отражать стремление освободиться от этой помехи, свести её к минимуму.

Вместе с тем было выдвинуто предположение, что опасность «столкновения омонимов» не представляет угрозы коммуникации.

С решением проблемы «конфликта омонимов» тесно связано изучение устойчивости омонимии, а также хронологической глубины отдельных омонимичных рядов и отдельных омонимов в ходе истории английского языка.

Имеющиеся в лингвистической литературе описания истории отдельных рядов послужили основанием для предположения об устойчивости омонимии в языке. Это предположение было проверено в одной работе на материале генетически не связанных омонимов английского языка.

Специальное и планомерное исследование развития омонимии на материале всей истории какого бы то ни было конкретного языка ещё не проводилось, и, следовательно, этот раздел омонимии остаётся неизученным.

Решение этих и других, связанных с ними, проблем требует проведения целого ряда исследований на материале разных периодов исторического развития разных языков.

Имеющаяся литература по истории английского языка свидетельствует о том, что случаи омонимии наблюдались уже в древнеанглийском языке. Однако неизвест-

но, каково было её дальнейшее историческое развитие. Из поля зрения учёных выпадает то время, когда происходили интенсивные изменения в словарном составе английского языка, приведшие к исчезновению целых пластов древнеанглийской лексики, связанные не только с воздействием французского языка, двуязычием значительной части населения, но и с тем, что многие исконно германские лексемы уже в древнеанглийском были локализованы и не имели повседневного общенародного употребления, легко выходили из словарного состава английского языка при дальнейшей его перестройке, расширении и обогащении.

Цель и задачи данной работы предопределили выбор словарей для отбора материала исследования. На большом фактическом материале (исследованию подверглась сплошная выборка 13 томов большого Оксфордского словаря) выявляются основные характеристики омонимичных рядов, а также компонентов рассматриваемых рядов на разных хронологических уровнях (срезах) истории английского языка со стороны лексико-грамматической принадлежности, количественного соотношения случаев омонимии слов и словоформ, слоговой принадлежности, морфемной, семантической структур, этимологической характеристики, рассматривается соотношение этих параметров в ходе истории английского языка и для его дальнейшего исследования.

Поскольку словарь Босворта отражает древнейший слой английской лексики, а словарь Босворта–Толлера дополняет и уточняет данные первого словаря, а также привлекает памятники XII–XIII веков, мы сочли необходимым делать первичную выборку по словарю Босворта и данные этого словаря считать первым срезом.

Далее каждая исследуемая единица выверялась по словарю Босворта–Толлера и полученные дополнительные данные принимались за второй срез. Следующая выборка производилась по словарю Стрэтмана, а также по целому ряду словарей, отражающих среднеанглийский период, то есть тре-

тий срез. Материал для четвёртого среза извлечён из Большого оксфордского словаря.

Выбор данного лексикографического источника обусловлен тем, что он является историческим словарём, в нём даются детальная этимологическая характеристика слов, время их первой и последней регистрации в письменных памятниках, развитие формы и семантической структуры. Материалом для исследования послужили исходные формы заглавных слов, зарегистрированных во всех перечисленных словарях.

Ввиду того, что выбор словарей и их сопоставимость имеют первостепенное значение, для обеспечения надёжности результатов исследования, а также ввиду того, что лексикографические источники разных срезов не адекватны, мы считали необходимым проверять свои данные и по другим словарям.

Аналізу подвергались слова, относящиеся к нейтральной и литературно-книжной лексике; из исследования исключались слова, относимые словарями к нелитературной лексике, т. е. диалектизмы, вульгаризмы, жаргонизмы. Общее число исследуемых единиц составило 25 000 омонимичных рядов.

В основу данного исследования омонимов и омонимичных рядов, а также путей их возникновения положен принцип сочетания количественного и качественного анализа. В ходе всего исследования на каждом этапе рассмотрения той или иной стороны изучаемого явления проводится количественный анализ, например, выявление соотношения между компонентами возникших и выпавших омонимов, а затем следует качественный анализ, например, рассмотрение таких характеристик омонимов, как их типы, слоговая и морфемная структура.

Современное языкознание до сих пор не располагало сведениями о количественном составе омонимов в разные периоды истории того или иного языка и о разнообразных процессах, происходящих в омонимичных рядах в ходе их исторического развития, о количественном соотношении возникших и выпавших омонимов в каждый отдельный период, о количественном соотношении ге-

нетически не связанных омонимов, о специфике путей их развития. Иными словами, в современной науке о языке впервые проведено всестороннее изучение исторического развития генетически не связанной омонимии в английском языке.

Литература

- Ахтямов М.Х. Проблемы омонимии в современном башкирском языке: Дис ... канд. филол. наук. – М., 1968.
- Гладкий П.И. Лексическая омонимия имён существительных в современном немецком языке: Дис ... канд. филол. наук. – Киев, 1967.
- Головин Б.М. Омонимия с современным русским литературном языке / Сб.: Вопросы преподавания современного русского языка в вузах. – Горький, 1969.
- Критенко И.П. Абсолютная и относительная омонимия и её подача в украинско-русском словаре. – Киев, 1969.
- Ульман С.Т. Семантические универсалии / Новое в лингвистике. – Вып 5. – М., 1970.
- Ким М. Омонимия частиц со словами других частей речи / Сб. Вопросы русского языкознания. – Ташкент, 1971.
- Малаховский Л.В. Выделение и классификация омонимов при помощи матричной модели // Slavica slovac, Bratislava. – 1971. – № 3.
- Ким О.М. Омонимия на уровне частей речи и её отражение в словаре / Сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972.
- Шалунц Р.Н. Омонимия в современном армянском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ереван, 1972.
- Малаховский Л.В. Омонимы: Терминология, классификация, определения и принципы выделения / В кн.: Лингвистические исследования. Ч. 2. – М. 1972.
- Горбань В.Г. Подача омонимов в немецких толковых и специальных словарях, структура омонимического словаря: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972.
- Корчагина Т.И. Проблемы омонимии в современном японском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975.
- Соснецкий И. Омонимы в русском языке. – М., 1875.
- Новиков Л.А. Омонимия имен существительных в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1951.
- Неелов А.А. Многозначность и омонимия некоторых английских существительных. – Л., 1953.
- Шендельс Е.И. О грамматической омонимии // ИЯШ. – 1955. – № 5.
- Урбутис В. Способы образования лексических омонимов в литовском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Вильнюс, 1956.
- Молошная Т.Н. Вопросы различия омонимов при машинном переводе с английского языка на русский / Проблемы кибернетики. – Вып. 1. – М., 1958.
- Юрьева Е.Ю. К вопросу об измененной омонимии в современном французском языке / Ученые записки 1-го МГПИИЯ. Т. XIX. – М., 1959.
- Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. – Л., 1966.
- Супрун И.Н. Омонимия и ее соотношение с полисемией в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1959.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956.
- Барзилович А.М. О проблемах омонимии / В сб. Исследования по грамматике и лексикологии. – Киев, 1966.
- Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // ВЯ. – 1960. – № 5.
- Гладкий П.И. Лексическая омонимия имен существительных в современном немецком языке: Дис ... канд. филол. наук. – Киев, 1967.
- Малаховский Л.В. О разграничении уровня слов и уровня словоформ при исследовании лексической омонимии / В кн.: Вопросы романо-германского языкознания и методика преподавания иностранных языков. Т. I. – Иркутск, 1969.
- Пророкова В.М. К вопросу о разграничении омонимов и лексикосематических вариантов слов (на материале производных существительных немецкого языка): Дис ... канд. филол. наук. – М., 1966.
- Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // ВЯ. – 1960. – № 5.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956.
- А.И. Смирницкий. Некоторые замечания по английской омонимике // ИЯШ. – 1948. – № 5.
- Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1940. – № 1.
- Ожегов С.И. Вопросы лексикологии и лексикографии / Труды МЯ ЛАН СССР, Латвийская ССР. – Рига, 1953.
- Тышлер И.С. Словарь омонимов современного английского языка. – Саратов, 1963.
- Медникова Э.М. Проблемы и методы изучения словарного состава (на материале современного английского языка): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1972.
- Кукина Т.И. Устойчивость генетически не связанных омонимов в истории английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1974.

36. Duchacek Otto. L' homonymie et la polysemie. «Vox romanica», Berne, 1962, 21, Bd-I, Heitsch Ernst. Die Entdeckung der Homonymie. Mainz, 1972, Academie der wiss und der Literatur.
37. RINTER Uber Homonymie, Berlin, 1926.
38. Trnka B., Bemerkungen sur Homonymie. Travaux du cercle linguisticue de Pragua, № 4, 1931.
39. Potter S., The Conflict of Homonys. «The modern Language Review», vol. 2, London, 1945.
40. Bridges (On English homophomes) Society for pure English/ vol-3, № 2 Oxford, 1922.
41. Lord R. Complex homonymy in English and semantic structure Studia Linguistica/ vol/ 20, № 2, p. 35–36.
42. Richter B. Ube Homonymie. Berlin – Leipsig New York, 1926. Fischer W. Englische Homophone. Munchen, 1961
43. Ginsburg R.S., Khidekel S.S., Knyazeva G.Y., Sankin A.A.; A Cours in Modern English Lexicology/ Moscow, 1966.
44. Franklin I., Which is Wich? Being a grouping of phonetically competible homophones and woords, L., 1966.
45. Whitford H.C., A Dictionary of American homophones and homographs, N. Y. 1966.
46. Inglott A.F., A Dictionary of English homonyms, pronouncing and exlanatory. L., 1899
47. Schuhmann W.S., Die Homonyma der Englische Sprache, systematisch geordnet...Marburg, 1906
48. Bosworth J. A Dictionary of the Anglo-Saxon Language., L. 1838.
49. Bosworth J., Toller T.N. Bosworth J., A Dictionary of the Anglo-Saxon Language., L.1838glo-Saxon Dictionary.L.,1894.
50. Stratmann F.H., A Middle English Dictionary, Oxford,1964.
51. Kurath K.K., Kunh S.M. Middle English Dictionary, An rbor,1952.
52. James A.H. Murray, Henry Bradley, Gragie W.A., Onion C.T. The Oxford English Dictionary with Supplement and Bibliography, Oxford,1933.
53. Clark J.R. Hall.An Anglo-Saxon Dictionary .L.1962
54. Klein E. A comprehensive Etymologecal Dictionary of the English Language, Oxford, 1967.
55. Onions C.T. The Oxford Dictionary of the English Language. Oxford,1967.
56. Kluge F. Etymologisches Worterbuch der Deutschen Sprache, Berlin, 1960.
57. Meillet A..Dictionare etymologique de la langue Latine.I-II,Michigan,1952.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Т.Н. БОНДАРЕНКО, доцент кафедры перевода МГУЛа, к. филол. н.

Интересную возможность определения усвоения семантики нового слова представляет собой ссылка на отдельные известные слова. В методике обучения иностранным языкам устанавливаются отношения семантического значения неизвестного слова со словами, которые уже усвоены обучаемым. При этом рассматриваются четыре вида таких соотношений: синонимия, антонимия, производность, тождественность (Doye,1975). В данной статье делается попытка проанализировать возможности использования этих отношений для эффективного и адекватного распознавания семантики лексических структур в процессе преподавания иностранного языка.

1. Синонимия

Восприятие значения лексической единицы через синоним представляется

весьма проблематичным, так как в каждом языке обычно имеются только похожие по значению слова, а не идентичные. Так, например, прилагательное *spannend* не всегда может быть использовано в том же контексте, что и прилагательное *interessant*. Если даже прилагательные *spannend* и *interessant* употребляются в одном и том же предложении, то это совсем не означает, что говорящий связывает с каждым из этих слов идентичные коннотативные смысловые компоненты. Например, предложение *Das Buch war sehr spannend* имеет большую эмоциональную нагрузку, чем предложение *Buch war sehr interessant*. Полная или почти полная синонимия относительно некоторых иностранных слов и их немецких эквивалентов не всегда возможна без дополнительного осмысления. Это доказывают такие примеры, как *Produzent – Hersteller, repari-*

eren – wiederherstellen, telefonieren-anrufen. Если первая пара существительных *Produzent – Hersteller* может быть означена как слова, имеющие одинаковые значения, то этого нельзя сказать об остальных двух парах глаголов. Предложение *Er telefoniert mit ihm schon lange* следует интерпретировать совершенно иначе, чем предложение *Er ruft ihn schon sehr lange an*. И основной причиной такой различной интерпретации не может быть только несовпадение их морфосинтаксических структур. Вместо глагола *reparieren* вряд ли можно употребить глагол *wiederherstellen*, не нарушая смысла высказывания. (Lubke, 1972).

Представляется целесообразным использовать слова, схожие в семантическом плане, в контексте и произвести их сравнения. При этом условия обучаемые вряд ли смогут ошибиться, определяя знакомые и новые слова даже вне данного контекста как имеющие одинаковое значение (Denninghaus, 1965).

При этом должны быть учтены межъязыковые различия. Например, предложение *Die Ärzte haben ihn wiederhergestellt*. В первом восприятии возникают ассоциации с родным словом *лечить*, которому в немецком языке соответствует слово *heilen*. Но из контекста, в котором употреблено предложение *Er hat die Ordnung in der Stadt wiederherstellen*, имеет значение *восстанавливать что-либо с участием какого-либо лица*.

Этот же глагол, но в предложении *Die Arbeiter haben das alte Gebäude wiederhergestellt*, может иметь семантическое значение русского слова *отреставрировать*. Благодаря такой информации обучаемый осознает тот факт, что в вышеприведенных примерах, исходя из контекста, невозможно использование слова *reparieren*, так как этот глагол семантически связан в русском языке со словом *поправить*. Тем самым обучаемый получает представление о целенаправленном использовании семантических структур посредством родного языка и одновременно осознает, что *wiederherstellen* и *reparieren* не могут быть использованы как полные синонимы.

2. Антонимы

Отношения между антонимами кажутся на первый взгляд более обозримыми и однозначными, нежели в случае с синонимами. Так, например, значение слова *Armut* может быть легко усвоено в противопоставлении *Reichtum – Armut*. Аналогично этому можно определить семантику лексических единиц на примере таких пар слов, как *schwer – leicht*; *fleißig – faul*; *beginnen – beenden*; *langsam – schnell*; *anziehen – ausziehen*. Но далеко не всегда можно правильно определить семантику слова, так как они не во всех случаях обозначают процессы, свойства или состояния, которые противопоставляются. Значение некоторых существительных относится только к предметам – денотативное значение. Такие, например, имена существительные как *See, Gebäude, Kirche, Berg* не могут быть семантизированы с помощью антонимов.

Антонимы вследствие внеязыковой реальности могут быть многозначны. По отношению к имени прилагательному *kalt* значение прилагательного *warm* может быть обозначено как *heiß*. Подобная неоднозначность семантических взаимоотношений наблюдается также на примере следующих пар слов: *stehen – sitzen*; *geben – bekommen*; *arbeiten – sich erholen*. Поэтому неудивительно, если *sitzen* понимается, как *liegen, bekommen*; как *zurückgeben, sich erholen*; как *spielen, schlafen* или даже как *fernsehen*.

Несмотря на то, что семантика не каждого слова может быть определена через антонимические отношения, все же «...антонимы представляются более точными в семантическом плане, чем синонимы, так как они в редких случаях многозначны; большинство понятий имеют только одно противоположное значение» (D. Lubke). Поэтому антонимы могут быть успешно использованы при объяснении семантики слова при условии, если имеют место простые и однозначные отношения. Но в других случаях привлечения антонимов для определения семантики слова необходимы дополнительные объяснения и зачастую также сравнения между значениями переводимого слова со словом родного языка.

3. Производные слова

Словообразование является очень важным вспомогательным средством при определении семантики слов.

Словообразование можно рассматривать в трех плоскостях: грамматической, семантической и текстовой (Sacher, 1991).

В грамматической плоскости происходит формальное изменение слова или корневой основы. Эти изменения подчинены словообразовательным законам префиксации (z. B. *verhoren*), слово производства (z. B. *Lehrer*) и словосложения (z. B. *ansprechen*). Для осуществления словообразовательных процессов используются различные языковые средства: префиксы *ver-*, *zer-*; префиксоиды *an-*, *auf-*; суффиксы *-ung-*, *-er* и суффиксоиды / полусуффиксы *-arm*.

Префиксоиды и суффиксоиды отличаются от префиксов и суффиксов прежде всего тем, что они придают слову идентичную исходному слову форму, но эти слова уже различны по значению. Это особенно наглядно проявляется у префиксоидов.

Например, существительное *Haupt*, выступая в роли префиксоида, имеет совершенно другое значение. У суффиксоидов и отдельных идентичных им по форме слов отмечены родственные отношения: (z. B. *arm* как имя прилагательное и *arm* как суффиксоид. Связанные суффиксоиды имеют свойство придавать исходному слову обобщающее значение.

В словообразовании находит свое отражение принцип комбинаторики. Корневые основы, слова, слоги, буквы служат при этом часто в качестве связывающих элементов двух или более слов (z. B. *Kind-es-mißhandlung*) и часто используются также в производных словах – (z. B. *fruhling-s-haft*).

Синтаксическая плоскость словообразования находится в сфере значений, которая создается путем формальных изменений. Смысловая суть производных слов в той или иной степени вытекает из значения исходного слова. Так, комбинации символов, в отличие от простых языковых символов, среди которых крайне редко встречаются не произ-

вольные, а относительно мотивированные лексические единицы, не должны рассматриваться как произвольные, так как их значения «...полностью или частично могут быть связаны с формой исходного слова» (Kastovskiy, 1981). Например, *Dichter*, *eBbar*, *tanzen*.

Производные или сложные слова являются поэтому относительно мотивированными по отношению к составляющим компонентам, которые в свою очередь могут быть обозначены как мотивирующие. Например, мотивированное слово *deutlich*, относительно мотивированное слово *undeutlich*. Слова, представляющие мотивацию, должны заучиваться. Для мотивированных слов достаточно, если обучаемый знает значение составных частей и функцию соответствующих образовательных моделей.

Но относительная мотивация не может быть отнесена ко всем комбинациям символов. Очень часто невозможно установить видимые связи между значениями исходного и производного слова, например, *stehen-verstehen*. В этом случае производные слова сохраняют свой произвольный характер. Значение комбинации символов вытекает из контекста и зависит в большей степени от намерений говорящего, например: *stellen-einstellen* – контекст, *Prachtkerl* – намерение. В большинстве случаев имеет место взаимодействие между контекстом и намерением говорящего. При этом говорящий обладает знаниями лексических значений производного слова исключительно по памяти. Но в речи реализуются только актуальные значения.

Вышеприведенные связи между значениями исходного и производного слов не носят постоянного характера, что проявляется в том, что не всегда можно определить семантику производного слова, исходя из значений его составляющих. Примером тому служит суффикс *-bar*. Хотя семантическое значение производных слов может быть определено по значению его составляющих, например, *essbas*, *trinkbar*, *trennbar*, и т. д., встречаются такие комбинации языковых символов, значения которых ни коим образом не могут быть определены таким способом, например *dankbar*, *sonderbar*, *wunderbar*.

Но все вышеуказанные примеры не должны привести к отказу использовать словообразование при определении семантики производных слов в преподавании иностранных языков.

Усвоение словообразовательных моделей предполагает наличие довольно обширного словарного запаса и требует определенных мыслительных операций, то есть имеет место реализация когнитивной словарной деятельности, при которой происходит осмысление лексических структур соответствующего языка. Успешное использование обучаемыми словообразовательных правил зависит не только от преподавателя. В значительной степени они должны быть учтены при составлении учебников и учебных пособий. Система упражнений к словообразовательным моделям должна быть направлена на формирование словарно-аналитической компетенции.

Насчитывает сотни словообразовательных моделей (Fleischer, Barz, 1995). Поэтому в процессе преподавания иностранных языков следует выбирать их по степени частотности, продуктивности и структуре. В начальной фазе словарной работы анализу подвергаются словообразовательные модели, имеющие высокую продуктивность.

В качестве примера могут быть приведены прилагательные с суффиксами *-bar*, *-lich*, *-ig*, *-los*, *-mäßig*; глаголы с префиксами *ab-*, *an-*, *aus-*, *be-*; имена существительные с суффиксами *-chen*, *-er*, *-heit*, *-keit*, *-ung*.

Словообразования могут быть рассмотрены также в текстуальной плоскости. Благодаря комбинации языковых символов можно избежать обширных парафраз. Например, конструкция *Wochenhaus* заменяет парафразу *Ein Haus, in dem man Wochenenden verbringt*. Слово *Lerner* употребляется вместо *Jemand, der lernt*.

Текстуальная (синтаксическая) функция словообразовательных конструкций зависит в значительной степени от их семантической функции. Но в обоих случаях имеет место стремление к созданию новых обозначений, которые способствуют большей

ясности понимания написанного или произнесенного текста.

4. Тождественность

Формы определения семантики слова через интерлингвистическую тождественность не представляются проблематичными, так как акустически или графически тождественные формы слова указывают на одинаковое лексическое значение. Так, значение немецкого слова *Theater* соответствует русскому слову *театр*. По аналогии можно определить значения слов: *computer* – компьютер; *egoistisch* – эгоистичный; *Bürgermeister* – бургомистр.

Как правило, при тождественности слов имеет место заимствование. Путем диахронического страноведческого анализа вводится межъязыковая информация. Эффективность процесса определения семантического значения в значительной степени зависит от познавательной активности учащихся. Так, дискуссии относительно причин интерлингвистической тождественности слов на конкретных примерах, приводимые в учебных группах, особенно эффективно способствуют усвоению данных лексических единиц.

5. Заключение

Обобщая вышесказанное, следует признать, что каждый из описанных методических приемов определения семантики новых слов имеет некоторые недостатки. Для их, по крайней мере, частичного устранения следует дополнять соответствующие способы определения семантического значения слов интерлингвистическим сравнением, но при этом следует избегать исключения родного языка обучаемого из практики преподавания.

Литература

1. Denninghaus F., Probleme der einsprachigen Bedeutungserklärung, 1976.
2. Doyer P., Systematische Wortschatzvermittlung im Englischunterricht, 1976.
3. Fleischer W., Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache, 1995.
4. Kastovskij D., Wortbildung bei der Wortschatzakzent, 1981.
5. Lubke D., Einsprachliche Vokabelerklärungen. Testergebnisse aus dem Französischunterricht, 1972.
6. Saxer R., Wortbildung im Sprachunterricht. Didaktische und methodische Überlegungen, 1991.

СКОЛЬКО СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ, И КАКОЙ В СРЕДНЕМ ЗАПАС СЛОВ У ЧЕЛОВЕКА?

Т.П. УВАРОВА, *ст. преподаватель кафедры перевода*

*Усердней с каждым днём гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдёт искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.*

*На всех словах — события печать,
Они дались не даром человеку,
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.*

*Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть,
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.*

С.Я. Маршак

Словарь, как и всякое произведение человеческой мысли, – это, прежде всего, наблюдение над фактами и обобщение накопленного опыта. Слова отражают в своих значениях понятия о предметах и явлениях в действительности, о качествах, процессах и отношениях между ними.

И.Р. Гальперин

Задумывались ли Вы над такими вопросами: Сколько слов в английском языке, и какой в среднем запас слов у человека? На, казалось бы, простые вопросы, почти невозможно ответить сразу. Ответ зависит от того, что Вы имеете в виду под выражениями *слово* и *запас слов*.

Поясню свою мысль на примере слова *to climb*. Это глагол, глагол правильный. Согласно грамматическим правилам, образуем его временные формы: *climb, climbs, climbed, climbing*, и его производные (части речи): *climbable* – прилагательное и существительные *climb, climber*, и множественное число от этих существительных *climbs, climbers*. Кроме этого, сюда же относятся такие словосочетания, как *climb-down, climbing frame*, фразовые глаголы *climb on, climb over, climb down*.

Возникает вопрос: всё это разные слова или их нужно объединить в лексическую единицу слова *climb*. По этому вопросу нет единодушного мнения лингвистов. И если посмотреть, что думают об этом авторы современных словарей английского языка, то здесь очень много неясного и неопределённого.

Возьмём *Oxford English Dictionary*. Для слова *set* в этом словаре предлагается 60 000 значений. Одно только существительное *set* имеет 47 000 различных значений.

А что можно включать в запас слов? Следует ли относить сюда слэнг, диалектные слова, уменьшительно-ласкательные, конфиденциальные, слова частного характера, имена собственные, географические названия, аббревиатуры и т. д.

Непристойная лексика находится далеко за пределами литературного языка. Раньше она никогда не включалась в нормативные словари. Однако в последнее время отношение к ней начинает меняться. В OED, Webster's Third и некоторых других больших словарях с давними традициями к ней сохраняется консервативное, хотя и не целиком негативное отношение. В Random House Dictionary of The English Language (издание 1987 г.) и даже в таких относительно небольших учебных словарях, как Collins Cobuild English Language Dictionary (London and Glasgow, 1987) и Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (Oxford, 1980) и Oxford Advanced Learner's (New Edition, Oxford, 1995) она представлена весьма полно. Самый большой словарь Cambridge Encyclopedia of The English Language (Cambridge, 1991) включает более 400 000 статей. Их тоже считать «словами»?

В научной и практической лексикографии до сих пор нет объективных критериев для определения точных границ между «экстра-лингвистическими» и собственно языковыми факторами и, соответственно, между энциклопедическим словарём и словарём лингвистическим. Поэтому некоторые энциклопедические словари частично дублируют лингвистические и наоборот. В какой-то степени это неизбежно. Типичным примером может служить The Random House Dictionary of The English Language¹, который удачно сочетает в себе лингвистические и энциклопедические сведения. Иногда трудно отделить языковое от неязыкового. Нужно ли, например, в лингвистическом словаре давать реалии жизни и культуры народа, имена героев литературных произведений и т. д.? Конечно, нет. Это сфера энциклопедических словарей. Однако так часто и так причудливо иногда переплетается лингвистическое и нелингвистическое, что дублирование в ряде случаев становится неизбежным. Если с этим согласиться, то к нашему

счёту придётся прибавить ещё пару миллионов аналогичных слов.

Из-за того, что мы придаём большое значение всяческим болезням, а также средствам их лечения, в словарь включают названия различных заболеваний, лекарств и другие медицинские наименования. Этим недостатком, в котором 40 % словника приходится на научные технические термины, грешат: Webster's Third New International Dictionary of The English Language² и The World Book Dictionary³.

Очень трудно ответить на вопрос в отношении запаса слов. Стоит ли здесь принимать во внимание слова или выражения, которые знает и употребляет каждый? Или, может, нужно учитывать такие слова, которые легко узнаются и прочитываются, но не употребляются в устной речи. Возможно также, что это слова, которые понятны из контекста, ситуации, но говорящий, может затрудняться с их правильным толкованием.

Это в полной мере касается как эзотерических, малоупотребительных, многосложных и необычных слов, которые то и дело появляются в газетах и популярных изданиях, так и слов, заимствованных из других языков в их первоначальном виде. Сюда относятся **латинские слова:** *mea culpa* (by my own fault), *memoriter* (by heart), *sub rosa* (in confidence, secretly); **французские слова:** *quand même* (even so, nevertheless), *darnier cri* (the latest fashion), *raison d'être* (a reason for existence); **немецкие слова:** *Welt-schmerz* (sentimental, pessimism or melancholy over the state of the world), *Sprach gefuhl* (an instinctive grasp of the spirit of a language).

И этот список можно пополнить словами по разнообразной тематике и из разных языков. Это, как правило, случайные образования, иногда очень популярные, в большинстве своём образные, нередко шутливо-го характера.

²Webster's Third New International Dictionary of The English Language, Springfield, Merriam-Webster, 1981.

³The World Book Dictionary, by C.L. Barnhart and R.K. Barnhart, Chicago, World Book, 1984.

¹The Random House Dictionary of The English Language, Second Unabridged Edition, New York: Random House, 1987.

В словарном составе английского языка эти слова рождаются с поразительной быстротой. Что порождает их? Тому много причин. Одна из них – политические, экономические и культурные инновации в мире в целом и в английском обществе в частности. Одни слова заменяются другими, новыми: *heritage* вытесняется на *lifestyle*, появляются знакомые нам *khozrachot*, *pryzhok*, прилагательные *glasnostian* и *perestroikan*. Новые слова из компьютерной терминологии *electronic*, *virus*, *phantom*, *bug*, *earson* переходят в разряд каждодневного обихода.

И здесь опять-таки встаёт вопрос, сколько слов из активной и пассивной лексики принимать в расчёт? Учитывать или нет неологизмы, заимствованные из других языков? Иногда случайные образования столь же быстро исчезают, как и появляются. Поэтому никакой словарь не может, да и не должен сразу же фиксировать их значение.

Проблема, однако, на этом не заканчивается. Достаточно к знакомому слову добавить неожиданный словообразующий суффикс, приставку или окончание и слово зазвучало в другом аспекте. Это в прямом смысле относится к словообразовательному суффиксу (иногда его называют окончанием) **-фобия**, в значении *безрассудный страх*, *боязнь кого-то* или *чего-то*. Так, журналисты во время войны в Югославии, взяв слово *Serb* и сделав из него *Serbophobia*, употребили в значении *закончить к назначенному сроку*. Этот журналист или журналисты просто прибавили данное слово к английскому языку, но попало ли в действительности это слово в разряд употребляемых?

Всё вышесказанное поясняет, почему так трудно установить точное число слов в английском языке и какой запас слов в среднем у обычного англичанина. David Crystal в *The Cambridge Encyclopedia of The English Language* считает, что в современном английском языке должен быть, по крайней мере, 1 миллион слов. Tom McArthur в *Oxford Companion to the English Language* тоже приводит подобную цифру. David Crystal указывает также и на то, что если включить в сло-

варь все употребляемые научные термины, то число может дойти до 2 миллионов.

Что касается объёма словарного запаса обычного человека, то здесь тоже много условностей. Возьмём великого Шекспира. Можно подумать, что очень легко определить и назвать точное число слов, употребляемых самим великим и могучим поэтом. Есть же пьесы и сонеты Шекспира, и лексикографам нужно просто подсчитать количество слов в них. Согласно *The American Heritage Dictionary* в произведениях Шекспира 884 647 слов, из которых 29 066 словоформ, включая и имена собственные. Однако многочисленные исследователи языка Шекспира в своих книгах неединодушны. Они приводят от 18 000 до 25 000 слов, потому что имеют разные взгляды на то, что представляет собой отдельно взятое слово.

Как полагает Michael Quinion, работающий в сфере лексикографии (мы обязаны ему 1/3 словарных статей для второго издания *Oxford Dictionary of New Words*), в общем, запас слов у 16-летнего подростка состоит от 10 000 до 12 000 слов; у выпускника высшего образовательного учреждения он колеблется в от 20 000 до 25 000 слов.

Обычно в цифрах не выделяют чётких границ между активной и пассивной лексикой, а также не принимают в расчёт и такие реалии, как профессиональные и другие различные интересы, разный образ жизни и т. д. David Crystal утверждает, в выбранных им наугад страницах из словаря эти числа – 20 000 – 25 000 слов – очень сильно занижены. Он предлагает следующие цифры для выпускника колледжа: 60 000 слов активной лексики и 75 000 слов пассивной лексики.

Итак, познакомившись с трудами видных лексикографов, можно сделать вывод, что запас слов в среднем у человека меняется в прямой зависимости от развития постоянно обновляющегося и динамичного языка. А словарь является всего лишь компасом для ориентации в море постоянного движения и бурления живого английского языка.

Литература

1. Новый большой англо-русский словарь / Под ред. академ. Ю.Д. Апресяна. – М.: Русский язык, 2000.
2. Большой англо-русский словарь / Под ред. проф. И.Р. Гальперина. – М.: Русский язык, 1977.
3. Dictionary of Difficult words. Laurence Urdang, Inc. 1993.
4. The Longman Register of New words. John АУТО. Special Edition. Longman-Moscow, 1990.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary New Edition/ Oxford University Press, 1995.
6. The Random House Dictionary of the English Language. Second Unabridged Edition. New York: Random House, 1987.
7. English Language Dictionary, Collins Cobuild. London. Glasgow: Collins, 1987.
8. Ologies and Isms, a dictionary of affixes. Michael Quinion. Oxford University Press, 2002.
9. The American Heritage Dictionary of The English Language, ed. by William Morris, New College ed. Boston etc.: Houghton Mifflin, 1982.
10. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Springfield (Mass.): Merriam-Webster, 1981.
11. The World Book Dictionary, ed. By C.L. Barnhart and R.K. Barnhart. Chicago. World Book, 1984.
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S. Hornby Oxford University Press 1980.
13. Cambridge Encyclopedia of the English Language. David Crystal. Cambridge, 1991.
14. Oxford Student's Dictionary of Current English. A.S. Hornby, Christina Ruse. Special Edition, Moscow, Oxford, 1983.

СУФФИКС *-ing/-ung* В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М.О. ЖЕРДЕВА, *доцент кафедры иностранных языков МГУЛа, к. филол. н.*

Несомненно, «инговый» суффикс является одним из наиболее частотных и продуктивных в современном английском языке, так как он образует такие неличные формы глаголов, как причастие (Participle I) и герундий, а также отглагольное существительное. Поэтому хотелось бы подробнее остановиться на его происхождении.

Прежде всего следует уточнить, что в древнегерманских языках (и, в частности, в древнеанглийском) рассматриваемый суффикс функционировал в виде двух вариантов *-ing*¹ и *-ung*, которые восходят к общему общегерманскому и индоевропейскому архетипу: о.г. * *-ingō/ -ungō* < и.е. * *-enkō/-ŋkā*. Общепринятым является мнение, что данный суффикс имел изначально патронимическое значение: это подтверждают такие названия известных династий, как Каролинги, Меровинги, Капетинги и другие, а также этимологически параллельные образования; например, в русском языке –

фамилии на «-ин» (ср.; Минин, Калинин; буквально *из рода Мины, Калины* и подобн.).

Интересным в этом аспекте представляется наблюдение Карла Бруннера в «Истории английского языка», где он пишет о происхождении топонимов с «инговым» суффиксом, которые «...встречаются чаще всего в областях, заселенных, по свидетельству исторических источников, в первую очередь» и которые «образовались не от географических понятий, а от наименований жителей, населяющих» эту местность (К. Бруннер, с. 22). Они свидетельствовали о групповом – точнее, о родовом – заселении Британии германцами. При этом образование топонимов с «инговым» суффиксом закончилось уже к концу VII – началу VIII веков, однако производные с расширенными его вариантами (*-ing + hām* [>Home] или *-ing + tūn* [>Town]) являются более поздними образованиями и встречаются практически во всех частях страны: ср. Гастингс, Рединг, Нотингем, Бирмингем, Гримсби-Иммингем, Кенсингтон, Дарлингтон и др.

¹ Здесь и далее вместо д.а. буквы «гума», заимствованной из рунического алфавита и имевшей четыре аллофона - , используется совр.англ. g .

Тем не менее уже в древнеанглийском суффикс *-ing/-ung* не ограничивался образованием родовых наименований или топонимов: он образует существительные с абстрактным и конкретным значениями от именных и глагольных основ. Например, одним из наиболее часто встречающихся производных с этим суффиксом следует признать слово д.а. *cypping* – *вождь, конунг* (от д. а. сущ. *суп'* – *род, племя*); ср.: д.вн. *Kuning*, д. ск. *konungr*. Это слово встречается в сложном существительном д. а. *wuldur-cyppinge* – *король славы* в «Беовульфе»; там же имеются производные с «инговым» суффиксом в его первичном – патронимическом – значении: это д. а. *Scildinga* – *потомок Скильда*, короля датчан, и д. а. *Wægmunðinga*; при этом значения последнего производного нет в словаре, однако из контекста совершенно очевидно, что речь идет о принадлежности к определенному роду или племени:

«þū eart endelāf ūsses cynnes
Wægmunðinga; ...»² –
Ты есть остаток нашего рода
Уэймундингов...

И последнее производное, встретившееся в «Беовульфе», с рассматриваемым суффиксом – это сущ. д. а. *Brenting* – *корабль*, образованное от прилагательного д. а. *brānt* – *крутой* и имеющее конкретное значение.

«Битва при Брунанбурге» приводит описание битвы со скандинавами при Малдоне; автор этой поэтической вставки обращается к своему повелителю: *cypping and æðeling*, т.е. *король и благородный господин*, где второе существительное образовано от прилаг. д. а. *æðele* – *благородный* (ср.: нем. *Edel*, д. ск. *odoll*). А восемью строками выше встречается очень интересное *хейти*, т.е. описательное наименование понятия *битва* в виде композита) – д. а. *gārmitting* –

встреча копий, где д. а. *gār* – *копье* присоединяется к сущ. д. а. *mitting* – *встреча*, образованного от слабого глагола 1-го класса *mētan* – *встречать(ся), находить*.

В целом в анализируемых древнеанглийских текстах встречается 24 производных с суффиксом – *ing/-ung*: из них девять образованы от именных основ, остальные 15 – девербативы с абстрактным значением (в том числе Nomina Actionis; см. перечень деноминативов и девербативов).

Интересно было бы проследить возможное изменение в семантике словообразовательной парадигмы данного суффикса – от патронимического (сущ. или прилаг., обозначающее род/племя + суффикс со значением принадлежности к нему) до Nomina Abstracta. К сожалению, ограниченный материал не дает возможности сделать вполне весомый вывод: можно лишь проиллюстрировать вероятные направления в изменении функционирования суффикса.

Наряду с родоплеменными наименованиями (ср. *Scildinga*, *Wægmunðinga*) в древнеанглийских текстах встречаются деноминативные производные, близкие по семантике к первым, но они имеют более абстрактное значение: ср. д. а. *cypping* – *военный вождь, князь, король* (от сущ. д. а. *суп'* – *род, родство*, то есть у производного, можно сказать, было буквальное значение – *глава рода*); д. а. *sibling* – *родственник* (из рассказа об обмане Исаака Иаковом) от сущ. д. а. *sib'* – *родство, дружба*; д. а. *hlāfording* (> *Lording*) – *потомок господина* или д. а. *æðeling* – *буквально человек благородного происхождения*. Выражая определенные родственные или социальные отношения, эти существительные уже не относятся к патронимическим производным и имеют абстрактное значение. Здесь следует оговориться, что в их семантике все же присутствует общая для них сема – *принадлежность / часть определенного социума (рода / семьи / социальной общности)*.

Из нее – и это кажется вполне логичным – могло развиваться значение *часть целого*; ср.: д. а. *fēorðing* – *фартинг*, (буквально $\frac{1}{4}$ часть) от порядкового числительного

² Из значений составляющих этот композит основ можно перевести название упоминаемого рода как «знающие (или помнящие) путь»: д.а. *Wæg* «путь» + д.а. *ge-mund/ ge-mund* «разум, память» от претеритопрезентного глагола о.г. *munan* «знать».

д. а. *fēowerða* – четвертый, или д. а. *scilling* – шиллинг (тогда эта монета состояла из 12 пенсов: этимологические параллели в д. ск. *scillingr* и гот. *skilliggs*)³; а позже уже размытая в семантическом и функциональном отношении словообразовательная парадигма суффикса могла испытать новую переориентацию и включить в свои рамки отглагольные образования с абстрактным значением. Именно эта словообразовательная модель становится особенно продуктивной в середине древнеанглийского периода и в более позднюю эпоху.

I. Перечень именных производных:

- 1) д. а. *cyning* < *cyñ* – род, племя: ср.: двн. *Kuning*, д. ск. *konungr*;
- 2) д. а. *Scilding* < *Scild* – имя короля датчан;
- 3) д. а. *Wægmyndung* < *wæg* – путь + *ge-mund* / *-mynd* – память, разум;
- 4) д. а. *brenting* – корабль < *brant* – крутой;
- 5) д. а. *æðeling* < *æðele* – благородный;
- 6) д. а. *sibling* < *sib* – родство, дружба;
- 7) д. а. *hlāfording* < *hlāf* + *weard* – Lord;
- 8) д. а. *fēōrding* < *fēowerða* – четвертый;
- 9) д. а. *scilling* // гот. *skilliggs*, д. ск. *skillingr*.

II. Перечень отглагольных производных:

- 1) д. а. *scēawung* – показ, обозрение, рассмотрение < сл.2⁴ *scēawian* – *to show*;
- 2) д. а. *gārmittung* – битва (буквально встреча копий) < *gār* – копьё + *mittung* – встреча от сл.1 *mētan*;
- 3) д. а. *blētsung* – Blessing < сл.2 *blētsian* – освящать, благословлять;

4) д. а. *dæling* – деление, разделение, распределение < сл.1 *dælan*;

5) д. а. *gaderung* – Gathering < сл.2 *gaderian* – собирать(ся);

6) д. а. *gyddung* – произнесение, поговорка < сл.2 *gyddian* – говорить торжественно, декламировать;

7) д. а. *grēting* – Greeting < сл.1 *grētan* – приветствовать, обращаться;

8) д. а. *grist-bitung* – скрежетание зубами < *grist* + сл.1 *bitian* – скрежетать зубами;

9) д. а. *hearþung* – игра на арфе < сл.2 *hearþian* – играть на арфе;

10) д. а. *hyring* – слух, слушание < сл.1 *hyran* – *to hear*;

11) д. а. *huntung* – Hunting < сл.2 *huntian* – охотиться;

12) д. а. *leornung* / *leorning* – Learning < сл.2 *leornian* – учить, изучать;

13) д. а. *offrung* / *-ing* – жертвоприношение, подношение, жертва < сл.2 *offrian* – предлагать, приносить жертву (< лат. *offere*);

14) д. а. *rīnung* – пытка, мучение < сл.2 *rīnian* – пытать, мучить;

15) д. а. *pricung* – прокалывание < сл.2 *prician* – колоть, пронзать.

Литература

1. Бруннер К. История английского языка. Т.1. – М., 1955. – С.323.
2. Дорский Л.С. Словообразование отвлеченных имен существительных в древнеанглийском языке. – Минск, 1960. – 203 с.
3. Кубрякова Е.С. Именное словообразование в древнегерманских языках / В кн.: Сравнительная грамматика германских языков. Т.3. – М., 1963. С.39-132.
4. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка. – М., 1953. – С.288.
5. Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford, Clarendon press, 1898, p. 1302.

³ Необходимо заметить, что в готском языке удвоение «gg» читалось как [ŋ g].

⁴ Здесь и далее сокращение сл.1 (сл.2) обозначает слабый глагол 1-го (2-го) класса.

РАЗВИТИЕ ИМЕН СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

М.А. ПИЛЬГУН, профессор кафедры русского языка и литературы, д. филол. н.

Словообразовательное значение процессуальности является ведущим в деривации имен существительных среднего рода в русском языке с древнейших времен. Наиболее интенсивная конкуренция синонимичных типов с данным значением в древнерусский период отмечается в пределах словообразовательных типов (СТ): **-ние/ѡ** (*исхожденье* – *исходъ*: Стму му же Дху *исхожденье* и Оць бо въ Снѣ. ЛЛ 1377 г., 39; старьшина быти въ князехъ во Изли. *исходъ* его о(т) днии въка сего. ЛЛ 1377 г., 34); **-ние/-ѡство** (*волъшвенение* – *волъшѡство*: паче же женами бѡсовская *волъшвенья* бывають. ЛЛ 1071 г., 60об. 1377 г.; бо бы Симонъ волхвъ еже творяще *волъшѡствомъ* псомъ глати члѡвчскыи. ЛЛ 1071 г., 60об. 1377 г.); **-ние/-ть** (*нападение* – *напастъ*: и всего грѣха и *нападения* заступи та насъ оуповающихъ къ вама. Усп.сб. XII-XIII вв., 17г2-4; повѣле поустити на нь льва страшна зѡло. его же въ *напастъ* ни единъ же члѡвкъ прѣтърпѣти не можаше. Усп.сб. XII-XIII вв., 128г30-32); **-ние/-ота** (*алѣканіе* – *алѣкота* «голод; пост»); **-ние/-тіе** (*прогнание* – *прогнатиіе*); **-тіе/-тіе** (*умъртіеіе* – *умъртіеіе*); **-тіе/-ть** (*житіеіе* – *житъ* «жизнь»); **-ѡство/ -ѡба** (*врачѡство* – *врачѡба*);

в старорусский период: **-ние/-ѡба** (*цѣлєніе* – *цѣлѣба* – *лечєніе*: аще кто очи свои из'бодеть. то имать е(с)ствомъ *цѣлѣ'боу*. имъ же можетъ исцѣлѣти. ШИБ XV в., 186б19-1; ово же *нацѣлєніе* намъ даяшєся. и сокомъ, и слезою. и соуцьицємъ. ШИВ XV в., 104б4-5; в сп. Сн-35 XV в., Ув. XVII в., Сн455 XVII в., Ун. XVII в. – ...*на цѣлѣбу*...); **-ние/-остъ** (*жалѣніе* – *жалостъ* – *печаль*, *скорбѣ*; *сожалєніе*: Восприимемъ *жалѣніе* о своихъ сокровищахъ. Пов. ц. Дин., 374. XVII вв. (СлРЯ XI-XVII вв.); много иже о(т)

дѣша назнаменуоуть. или *жалостъ*. или рад(с) соушоу. ШИБ XV в., 179 а10-12; **-ѡство/ѡ** (*собѡство* – *собѣ* – *сущность*); **-ѡство/-остъ** (*далєство* – *далєстъ* – *расстояние*, *промежуток*); **-ствіе** (*чювьство* – *чювьствіе* – *чувство*); **-ѡство/-іе** (*обильство* – *обилие*);

-ѡство/-тіе (*чювьство* – *чютьє* – *чувство*, *ощущєніе*).

Наибольшую активность в установлении синонимических связей проявляют продуктивные СТ имен на **-ние** и **-ство**. В качестве синонимичных форманту **-ние** выступали восемь аффиксов: **-ѡ**, **-остъ**, **-ѡба**, **-ѡство**, **-ть**, **-ота**, **-ка**, **-тіе**; а форманту **-ство** – семь: **-ѡба**, **-знъ**, **-остъ**, **-єжъ**, **-ствіе**, **-іе**, **-ніе**.

Взаимодействие имен с нулевым суффиксом и -ние

Словообразовательной синонимии отглагольных имен действия посвящено значительное число работ (см.: Г.И. Рихтер (1957), В. Булин (1965), Э.В. Казанская (1972), З.А. Монастыренко (1973; 1978), И.В. Андрианова (1974), А.В. Лемов (1974), А.И. Дундайте (1975), В.Г. Гаврюшенко (1975), Ю.С. Азарх (1984), Е.В. Кускова (1996), О.И. Смицкая (1997); М.А. Морозова (1997) и др.).

СТ со значением действия/состояния на **-ние**, **-ка**, **-ѡ** характеризуются общностью производящей основы (все они отглагольные) и общностью значения: все они обозначают процесс действия с закономерными переносами этого значения на результат, продукт или орудие действия. Анализируемые типы продуктивны в современном русском литературном языке и имеют давнюю традицию употребления. Для всех указанных образований характерно широкое употреб-

ление в профессионально-терминологической сфере речи. Вышесказанные условия приводили к их конкуренции.

Образования на **-ние** активно использовались в древнерусской книжной письменности, где на их долю приходится свыше 50 % от всех типов существительных (см., например, Дундайте, 1975; Филин, 1949; Пастушенков, 1970; Шаповал, 1996 и др.). Широкое распространение анализируемых имен определяется характером обозначаемых ими понятий, которые относятся в основном к области морали, религии, философии и т. д.

Исследователи старорусского периода обнаруживают большое количество рассматриваемых имен уже во всех стилях письменности (Даневич, 1958; Хаустова, 1958; Черкасова, 1966; Порохова, 1969; Шелихова, 1974; Азарх, 1984 и др.). В этот период существительные с суффиксом **-ние** часто употреблялись в памятниках, отражающих народную речь (Порохова 1969, 22; 27 и далее), и даже могли быть образованы от глаголов, свойственных разговорной речи (Черкасова, 1966).

В XVIII веке отмечается большая активность рассматриваемых субстантивов, и, что особенно важно, продолжается расширение сферы их употребления в различных функциональных стилях (Попова, 1956; Никитинская, 1962; Веселитский, 1972; Мальцева, 1975; Хайдаров, 1987).

В XIX веке, по мнению Ю.С. Сорокина, возможно образование существительных с аффиксом **-ние** не только от разговорно-просторечных глаголов, но и от глаголов с фразеологически связанным значением (1965, 211). В. Даль убежден в их продуктивности, он приводит соответствующие существительные от любого глагола и дает их в своем словаре. В.В. Виноградов отмечает и для современного русского языка потенциально неограниченную возможность образования отглагольных существительных на **-ние** (1972, 101).

В общеславянский период, по утверждению А. Мейе, формант **-ние** обладал «неограниченной» сочетаемостью (1951,

288). Между тем уже в русском литературном языке древнекиевской эпохи намечаются некоторые ограничения новообразований с рассматриваемым аффиксом (Филин, 1949, 89). А.А. Потебня считал, что «отглагольные существительные на **-ние, -тие** не составляют несомненной принадлежности всякого глагола..., как скоро речь идет не об априорной возможности такого образования, а о действительном его присутствии в языке» (1899, 35).

Выяснению структурных ограничений образования имен с суффиксом **-ние** в современном русском языке посвящены диссертации А.И. Васильева (1959) и Н.Т. Шелиховой (1973), которые устанавливают тесную связь словообразования анализируемых существительных с видовой принадлежностью производящей основы. Эта зависимость становится регулирующей лишь с конца XVIII века.

Любопытно отметить, что Л.Н. Булатова, изучая существительные на **-ние, -тие** в диалектах, опровергает традиционное мнение о непродуктивности данных имен в русских говорах, которое опирается «не на исследование диалектного материала, а лишь на общее впечатление малоупотребительности этих образований» (1957, 306). Существительные на **-ние** составляют значительный пласт диалектной лексики и по широте словообразовательных связей больше приближаются к древнерусскому языку, чем к современному русскому литературному, где, как уже отмечалось исследователями, для них существуют определенные структурные ограничения.

Еще в древнейший период истории русского языка широкую распространенность приобрела словообразовательная синонимия и, в частности, синонимические ряды отглагольных имен со значением отвлеченного действия, состояния. А.И. Дундайте, рассматривая данную синонимию по материалам письменных памятников книжных стилей, приводит 19 двучленных и многочленных параллелей; имена с аффиксом **-ние** представлены в 16 из них (1975, 89-105; 114).

В современном русском языке синонимические отношения существительных на **-ние** сосредоточены в области отглагольных образований, обозначающих отвлеченные процессы. Синонимами имен с формантом **-ние** являются существительные на **-ка** и с нулевым суффиксом. Хотя все три типа имен служат для называния действия, между ними существует довольно четкая дифференциация, которая проявляется при выборе производящей основы, в некоторых особенностях значений производных и в области их употребления.

Имена с нулевым суффиксом с древнейшей поры использовались для передачи значения действия, а семантически производные от них могли выражать значения места, результата действия и т. д. Имена на **-ние** искони специализировались на выражении процесса, действия: «**-ние, -тие** суть только имена действия, очень редко переходящие в имена конкретных вещей...» (Потебня, 1968, 95). Разделение, специализация значений имен на **-ние** и имен с нулевым суффиксом восходит к древнерусской поре: **вѣсть** (известие) – **вѣщание** (разговор, речь; молва, слава): дошедшу ему Черные рѣки. **вѣсть** епархъ посла к нему. ЛЛ 1377 г., 7; люди моя о апль(х) бо ре(ч). во всю землю изидоша **вѣщанья** и(х). ЛЛ 1377 г., 27; **вѣходъ** (вход (место)) – **вхождение** (вхождение, приход): тако бо не обрящеть многа **вѣходъ** въ ны диаволь. Изб. 1076, 67 об. 13-14; также в Усп. сб. XII–XIII вв.; Яко не подобаетъ свѣщкомъ или клирикомъ нѣкихъ позоровати на брацьхъ или на вечеряхъ. нѣ прѣжде **вхождения** вѣстати имъ и отъходити. Ке XII, 99б. (СлДЯ XI–XIV вв.); **глаголь** (слово) – **глаголанье** (говорение, разговор): извѣшту же **глаголь** азъ. отъ иноя истинны повѣсти. Изб. 1076, 213.7-9; также в ЛЛ 1377 г.; Которыя молитвы и **глаголанья** паче боять ся бѣси и диаволь. Изб. 1076, 193об.7-9; **истокъ** (исток, начало чего-либо (реки, водного источника и т.д.)) – **истечение** – действие по гл. **истечи** – **вытечь, потечь**; **извѣтъ** (завет, заповедь; предписание, указание) – **извѣщение** (возвешение; наполнение благодатью); **кличь/къ**

(крик, возглас) – **кликание** (действие по гл. **кликати** – **кричать**); **кропля** (капля) – **кропление** (действие по глаголу **кропити** – **обрызгивать**); **отрава** (отрава, яд) – **отравление** (отравление); **погыбѣль** – **погыбение** (**погубление**) – гибель, смерть, уничтожение; **прокуда** (вред, зло, порча; грех, беда) – **прокужение** (повреждение); **слава** – **славление**; **срамъ** – **срамление**; **сѣмѣра** (мера) – **сѣмѣрение** (умеренность, смирение) (Срезн.); **хрьсть** – **хрыщение**.

Учитывая регулярные словообразовательные связи имен на **-ние**, следует говорить о первичности именно отвлеченного, процессуального значения у лексем на **-ние** и последующем включении их в семантическое словообразование.

Таким образом, в истории имен на **-ние** наблюдается довольно четкая тенденция к унификации практически на всех уровнях языка. Это отражается в закреплении структурных ограничений при образовании данных субстантивов (вид производящего глагола), разрушении словообразовательной синонимии, которое шло либо путем устранения одного или даже всех членов ряда, либо путем их семантической или стилистической дифференциации.

Стремление образований на **-ние** занять определенное место в системе языка проявляется и на лексическом уровне. Постепенно они становятся ведущим средством выражения отвлеченного действия в отглагольном именном словообразовании и закрепляются за определенной областью терминов.

Красноречивое подтверждение сказанному – судьба синонимических параллелей, обслуживающих в древнерусский период значение действия. В их истории наблюдается последовательное вытеснение именами на **-ние** существительных с нулевым аффиксом с тем же значением: **желя** – **желание** «желание»: о стенание и **желя** завистию бывающа. Усп.сб. XII–XIII вв., 189а2-4; моляше ся богу да бы обрѣль сѣпоутьники направляюща и на поуть **желания**. Усп.сб. XII–XIII вв., 31а8-12, также в Изб.1076, ЛЛ 1377 г.; **забытъ** – **забвение** «забвение»: нѣ се

остааноу много глаголати. да не многописани въ *забыть* вълѣземъ. Усп.сб. XII–XIII вв., 8 г14-17; *бысть* – *забвение* о цркви сеи. Усп.сб. XII–XIII вв., 23а3-4; а также: *извратъ* – *извращение*; *изгонъ* – *изгнание*; *испытъ* – *испытание* (расследование, дознание); *наукъ* – *научение* (обучение); *ослаба* – *ослабление* *осудъ* – *осуждение* (приговор, осуждение); *опасъ* – *опасение* (опасение); *поносъ* – *поношение* (оскорбление, позор); *порузь* – *поружание* (действие, причиняющее оскорбление; поругание); *поступъ* – *поступление* (движение); *посетъ* – *посещение* (посещение); *размыслъ* – *размышление* (мысль, размышление); *свьѣкупъ* – *свьѣкупление* (соединение); *сѣмутъ* – *сѣмушение* и т. д.

Можно привести только единичные случаи сохранения в подобном случае существительного с нулевым аффиксом: *плачь* – *плакание* (плач, действие по гл. плакати): и бы же тѣгда вещь пречюдъна и *плачь* великъ яко и по мрътвѣмъ. Усп.сб. XII–XIII вв., 35а2-5 также в Изб. 1076, ЛЛ 1377 г.; нъ яко же и лазоря хсъ поплака. тебѣ дая оуставъ. и мѣроу *плаканія* просльзи ся. Усп. сб. XII–XIII вв., 277б17-20. Любопытно отметить, что в Изборнике 1076 г., в Лаврентьевской летописи 1377 г. употребляется только слово *плачь*. Лексема *плакание* встречается один раз в Успенском сборнике XII–XIII вв., между тем в данном памятнике также более предпочтительным оказывается существительное *плачь* (встречается 49 раз). А также: *объходъ* – *объхождение* (обход): течеть же рѣка о(т) воста зимнего възврата. именемъ индѣ. велика зѣло якоже *объходы* земныя. ШИБ XV в., 67б3-6; ови же поз(д)нѣиша *объхождения* творять. в то ча(с) многажды и видять другъ друуга. ШИБ XV в., 136а16-19.

Если синонимы имели значение опредмеченного действия или результата действия, то имена на *-ние* уступали в большинстве случаев место иносуффиксальным образованиям: *зовъ* – *зѣвание* (название): се же и донынѣ островъ тѣ *зовомъ* есть боляровъ. Усп. сб. XII–XIII вв., 35б18-20; Не свари ся съ соудию <по> <прежѣ> бо соудять ему *о зѣвании* сильныхъ. Изб.1076, 163.2-4, так-

же в СП XI в., Усп. сб. XII–XIII вв.); *нужа* – *нужда* – *нуждение* (нужда); *отрава* – *отравление* (отрава, яд); *отрада* – *отраждение* (облегчение, успокоение); *отвѣтъ* – *отвѣщание* (ответ, высказывание); *помощъ* – *поможение* и т. д.

В ряде случаев наблюдается дифференциация значений членов синонимической пары. С течением времени за образованиями на *-ние* закономерно закрепляется значение действия по соответствующему глаголу, а за иносуффиксальными – опредмеченное действие или результата действия: *игра*, *игръ* – *играние* (*игра*): съставъшася. отъ пѣсѣка на прославие дѣтская *играния*. КЕ XII, 40б (СлДЯ XI–XIV вв.); пришедъшемъ же отрокомъ въпрашаше что имѣ бысть *игра*. Усп.сб. XII–XIII вв. 5в11-13. Ср.: У меня на квартире был хороший фортепиано, Энгельгардт прислуживался нотами, и скоро мы завели там *играние* в 4 руки. М. Глинка;

Я плохо играю во все *игры*... – И это с вашей стороны прекрасно, возразил Ипатов: – но шашки, это не *игра*, а скорее забава, препровождение праздного времени. Тургенев;

ласка (ласковое обхождение) – *ласкание* (воздействие лаской; изъявление любви): съжали си зѣло паки начать оттолѣ бранити емоу. овогда *ласкою* овогда же грозою. друугоици же биючи и дася останеть таковаго дѣла. Усп. сб. XII–XIII вв., 29г26-32; яко же соудии не гърди ся ни *ласканиемъ* оупѣиши ничѣто же. ни прѣтя оустрашиши. Усп. сб. XII–XIII вв., 137в2-5. Ср.: Тут батюшка позвал меня, поцеловал, погладил по голове, посадил на колени... Это была, может быть, первая *ласка* родительская. Достоевский.

Ее голову заплетали невольницы, и они же навевали на нее с вечера сон, а утром к вставанию будили ее легким *ласканием* ее ступеней. Лесков;

постъ – *пощение* (*пост*): Храмъ не подобнѣ бес покрова. ни *постъ* бесмѣренія съсоудъ не приметъ воды бездѣна. ни *поста* бѣ бесмѣренія. Изб. 1076, 235об.1-4; также в Усп. сб. XII–XIII вв., ЛЛ 1377 г.; Глѣше старѣць. есть от ворог<а> простѣрто *пощение*. ибо оученици сего се творять. Изб.

1076, 239.9-11; также в СП XI в., Усп. сб. XII–XIII в. Ср.: *постъ* (*пост*) – *пощение* (*соблюдение поста*): Дома, по случаю *поста*, ничего не варили и не ставили самовара. **Чехов.**

Мне бог помогает за мои молитвы и *пощение*. **Е. Марков.**

Как исключение следует рассматривать редкие случаи сохранения синонимической параллели: (*раздель*) – *раздель* – *разделение* (*разделение, отделение одного от другого*; действие по гл. *разделить*): от небытия съвозведено на сущие. а друзии паки, *раздѣлы* прикутание сътвориша, съпроста неподобнѣ. *раздель*. ШИБ XV в., 8610-14; разлоучение емоу и *раздѣление*, неподобно дають. ШИБ XV в., 12264-6. Ср.: Мужики начали между собою ссориться: братья требовали *раздела*, жены их не могли ужиться в одном доме. **Тургенев.**

Он всегда был весел, потому что только этим да *разделением* тягот наравне с солдатами можно было поддержать в них бодрый и твердый дух. **А.Н.Толстой.**

Приглагольные образования интересны тем, что при одной глагольной основе потенциально может быть четыре производных: существительные нулевой суффиксации муж. и жен. рода, имена жен. рода на *-ка* и средн. рода на *-ние*. Например, в словаре В. Даля представлено около 320 родовых пар нулевой суффиксации муж. и жен. родов. Устранение параллелизма у имен с нулевым суффиксом шло путем закрепления форм муж. рода у 40 образований (*вред* – *вред*; *запрета* – *запрет*) и форм жен. рода у 28 (*отмен* – *отмена*; *оплат* – *оплата*). В 76 случаях имена нулевой суффиксации муж. и жен. родов были вытеснены образованиями средн. рода на *-ние*, из них в 22 случаях наряду с *-ние* утвердились и образования на *-ка*.

Приведем ряд синонимов, заключая в скобки победившие образования: *взбуд* – *взбуда* (*возбуждение*); *вкреп* – *вкрепа* (*вкрепление*); *втяг* – *втяга* (*втягивание*); *выволоч* – *выволока* (*выволакивание, выволочка*); *вылуп* – *вылуца* (*вылупливание*); *вытаск* – *вытаска* (*вытаскивание*); *вытяг* – *вытяга* (*вытягивание, вытяжка*); *зажив* – *зажива* (*зажи-*

вание); *закрас* – *закраса* (*закраска, закрашивание*) и т. д.

Лишь в единичных случаях, по материалам словаря В. Даля, имена на *-ние* со значением результата действия одержали верх: *снаряд* – *снаряда* – *снаряжение*.

Таким образом, возможности образования имен действия с нулевым суффиксом ограниченнее, чем у имен на *-ние* и *-ка*. Результатом их взаимодействия явилась специализация ранних значений указанных образований, все большее закрепление субстантивов нулевой суффиксации в роли названий конкретных предметов. Являясь продуктивным, тип имен нулевой суффиксации в современном русском языке не приобретает черт регулярности. Нестандартность значения данных образований – серьезное препятствие на пути к их регулярности (РЯСО, 1968, 150).

Взаимодействие имен среднего рода на *-ние* и женского рода на *-ка*

Суффикс *-к(а)*, образующий отглагольные имена и сформировавшийся уже на почве восточнославянских языков, в памятниках древнерусского языка отмечен единичными примерами. Его продуктивность оказывается значительной в XIX веке и все более возрастает в XX веках (Изменения в словообразовании..., 1964, 100-101). Так, в «Материалах» И.И. Срезневского отмечено две пары на *-ние/-ка*; в Словаре Академии Российской их уже около 400 (Хайдаров, 1987, 111).

Возникновение имен на *-ка* следует рассматривать в тесной связи с эволюцией отглагольных существительных на *-ние, -тие*, которые в определенный момент оказались непригодными для выражения тех или иных абстрактных понятий в ряде функционально-стилевых разновидностей языка (Ахметова, 1974, 150). Кроме того, можно указать и на то, что отглагольные имена на *-ка* опираются в значительной степени на классы глаголов, от которых в древнерусском языке отвлеченные существительные не образовывались (Васильев, 1958, 51-58).

Синонимия типов на **-ние/-ка** исследована довольно основательно, достаточно назвать работы А.И. Васильева (1958), В.Н. Роговой (1968), Э.В. Казанской (1972), Е.Н. Борисовой (1978), Ф.А. Хайдарова (1987), М.А. Морозовой (1997) и др.

Существительные на **-ние** образуются в основном от основ переходных глаголов несовершенного вида, а имена на **-ка** безразличны к виду глагольной основы. Различия же в семантике образований с аффиксами **-ние** и **-ка** отмечал еще А.А. Потебня, говоря об отвлеченности, способности образований на **-ние** передавать значение длительности и о большей конкретности, однократности, которые характерны для образований на **-ка** (1899, 351-352).

Кроме семантических, существуют и стилистические различия. Имена на **-ка** связаны с разговорной или нейтральной речью, а существительные на **-ние**, **-тие** преимущественно с книжными стилями. Показательно, что существительные на **-ние**, **-ка** и с нулевым суффиксом закреплены за различными областями терминологии. Обособленно стоят имена с нулевым суффиксом, которые используются преимущественно в спортивной, сельскохозяйственной, авиационной областях и не представляют угрозы своим конкурентам.

Субстантивы на **-ние** предпочитают в таких науках, как философия, психология, филология и т. д. Эти образования конкурируют с именами на **-ка** в производственно-технической терминологии, которая является для последних основной сферой применения. В данном случае существительные на **-ка** благодаря своим стилистическим и семантическим особенностям проявляют большую активность, чем тип имен на **-ние** (Даниленко, 1977, 153).

Это положение В.П. Даниленко распространяет и на литературный язык: «Словообразовательный тип с суффиксом на **-ка** в современном общелитературном языке и в производственно-технической терминологии активнее, чем на **-ние**» (1977, 151). Не будем категорически опровергать данные выводы, сошлемся лишь на цифры. В «Обратном

словаре русского языка» имен на **-ние** около 7400, а отглагольных имен на **-ка** менее 2000 (1620).

По подсчетам А.Бартошевича, количество новообразований на **-ние** вдвое превышает количество новых слов на **-ка** (исследование проведено на материале новообразований после 1940 г.) (1940, 66). По данным И.П. Мучника, в словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова существительных-неологизмов с отвлеченным значением на **-ние** в три раза больше, чем на **-ка** (1971, 201–202). К.Л. Ряшенцев отмечает, что в БАС среди суффиксально-сложных новообразований, выражающих отвлеченные понятия, свыше 230 имен на **-ние**, на **-ка** свыше 150 (1978, 149).

Анализ разносуффиксальных синонимов на **-ние** и **-ка**, **-ние** и имен нулевой суффиксации с учетом различий в характере обозначения действия производными именами, сферы употребления, стилистической специализации показывает, что при отсутствии различий для выражения процесса чаще сохраняются образования на **-ние**.

Некоторые аспекты истории отглагольных субстантивов в контрастивном аспекте

Любопытно, что аналогичные процессы наблюдаются и в истории английского и французского языков.

В древних германских языках отглагольные существительные, обозначающие действие, были малопродуктивны. Развитие семантики данных субстантивов шло в сторону все большей конкретизации, что приводило к разрыву смысловой связи с производящими основами глаголов, утрачивалась семантическая мотивированность. У большинства существительных *ti-abstracta* значение действия было лишь одним из компонентов семантической структуры. «Наряду с основным словообразовательным значением действия у таких существительных появлялись частные словообразовательные значения результата, объекта, субъекта, места и инструмента действия» (Логутенкова, 1993, 102).

В старо- и среднефранцузский периоды значение действия могли выражать отглагольные существительные с аффиксами *-ure, -ee, -is, -ade, -aille, -erie, -aision, -ement, -age, -ation, -ition*. Указанные образования имели тождественные семантические и стилистические характеристики, были взаимозаменяемыми, употреблялись в пределах одного контекста, имели частично совпадающую сочетаемость и, следовательно, образовывали многочисленные синонимические параллели.

От одного глагола могло образовываться несколько разносуффиксальных синонимов (например, от глагола *gagier* – *gagement, gageance, gageaille, gagerie*). В ходе развития французского языка также происходит дифференциация, унификация словообразовательных средств, в результате которой одни словообразовательные типы теряют продуктивность, другие – приобретают различные семантические и стилистические оттенки (например, имена на *-is* обозначают в основном шум, а существительные на *-ee* имеют разговорную окраску).

В современном французском языке представлены продуктивные словообразовательные типы отглагольных имен со значением действия на *-ement, -age, -ation*, которые, однако, также имеют некоторые структурные (выбор производящей основы), семантические и стилистические различия. Например, существительные на *-age* обозначают, как правило, процесс, а имена на *-ement* – результат действия. Лексемы с суффиксом *-ation* имеют ярко выраженную стилистическую окраску (это связано с происхождением «книжного» аффикса *-ation*, а также с тем, что с помощью него обычно образуются производные от заимствованных основ).

В последнее время наблюдается активность существительных, обозначающих процессуальность на *-iser/-isation, -ifier/-ification*, в научной, технической и публицистической сферах.

Показательно, что продуктивность субстантивных моделей со значением действия в русском и французском языках на-

столько велика, что существительное может появиться раньше соответствующего глагола. Преимущественно это происходит в специальной, терминологической речи. Так, многие имена на *-age* появляются ранее соответствующего глагола, в русском языке, например, образование *математизация* зафиксировано в НСЗ-60, а глагол *математизировать* в НСЗ-70.

В русском, как и во французском языке, имена со значением действия служат производной основой для семантически производных. В обоих языках наиболее распространенной является модель «обозначение действия – обозначение результата действия».

Например, в старофранцузском *batiment* обозначало действие (строительство), а дальнейшем – постройка, здание; в современном французском языке: *dessin* – *рисование* и *dessin* – *рисунок*; *glissement* – *скольжение* и *glissement* – *сдвиг*, *heurt* – *толчок* и *heurt* – *столкновение*, *infusion* – *настаивание* и *infusion* – *настойка*; *melange* – *перемешивание* и *melange* – *смесь* и т. д.

В современном русском языке: проволочное *заграждение*, изящное *тиснение*, четкое *изображение*, *сочинение*, *изложение* школьника, *соглашение* подписано и т. д.

Менее продуктивна как во французском, так и в русском языках, модель «обозначение действия – субъект, объект, инструмент действия». Во французском: *garde* – *хранение*, *garde* *охрана*; *office* – *служба*, *office* – *бюро, контора*; *perce* – *буравление*, *сверление*, *perce* – *сверло, бурав*; *pince* – *сцепление*, *pince* – *клещи, щипцы*. В русском: зайти в *правление*, перепись *населения*, *содружество* (страны содружества) и т. д. В МАС около 50 % слов на *-ние*, обозначающих процесс, имеют производное семантическим способом со значением объекта, результата действия.

Итак, можно заключить, что в современном русском литературном языке существует семантическая либо стилистическая дифференциация лексем на *-ние*, которые предпочитают для выражения отвлеченного действия и проявляют продуктивность во

всех сферах речи, и существительных на *-ка*, имен нулевой суффиксации, которые, как правило, обозначают какое-либо конкретное действие (например, в терминологии), результат, продукт, орудие действия или являются стилистически маркированными.

Источники и условные сокращения

БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т.1.–17.– М.-Л.: АН СССР, 1948–1965.

Изб.1076 – Изборник 1076 г.– М.: Наука, 1965.

ЛЛ – Лаврентьевская летопись//ПСРЛ, Т.1.– М.: Языки русской культуры, 1997.

НСЗ-60 – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – М.: Советская энциклопедия, 1971.

НСЗ-70 – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1984.

ОС – Обратный словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1974.

СлДЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.– Вып. I–IV. – М.: Русский язык, 1988–1991.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.– Вып. I–XXIII.– М.: Наука, 1975–1996. В примерах названия источников с сокращениями, принятыми в Словаре (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Указатель источников.– М.: Наука, 1975.).

СП – Синайский патерик.– М.: Наука, 1967.

Срезн.– Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам.– Т.1–3.– СПб., 1893, 1895, 1903 (в примерах сокращения источников, принятые в Словаре).

Усп. сб. – Успенский сборник XII–XIII вв.– М.: Наука, 1971.

ШИБ – Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция.– М.: Индрик, 1998.

Литература

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247 с.
2. Андрианова И. В. Взаимодействие имен действия на *-ние/ -тие* с однокоренными именами других суффиксальных типов в древнерусском языке // Вопросы языкознания.– 1974.– № 2. – С. 112–128.
3. Бартошевич А. Суффиксальное словообразование существительных в русском языке новейшей эпохи (на материале новообразований после 1940 г.). – Poznan', 1940. – 116 с.
4. Булатова Л.Н. Отглагольные существительные на *-ние, -тие* в русских говорах // Труды ин-та языкознания АН СССР. Т. VII. – М., 1957.– С. 291–359.
5. Булин П.В. Отглагольные парные имена на *-ние / -ка* в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук.– М., 1965.– 19 с.
6. Васильев А.И. Из истории образования имен действия в русском языке // Уч. зап. филол. фак-та Кирг.ун-та. Вып. 5.– 1958. С. 51–58.
7. Дундайте А.И. Суффиксальные словообразовательные модели имен существительных в древнейший период: Дис. ...канд. филол. наук.– М., 1975.– 244 с.
8. Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке ХУШ – начала XIX вв.– М.: Наука, 1972.– 319 с.
9. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове).– 2-е изд.– М.: Высшая школа, 1972.– 616 с.
10. Даневич А.В. Некоторые особенности словообразования в языке русских повестей второй половины XVII века. – Киев: АН СССР, 1958.– 63 с.
11. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания.– М.: Наука, 1977.– 248 с.
12. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного / Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.– М.: Наука, 1964.– 600 с.
13. Казанская Э.В. Существительные местоименного склонения в языке фольклора / Именное словообразование русского языка.– Казань: КГУ, 1976.– С. 104–121.
14. Лемов А. В. К вопросу о словообразовательной синонимии в русском языке (на материале образований на *-ние, -ка*) / Вопросы филологии. Вып. 4.– Л.: ЛГУ, 1974.– С. 3–9.
15. Логутенкова Т.Г. Историко-типологические исследования германских литературных языков донационального периода.– Тверь: ТГУ, 1993.– 169 с.
16. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке ХУШ века.– Л.: Наука, 1975.– 371 с.
17. Мейе А. Общеславянский язык.– М.: ИЛ, 1951.– 492 с.
18. Монастыренко З.А. Особенности семантического взаимодействия параллельных форм *nomina*

- actionis в современном русском языке / Филол. сборник. Вып. 12.– Алма-Ата, 1973.– С. 139–150.
19. Монастыренко З.А. Семантическая соотносительность производных имен действия и производящих в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.– Ташкент, 1978.– 18 с.
  20. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке.– М.: Наука, 1971.– 296 с.
  21. Никитинская Р.П. Отвлеченные существительные с суффиксом -ни-е, -ени-е, -ти-е в литературном языке петровской эпохи//Уч.зап. Кемеровского пед. ин-та. Вып. 6.– Кемерово, 1962.–С. 46-89.
  22. Попова В.А. Словообразование имен существительных в русском литературном языке первой трети XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.– Одесса: Одес. гос.ун-т им. Н.И.Мечникова, 1956.– 13 с.
  23. Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII века.– Л.: Наука, 1969.– 203 с.
  24. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике. Т.2.– Харьков, 1899.– 663 с.
  25. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3.– М.: Просвещение, 1968.– 552 с.
  26. Рихтер Г.И. Словообразовательные параллели в системе русских имен действия//Русский язык в школе. – 1957.– N 4.– С.25-29.
  27. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90 годы XIX века.– М.-Л.: Наука, 1965. – 565 с.
  28. Хайдаров Ф.А. Словообразовательная синонимия отглагольных имен действия в русском литературном языке XVIII века: Дис. ...канд.филол.наук.– Казань, 1987.– 196 с.
  29. Хаустова И.С. Лексика «Ведомостей 1702-1703 гг.»: Автореф. дис. ...канд.филол.наук.– Л., 1958.– 22 с.
  30. Черкасова А.Г. Словообразование имен существительных в языке эпистолярного стиля середины – второй половины XVII в.: Автореф. дис. ...канд.филол.наук.– Л., 1966.– 20 с.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ДВА В XVIII ВЕКЕ

Т.В. САЛЕРНО, *Форли, Италия*

XVIII век¹ – важный этап в развитии прилагательных с основой числительного ДВА. Именно в этот период омоформы Р.-П.п. числительного в виде ДВУ- и ДВУХ- становятся преимущественно используемыми в качестве компонента структуры слова.

В разных видах и типах книжности XVIII века сосуществуют прилагательные с первым элементом в виде ДВО-, ДВОЕ-, ДВУ-, ДВУХ-. Между ними устанавливаются структурно-синонимические отношения, и в результате одни структуры, а именно, с начальным ДВО- и ДВОЕ-, вытесняются из активного словообразовательного процесса, а другие, с начальным ДВУ- и ДВУХ-, все

больше укрепляют свои позиции в словообразовании.

«Лексикон...» Ф. Поликарпова [2], вышедший в 1704 году, включивший «в свой словарь прежде всего слова книжного языка» [1, с. 45], содержит немногочисленные прилагательные с начальным ДВО- в структуре. Функция элемента ДВО- здесь ограничивается указанием на *количество* определяемых деталей, названных производящим именем существительным конкретным.

Показательным для описания состояния словообразовательной модели прилагательного в данную эпоху является следующий пример. В.К Тредиаковский использует в своих произведениях прилагательные с начальным ДВО-: ДВОстишная песенка («Езда в остров любви», 1730, с 94), ДВОсложные наши Стопы... («Сложение российских стихов», 1735 г., с. 68), Мысь ДВОхолмна хребта прости... («Тилемах», 1766, т.11, кн. XV, с.55).

¹ Все примеры использования прилагательных в языке XVIII в. взяты из картотеки «Словаря русского языка XVIII в.», сноски к ним расшифровываются в указателе источников к словарю [5].

Но в том же «Сложении российских стихов» (1735 г.) обнаруживаем: «...Слѣдовательно Стопа наша не можетъ состоять, как токмо изъ двухъ слоговъ...то слѣдовательно, что ДВОсложныя наши Стопы...,а также читаем:...ДВУсложныхъ тоническихъ стопъ...

Использование в одной фразе прилагательного с начальным ДВО- и, соотносимого с ним по смыслу, словосочетания с Р.-П. числительного ДВА в виде ДВУХ, а также случай использования ДВУ- в структуре прилагательного позволяет нам сделать вывод об отсутствии прямой зависимости структурного составляющего прилагательного в виде ДВО- и ДВУ- от элемента синтаксической конструкции, а именно, употреблявшейся уже нормативно в этот период формы Р.-П. ДВУХ (В тексте «Всеобщей истории о мореходстве» (1) все прилагательные с первым элементом, омонимичным падежной форме числительного в виде ДВУХ-, соотносятся со словосочетанием, присутствующим в тексте: о ДВУХ ярусах весл – ДВУХ-ярусные галеры.) Вместе с тем необходимо признать, что структурные изменения, происшедшие к этому времени в парадигме склонения числительного ДВА, еще не настолько утвердились в языке, чтобы заместить элемент словообразовательной структуры ДВО-, явно архаизированный уже для того периода, и элемент в виде ДВУ-, передающий идею количественности в более поздних образованиях, на *омоформу Р.-П.н. ДВУХ.*

Имея ввиду изначальную структурно-семантическую связь исследуемых прилагательных со словосочетанием, мы должны отметить, что в этот период обособляются прилагательные, образованные от числительного ДВА, для которых соотносительность с синтаксической конструкцией словосочетания достаточно условна.

Это относится и к прилагательному ДВОязычный в значении «лживый, коварный», структура которого еще поддается членению по аналогии с образованиями на базе имен существительных конкретных и имени числительного ДВА с его идеей коли-

чественности, но семантика уже не является реализацией словообразовательного значения «определение по количеству элементов, указанных производящим именем существительным». Для словообразовательной системы XVIII века это прилагательное представляет собой результат *семантического словообразования*. Неколичественная семантика начального ДВО-, который указывает здесь на противопоставленность, контрастность, соединяется с семантикой имени существительного отвлеченного, названного производящей основой. Словообразовательное значение прилагательного можем сформулировать как «обладающий названным негативным моральным качеством». Значение отрицательной моральной характеристики передается здесь посредством словосочетания, приобретшего устойчивый характер в силу того, что его семантическая наполненность является результатом соединения значений двух лексем. Будучи оторваны друг от друга, слова «два» и «язык» передают каждый свое значение, не имеющее никакого отношения к метафоризации.

Образная, метафорическая основа обнаруживается и в значении прилагательных из категории эмоционально-оценочных с начальным ДВОЕ-, зафиксированных в языке XVIII века. С компонентом словной структуры ДВОЕ- связывается в семантике прилагательного значение противопоставленности, противоречивости: ДВОЕмысленный – ДВОЕмысленныя речи, или егда одною речью двоякое значит (Рос.-Гол.Лекс., 1707 г.); ДВОЕдушный – обманщик, льстец, тот, который одно говорит, а другое делает, ДВОЕдушный человек [4].

И для этих прилагательных соотносительность с синтаксической конструкцией условна. Для прилагательного ДВОЕмысленный (ДВОЕмысленныя речи, или егда одною речью двоякое значит. (Рос.-Гол.Лекс., 1707 г.)) словосочетание «владелец двух мыслей» является источником метафоризованного значения: «мысль» как действие морального плана, имеющее свою противоположность в акте неморальном. Элемент ДВОЕ-, традиционно выводимый в

своей словообразовательной природе из числительного ДВА с его значением счетности, в прилагательных из категории эмоционально-оценочных используется в отвлечении от лексического значения и количественного числительного, и числительного собирательного (двое). Это компонент словной структуры, в котором, в семантике прилагательного, связывается значение противопоставленности, противоречивости.

В конце XVIII века использовались *семантически образованные* прилагательные ДВУдушный, ДВУличный, ДВУличныйый, ДВУзнаменательный, ДВУсмысленный. Случаи использования прилагательного ДВУсмысленный обнаруживаются в сочинениях Державина, Карамзина и Хераскова: «...Князева слог был крючковат, *двусмыслен*, наполнен софизмами или несправедливыми заключениями.» (Д., Соч., т. XI, с. 581); «...Таксилла сама себя необходимою Кадму во *двусмысленных* видах представляет...» (Х., Кадм. и Гарм., кн.1, с. 25).

У Карамзина в «Деревенских вечерах» употреблено сочетание *двусмысленные слова*. В тексте, принадлежащем перу Карамзина, обнаруживаем и производное от этого прилагательного имя существительное *двусмыслие* в значении качества, свойства: «Они должны быть светлым зеркалом, в котором всякий гражданин, правый и неправый, видел бы ясно судьбу свою, чтобы добродушный судия не усомнился в их смысле, и чтобы самый лукавый не мог находить в них *двусмыслия*, благоприятного для ябеды и неправосудия.» (К., Похв. Сл. Ек. 11, Соч. т. XII, с. 77).

От прилагательного же образовано и наречие *двусмысленно*: «Слова ея и физиономия, которую заметил я еще до этого, впечатлелись в душе моей. Первые подтвердили то, что показывает другая... Надобно, конечно, иметь хороший ум, чтобы отвечать в одну минуту так приятно, так льстиво и так *двусмысленно*.» (П.И. Шаликов. Другое путешествие в Малороссию. М., 1804, с. 185 – 186).

У М.В.Ломоносова читаем: «Паче же всего должно юристу, яко знающему до-

вольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, ...ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и *двузнаменательных* производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам.» (Л., ПСС, т. X, с. 148). Образованное от этого прилагательного имя существительное *двузнаменательность* находим в тексте «Наставление от отца к дочерям» в «Прибавлении к Московским ведомостям» за 1784 г. : «Всякий недостаток в тонкости обхождения почитайте для себя постыдным. ...Ксему принадлежат всякие *двузнаменательности*».

О степени активности словообразовательной модели с основой числительного ДВА свидетельствует то, насколько широко она используется для образования прилагательных, мотивированных именем существительным конкретным, ибо имена существительные, имеющие вещественное значение в первую очередь являются базой для образований, соотносимых со словосочетанием «числительное +существительное». И именно прилагательные, соотносимые с существительным конкретным и числительным два, должны были в первую очередь реагировать на структурные преобразования числительного, модифицируя начальный элемент словообразовательной структуры.

В начале XVIII веке в разножанровых литературных текстах встречаются прилагательные, образованные от имени существительного конкретного: ДВОЕлетний – Офицеры во всѣхъ техъ дивизіяхъ въ то же время изъ дворянъ набираны и учены; и тако удивительно сей корпусъ былъ, понеже какъ офицеры, такъ и солдаты всѣ *двоелѣтние* суть были рекруты. (Ж.П.В., ч.1, с.5); ...Сѣ ТУРКИ тогда мира не было, но только *двоелѣтнее* перемирие. (Ж.П.В., ч.1, с.5); ДВОЕмесячный – Не отлучаться ему съ корабля ни на одну ночь ... подъ лишеніемъ *двоелѣтняго* жалованья ... (Устав морск., 1720, с.36); ДВОЕпалубный корабль (Регл. Морск., ч.11, с.20).

В приведенных прилагательных элемент ДВОЕ- является выразителем количе-

ственной семантики. В структуре каждого из приведенных прилагательных используется наряду с начальным ДВОЕ- суффиксальный морф –н(ый), и словообразовательное значение «указание на количество деталей, названных производящей основой» выражается при помощи последовательно воспроизводимого структурного комплекса ДВОЕ-...-Н(ый), который мы склонны рассматривать как аффиксоид. Звеном, сближающим структуру ДВОЕ-...-Н(ый) с морфемной структурой, является то обстоятельство, что ДВОЕ-, являясь омоформой числительного собирательного ДВОЕ (о том, что в XVIII в. элемент ДВОЕ- осознавался как омоформа числительного собирательного, свидетельствуют случаи написания в раздельном варианте прилагательных ДВОЕножный: ДВОЕНОЖНЫ; ДВОЕперстный: ДВОЕ ПЕРСТНОЕ сложение; ДВОЕглавный: орел ДВОЕ ГЛАВНЫЙ: ...Правда птицы також *двое ножны*, но их образъ и сочинение ...с человеческимъ зЪло разнится, того для и стояние оныхъ на одной ногЪ гораздо лЪхчей...(И.Штурм. Механика. БАН, 17.15.16, с. 36); ...Крестятся *двое перстнымъ* сложением...(Слово и дело. 11, № 50, 1750, с. 276); ...Надъ теми воротами гербъ российской вообраз пишушаго орла *двое главного* ...(Разн. Потребн./опис.ворот./ГПБ, ПОГОД. 1751/), представляет в словной структуре значение, абстрагированное от лексического значения омонимичного числительного собирательного. Действительно, согласно СЛ РЯ, собирательное числительное ДВОЕ *не имеет счетного значения* и, что особенно важно для наших прилагательных, находящихся в структурно-семантической словообразовательной связи со словосочетанием, ограничено в своих сочетаемостных возможностях «существительными мужского и общего рода, обозначающими лиц, а также существительными, имеющими только мн.ч., и личными местоимениями во мн.ч.» [5]. Следовательно, соотносительность со словосочетанием, включающим числительное собирательное, может быть установлена не для всякого прилагательного с начальным ДВОЕ-, и отрыв словной структуры от син-

таксической тем очевиднее, чем больше лексем с ДВОЕ-образовано от основ имен существительных, выходящих за пределы того круга имен, сочетаемость с которыми свойственна собирательному числительному.

Процесс конкретизации общего (инвариантного) словообразовательного значения начального элемента структуры прилагательного, образованного от числительного ДВА, в образованиях с начальным ДВОЕ-получил свое максимальное развитие. С этим напрямую связан и процесс перехода ДВОЕ- из компонента структуры сложного слова в аффиксоид. Отражением перехода ДВОЕ- из компонента структуры сложного слова в аффиксоид и аффикс явилась семантическая специализация структур прилагательных ДВОЕ-...-Н(ый) и ДВОЕ-...Ø(ый).

В первой трети XVIII в. в качестве определения символа российской государственности использовалось словосочетание ДВОЕглавный орел:...Гривеннички новые делать, с одной стороны с *двоеглавным орлом*...(Полное собр. Законов Российской Империи). В тексте же «Поликолепной апофеосис» используется словосочетание *ДВОЕглавая змея*. В том и в другом прилагательном в качестве мотивирующей использована основа имени существительного в значении *части тела*. Учитывая, что производящее с подобной семантикой традиционно связывалось в предшествующие эпохи (для исследуемых прилагательных) со структурой ДВО-...-Ø(ый), появление в прилагательном с аналогичным словообразовательным значением структуры ДВОЕ-...-Ø(ый) рассматриваем как продолжение процесса структурного развития прилагательных, соотносимых с именем существительным в значении части тела.

Этот процесс имел свое развитие и в прилагательных с начальным ДВУ-. В XVIII веке структура с начальным ДВУ- наиболее активно использовалась для образования прилагательных, мотивированных именами существительными конкретными. Объединенные единством типового значения «обладающий двумя деталями, названными производящей основой», эти прилагательные проявляли как лексико-семантические особенно-

сти, так и неединообразие структурного выражения: при неизменно присутствующем в их структуре элементе ДВУ- могли появляться разные суффиксальные морфы.

В конце XVIII века прилагательные, мотивированные именем существительным в значении *части тела*, оформляются структурной ДВУ-...– Ø(ый) : ДВУрогий – двурогие пауки (Лепех.Путеш., ч. 1, 1771, с. 394); ДВУносый – двуногая собака (имеющая раздвоенное чутье) (В. Левш., Соверш. егер., 1779, с. 429); ДВУногий – Маленькая *двуногая* тварь садится верхомъ на огромного слона, стучит ему молотом в голову, и править имъ какъ овечкою...(Карамзин, ПРП, 1790, ч. V, с. 359; ДВУглавый – Змѣя *двуглавая*, называемая также и Амфисбена. (Слов. Natur. ист., 1788, ч. 1, с. 144); ДВУкрылый – Муха. Довольно известное насекомое, *двукрылое*...(Слов. натур. ист., 1788, ч. 1, с. 317).

В многочисленной группе образований со структурным компонентом ДВУ- следует выделить прилагательные *терминологизированные*. В выпущенном в 1786 году «Описании растений Российского государства...» (изд. П.С. Палласом) находим: «Ягоды крупныя, красныя, внутри *двугнездыя* и в каждом гнездышке по два семичка» (П., с. 83); «Поелику сей между данниками составляет единый вид двудомнаго свойства...» (П., с. 110) «Плод составляет нарочитая ягода, содержащая в себе красное тело и *двуместное* гнездо, о двух или четырех семичках»(П., с. 134)

В конце XVIII века прилагательные с начальным ДВУ- были наиболее последовательно (в сравнении с прилагательными с ДВОЕ-) терминологизированы. В переводе книги Палласа и в тексте «Философии ботаники...» К. Линнея (СПб., 1800 г.) каждому прилагательному со структурным компонентом в виде ДВУ- предпослан латинский эквивалент, входящий в терминологический аппарат науки.

Понятийное содержание термина предполагает соединение высокого уровня обобщения со специализацией, конкретизацией признака, акцентирующего внимание на характерной для определяемого детали. В

соответствии с этим все прилагательные с начальным ДВУ-, присутствующие в тексте «Философии ботаники...», в своем значении так или иначе «отвлечены» от « признака по наличию двух элементов, названных производящей основой».

В качестве мотивирующих именных основ для этих прилагательных часто используются основы имен существительных, образованных *семантическим способом*. Это справедливо для прилагательных ДВУядерный (коробочка, плодотворная пыль, тычинка, стручочек), ДВУстворчатый (коробочка, цветочное крыло), ДВУснастное растение, ДВУроговая тычинка, ДВУперистые листочки, ДВУдомные цветы, ДВУгнездное семя, ДВУблизнечный, ДВУбляшечное устье.

Терминологизированные определения составляли группу образований, объединенных двумя свойствами смысловой структуры: производящее имя существительное называло такую деталь, которая была отличительным признаком целого класса животных или растений, выделяющим их из ряда им подобных. Омоформа числительного в структуре этих образований становилась *знаком*, за которым закреплялась функция указания не столько на количественный признак, сколько на парность, повторяемость, как на отличительную деталь определенного класса растений или животных.

Эти свойства семантики структурных составляющих объединили прилагательные в *лексико-семантическую группу терминов*, при образовании которых отличительной была не только деталь названная производящей основой, но и то обстоятельство, что она присутствует в парном варианте.

Для многих прилагательных – терминов свойственна *мотивированность именем прилагательным*. Это относится к таким образованиям, как ДВУбоковой, ДВУблизнечный, ДВУзубчатый, ДВУперистый, ДВУполовинчатый, ДВУраздельный, ДВУсросшийся (производное – адъективированное причастие), ДВУстворчатый, ДВУцветочный, ДВУядерный.

В этих прилагательных очевидна *структурно-семантическая противополо-*

тавленность начального ДВУ-, как аффиксоида, омоформе производящего прилагательного или адъективированного причастия. Действительно, в этот период в языке отсутствовала прямая ассоциация компонента словной структуры ДВУ- со словоформой Р.-П. п. числительного два (в синтаксисе в конце XVIII в. использовалась словоформа ДВУХ).

Семантическая функция начального компонента сводилась к передаче значения повторяемости признака, положенного в основу определения.

Вышеприведенные обстоятельства позволяют нам определить ДВУ- в таких образованиях, как элемент словообразовательной структуры переходного типа от композита к слову, образованному морфемным способом.

Эта же тенденция проявляется и в группе прилагательных, образованных от имен существительных, обозначающих меру (длины, веса, стоимости и др.). Эти прилагательные образовывались при помощи структурного комплекса ДВУ-...-ОВ/ЕВ(ый): ДВУпудОВый – ...мартыры ... *дву пудовые* (М. Вед., 1703, с. 3), ДВУпудОВый молот (Адская почта, 1769, с. 159); ДВУрублевый – ...ефимки златые *двурублевые*... (Гист. Вас. Кор., с. 110); ДВУдюймОВый – Купить ... досокъ *двудюймовых* триста ... (МАН 1747, VIII, 645); ДВУгодОВый – ...Также жеребятъ малых...и жеребят годовых и *двугодовых*... (Регула об лошадях, с. 46, 1720-е).

В последнем примере использовано прилагательное с двойной мотивацией: оно может рассматриваться и как *отъадъективное* образование с препозитивным ДВУ- в функции указания на удвоение признака, названного производящим прилагательным.

Есть все основания выделить в особую лексико-семантическую группу прилагательные *отъадъективные*, в которых начальный ДВУ- выполняет префиксоидную функцию со словообразовательным значением «двукратное увеличение, усиление степени качества, названного мотивирующим именем прилагательным»: ДВУрогатый – За громомъ грома ударяють, Освѣчивая въ

тѣмъ бездонну ада дверь, Изъ коей дивій воль, иль преисподній звѣрь Стальночешуйчатый, крылатый Серпокохтистый, *двурогатый*... (Держ., Соч., 1808, ч. 11, с. 276); ДВУрослый – Весьма нужно родите-лямъ наблюдать не *двуросли* ли дѣти ихъ. Сія болѣзнь удобно можетъ обезобразить ихъ тело... (О должном попечении родителей. Приб. К Моск. вед., 1783, № 81, с. 319; ДВУстихийный – ...Амфивій, или *двустихійные*, называются тѣ животные, кои и въ водѣ и на землѣ жить могутъ. (Письм. Кург, 4-е изд., 1790, 11, 196) ДВУестественный – ...человѣкъ...есть существо *двуетественное*... (Радищев, О человеке, С.С. ч. 1, 1809, с. 55).

Конец XVIII века связан с активизацией, наряду со словообразовательной структурой с начальным ДВУ-, словообразовательной структуры с элементом ДВУХ-. Прилагательные объединялись словообразовательным значением «обладающий двумя деталями, названными производящей основой».

Самыми многочисленными были образования со структурным комплексом ДВУХ-...-Н(ый) (как и ДВУ-...-Н(ый)): двухлетний, двухэтажное здание, двухнедельная почта, двухперсонная колясочка, двухярусные галеры.

Другую группу составляли прилагательные со структурой ДВУХ-...-ОВ(ый), ДВУХ-...-ЕВ(ый), мотивированные конкретными существительными в значении меры: двухмачтовое судно, двухрублевая вещь, двухфунтовая свеча.

Активность процесса включения в структуру прилагательного начального ДВУ-, свойственная словообразованию в XVIII веке, и начавшаяся замена его на ДВУХ- свидетельствовали о живо осознаваемой связи структуры слова со словосочетанием. Однако факты использования прилагательных в языке позволяют сделать вывод об имевших место структурно-семантических трансформациях словообразовательной модели, приводивших к включению прилагательного, образованного от числительного два, в круг морфемным спо-

собом образованной лексики, а также в область семантического словообразования.

Литература

1. Пономарев В.М. К истории сложных слов в русском языке // Доклады и сообщения Института языкозн. АН СССР. – М., 1953.
2. Всеобщая история о мореходстве. Т.1. Тип. Морского корпуса, 1801. – 259 с.
3. Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный сиреч речений славенских, еллиногреческих и латинских. Москва, 1704
4. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1790, 1792–1794.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. Испр. и доп. Т.1. А-Й. М.: Рус. яз., 1981. – 698 с.
6. Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, 1984. – 144 с.

ПРЕДИКАТЫ СОСТОЯНИЯ

К.Г. КРАСУХИН, профессор кафедры русского языка и литературы МГУЛа, д. филол. н.

Состояние¹ – суперкатегория, объединяющая ряд категорий предикатов, в которых имплицитное время присутствует потенциально. Это означает, что в возможном мире высказывания с субъектом изменений не происходит, но может произойти в момент, предшествующий времени, о котором идет речь или последующий за ним. В естественных языках эта особенность категории состояния проявляется в том, что каждому предикату состояния, независимо от того, какой частью речи он выражен, может быть сопоставлен глагол, обозначающий достижение субъектом этого состояния.² Классификация состояний основана на соотношении внешних и внутренних факторов, определяющих субъект. По этому основанию можно выделить следующие типы состояний: внешнее состояние, или положение; внутреннее состояние, душевное и телесное (обусловленное внешним воздействием и необусловленное); внутреннее состояние по отношению к внешнему фактору, или состояние = обладание; внутреннее состояние, являющееся следствием внешнего воздействия, или претерпевание; внутреннее состоя-

ние, являющееся причиной возможных действий субъекта, или потенция, или диспозиция.

1. **Предикаты, обозначающие основные позы и положения тела:** *стоять, сидеть, лежать*; им могут быть сопоставлены глаголы *вставать, садиться, ложиться*. Эти предикаты имплицитно подразумевают положение субъекта в пространстве, поэтому при наличии локационных обстоятельств на них падает основная семантическая нагрузка: *Гости – в саду* → *Гости сидят в саду*; *Мальчик – в кровати* → *Мальчик лежит в кровати*. Поэтому предложения локации иногда омонимичны предложениям положения. Различать их можно с помощью подстановки: в предложениях положения предикаты в принципе взаимозаменяемы (*Гости стоят, сидят, лежат в саду*), в предложениях же локации – нет: *Город лежит в низине* – **Город стоит/сидит в низине*; *Статуя стоит на пьедестале* – *Статуя сидит на пьедестале* – **Статуя лежит на пьедестале*. Здесь наблюдается следующая закономерность: в предложениях локации стоять можно на возвышенности, лежать – на низменности; сидеть же – исключительно глагол положения. Следовательно, предложения *Статуя стоит на земле* и *Статуя лежит на земле* должны рассматриваться как предложения положения, так как оба они правильны.

¹ Продолжение работы «Опыт универсальной классификации предикатов». Первая часть с подзаголовком «Предикаты бытия» опубликована в «Лесном вестнике», 2001 г.

² Эти глаголы (так называемые терминативные) могут обозначать как действие, контролируемое субъектом, так и неконтролируемый процесс.

2. **Предикаты внутреннего состояния.** Это большая группа предикатов, которую по ряду семантических критериев можно разделить на несколько подгрупп. Прежде всего, это отмеченное Ю.С. Степановым (Степанов 1989) противопоставление предикатов физического и духовного состояния. Первые обозначают физические ощущения субъекта: *Я болею/болен/здоров, мне холодно/тепло*. Предикаты духовного состояния, сочетающиеся только с одушевленными субъектами, обозначают духовные, т.е. существующие только в сознании субъекта субстанции: *(мне) весело/, грустно, я доволен, я радуюсь/огорчаюсь*. Можно предложить несколько другой критерий разграничения: субъективные и объективные состояния. Для их различения удобно пользоваться тестом эпистемического опровержения: *он думает, что он..., но это не так*. Ср.: *Он считает, что он болен, но это не так* (объективное внутреннее состояние); **Он считает, что он грустен, но это не так* (фраза обесмысливается, поэтому предикат грустен определяется как субъективное внутреннее состояние); * *Он считает, что у него болит рука, но это не так* (аналогично). Таким образом, состояния тела могут быть объективны и субъективны, состояния духа, по-видимому, только субъективны.³

Предложения внутреннего состояния играют совершенно особую роль в грамматической системе языка. Во-первых, они легко образуют безличные предложения (тем самым выявляя на грамматическом уровне семантическое рассогласование субъекта и предиката), во-вторых, предложения с этими предикатами во многом являются переходными от именных к глагольным: в них предикат может быть выражен как глаголом, так и именем, причем подстановка может не менять ни синтаксической конструкции, ни смысла предложения. Так, высказывание *Я болею* отличается от *Я болен* только тем, что глагол указывает на от-

ношение события к моменту речи, а прилагательное – нет. Но и это различие элиминируется при введении темпорального слова, и высказывания *Я сейчас болен* и *Я сейчас болею* отличаются друг от друга только морфологической формой предиката.

Переход предложений внутреннего состояния в безличное означает, что субъект этого предложения переходит в косвенный падеж. Падеж зависит от семантики субъекта и его соотношения с предикатом. В нераспространенном предложении глагольный предикат заменяется на наречие, которое ряд русистов (В.В. Виноградов, Н.С. Поспелов) именуют «категорией состояния» (Виноградов 1972; Поспелов 1990; против см. Исаченко 1965), субъект – одушевленное лицо переходит в детальный падеж: *я болею – мне больно, я голоден – мне голодно, я боюсь – мне страшно* и т.д. Безличным предложениям этого типа свойственна большая конкретность, чем личным: *Я голодаю* может обозначать общее состояние (*Я недоедаю*), а *Я голоден* – всегда конкретно (ср. *Население голодает; Население голодное – Населению голодно*). Это вообще свойство безличных предложений, выражающих не только состояние, но и категории. Так, бытийное локационное отрицательное предложение *Отец не был на море* допускает два толкования: (1) *Отец никогда не был на море*; (2) *Отец (в определенный момент) не был на море*. Безличное предложение *Отца не было на море* допускает только интерпретацию (2) (ср. Козинцева 1991). Очевидно, внутреннее состояние, более ярко выраженное в безличных предложениях, в силу отсутствия в нем имплицитного времени, регулирующего его начало и конец, нуждается во внешней временной соотнесенности.

Несколько иначе ведут себя распространенные предложения внутреннего состояния. Распространенность таких предложений заключается в том, что, помимо субъекта состояния, в таком предложении появляется термин, локализирующий это состояние: *Я болею горлом; Иван страдает душой*. Здесь возможны следующие трансформации: /а/ субъект и предикат изменяются, как в не-

³ Возможное исключение из этого правила – предикат *любить*: «Люблю ли тебя, я не знаю // Но кажется мне, что люблю» (А.К. Толстой).

распространенном предложении, распространитель переходит в винительный падеж и становится как бы объектом некоей внешней силы: *мне горло больно*. Поэтому в таких конструкциях достаточно часто употребляются глаголы действия, и именно их безличность позволяет квалифицировать глаголы действия в данном случае как показатель состояния. Ср. *Мне руку ломит и Сила соломой ломит*. /Б/ При имперсонализации субъекта он трансформируется в конструкцию «у + род. п.», которая выражает посессивные отношения (см. ниже); соответственно локализатор может трансформироваться двояко: либо в местный падеж («в + предложный падеж»), который в этом случае реализует подлинную функцию локализатора (*у меня болит в горле*), либо в именительный падеж, выступающий здесь как субъект состояния, либо в винительный падеж, как в предложениях с дативом (*у меня голова болит*) (*у меня болит горло*). Субъект-посессор в таких случаях легко устраним (*горло болит; в горле болит*). Поэтому такие предложения могут быть легко сопоставлены с теми, в которых есть только один субъект состояния, являющийся по сути его локусом: *Комната холодна; В комнате холодно*. Субъект-локус также устраним; высказывание *Холодно* отличается от вышеприведенных, но не является ущербным ни синтаксически, ни семантически (ср. Степанов 1990). Все это имеет очень большое значение для анализа омонимических синтаксических конструкций. Так, при наличии предиката, выраженного агентивным глаголом, отсутствие субъекта или возможность трансформации его в локатив определяет предложение как предложение состояния. Ср. *Человек (ружье) стреляет* – **В человеке (в ружье) стреляет*; но: *Мотор стреляет* – *В моторе стреляет*.

Имперсонализация предложений состояния в русском языке находит явные параллели в других индоевропейских языках, например, в латыни. Здесь субъект переходит в косвенные падежи и устраняется при так называемых глаголах ощущения *dolere/ri* «страдать», *fallere* «обманывать», *licere/ri* «быть угодным (всего 12 глаголов, см. Rosen

1982). Рассматривая личные и безличные формы конструкций с этими глаголами, Х. Розен устанавливает 17 различных синтаксисов в зависимости от лица и залога глагола, падежа субъекта, локализатора и/или побудительной причины чувства⁴. Для нас важны следующие обстоятельства. Во-первых, падеж субъекта легко переходит в аккузатив и датив: *me fefelit hosce id struere* (Теренций, Самоистязатель, 514) «меня обмануло, что они это строят (= я напрасно поверил, что они это стоят)». Во-вторых, в косвенный падеж переходят и локализаторы, ср. встречающуюся у Лукреции формулу *nes me (acc.) animi (gen) fallit* (О природе вещей, 1, 136; 922; и т.д.). Не обманывает меня в душе (= я не обманываю в душе). Весьма интересен пример, где локализатор представлен как объект: *Uterum (acc) dolet!* (Плавт, Клад, 691) «Живот больно!» (кричит рожающая героиня). Такая конструкция интересна двояко: с одной стороны, локализатор здесь употребляется субъекту (ср. *dolet pudetque Graium me (acc) vero et piget* (Акций, 471) мне, греку, мучительно, стыдно и тяжело), с другой – они типологически очень близки к аналогичным литовским; *uterum dolet* можно перевести на литовский с сохранением управления: *pilva (acc) skauda*. В-третьих, полная устранимость субъекта, преобразование безличного предложения в односоставное возможно и в латыни: *quid nunc: dolethe?* (Плавт, Псевдол, 155) «Как теперь – не грустно ли?». В-четвертых, активные формы безличных глаголов легко переходят в медиопассивные: *cepisti me istoc verbo? miseretur tui* (Gfredbq? 354) «ты покорил меня этими словами, жаль тебя». Ср. в русском такие конструкции, как *мне взгрустнулось, мне спится*.

⁴ Отсутствие места не позволяет подробно остановиться на интересной работе Х. Розена. Однако следует заметить, что ряд ее положений внушает сомнения. Так, спорен тезис о позднем происхождении безличных конструкций: представленный материал не дает оснований для такого заключения. Удивительно, что Х. Розен не делает различия между локализатором и причиной состояния. Поэтому его интерпретация требует корректив.

Что же касается связи глагольного и именного предложений, то она устанавливается не только на содержательном, но и формальном уровне. Так, в литовских безличных конструкциях, выражающих внутреннее состояние, наречие и глагол имеют одинаковое управление, маркируются одним и тем же (нулевым) аффиксом: *man (galva) skauda* «мне (голове) больно» (глагол) – *man salta* «мне холодно» (наречие). Наречие и глагол могут быть и однокоренными: *cia/ciandien sal-a* – *cia/ ciandien sal-ta* «здесь/сегодня морозит – здесь/сегодня холодно». Е. Курилович (Kurylowicz; 1956; 1964) полагал, что в основе главной категории состояния в системе индоевропейского глагола – перфекта – лежит отглагольное прилагательное. Литовский материал наглядно показывает эту связь. Такие прилагательные обладали нулевым окончанием; позднее они вошли в глагольную парадигму, их же функцию приняли на себя стативно-пассивные прилагательные на –to-. Их связь также подтверждают приведенные литовские формы: *sala* реконструируется как *kole/o, salta < kol-to*.⁵ Прилагательное *salta*, соответственно наречие *salta* не являются пассивами к глаголу *salti*. Но состояние здесь могут выражать и настоящие пассивные причастия: *jam bu vo pikta* «ему было досадно» (*pykti* «сердить»); *buvo karsta* «было жарко» (*karstinti* «нагревать»). Если же предложения с активным глагольным сказуемым трансформируются в пассивные, то субъект из номинатива преобразуется в генитив: *tevas miego* «отец спал» – *tevo mitgta* дословно «отца спано». Пассивизация предложений состояния – явление, сходное с тем, что мы видим в русском и латинском. Так же устраним в литовском и субъект. Таким образом, стативность, безличность, пассивность и размытая глагольность (когда предикат может с равным успехом трактоваться

как глагольный и именной) оказываются тесно связаны между собой. Это можно констатировать как в универсальном, так и конкретно-историческом аспекте языка.

Устранимость субъекта сближает безличные предложения внутреннего состояния с еще одним типом стативных предложений, который мы бы назвали предложениями состояния среды. Они обозначают природные явления: *Светает; Дождит; Морозит*. В этих предложениях среда непосредственно не названа, хотя возможно и ее называние: *Небо светает (дождит); Воздух морозит*. У некоторых предикатов возможны также субъекты того типа, которые Ю.С. Степанов называет «извлеченными» (Степанов 1989), т.е. в значительной степени содержащиеся в предикате. Вместе с предикатом такие субъекты образуют так называемые этимологические фигуры: *Гром гремит; Дождь дождит; Свет светит*. Односоставные же предложения должны эксплицитно представляться так: *Светает – (В мире светает); Дождит – (В мире дождит)*.

Односоставные безличные предложения легко трансформируются также в именные; *Дождит – Дождь; Морозит – Мороз* и т.д. Номинализации показывают различия между внутренними состояниями и состояниями среды, а также между объективными и субъективными состояниями. Прежде всего, номинализации, допустимые у предложений состояния среды, недопустимы у предложений внутреннего состояния: *Жарко – Жара; Мне жарко (холодно) → *У меня жара (холод)*. Предложения же типа *У меня жар/озноб* вовсе не эквиваленты *Мне жарко/холодно*. Соответственно предложение объективного состояния *Я болею* трансформируется в *У меня болезнь*, субъективное *Мне больно – У меня боль*. Такие номинализации могут выступать также как объекты при глаголах ощущений и чувств: *Я грущу – Я испытываю грусть; Мне больно – Я чувствую боль*.

Односоставных предложений мы уже касались выше в введении и разделе о бытии. Действительно, предложения типа *Жара, Дождь, Снег* по семантике, структуре и от-

⁵ К сожалению, здесь нет возможности подробно анализировать данную форму с нулевым аффиксом. Особенность ее морфологии и семантики состоит в том, что она тематизирована. Подробности ее реконструкции см. в (Красухин 1989; 1990).

части функционированию близки бытийным предложениям и нередко рассматриваются в этом качестве. (ср. Арутюнова 1976: 229). Для этой точки зрения есть основания: действительно, язык интерпретирует данные состояния как нечто неизменное.

Но возможность их трансформации в предикаты с имплицитным временем заставляет интерпретировать их все же как предикаты состояния. Сравним две возможные трансформации односоставного предложения *Снег*: (I) – *Лежит (Всюду) Снег*; (II) – *Снежит (Идет снег)*. В первом случае речь идет о статальном факте, во втором – о процессуальном. Следовательно, *Снег* (I) есть предложение бытия, утверждающее наличие предмета, а *Снег* (II) утверждает наличие некоторого состояния (или процесса). Таким образом, предложения данного типа обозначают состояния с чисто потенциальным, почти неосязаемым имплицитным временем. Противоположны им предложения, обозначающие становление состояния, где имплицитное время вполне реально. Можно построить следующую градацию состояния: *Я заболеваю* (становление) – *Я болею* (состояние с морфологически выраженным временем) – *Я болен* (состояние без выраженного времени) – *(У меня) болезнь* (состояние, уподобленное бытию).

Уподобленность бытию может быть для предложения существенным стилистическим фактором. Если предложение *Дождь* должно эксплицитно записываться как (*В Мире дождь/дождит*), то и предложение *Тоска* по аналогии может быть записано как (*В Мире тоска/тоскливо*). Именно такой смысл имеет название чеховского рассказа «Тоска», посвященного горю извозчика, у которого погиб сын.

Еще один вид предикатов внутреннего состояния – то, что можно назвать предикатами внешнего проявления внутреннего состояния. Они связывают собственно состояние предмета с некоторым внешним по отношению к нему реципиентом, способным воспринять это внутреннее состояние. Это предикаты, связанные с органами чувств: *пахнуть, казаться, слышаться* их и т.д. Но по-настоящему внутреннее состояние здесь

репрезентирует, пожалуй, только глагол *пахнуть*. При этом глаголе существуют два типа устранимых субъектов: субъект-локус (*Комната пахнет – В комнате пахнет – Пахнет*) и субъект-инструменталь, обозначающий источник (генератор) запаха: *Цветы пахнут – Пахнет цветами – Пахнет*.

Таким образом, категория внутреннего состояния включает в себя разнообразные по семантике и типам управления предикаты. Из приведенных выше примеров видно, что субъект и глагол соотносятся друг с другом по принципу обоюдной зависимости: наличие и трансформируемость субъекта позволяют по-разному интерпретировать глагол (как глагол действия или состояния), с другой стороны, интерпретация глагола определяет выбор субъекта. Учет этого обстоятельства позволяет внести коррективы в имеющиеся теории семантического кода.

Так, в ряде работ В.В. Мартынова предложена трехчленная атомарная схема предложения, к которой, по мнению автора, может быть сведена любая конкретная пропозиция: Имя предмета (в использованной В.В. Мартыновым терминологии – тайген) – Имя признака предмета (еген) – Имя предмета (тайген), что соответствует формуле SPO (субъект-предикат-объект). Если высказывание безобъектно, то подразумевается, что объектом действия является сам субъект (действие направляется субъектом на самого себя⁶), объект же записывается со знаком отрицания. Расширенное высказывание может включать в себя также дополнительные субъекты (неотчуждаемые и отчуждаемые процессоры) и дополнительные объекты (место приложения действия). Тогда фраза *Иван взял Анну за руку* записывается так: *SS'POO'* (Субъект с помощью неотчуждаемого процессора воздействует на объект через его неотчуждаемый процессор – объект приложения действия). Соответственно *Иван бреется* – *SS'POO'* (Субъект воздейст-

⁶ Различие между действием, которое субъект направляет на себя, и состоянием субъекта, играет важнейшую роль для описания индоевропейской системы залогов (ср. Савченко 1960; Гухман 1964; 1981).

вует на самого себя с помощью отчуждаемого процессора) (Мартынов 1977; 1982). Языковая интуиция подсказывает, однако, что предложения *Человек руками бреется* и *Человек зубами мается* вовсе не однотипны.

Их различие можно продемонстрировать, переведя глаголы в отглагольные имена: *бритье руками* – **маета зубами*; **бритье в руках* – *маета в зубах*. Следовательно, перед нами два разных субъекта и два разных предложения. Первое действительно обозначает действие, совершаемое субъектом с помощью неотчуждаемого процессора, второе – внутреннее состояние субъекта, локализуемое в определенной его части. В этом случае едва ли возможно записывать данное высказывание с помощью формулы «тайген-ёгентайген», а схема В.В. Мартынова нуждается в дополнениях, которые бы учитывали предикаты не только действия, но также *бытия* и *состояния*.

3. Состояние-обладание. Категория обладания (пассивности) устанавливает отношение между субъектом и некоторым предметом, мыслящимся как отчужденный от субъекта; вследствие этого отношения субъект имеет возможность и/или право пользоваться и распоряжаться данным предметом. Кроме этого, обладаемый предмет может быть нетелесным; в этом случае он служит для характеристики посессора, например, через категории обладания могут быть выражены внутреннее состояние и бытие-качество.

Эта двойственность категории обладания была отмечена еще Аристотелем, который в «Категориях» (гл. XV) выделил четыре основных значений греческого глагола $\geq\chi\omega$ «держать, иметь»: 1) обладать свойством или состоянием; 2) обладать количеством; 3) обладать вещью или частью тела; 4) обладать содержанием (например, сосуд содержит воду). В «Метафизике» (V, 23) предложены следующие дефиниции: 1) обращаться согласно своей природе или влечению $\equiv v\subseteq\sigma\omicron\varsigma \geq\chi\epsilon\iota \tau\in v \blacklozenge v\theta\rho\omega\pi\omicron\nu$ «болезнь владеет человеком»; $\angle \tau\upsilon\rho\alpha\nu\nu\omicron\varsigma \geq\chi\epsilon\iota \tau\div v \pi\subseteq\lambda\iota\nu$ «тиран владеет городом»); 2) содержать в себе как способность к воспроизведению:

($\angle \chi\Upsilon\lambda\kappa\omicron\varsigma \geq\chi\epsilon\iota \tau\div v \mu\omicron\rho\phi\div v \tau\omicron\upsilon \leq\gamma\Upsilon\lambda\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$, $\tau\in \sigma\omega\mu\alpha \tau\approx\varsigma v\subseteq\sigma\omicron\upsilon$ «медь имеет форму статуи, тело-болезни»); 3) содержать так, что объемлющее содержит объемлемое (сосуд – воду, город – людей, корабль – моряков); 4) удерживать, не давать двигаться (колонна держит крышу). Таким образом, к обладанию Аристотель относит достаточно широкий круг предикатов, которые, в нашем понимании, относятся к различным видам бытия и состояния. Задача заключается в том, чтобы установить характерные черты именно обладания, которые отличали бы его от других категорий. Таковыми, на наш взгляд, и являются наличие двух термов в суждении и названное нами отношение между ними. Еще одно определение посессивности: «Посессивность понимается здесь как такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них (объект обладания, обладаемое^R) «включается» в другой (обладатель, посессор^{Ps}), составляя с ним единое физическое и/или функциональное целое» (Категория посессивности 1989, 44). Категория посессивности, подобно рассмотренным категориям бытия, легко «сворачивается» из пропозициональных конструкций в атрибутивные (*У меня есть машина черного цвета* – *Моя машина черного цвета*). Основным же средством языкового выражения предикатов посессивности являются особые имеющиеся в каждом языке глаголы обладания; конструкция с ними выглядит так: ^{Ps}(иметь)^R. Имя посессора стоит в именительном падеже, а имя обладаемого – в винительном, так что формально такая конструкция выглядит как предложение с переходным глаголом. Но это сходство чисто внешнее: глагол обладания не обозначает воздействие на объект, он указывает на определенное состояние грамматического субъекта – обладание объектом, соответственно объект характеризуется состоянием «быть в распоряжении субъекта» (Бенвенист 1974). Как показал Э. Бенвенист в указанной работе, глагол обладания тесно связан с глаголом бытия: при трансформации объекта обладания в субъект пропозиции глагол об-

ладания не переходит в пассив; языковой универсалией является подстановка в эту конструкцию глагола бытия. В русском: *человек имеет дом – у человека есть дом*, причем глагол может опускаться. И глагол *иметься*, как следует из вышеизложенного – не пассив глагола *иметь*, а синоним *быть*. Аналогичная трансформация наблюдается в латыни; здесь при замене глагола обладания на глагол бытия имя посессора переходит в дательный падеж: *homo libri habet* «у человека есть книга» – *homini* (дательный падеж) *est liber*. Следует заметить, что дательный падеж в истории отдельных европейских языков заменяется на падеж с пространственным предлогом: лат. *homini* заменяется в поздней латыни на конструкцию *ad hominem* (дословно «у человека»), которая и явилась предтечей общероманской конструкции «ad + ИМЯ»: франц. *a la homme*, итал. *all uomo*, испан. *alla hombre*. В греческом языке дательный падеж конкурировал с многими падежно-предложными конструкциями, в частности, дательный падеж обладания – «+ вин. п.» Ср. у Платона: $\delta\epsilon\sigma\iota\varsigma\ \upsilon\mu\iota\upsilon\upsilon\upsilon$ «дар вам» и $\delta\epsilon\sigma\iota\varsigma\ \epsilon\theta\varsigma\ \leq\nu\theta\rho\omega\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ «дар людям» (дословно – «дар в людей»). На этапе новогреческого языка предложные конструкции совершенно вытеснили датив, и направление, а также обладание выражается здесь конструкцией «στειν (стяженное из εθς τειν) + вин.п.» (Шарыпкин 1987, 178). Эти типологические параллели наводят на мысль о том, что русская конструкция «у + род.п.» может восходить к дативу.

Другой падеж обладателя – родительный; именно им маркируется имя посессора в атрибутивных посессивных конструкциях. В ряде языков он может выступать и как субъект при предикате бытия, обозначающем обладание. Такой генитив используется там, где речь идет об обладании какими-либо свойствами и именуется родительным характеризующим: лат. *hominia est egrare* «человеку свойственно ошибаться» (дословно «человека есть ошибаться»), греч. $\omicron\theta\kappa\omicron\nu\leq\mu\omicron\upsilon\ \leq\gamma\alpha\theta\omicron\upsilon\ \epsilon\upsilon\ \omicron\theta\kappa\omicron\nu\omicron\mu\epsilon\theta\upsilon\ \tau\div\nu\ \omicron$

$\omicron\kappa\iota\alpha\nu\ \tau\div\nu\ \downarrow\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \epsilon\sigma\tau\iota$ «хороший хозяин хорошо ведет (должен хорошо вести) свой дом».

Как показал Э. Бенвенист, категория состояния-обладания сыграла большую роль в развитии перифрастического перфекта в индоевропейских языках. Древнейший синтетический перфект обозначал состояние, в частности, состояние как результат предшествующего действия; затем он стал обозначать простую претеритальность, и его место занял оборот «ИМЕТЬ + пассивное причастие»: нем. *die Wol fer haben das Kuh gegessen*; франц. *les loups ont mange la vache*; англ. *the wolves have eated the cow*; н. греч. $\omicron\iota\ \lambda\upsilon\kappa\omicron\iota\ \leftarrow\ \chi\omicron\upsilon\sigma\iota\ \tau\omicron\ \alpha\lambda\omicron\upsilon\gamma\delta\iota\ \epsilon\chi\omicron\mu\epsilon\upsilon\omicron$ «Волки съели корову».

В русском точная параллель такой конструкции представлена в северо-западных говорах: *У волков корову съедено*. Как следует из вышеизложенного, посессор выражен падежной конструкцией «у + род.п.», глагол-связка опущен, в соответствии с общими закономерностями предикатов причастие во всех примерах рассогласовано. В других восточных индоевропейских языках в аналогичной конструкции выступают также косвенные падежи: в литовском и древнеперсидском – генитив (лит. *mano kurta*, др. перс. *mana krtam* «мною сделано»), в древнеиндийском – инструменталь (*tena uktam* «им сказано»). Если инструменталь – общеиндоевропейский падеж добавочного деятеля, то генитив может трактоваться и как посессор.

Итак, обладание оказывается тесно связано с иными видами состояния, а также по сути с действием и претерпеванием, которые мы рассмотрим ниже. Тесная морфологическая и семантическая связь обладания с бытием приводит к тому, что в некоторых контекстах собственно элементы обладания утрачиваются. Такие предложения выступают формально как предложения обладания, семантически же – как предложения существования. Ср. цитату из старинной оперетты: *Есть у нас одно прелестное местечко// Под горой течет там маленькая речка...* Согласно общим правилам, эта конструкция заменяется на – *У нас имеется* и *Мы имеем*, но, ко-

нечно, здесь не может быть речи о настоящем обладании: *Мы имеем* фактически синонимично здесь *Мы знаем, Мы обращаем внимание слушателя на...* Н.Д. Арутюнова (1976, 230) с полным основанием включает такие предложения в число бытийных. Грамматически такие предложения «неподлинного» обладания вполне подобны настоящим предложениям обладания, и различаются они только благодаря данным контекста и реалиям. Когда Молчалин говорит: *Есть у меня вещицы три...*, то из контекста ясно, что обладатель волен распоряжаться обладаемым по своему усмотрению. Высказывание Репетилова: *Еще у нас два брата, Левон и Боренька, отличные ребята* имеет иной смысл: (Я принадлежу к тому же обществу, что и названные персонажи – Я и они суть обладаемые одного посессора). И, наконец, в цитированном выше куплете отношения обладания выражены чисто формально. В английском таким конструкция соответствует *there is* «имеется», также трансформируемое в предложение обладания: *There is a sick man in my tent – I have a sick man in my tent* «У меня в палатке больной» (трансформ интерпретируется скорее как предложение существования с бытийным глаголом здесь маркировано дейктическим элементом. Это подтверждает правильность понимания подобных оборотов «неподлинного обладания» как фиксирующих внимание на некотором выделенном предмете и/или факте⁷.

Состояния-потенции, или диспозиции

Эти предикаты обозначают действия и состояния как возможность субъекта, иными словами, не обязательно реализуемую в речевом акте способность субъекта к изменению себя, окружающей среды, Мира в целом, к восприятию окружающей среды и т.д. В естественных языках состояния-

потенции выражаются несколькими способами.

1. В качестве предикатов служат оценочные (в смысле В.В. Мартынова) прилагательные (скалярные и нескалярные), выражающие способность к распространению какого-либо признака в Мире, характеризующие возможные действия: *быстрый, горячий, страшный* и т.д. От предикатов внутреннего состояния их позволяет отличить тест имперсонализации: (1) *Человек грустен = Человеку грустно*; (2) *Человек страшен ≠ Человеку страшно*. Дело в том что высказывание (1) и вторая часть (2) означает: (Человек испытывает грусть/страх), тогда как первая часть (1) – (Человек внушает (распространяет) страх). Прилагательные со значением внутреннего состояния легко переходят в категорию состояния с имперсонализацией (переходом субъекта и датив), а прилагательные потенции не допускают такого перехода. Соответственно субъект, которому предикцируется потенция отличается и от субъекта-локуса внутреннего состояния: *Печь горяча – В печи горячо; Человек горяч – *В человеке горячо*.

2. Глаголы в «абсолютном» употреблении. Сравним несколько высказываний: (1) *Человек видит* – (2) *Человек видит дом*; (3) *Мальчик читает* – (4) *Мальчик читает книгу*; (5) *Ребенок ходит* – (6) *Ребенок ходит по комнате*; (7) *Старик дышит* – (8) *Старик тяжело дышит*. В предложениях (1)-(4) глагол переходен, следовательно, согласно актантной теории (см. раздел «Действие»), он требует прямого дополнения. Однако высказывания (1) и (3) отнюдь не являются ущербными, но их смысл существенно отличается от предложений (2) и (4'). В этом нетрудно убедиться, подставляя синонимичные высказывания: (1) – (1') *Человек не слеп*; (3) – (3') *Мальчик грамотен (Мальчик умеет читать)*. Таким образом, предложения с нечетным номером обозначают возможность, не связанную с конкретной ситуацией (поэтому такое употребление глагола и именуется абсолютным, лат. *absolvere* «отвязывать»). У переходных глаголов «абсолютное» их использование выявля-

⁷ В французском объединены оба грамматических средства – глагол обладания и дейксис. Конструкция, вводящая предложения данного типа *il y a* происходит из латинского **illt inde hadet* «отсюда имеется», где *ille*, франц. *il* – показатель безличного предложения.

ется достаточно просто – благодаря отсутствию объекта. Непереходные глаголы, естественно лишены такого показателя; предложения (5) и (7) могут интерпретироваться как конкретные и абсолютные. Методы трансформации здесь не могут помочь, поэтому необходимо обращаться непосредственно к смыслу предложения и использовать модальные операторы: (5) – (5') *Ребенок может (=научился) ходить*; (7) – (7') *Старик может дышать (=Старик не умер)*. Конкретные же высказывания не нуждаются в операторе возможности, так как описывают действительность. Проблема разграничения конкретных и абсолютных высказываний возникает и тогда, когда перед нами переходные глаголы с объектами. Многие предложения, особенно с глаголами, обозначающими существенные, базовые функции субъекты, также могут быть использованы как абсолютные: *Лошадь ест овес; волк роет логово в земле*. У них нет формальных отличий от конкретных предложений, поэтому отличить их можно только с помощью подстановки кванторов. Если при субъекте возможен йота-оператор, (соответствующий определенному артиклю в естественном языке), предложение конкретно; при наличии квантора общности или существования высказывание абсолютно: *Все лошади едят овес; Некоторые волки роют логово в земле*. Аналогично, если объект требует квантора общности или существования, высказывание абсолютно; если же при нем ставится йота-оператор, то статус высказывания зависит от оператора при субъекте. Таким образом, можно следующим образом записать конкретные и абсолютные высказывания в терминах символической логики:

(1)	$(\text{ix iy}) (xRy)$	конкретно
(2)	$(\forall x) (xRy)$	абсолютно
(3)	$(\exists x) (xRy)$	абсолютно
(4)	$(x \forall y) (xRy)$	абсолютно
(5)	$(x \exists y) (xRy)$	абсолютно

(x – субъект, y – объект, R – связывающий их предикат-отношение).

Следовательно, высказывание (1) есть суждение о конкретном действии конкретно-

го индивида; высказывания (2) и (3) суть суждения о необходимых и возможных потенциях-действиях некоторого класса индивидов; высказывания (4) и (5) – о потенцированных претерпеваниях (необходимых и возможных) некоторого класса индивидов. Если в кванторном предложении находится терм с йота-оператором, то такое предложение высказывает нечто о потенциях конкретного индивида: $(\text{ix } \exists y) (xRy)$ *Пётр ест (= употребляет в пищу) кашу*; $(\forall x \text{ iy}) (xRy)$ *(На бедного Макара все шишки валятся)*. Если же квантор общности приписан обоим термам, то высказывание трактуется родовое действие.

Итак, чем менее конкретны условия, в которых существует предметная область высказываний, тем больше шансов трактовать предикат как потенцированный (абсолютный, диспозициональный), ср. текст, составленный из предложений диспозиции в кн: (Степанов 1981, 155-6). Сему множественности может нести не только терм, но и предикат. Так, для русского языка можно установить следующее правило: если в данном глагольном корне существует форма однократного и многократного действия, то в абсолютном значении может быть только форма многократного действия: *Птица может летать – Птица летает ($\neq$ Птица летит)*; *Старик может ходить (= Старик не парализован) = Старик ходит ($\neq$ Старик идет)*. Если же многократная форма грамматически производна от однократной, то и в этом случае она имеет оттенок абсолютности: Писатель пописывает, читатель почитывает.

Выше мы говорили об операторах при непереходных глаголах. Естественно, модальные операторы можно приписать любому высказыванию в абсолютной функции. Общие правила таковы: высказывание с квантором общности эквивалентно высказыванию с оператором «необходимо»; высказывание с квантором существования эквивалентно высказыванию с оператором «возможно (соответственно отрицание квантора общности – «необязательно», а отрицание квантора существования – «невозможно», (Фейс 1974, 42-3)).

3. В некоторых неиндоевропейских языках абсолютные и конкретные высказывания различаются морфологически. Так, по мнению Э. Кошмидера, в турецком языке различаются высказывания *odun yanar* «дрова горят (= способны гореть)» и *odun yanıyor* «дрова горят (в данный момент)». Koschmieder 1965; ср. Теория 1987; Бондарко 1992). В восходящих к трудам Э. Кошмидера теориях функциональной грамматики абсолютную функцию высказывания имеют временной нелокализованностью.

Состояние претерпевания

Эта категория указывает на то, что субъект подвергается неконтролируемому им воздействию со стороны внешней силы. Самостоятельной значимости она не имеет, так как целиком производна от действия. Следует различать претерпевание актуальное и результативное. Первое означает, что субъект в определенное время подвергается воздействию, второе – что воздействие произошло раньше обозначенного в речевом акте времени, и субъект находится в состоянии, вызванном этим воздействием. Тем самым претерпевание оказывается связано с разными аспектами бытия и состояния. Поэтому в естественных языках оно выражается различными морфологическими средствами. Претерпевание может обозначаться глагольными формами внутреннего состояния (древнегреческий пассивный аорист), так называемыми возвратными и медиальными глагольными формами, изначально указывавшими на то, что субъект совершает действие для самого себя, по отношению к самому себе (глаголы возвратной частицей в скандинавских и отчасти в славянских языках, медиальные формы с пассивным значением в греческом, хеттском и готском); результативное претерпевание обычно выражается специальным пассивным причастием прошедшего времени. Это же причастие с глаголом становления может быть выразителем актуального претерпевания (немецкий язык).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
3. Бондарко А.В. О работах Э. Кошмидера по универсальной грамматике // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3.
4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1990.
5. Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. – М., 1986.
6. Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. – М., 1964.
7. Гухман М.М. Историческая типология и проблема дахронических констант. – М., 1981.
8. Исаченко А.В. О так называемой «категории состояния» // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3.
9. Красухин К.Г. Значение оппозиции атематических и тематических глагольных основ для индоевропейской реконструкции // Сравнительное изучение языков разных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. – М., 1989.
10. Красухин К.Г. Некоторые проблемы индоевропейского синтаксиса (в связи с выходом книги Ю.С. Степанова «Индоевропейское предложение») // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6.
11. Мартынов В.В. Универсальный семантический код. – Минск, 1977.
12. Мартынов В.В. Категории языка. – М., 1982.
13. Пospelов Н.С. Избранные работы по русскому языку. – М., 1990.
14. Савченко А.Н. К вопросу о происхождении среднего залога в индоевропейских языках. Ростов-на-Дону, 1960.
15. Селиверстова О.Н. Категория обладания в английском языке // Категории бытия обладания в языках мира. – М., 1977.
16. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981.
17. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. – М., 1989.
18. Теория функциональной грамматики: Временная локализованность. Аспектуальность. Таксис. – Л., 1987.
19. Фейс Р. Модальная логика. – М., 1974.
20. Шарыпкин С.Я. Развитие системы падежей в греческом // Язык и стиль античных авторов. – Л., 1987.
21. Koschmieder E. Studien zur vVerbalsemantik. München, 1965.
22. Kuryłowicz J. Les desinences moyennes en indo-européen et hittite // Bulletin de la Societe de linguistique de Paris, 1933, v. 28.
23. Kuryłowicz J. L'apophomie en indo-européen. Wrocław, 1956.
24. Rosén H. Uterum dolet und Verwandtes // Rosen H. East and West. München, 1982.

XX ВЕК И ДИКТАТУРА (ПОЧЕМУ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ОКАЗАЛАСЬ В ОППОЗИЦИИ К ИСТОРИОСОФИИ?)

Е.Н. КОРНИЛОВА, *проф. кафедры русского языка и литературы, д. филол. н.*

Для того чтобы наглядно представить себе причины безраздельного господства идеи диктатуры в политологии и историософии, а также в культуре XX века, необходимо обратиться к истории политической мысли века XIX, в которой диктатура представлялась панацеей от всех грядущих бед. Собственно, проблема единоличной власти, опирающейся на мощную военно-полицейскую машину была достаточно актуальна в античных обществах, особенно, если воспользоваться терминологией Полибия, при переходе от охлократии к единовластию. Наиболее болезненную для общества форму диктатура приобрела при становлении императорского Рима, в последние годы существования римской республики (в I в. до н.э. – начале I в. н.э.), в конце эпохи Возрождения, при становлении абсолютизма, ограничивавшего феодальные свободы и привилегии (от кватроченто в Италии до французской Фронды) и, наконец, в краткий период опьянения личностью Наполеона – период бонапартизма.

Именно идея бонапартизма, апеллирующая в свою очередь к цезаризму, на протяжении всего XIX столетия господствует в политологии и историософии Европы. Во Франции она носит вполне официальный характер и теряет привлекательность для адептов в годы Второй империи. В раздробленной Германии и борющейся за независимость Италии идея единоличной диктатуры становится знаменем наиболее патриотически настроенных сил и обретает защитников в лице крупнейших мыслителей эпохи: Гегеля, Ф. Шлегеля, Т. Моммзена, хотя одновременно ей противостоит романтическая концепция героя-страдальца, несовместимая с самим фактом диктаторства (Т. Карлейль).

Грандиозность и размах обретает политическая утопия цезаризма после Парижской Коммуны и серии революционных казаклизмов в Европе и Америке, ознаменовавших наступление новейшего времени. Общественное сознание рубежа веков превосходно ощущает неустойчивость парламентской системы многих европейских государств, расшатываемой агитацией в том числе и парламентских партий: от ультраконсервативных до марксистских. Критика парламентаризма становится модой, замену ему видят в диктатуре очень разные по убеждениям и месте в политике люди.

Властитель дум нескольких поколений европейских интеллектуалов Фридрих Ницше внес немалый вклад в формирование идеала «сверхчеловека» – «сильной личности», диктатора, который будет «сам себе закон», «вроде Александра Македонского, римских цезарей, тиранов Ренессанса, Наполеона»[1]. Его исторические реконструкции, соединившие в одну цепь цивилизации и культуры греков, римлян и германцев в немалой степени способствовали становлению общеевропейского культа цезарей. Свою лепту в поклонение императорам внес и Огюст Конт, в позитивистском календаре которого Юлий Цезарь является одним из святых. В Англии позитивизм развивает Г. Спенсер, на основе социального дарвинизма, утвердивший теорию превосходства сильнейшего, а цезаризм как таковой пропагандирует Дж. Э. Фроуд, ученик и идейный противник Карлейля[2].

В конце XIX века историки и политологи В. Рошер, Р. Пельманн, Ф. Ристо свободно противопоставляют идее парламентаризма «цезаризм», употребляя понятие как

синоним терминов «бонапартизм» и «империализм» [19].

Под влиянием блистательных идеологов диктатуры (от Наполеона до Ницше), отмечавших в истории античных полисов и коммун Ренессанса прежде всего единение тирана и народа против засилия олигархов, вызревают надежды фабианца Б. Шоу (апология «героя-реалиста» в пьесе «Цезарь и Клеопатра»), социалиста П. Барохи (роман «Цезарь, или Ничто»), обретает ясную аргументацию идея диктатуры пролетариата. В начале XX века защитники диктатуры, к установлению которой призывают ради спасения общества, цивилизации и проч., и помыслить не могут ее реальных воплощений в сталинизме и гитлеризме. Мало кому тогда приходит в голову, что диктатура класса, сопровождаемая террором, неизбежно превращается в диктатуру аппарата, а затем – лидера этого аппарата, не ограниченного ни парламентаризмом (парламентаризм умер!), ни законом (он заменен волей диктатора), ни моралью (что есть классовая мораль?). В начале века талантливый итальянский журналист Г. Ферреро рисует гениального авантюриста Цезаря, прославившего Императорского Рима (исторический труд «Величие и падение Рима») [20], датский литературный критик Г. Брандес берет за перо историка, дабы воспеть Ю. Цезаря и развенчать гениальную трагедию Шекспира, недооценивавшего реформатора античности [3]. В «Волшебной горе» Т. Манна Лео Нафта захватывающе излагает все те же идеи, враждебные гуманизму самого автора.

Не последнее слово в европейском диалоге о диктатуре сказал и О. Шпенглер, автор философского бестселлера «Закат Европы», где с помощью целенаправленного подбора исторических фактов автор доказывал, что западноевропейская цивилизация балансирует на грани катастрофы и спасти ее может только «новый Цезарь». Подобно Ферреро, Шпенглер не склонен идеализировать личность римской знаменитости: он видит в Юлии Цезаре скептика, который то ли был любимцем Провидения, то ли умел ловко пользоваться моментом. Главное, к чему

должен стремиться «родоначальник императорского клана», – это к «превращению рода-государства в династическое государство». Такую задачу в условиях кризиса современной философии цивилизации и ради спасения ее может решить только «новый Цезарь». По Шпенглеру, «новый Цезарь» достигает власти с помощью военной силы, но его опорой являются не «массовые армии», созданные на основе воинской повинности, а лично преданные диктатору «преторианцы». Благодаря им создается ничем не ограниченное единовластие. «Совершенный цезаризм, – утверждает Шпенглер, – это диктатура, но не диктатура одной партии, а диктатура одного человека против всех партий», «ибо войско будущего заменит все партии» [4].

Примером «нового Цезаря» мог служить диктатор Муссолини, к фигуре которого обращал свои надежды Шпенглер. Что до личных качеств «нового Цезаря», то его отличает «цезарианский скепсис и презрение к человеку», поскольку для него не существует воли других, а есть лишь собственная воля.

Существовало, впрочем, и противоположное направление философской мысли, проклинавшее диктатуру и предрекавшее все влекомые ею беды. Такие идеи внедряла в сознание интеллигенции школа русской религиозной философии от Федорова до Бердяева, который логически завершил мысль Шпенглера: «Цезаризм всегда означает конец эпохи, неизбежность перехода к новому миру» [21].

Но предостережения оказались тщетными – магистральная линия истории лежала в другом направлении.

Первые фашистские организации заявили о себе весной 1919 г. в Италии. Это были полувоенные дружины из националистически настроенных фронтовиков, которые избрали своим символом ликторский знак Древнего Рима – пучок прутьев, связанных вокруг секиры. Несколько позднее ожили римские орлы, устремлявшиеся к Африке, легионеры и «судьбоносные», «священные» римские холмы; но все это, вместе с римским приветствием – поднятием

правой руки, было лишь внешним атрибутом фашистского маскарада [5], имевшего более глубокие корни – идеологические. Фашистские государства принадлежали к типу так называемых «корпоративных» государств, и управление в них характеризовалось использованием крайних форм экономической автократии. Поэтому «освящение» личной власти фашистского диктатора – «дуче» или «фюрера» – имело для государственной идеологии огромное значение. Апелляция к могуществу и славе древнейшей европейской империи, в которой идеологи фашизма утрировали роль единоличной диктатуры военного типа, а также террор против сената – республиканской формы правления, должна была подкрепить справедливость и «вечность» новых режимов. Militarism идеологов фашизма, видевших возможность накормить собственный народ лишь за счет грабежа других стран, обрел давно подготовленную историками аналогию с колониализмом Римской империи, распространявшийся на весь *orbis terrarum* [6]. Не случайно в 1936 г. фашистская Италия была объявлена империей, а к титулу итальянского короля добавлялся титул короля Эфиопии. Что касается фашистской Германии, то ее ведущий «мифотворец» Артур Меллер ван дер Брук еще в 1923 г. пустил в оборот термин «Третья Империя» [7] – «Третий Рейх» в том смысле, в котором употребляли его нацисты. Фашистские империи, по мысли их идеологов, призваны были возродить умирающую западную цивилизацию.

Для внедрения новых идей в обывательскую среду была необходима псевдоисторическая и художественная литература. В Италии периода правления Муссолини показательна попытка представить Юлиуса Цезаря «величайшим итальянцем», создателем империи, возродить которую мечтали фашисты. В книге «Религия Цезаря» Л. Джованетти выражает эту мысль в мистических и туманных категориях: «Цезарь заключает пеласгический смысл, один из циклов матриархата, которые историческая противоположность Восток-Запад образует в пределах Средиземноморских цивилизаций.

Цикл предшествующий велет от Волчицы Питающей до Весты Градской; теперь последнюю сменяет Веста Цезаря» [8]. Естественно, аналогии с Древним Римом были лишь частью социальной демагогии, громкой социальной риторикой Муссолини, как в одной из известных речей дуче: «Поднимите ввысь, о легионеры, ваше оружие и ваши знамена, чтобы приветствовать через пятнадцать веков восстановление Империи на отмеченных судьбой холмах Рима!»; и далее поход в Эфиопию назван «Четвертой Пунической войной» [9]. Римские цезари, как гениальные учредители форм тоталитарного правления упоминаются и в основополагающем труде Альфреда Розенберга «Миф XX века», где предпочтение в целом отдается германскому варварству перед римской цивилизацией: «От имени собственного Цезарь впоследствии произведены титулы кайзер и царь. Объединенные с идеей римской церкви они порождают неограниченную власть» [22].

В области художественной литературы наибольшую известность приобрел итальянец Энрико Коррадини. Потрясенный поражением итальянской армии при Адуа (1896), Коррадини мечтал о реванше и считал своим патриотическим долгом пропагандировать идеи, положенные в основу национал-социалистского движения в беллетристике на псевдоисторические сюжеты. С целью прославить завоевательный дух Рима и мощь Римской империи, он создает роман «Юлий Цезарь», в котором особо выделены эпизоды укрепления диктаторской власти и борьбы героя против «разлагающей деятельности партий», а также репрессий против плебейских и сенатских (читай демократических и парламентских) форм политической борьбы [10]. Тот же дух милитаризма и антидемократизма пронизывает драматургию Г. Фойзано («Цезарь») и самого диктатора Муссолини в 1943 г., в период глубокого кризиса фашизма в Италии, взявшегося писать трагедию «Юлий Цезарь», где Цезарь назван первым фашистом на земле [23].

Традиция подобных аналогий использовалась идеологами фашизма в геб-

бельсовской пропаганде и не могла не волновать борцов против фашизма, истинных защитников культуры, и прежде всего, самих немецких писателей. Не случайно наиболее авторитетный писатель Германии этого времени Томас Манн выдвинул важнейший культурологический лозунг: «вырвать миф у нацистов». Гуманизация извращенной нацистской пропаганды и «мифологизированной» истории стала задачей европейских интеллектуалов, ведущую роль среди которых заняли немецкие писатели-антифашисты. Отметим лишь несколько беллетристических версий римской истории, возникших в литературе XX века в связи с борьбой писателей-гуманистов против отравы «коричневой чумы». Аналогии, использованные в рассмотренных романах Брехта, Уайлдера и в пьесе Камю, зародились в недрах самого национал-социализма, провозглашавшего себя защитником интересов народа; в поисках исторических параллелей немало диктаторов обращалось к истории Древнего Рима.

Поэтому с развенчанием исторических аналогий нацистской пропаганды выступил Бертольт Брехт. Он создает политический роман-памфлет «Дела господина Юлия Цезаря» в 1937 – 1938 годах, когда гитлеризм находился на подъеме и ничто еще не предвещало грядущего краха диктатуры. «Вся ц.(езарианская) концепция бесчеловечна», – записывает Брехт в «Рабочем дневнике» за 1938 год [24].

Интерпретируя античную историю, Брехт опирается на марксистскую идею классовой борьбы. Поэтому значительная часть текста романа посвящается анализу социально-экономических отношений в обществе, а отнюдь не изображению рабовладельческого государства I в. до н.э. По словам И. Фрадкина, «факты биографии Цезаря представляются в ошеломляюще новом и неожиданном свете» [25]. Попытка Брехта модернизировать и актуализировать римскую историю, перенести ее события в современный контекст и рассказать о них языком XX века, непосредственно восходит к итальянскому журналисту Г. Ферреро, кото-

рый перед Первой мировой войной рассказал «историю Цезаря», как историю удачливого политика «эпохи империализма» [11]. Впрочем, если Ферреро увидел в основателе Римской империи изворотливого авантюриста, Брехт изобразил в лице Цезаря тип тоталитарного правителя, диктатора милитаристского государства. К тому же исторический персонаж у Брехта показан не в лучах театральных прожекторов, а в реальном безжалостном свете дня, глазами слуги, перед которым «великий человек» не стеснялся. Повествуя о начале политической карьеры «недосягаемого образца для всех диктаторов», Брехт выставляет на всеобщее обозрение изнанку грядущих исторических перемен. Путь к неограниченной политической власти начинается с метаний растерянного должника в поисках денег; по словам бывшего судебного исполнителя, преследовавшего Цезаря за долги, «он хватался за любое предложение, политическое или неполитическое, лишь бы оно помогло ему удержаться на поверхности».

Взгляд «с изнанки» помогает Брехту пародировать все провиденциальные подвиги Цезаря, известные потомкам из сочинений Плутарха и Светония. Героический отказ Сулле развестись с дочерью «вождя народной партии» Цинны объяснен исключительно невозможностью расстаться с громадным приданным жены; знаменитая расправа с пиратами на деле вызвана преступным желанием спрятать концы в воду после неудачной попытки заработать на работоторговле, а хваленые демократическое убеждение, стремление возглавить «демократическую партию» – всего лишь спекуляция звучным именем предков, которое хотелось продать подороже. «Его использовали, когда он мог им пригодиться, а потом посылали ему чек в конверте» [12]. Сам Цезарь, находясь в скверном расположении духа из-за вечных долгов (к началу повествования они составляют уже 25 млн. сестерциев) и перебранок с кредиторами, говорит своему секретарю, что ему осточертело «быть на побегушках у клубов, – всегда, говорит, зовут его в последнюю минуту и не раскрывают своих карт».

Подсказывая методы ведения политической игры всем популистам, вплоть до нынешних, Цезарь играет на дестабилизацию государственного режима. Загнанный в угол долгами, он бросается в мутный поток заговора Катилины, хотя почти с самого начала уверен, что «банки играют не на переворот, а лишь на угрозу переворота». Из этой темной авантюры Цезарь выходит с изрядно запятнанной репутацией, но раздобыв 5 млн. сестерциев. Это деньги избирателей-плебеев, которым не было уплачено за голоса. С нескрываемым цинизмом Цезарь комментирует свое мошенничество так: «Когда хочешь продавать свои убеждения, надо сбывать их своевременно, как и любой другой товар. Конечно, теперь их голоса протухли, как рыба, которую слишком долго придерживали, надеясь поднять цену. Так им и надо! Возможно, когда-нибудь они еще поймут, что следует думать головой, а не брюхом». Он еще не знает, что за земли, купленные на деньги обманутых, ему придется расплатиться публичной поркой. Поднявшись до высот сатирического пафоса Брехт вводит сцену с разъяренными плебеями, вымещающими обиду плевками и побоями, и рисует «самого великого политика» полуголым и бледным от страха, затаившимся в каморке раба. Посвящая сообщников в новый план «вооруженного восстания», Цезарь не может сесть на ободранный розгой зад. Его раб восторженно замечает: «Подумать только, его хорошенько высекли. И именно из этого он верно определил настроения народа. Наконец он на себе ощутил всю безграничную ненависть плебеев, но то, что эта ненависть даст силы простолыдину самому взяться за политику и самому ее оплачивать, – этот вывод принадлежит Цезарю. Как раз тогда, когда у него не было ни гроша, он встретился с людьми (и со многими!), готовыми бороться, не требуя награды, и даже на свои собственные деньги покупая оружие! Вот это интуиция!».

К концу заговора Катилины Цезарь – банкрот. Но неожиданно долг, возросший до 40 млн. сестерциев, становится гарантией его дальнейшего успеха. Как говорит один

из героев романа, «мелкие долги – плохая рекомендация, а большие – это уже совсем другое дело. Тот, кто имеет много долгов, пользуется уважением. Он не только сам боится за свой авторитет, но и его кредиторы также. Хочешь не хочешь, а надо подсовывать ему выгодные дела, а то он, чего доброго, впадет в меланхолию и махнет на все рукой». Так, с помощью кредиторов, Цезарь добивается должности верховного судьи, ибо разве может существовать для Сити, субсидировавшего волнения, лучший судья в деле Катилины, чем тот, который сам запачкан. Шантаж и подкуп – главное оружие политического интригана. Из «доходной должности» – преторства в Испании – он «выжимает» 35 млн. сестерциев. Деловая карьера идет в гору, Цезаря ожидает триумф, консульское кресло и триумвират...

Указав на экономические рычаги деятельности «политиков», их зависимость от материального интереса, прикрываемого социальной демагогией, Брехт делает повествование о политическом деятеле Древнего Рима остро современным. Он отрицает теорию независимости власти диктатора, стоящего якобы над классами, теорию бонапартизма-фашизма. Как отмечает соотечественник Брехта Ф.Д. Вагнер, в романе показано, что «Цезарь был зажат между классами и, как марионетка, выскочил на этом противоречии. Это помогло Брехту сохранить историческую достоверность». [13]

Позднее писатель-антифашист, пользуясь той же исторической аналогией, безошибочно предсказывает крах фашистского диктатора в новелле «Цезарь и его легионер» (1939). Исторические параллели приобретают гротескно-сатирическую окраску и превращаются в остро политические намеки: для спасения режима, базировавшегося на звучной социальной демагогии, но оказавшегося неспособным выполнить хоть часть своих обещаний (ср. с программными обещаниями национал-социалистов в годы Веймарской республики), Цезарь планирует войну на Востоке – «величайшее из своих начинаний», «поистине второй поход Александра», иронизирует Брехт. В духе новейшего времени

Цезарь произносит в сенате речь, «направленную против вызывающей позиции персидского правительства». Война действительно необходима «Сити», ибо в хозяйственной жизни застой сменяется кризисом, растет безработица. Сегодня правящая верхушка хотела бы избавиться от вознесенного ею же «фюрера» – «они хотели войны, но без него».

Опасаясь репрессий, сенат «единогласно, как всегда» утверждает военные ассигнования. В «торговой палате господ» согласно кивают головами, но денег не дают! – «Новый порядок» не оправдал себя. В военной верхушке (Брут и Кассий – офицеры высшего эшелона, как и те, кто покушался на жизнь Гитлера) зреет заговор. Тайная полиция предоставляет Цезарю досье на заговорщиков, но он не в состоянии заставить себя раскрыть папку; он парализован страхом: ужас, не слишком вяжущийся с легендой о великом полководце, «безучастном среди кровавых битв», пронизывает все его существо. Это случается с палачами, у которых руки по локоть в крови сограждан, напоминает Брехт.

Как похожи настроения Муссолини 1943 года на стремление Цезаря «живым ступить на корабль, который может отвести его в Александрию, к его войскам, в единственное место, где он, пожалуй, был бы в безопасности». Реалистический психологизм позволяет Брехту проникнуть в суть ситуации, предсказать исторические события ближайших четырех-пяти лет. На вершине могущества, в собственном дворце Цезарь оказывается «никому не нужен», его узнает только конь. Тогда Цезарь решает прибегнуть к последнему средству: он вдруг вспоминает, что «когда-то был великим народным трибуном, надеждой демократии. Тогда он носился с обширной программой, которая до смерти напугала сенат». Вновь возникает параллель с историей фашизма, особенно итальянского, долго подчеркивавшего свою связь с социалистами. Цезарь произносит речь касательно «бедственного положения римского народа, условия жизни которого действительно ужасают: «У ворот ночлежки

ремесленники все еще стоят в очереди ради трех часов сна и читают огромные изодранные плакаты, вербующие солдат для войны на Востоке. Не лучше и положение у земледельцев, одним из которых является ветеран десяти цезаревых войн Теренций Скапер, согнанный с маленького клочка земли вместе с семьей за задержку арендной платы. Раздираемый между выбором на старости лет пойти солдатом на Восток или толкнуть собственную 17-летнюю дочь в лапы развратного хозяина арендуемой земли, бывший легионер Цезаря так и остается с неисполненными посулами диктатора». «Земельный вопрос» никогда не будет решен Цезарем.

Отчаянные попытки хоть где-нибудь найти поддержку бросают Цезаря к «... политикам из давно распущенных ремесленных клубов, которые в пору расцвета республики играли главную роль во время выборов. Диктатура Цезаря разбила этот некогда мощный аппарат...» – известный факт из истории немецкого фашизма, уничтожившего не только все рабочие, тем более коммунистические, организации, но и малейшее самоуправление в низах национал-социалистической партии (Ночь Длинных Ножей). Бывшие лавочники, возглавлявшие наиболее значительные цехи, давно отошли от политики. Они оказались «в высшей степени осторожными людьми», издевается Брехт: «политические деятели плебса, которых Цезарь преследовал из года в год, не доверяют больше его шахматным ходам в политике». Не верит ни единому слову диктатора и старик Карпо, бывший вождь строительных рабочих, которого Цезарь навещает в тюрьме. «Когда Цезарь уходит, Карпо снова опускают на длинных веревках в яму. Мечта о демократии кончилась... Народ его слишком хорошо знает».

Цезарь ищет «свой народ», – а где же его еще искать, как не на собачьих бегах? Увы, он оказывается в окружении агентов своей тайной полиции! Ничего не поделаешь – издержки авторитарного режима. Военно-полицейская машина хранит диктатора, как зеницу ока, когда он пользуется под-

держкой финансовых магнатов, но становится для него мышеловкой, когда он лишается этой поддержки. Единственный сочувствующий диктатору человек, секретарь Рар, прекрасно понимает, что «завтра его (Цезаря. – Е.К.) прикончат, как крысу». Это понимает и сам Цезарь, видящий вещи сны и в конце концов ищущий спасения в сенате, поскольку в народной среде «царит страх и ненависть, преимущественно ненависть». В этом последнем прибежище диктатора, где памфлет вновь сливается с «мифом», кошмарный сон диктатора становится явью: теперь он ясно различает лица заговорщиков – «лица его лучших друзей».

Замечательная новелла Брехта о последних днях жизни Цезаря, с одной стороны, может служить прекрасным завершением неоконченного романа, с другой – является вполне целостным произведением. Показанный с различных точек зрения образ Цезаря, тем не менее воспринимается однозначно – как тип обреченного на крах тоталитарного правителя профашистского толка [14] (недаром Теренций Скапер пытается приветствовать диктатора фашистским «Хайль!»). Исторический персонаж не превращен Брехтом в карикатуру. Это полнокровный характер в контексте социально-политических отношений современного писателя мира. Условность происходящего, подчеркнутая приметами экономических особенностей XX века, помогает Брехту усилить эффект отстранения, предельно типизировать ситуацию. Так возникает «парабола» – поразительной силы сатира на наиболее уродливые явления современности.

Политизированный взгляд на историю присущ рафинированной исторической стилизации американского писателя Торнтон Уайлдера «Мартовские иды» (1948). Избирая сюжет из исторического прошлого, Уайлдер ставит вопросы, более всего волнующие его современников, и тем самым стремится увидеть истоки современного человеческого типа, осознать законы развития общества, ведущие к свержению диктатуры в любой ее форме. Поэтому в предисловии он формулирует свое кредо так: «Воссозда-

ние подлинной истории не было первостепенной задачей этого сочинения» [26]. В значительно большей степени писателя беспокоят современные формы единовластия, исказившие политическое лицо Европы.

Эту особенность романа подметил один из первых рецензентов Элмер Дэвис, с гневом отмечавший, что фигура Цезаря в «Мартовских идах» имеет историческую параллель с главарями недавно низвергнутого фашизма и в то же время вызывает симпатии читателя [15]. В период, когда маховик «холодной войны» еще только начинал свое движение, а союзнические убеждения членов антигитлеровской коалиции были свежи в памяти американцев, такая интерпретация образа диктатора могла вызвать у критика лишь справедливое негодование, тем более что Дэвис не пожелал углубляться в толкование философских и политических воззрений автора.

Но в одном критик оказался несомненно прав: роман Уайлдера явился результатом раздумий писателя над судьбами Европы времен Второй мировой войны. Книга была непосредственным отражением опыта, полученного романистом в годы войны в Северной Африке и Италии, где он боролся с фашизмом в качестве офицера военно-морских сил США. В предисловии к роману Уайлдер прямо говорит, что некоторые эпизоды были «подсказаны автору событиями наших дней», а посвящение романа римскому поэту Лауро де Бозису, «погибшему в борьбе с безраздельной властью Муссолини», говорит само за себя.

Уайлдер приходит к «мифу о Цезаре» после 1945 года. Его исторический опыт полнее брехтовского, предсказавшего гибель диктатора лишь в перспективе. Впрочем, в отличие от Брехта, Цезарь Уайлдера не является портретом фашистского главаря, а роман – откровенной сатирой на историю фашизма.

Образ Цезаря, узурпатора римской республики, Диктатора и тирана, привлекает читателя глубиной философских раздумий и ощущением полного одиночества выдающейся личности среди окружающих его

пигмеев. Философия, исповедуемая Цезарем, жизненна и реальна: «Первый и последний учитель жизни – это сама жизнь и отдача себя ей», – размышляет он в дневнике. Это философия действия и ответственности за свои поступки, ибо, по словам Цезаря, «ответственность и есть свобода; чем больше ты вынужден сам принимать решений, тем больше ты ощущаешь свободу выбора».

Цезарь Уайлдера – характер противоречивый. Он не верит в существование богов и считает суеверия толпы не только бесполезными, но и вредными. Как человек широко образованный и гуманистически мыслящий – правитель Рима готов закрыть «все святилища, кроме храма Юпитера Капитолийского», и уничтожить «рудименты варварства» в празднествах Доброй Богини. Но как диктатор и политик он не гнушается пользоваться докладами коллегии авгуров для продвижения в сенате выгодных законопроектов и народными суевериями для обожествления собственной личности.

Цезарь-диктатор одновременно является узурпатором свободы других людей и жертвой собственной тирании. В письме к другу он сетует: «Как трудно, дорогой Луций, не стать таким, каким видят тебя другие... Диктатора принято считать скаредным на благодеяния, безрассудным в немилости, завистливым к чужим талантам, жаждущим лести, и я теперь не десять, а двадцать раз на день чувствую, как до всего этого опускаюсь, и вынужден себя одергивать».

Государственная деятельность Цезаря позволяет характеризовать его как правителя, заботящегося о благе подданных. Он издает законы против роскоши и о ростовщичестве, дает гражданские права жителям провинций, старается обеспечить всех пищей, производит реформу календаря. Он полон новых планов, направленных на улучшение жизни сограждан, планов, которые было не суждено осуществить историческому Цезарю... Создавая «свой Рим» – государство процветания и благополучия, – Цезарь взвалил на себя бремя ответственности за все дела в государстве. Силой и непреклонностью воли, мудрым умением нахо-

дить сторонников и огромными затратами духовных и материальных средств, он отстранил сограждан от управления страной, да еще и обвинил их, возможно, не без оснований, в заведомом бездействии: «Римляне научились мастерски отыскивать любые лазейки, чтобы уклониться от ответственности и ничего не платить за политические свободы. Они стали паразитировать на свободе, которой я охотно пользуюсь...».

Но результат подобного правления оказался неожиданно удручающим даже для самого Цезаря. Ему нечего ответить на справедливые упреки Клодии касательно морального разложения страны. «Каждый ненавидит всех, кто стоит выше его..., – говорит патрицианка в сцене пира, воссоздающего традиции греческого симпозиона, – правосудие лишь мешает одной алчности пожрать другую. Наши властители между собой справедливо обзывают граждан опасным зверьем и многоголовой гидрой... Государственные посты в Риме добываются взятками, с одной стороны, и угрозами – с другой...». Писатель вкладывает в уста Клодии обличения, узнаваемые в эпистолярном наследии Цицерона, под переписку которого стилизованы многие «документы» романа.

Цезарь «Мартовских ид» – ценитель материалистической поэзии Лукреция и поклонник таланта Катулла, по словам Цицерона, живет «ради признания потомков». Он с олимпийским спокойствием взирает на стишки, высмеивающие его личные недостатки, закрывает глаза на мелочные уколы самолюбия в пантомиме, предназначенной для плебеев, и благодаря такому либерализму намеревается ослабить нарастающий народный гнев.

В своем величии Цезарь трагически одинок, причем его одиночество не просто род экзистенциального отчуждения личности, а следствие узурпации прав других людей. Все средства мысли и воли он употребил в борьбе со следствиями своего морального преступления. «Римляне не рабы невежества и не страдают от тирании обмана, – вдруг осознает он в одном из последних писем к Туррину. – Я отнял у них свободу».

Как художник, проникший в самые глубокие процессы современности, Уайлдер выявляет в романе социально-политические причины краха диктатур: «Необходимость вести за собой людей многократно усугубляет природное одиночество человека. Каждый приказ, который мы издаем, увеличивает наше одиночество, каждый знак почтительности по отношению к нам еще более отделяет нас от прочих людей», – пишет Цезарь Клеопатре, на что царица отвечает: «... вы и правда создали вокруг себя стену одиночества, чрезмерного даже для властителя мира».

Заговоры против Цезаря возникают с роковой закономерностью. Среди заговорщиков и Марк Антоний, и Брут, и Катулл... Историк Корнелий Непот ни секунды не сомневается, что Цезарь «... почти несомненно знает все мельчайшие подробности и в любую минуту может вытащить бунтарей из их домов и запереть под Аветинским холмом; что великий человек, которого они хотят убить, даже не удостоит их казни...». Но «великий человек» медлит с подавлением заговоров. Традиционное милосердие и стоицизм, характерные для образа Цезаря в биографиях Плутарха и во французской ренессансной трагедии, не позволяют ему действовать. В письме к Туррину он с горечью замечает: «Заговорщиков я подавлял только добротой. Большинство из них я уже простил. Они приползли ко мне из-под складок тоги Помпея и целовали мне руку в благодарность за дарованную им жизнь. Но благодарность скисает в желудке мелкого человека и ему не терпится ее выблевать».

Величественному Цезарю-диктатору в романе «Мартовские иды» противопоставлены не его традиционные антагонисты – Брут и Кассий, и не их идейный наставник Цицерон, а редко упоминавшийся в «мифе о Цезаре» лирический поэт Гай Валерий Катулл, с образом которого связано принципиальное новаторство Уайлдера в разработке сюжета. Именно в уста Катулла Уайлдер вкладывает наиболее действенные обличения тирании Цезаря и именно ему поручает возбуждение народного гнева против дикта-

тора и режима в целом. Только поэт, подметивший безнравственность правления Цезаря с точки зрения всечеловеческой морали, находит верный путь к организации всего народа к сопротивлению с помощью подметных писем. Этот эпизод, заимствованный автором романа из борьбы итальянских патриотов с фашизмом, свидетельствует об осмыслении Уайлдером реальных политических методов борьбы с диктатурой. И не важно, что поэту в романе не удастся довести дело до конца. Он разжег искру, пламя которой по-новому осветило и республиканские идеалы Цицерона, и гнев возлюбленной поэта патрицианки Клодии, и мрачную ненависть заговорщиков Брута и Кассия. Им, ставшим орудиями возмездия, Уайлдер уделяет мало места и красок, изобразив тираноубийц посредственными исполнителями чужих идей. Марк Брут в представлении романиста – человек, лишенный внутренней твердости. Уайлдер знает цену таким «героям»: история античности и нового времени не раз демонстрировала справедливость утверждения, что террор никогда не был эффективным средством борьбы с деспотией. Поэтому Брут и Кассий для Уайлдера не герои. Герой и антагонист цезарианству – Катулл, зовущий на всенародную борьбу с тиранией и готовый уничтожить сам принцип цезаризма, умеющий, тем не менее, оценить величие Цезаря.

Нравственная позиция Уайлдера, создававшего роман о величественном и благородном Цезаре-правителе в годы, следовавшие за крахом европейского фашизма, становится понятной при анализе сложной архитектоники романа «Мартовские иды». Роман состоит из четырех книг, каждая из которых, рассказывая о последних месяцах жизни Цезаря, охватывает отрезок времени, несколько шире предыдущего. Описание событий сентября 45 года до Р. Х. накладывается в четыре слоя, поскольку именно в этот период закладываются основные конфликты романа, развязка которых неизбежно завершится идами марта.

Первая книга накрепко затягивает Гордиев узел неразрешимых противоречий,

возникших перед Цезарем после установления диктатуры. Этот человек, с помощью счастливого оружия узурпировавший власть, тем же мечом хочет устранить все противоречия римской жизни – разрешить религиозные и политические, экономические и философские проблемы. И делает он это на свой страх и риск, по собственному разумению, не считаясь с мнением на сей счет своих сограждан. Но римляне не рабы, и против тирании неминуемо возникает оппозиция, одним из проявлений которой становится неудавшееся покушение на жизнь диктатора 30 сентября 45 года до Р. Х. Это кульминация первой книги, получившая свое разрешение на обеде-симпозионе у Клодии, где Катулл импровизирует на темы мифа об Аполлоне, чтобы предостеречь «божественного Юлия».

Книга вторая посвящена двум любовным историям: Катулл – Клодии и Цезаря – Клеопатры. Конфликт завязывается сообщением о приезде в Рим египетской царицы, привлекающим внимание Цезаря к любовной поэзии Катулл. Но великий человек оказывается неудачливым любовником, застающим свою возлюбленную в объятиях Марка Антония. Вторая книга завершается для диктатора крахом его любовных надежд.

Подобный крах ожидает его и в третьей книге, правда, на этот раз в семейных отношениях. Человек, не раз проявлявший дальновидность в важнейших государственных вопросах, тонкий знаток женской психологии – Цезарь проглядел собственную жену только потому, что не хотел замечать в ней личность, индивидуальность. В ее попытках самоутвердиться он видел лишь капризы балованного ребенка... Права оказалась Киферида, говорившая, что «Цезарь – тиран и как муж, и как правитель». Но если семейные неурядицы можно разрешить разводом, то конфликт между правителем и Римом может быть решен только гибелью одной из сторон. Для того чтобы уничтожить Рим как цивилизацию гражданских свобод и вольностей, заставить граждан раболепствовать путем самого кровавого террора, Цезарь слишком гуманен; его позиция философа и поклонника поэзии несовмести-

ма с безумствами фашистских главарей. Юлий Цезарь «Мартовских ид» – не аллегория Гитлера или Муссолини, как у Брехта; это вневременной общечеловеческий символ диктатора, тирана, обреченного на гибель, ибо диктатура Цезаря обращается в конце концов против самого Цезаря: «Рим в том виде, в каком я его создал, в том виде, в каком я вынужден был его создать, не слишком привольное место...», – размышляет он в дневнике, – если бы я не был Цезарем, я бы стал убийцей Цезаря». Поэтому в отношениях с Римом «доброжелательный душитель» (прозвище, данное Цезарю Цицероном) выбирает собственную смерть, которая становится темой и кульминацией четвертой книги, как и всего романа.

Сложная композиция романа помогает писателю утвердить основную идею произведения – идею противоестественности существования тирании в человеческом обществе, ибо каждая книга завершается моральным крахом диктатора как человека, посягнувшего на права и свободы других. Все художественные средства романа «Мартовские иды» направлены на решение основной задачи писателя-гуманиста – развенчание легенды о благодати диктатуры, идеологии «сильной личности», «сверхчеловека», вознесенного над толпой. Тема решена с точки зрения морально-этической проблематики экзистенциализма – диктатура как форма политического устройства осуждена в своем наиболее благодном античном прообразе.

Экзистенциалистская проблематика лежит в основе третьего литературного произведения, посвященного полемике вокруг темы диктатуры, – пьесы Альбера Камю «Калигула» (1944 – 1947). И вновь, как в рассмотренных романах, перед нами Императорский Рим. И у Камю время переосмысления римских «мифов» соотносится с противостоянием человечества фашизму.

Замысел пьесы из римской истории зреет у Камю в 1939 – 1941 годах, когда начинающий автор находится под впечатлением от ипостаси «экзистенциального героя» типа сартровского Рокантена. Необходимо, впрочем, сразу отметить, что благородный,

страдающий носитель свободы Сартра – интеллигент Рокантен в повести Камю «Посторонний» обретает черты отщепенца Мерсо, история которого во много раз трагичнее метаний Рокантена хотя бы безысходностью развязки. Однако вопросы свободы человека в современном мире и проблема выбора на пути к абсолютной свободе продолжают волновать молодого алжирского бунтаря, неожиданно нашедшего себе союзника по борьбе в полубезумном римском императоре Гае Цезаре, получившем прозвище Калигула. Не случайно и по прошествии пятнадцати лет после создания пьесы, Камю в том же полемическом задоре пишет: «Калигула» – это история верховного самоубийства, история, которая в высшей степени трагична и человечна. Из верности самому себе, неверный по отношению к ближним, Калигула соглашается умереть, поняв, что никто не может спастись в одиночку и что нельзя быть свободным против других людей» [16].

Подобная трактовка личности Калигулы могла возникнуть у Камю после прочтения Светония, изобразившего четвертого императора Рима законченным безумцем, ибо все его поступки не поддавались постижению обывательским сознанием. Заметим, что в «Жизни двенадцати цезарей» Светония не трудно найти самые крайние точки зрения на любого из описанных им персонажей. Как поясняет М.Л. Гаспаров, Светоний не был ни писателем, ни историком, ни моралистом. Он был архивариусом. Педантично изучая исторические документы, сочинения предшественников, личные письма и воспоминания, в поисках достоверных фактов, он не старался воссоздать характер личности, привлекая его внимание. Он собирал факты, а потом классифицировал их по рубрикам и подрубрикам, не ставя цели осмыслить, как столь страшные злодеяния и великие добродетели сочетались в одном человеке [27].

Камю искал в истории разрушителя привычных социальных порядков и традиционной морали, поскольку именно в них заключено все ханжество, зло и безобразие мира; сверкающая пленка благопристойности скрывает неизлечимые язвы порока, раз-

врата и продажности во всяком человеческом обществе – от рабовладельческого до буржуазного. Камю хотел найти в античной истории мыслителя и страдальца, бредущего путем свободы через разрушение и попрание всех общественных законов. Он разглядел в безумии Калигулы эксперимент философа, в виварии которого в качестве подопытных мышей оказались сограждане, причем в этой лаборатории нет никаких запретов на вивисекции. Способы экспериментирования могут быть до смешного просты: Калигула неожиданно приказывает интенданту закрыть общественные хлебные склады, чтобы завтра «разразился голод. Все знают, что такое голод. Это – бедствие, и я остановлю его, когда мне вздумается (*Поясняет присутствующим*). В конце концов, у меня нет другого способа доказать, что я свободен. Свободным всегда бывают за чей-то счет. Это досадно, но естественно» [17].

И все же с энтузиазмом истинного приверженца свободы Камю находит и усиливает в историческом Калигуле привлекательные стороны. Кровосмеситель, кровавый безумец и тиран Светония обретает в пьесе «Калигула» черты популистского правителя, чьи кровавые эксперименты распространяются главным образом на знать и сенат, в то время как народ, не знающий войн, благоденствует. Продиктаторская идеология XX века накладывает свой отпечаток даже на теорию «абсолютной свободы» А. Камю, поскольку на его взгляд, экзистенциальная свобода немислима в буржуазной республике. Честнейший Геликон, подводя итоги подвигам Калигулы во имя разврата, является прямым обличителем парламентской системы: «Лучше, в конечном счете, порок облагать налогом, чем драть три шкуры с добродетели, как это делается при республиканском правлении». Очевидно, что проблемы, поставленные Камю в пьесе на исторический сюжет, остро современны, а призыв драматурга к постановщикам в начальной ремарке, где говорится о пренебрежении античными декорациями и костюмами, не дань моде, а последовательная позиция философа.

В разговоре со Сципионом, отца которого убили по приказу императора, герой Камю утверждает, что «Калигула ценит человеческую жизнь <...> больше, чем самую победоносную войну». Убийца из идейных побуждений, он отказался по меньшей мере от трех войн: «Если бы ты умел считать, ты узнал бы, что самая маленькая война, затеянная благоразумным тираном, обошлась бы нам в тысячу раз дороже, чем все мои фантазии», – так затейливо именуется Калигула варварские репрессии против сената.

Трусливые и угодливые сенаторы ненавистны Калигуле, и это вполне объяснимо. Но полная безнаказанность правителя, вершащего расправы и злодеяния из личной прихоти, сама собой порождает ужас и лесть среди тех, кто стоит ниже. Отравление Мереи, издевательство над горем потерявшего сына Луция, поругание сенаторских жен, отданных в публичные дома, есть лишь часть эксперимента, который должен подтвердить истинность интеллектуальной конструкции императорского ума об абсурдности мироздания и праве личности на абсолютную свободу. Парадоксальность интеллектуальной драмы Камю как раз и заключается в том, что автор поручает решение этой гуманитарной задачи самому одиозному из исторических властителей. Сам Калигула формулирует идею так: «Этот мир лишен смысла, и тот кто осознал это, обретает свободу. Я ненавижу вас именно потому, что вы не свободны. Во всей Римской империи свободен лишь я один... Идите и объявите Риму, что ему наконец возвращена его свобода и что вместе с ней начинается великое испытание».

Умозрительная проблема безграничной свободы личности таким образом переводится Камю в краеугольную для XX века проблему государственной власти и отношений граждан к ней. Сенаторы столь ненавистны герою-интеллектуалу Камю еще и потому, что сами они имеют массу привилегий только потому, что призваны осуществлять справедливое правление государством. Однако в погоне за почестями и подачками, они не способны защитить даже самих себя

от произвола «экспериментирующего» императора. Именно сенаторы виновны в том, что свобода Калигулы «беспредельна». Поэтому их «убивают медленно», чтобы они почувствовали, «как умирают». Калигула с восторгом отдает 81 тыс. сестерций рабу, который под пыткой не признался в воровстве, но не упускает случая публично ограбить наследников приговоренного к самоубийству сенатора, заставляя его завещать имущество императору.

Пользуясь своей безнаказанностью, буквально провозглашенной политическим лозунгом неограниченной власти диктатора, Калигула делает тайные механизмы государственной политики явными. «Менее безнравственно открыто обманывать граждан, – заявляет он, – чем тайком повышать цены на продукты питания, без которых они не могут обойтись. Править – значит обкрадывать, все это знают... Что касается меня, то я буду обкрадывать открыто».

Это, конечно поза, но поза не сумасшедшего, а теоретика, героя-разрушителя. Героизируя облик Калигулы, Камю усиливает трагический мотив его одиночества в мире, в особенности в связи со смертью Друзиллы. У Светония роман с Друзиллой, сестрой императора, является одним из подтверждений безумия Гая Цезаря. В пьесе Камю смерть любимой женщины распаивает перед героем бездну абсурдности мира и обрекает его на поиски смерти, к которой он устремляется через свой губительный эксперимент. Стоический мотив презрения к смерти, о которой Калигула мечтает, возвышает героя над сенаторами, старающимися спасти свой собственный мир, принося тем самым в жертву безумцу мир римский.

Стоическое благородство Калигулы не знает себе равных. Даже командир преторианцев Херея, его главный антагонист и единственный способный на противодействие патриций, не может сравниться в «бескорыстии» вершимых злодеяний с императором, что становится ясно уже в первой сцене, в их споре на отвлеченные темы. Херея расчетлив, корыстен и труслив, как и все прочие, только он лучше других умеет скры-

вать свои чувства. Калигуле же, по его признанию, «в сущности, не нужны ни почести, ни власть». В силу неспособности сенаторов выполнять свои гражданские обязанности Калигуле предоставлена роль тирана, и действует он согласно предписанной роли: «Тиран – это человек, который приносит людей в жертву своему честолюбию».

Но честолюбие Калигулы – это честолюбие интеллектуала, который презирает позор прижизненного обожествления императоров. Он жестоко высмеивает и пародирует цезарианский культ, представ перед сенаторами в костюме Венеры (мифологической прародительницы дома цезарей). Это еще одна пощечина напыщенной благопристойности двора. Честолюбие абсолютно свободной об общественных обязательствах личности может быть удовлетворено лишь на космическом уровне: не случайно у императора возникает желание обладать луной как женщиной (утопия, доступная сугубо изошренному уму) или запечатлеть в памяти потомков свое правление как стихийное бедствие: «Я заменяю чуму». Так в пьесе Камю происходит возврат к современности, к злободневной политической проблематике. Вспомним хотя бы создававшийся одновременно с пьесой роман «Чума». В нем доктор Рие и журналист Рамбер постепенно приходят к пониманию необходимости сопротивления чуме, аллегория, которая так прозрачно намекает на политический контекст – коричневую чуму XX века. Французское Соппротивление, с которым тесно связана жизнь и творчество писателя в эти годы, во многом формирует те гуманистические выводы, которые невозможно не сделать в результате знакомства и с романом, и с пьесой философа.

Пьеса заключается крахом людоедских теорий Калигулы, которого зверски убивает его собственная охрана, ибо «нельзя быть свободным против других людей». Балансирующий на грани безумия, непредсказуемый в своем умозрительном эксперименте над согражданами, тиран повержен. Этот образчик социального экспериментаторства не должен быть забыт людьми – поэтому

поднятый на кинжалы заговорщиков император кричит: «В историю, Калигула, в историю!..». Драматург предостерегает человечество от подобных теоретических умствований, обращающихся против самих людей... В последней реплике пьесы Калигула предупреждает: «Я еще жив!».

И вновь не возникает сомнения в том, что далекий исторический сюжет привлекается автором пьесы для решения самых насущных политических вопросов современности. Мифологема о безумном правителе-популисте демонстрирует неизбежный крах «людоедской» тирании не только в силу общественного, то есть внешнего по отношению к личности тирана сопротивления, но и благодаря его внутренней душевной опустошенности.

Призывая диктатуру как панацею от грядущих бед XX столетия, историософы ставили чисто умозрительный эксперимент, вовсе не предвидя реальных последствий своих ментальных конструкций. Известно, что Освальд Шпенглер, изведавший «блага» фашистской диктатуры на личном опыте, укрылся от нее в лоне презираемого им прежде парламентаризма. В ответ на теоретические «умствования» философов и социологов писатели продемонстрировали, как могли реализоваться эти фантазии в среде, более привязанной к реальной действительности – в истории Императорского Рима, которая не раз становилась моделью, образцом для развития европейской цивилизации. Писательский эксперимент принес однозначные выводы: марксист Брехт, либерал Уайлдер и экзистенциалист Камю на вопрос о диктатуре, как возможной форме государственного устройства, сказали «НЕТ!», ибо она несовместима с категориями человечности, свободы и ответственности.

Литература

1. Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1903. – С. 126 – 127.
2. См.: История политических учений: В 2 т. / Под ред. проф. Мокича А.К. Т. 2. – М., 1972. – 279 с.
3. Ферреро Г. Величие и падение Рима / Пер. А. Захарова. Т. 1 – 2. – М., 1915 – 1916.

4. Брандес Г. Вильям Шекспир. СПб., 1897. С. 246 и сл.; он же: Великий человек (начало и день цивилизации). М., 1895. С. 8 – 38; Brandes G.C. Julius Caesar. I – II. Berlin, 1925.
5. Бердяев Н. Судьба России. – М., 1989. – 82 с.
6. Подробнее см.: Джулио Ю. Фашистская Италия. Шесть лет диктатуры черных рубах. М.; – Л., 1929. – 13. с.
7. Алтари П. Происхождение фашизма. – М., 1951. – 55 с.
8. Круг земель.
9. Третья империя в том смысле, что первой всемирной империей была Римская Империя, второй – Священная римская империя германской нации, а Третья – фашистский Рейх, с его милитаристскими аппетитами.
10. Цит. по Кагаров В.П. Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными // Против фашистской фальсификации истории. – М., – Л., 1939. – С. 83 – 95.
11. Брехт Б. Стихи. Роман. Новеллы. Публицистика. – М., 1956. – С. 93.
12. История немецкой литературы : В 5 т. Т. 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – С. 625.
13. Ферреро Г. Величие и падение Рима / Пер. А.Захарова. Т. 1 – 2. – М, 1915 –1916.
14. Цит. по: Брехт Б. Дела господина Юлия Цезаря. – Киев, 1983.
15. Затонский Д. Искусство романа и XX век – М.: Художественная литература, 1973. – 506 с.
16. Здесь и далее цит. по: Уайлдер Т. Мартовские иды. Теофил Норт. — М.: Прогресс, 1981.
17. Камю А. Избранное. – М., 1991.
18. Гаспаров М.Л. Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. – М., 1966. –312 с.
19. Rosher W. Politic, Geschichtliche Naturlehre der Monarchie, Aristokratie und Demokratie. Stuttgart, 1892. S. 588 ff.; Pohlmann R. Die Entstehung des Caesarismus // Aus Altertum und Gengenwart. Munchen, 1895. S. 245
20. Rustow F.M. Der Caesasarismus, sien Wesen und Schaffen. Zurich, 1879.
21. Spengler O. Jahre der Entscheidung. Erster Teil Deutschland und die Weltgeschichtliche Entuicklung, Munchen, 1933. P. 135.
22. Giovannetti L. La religione di Cesare. Roma, 1937. P. 27.
23. Rosenberg Alfred. Der Mythus des 20/Jahrhunderts. Eine Wertung der seelischgeistigen. Gestalttemkämpfe unser seit... 2 Aulf. Eichen, Hoheneichen – Verl., 1931. P. 516 – 517.
24. Corradini E. Julio Cesare. 1902. Цит. в англ. пер. 1926 года.
25. Ciano G. Diary (1939 – 1943) / Engl. trans. E.Heunemann. Lnd., 1947.
26. Wagner F.D. Hitler und die Theatralic des Faschismus^ Brechts antifaschistischer Dishurs // Zeitschrift fur deutsche Philologie. B. etc.. 1982. Bd. 101. H. 4. S. 561.
27. Davis Elmer. Caesar's last Months // Saturday Review of Literature, XXXI (February, 21, 1948. – ?. 11 – 12).

ПАРАДИГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.Г. КРАПОТИНА, *доцент кафедры русского языка МГУЛа, к.филол. н*

В настоящее время в центре внимания лингвистов по-прежнему остается языковая семантика – специфика значения единиц, характер соотносённости значения с внеязыковой действительностью, структура значения, типология значений, парадигматические и синтагматические свойства значения и т. д. В круг этих проблем входит и семантика фразеологических единиц (далее ФЕ).

Одна из кардинальных проблем фразеологической семантики – парадигматические отношения фразеологизмов (под этим

понятием подразумеваются системные связи элементов языковой структуры на основе их общности в чем-либо, противопоставленности или взаимоисключения). Эти отношения (как внутри смысловой структуры единицы, так и между единицами), представляя собой реальное воплощение семантики, наиболее полно и всесторонне обнаруживают самые существенные особенности фразеологического значения. Проблема парадигматических отношений в области фразеологии изучалась многими лингвистами, однако исследованы в основном частные моменты.

Как известно, значения ФЕ так же, как и значения слов и ЛСВ (лексико-семантических вариантов), вступают друг с другом в парадигматические отношения, образуя разного рода фразео-семантические и лексико-семантические объединения.

В современных научных исследованиях слово «парадигма» используется в двух разных типах значения: 1) в специальном, терминологическом и 2) в общеупотребительном. Терминологическое значение слова «парадигма» мы встречаем в двух омонимичных наборах определений. Одно из них восходит к античной грамматике для обозначения «образца словоизменения» и в настоящее время имеет, по крайней мере, четыре определения: 1) любой класс языковых единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации: *словообразовательная парадигма, лексическая парадигма* (такое понимание лежит в основе нашего исследования); 2) модель, схема такого класса; 3) система грамматических форм одного слова; 4) ряд языковых единиц, «различие между которыми определяется позицией» (см. об этом: Панов М.В. 1967: 5-6; Солнцев В.М. 1977: 75-80 и др.).

Вся лексико-семантическая парадигматика строится на интегрально-дифференциальных взаимодействиях, являющихся основанием системных связей слов (или ЛСВ). Выделяются следующие основные типы парадигм: полисемичная, омонимичная, синонимичная и антонимичная.

Как известно, большинство фразеологизмов характеризуется однозначностью: они имеют лишь одно значение, их семантическая структура достаточно монолитна, неразложима, например: *камень преткновения* – «препятствие», *витать в облаках* – «предаваться бесплодным мечтам», *ставить в тупик* – «приводить в крайнее затруднение, замешательство» и т.д. Но есть фразеологизмы, обладающие несколькими значениями. Например, фразеологизм *мокрая курица* может означать: 1) безвольный, бесхитростный человек, размазня, 2) чело-

век, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо.

Если в период становления фразеологии как лингвистической дисциплины вопрос о многозначности фразеологизмов был дискуссионным, то в настоящее время наличие полисемичных ФЕ признается бесспорным языковым фактом. Многозначные ФЕ отмечаются в русском, английском, немецком и др. языках. Материал, зафиксированный составителями словарей и справочников (см., например, Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова – далее ФСРЯ), свидетельствует о том, что закон многозначности распространяется не только на лексический состав, но и на фразеологический.

Вместе с тем следует отметить, что фразеологизмов, имеющих два и более значений, в процентном отношении несколько меньше, чем полисемичных слов. Так, составителями ФСРЯ зарегистрировано примерно 17 % многозначных фразеологических единиц. Анализ материала, однако, показывает, что этот процент немного занижен (по данным М.И. Сидоренко: 1985. С. 58): некоторые фразеологизмы, которые даются в словаре как однозначные, в действительности являются многозначными единицами (пример такой ФЕ – *за тридевять земель* – см. далее). По данным М.И. Сидоренко, полисемичных ФЕ около 19 %.

Несоответствие между полисемией и моносемией во фразеологическом составе объясняется многими причинами. Основные из них следующие: во-первых, развитие полисемии во фразеологии тормозится тем, что ФЕ, функционирующие прежде всего как экспрессивно-оценочные характеристики предметов и явлений, используются в речи значительно реже, чем лексические единицы; во-вторых, ФЕ образуются на основе какого-либо сложного образа, восходящего к индивидуальным отношениям между двумя или несколькими реалиями. Ср.: *хлопать глазами* «бездействовать», *навострить уши* «насторожиться», *отдать богу душу* «умереть» (ФСРЯ. С. 144, 260, 508); эта индивидуальность отношений передается со-

держанию ФЕ, что, несомненно, отрицательно влияет на появление в ее семантической структуре нового значения, которое должно быть отвлечено от индивидуальности первичного этимологического образа; в-третьих, сама природа фразеологического значения (образный характер, экспрессивность и оценочность, абстракция особого рода) препятствует переносу, появлению нового значения: необходимо, чтобы производное явление было образнее, экспрессивнее и абстрактнее, чем производящее.

Развитию полисемии среди ФЕ препятствует также очень сильный заряд экспрессивности в их семантике, высокая степень интенсивности выражаемого ими чувства. Например: *черт дернул* «неизвестно зачем, по какой надобности нужно было мне, тебе и т.д. (сделать что-либо). Выражение крайнего неудовольствия, сожаления и т.п. по поводу чего-либо сделанного, совершённого» (ФСРЯ. С. 520).

Многочисленную группу образуют полисемичные фразеологизмы глагольного типа, например: *вешаться на шею* – 1) приставать с ласками, нежностями и т.п.; 2) навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви (ФСРЯ. С. 69); *переливать* (пересыпать) *из пустого в порожнее* – 1) заниматься бесполезным делом, бесцельно тратить время; 2) проводить время в разговорах, пустой болтовне (ФСРЯ. С. 316).

К изучению проблем полисемии фразеологических единиц лингвисты приступили лишь во второй половине шестидесятых годов XX века, когда сама проблема перестала быть дискуссионной. К этому времени фразеологи имели уже и необходимый фактический материал, зарегистрированный в толковых и специальных словарях разных языков.

У основной массы полисемичных ФЕ значение имеет понятийную отнесенность, иначе говоря, сколько значений в семантической структуре фразеологизма, столько и понятий или суждений он выражает, например: *давать волю рукам* – 1) драться, бить, избивать кого-либо; 2) трогать, хватать, обнимать кого-либо (ФСРЯ. С. 123).

Понятийная отнесенность – универсальный критерий отграничения одного значения от другого для полисемичных ФЕ. В толковых и специальных словарях фразеологизм *за тридевять земель* дается как однозначный – «очень далеко жить, уехать, находиться и т. п.» (ФСРЯ. С. 173). Вслед за М.И.Сидоренко, с этим согласиться трудно (1985:73). Дело в том, что данный фразеологизм может соотноситься с двумя различными по семантике группами глаголов – а) бытийность (жить, находиться и т. п.) и б) направленного движения (уехать, отправиться и т. п.). Разная предметная направленность ФЕ *за тридевять земель* (жить, находиться и т. п. – где? уехать, отправиться и т. п. – куда?) нашла отражение не только в лексико-семантической сочетаемости, но и в парадигматических отношениях единиц: в зависимости от предметной отнесенности ФЕ синонимизируется, с одной стороны, с фразеологизмами *на краю света, у черта на куличках* (очень далеко – где?), с другой – с фразеологизмами *куда Макар телят не гонял, на край света, к черту на кулички* (очень далеко – куда?), то есть входит в разные синонимические ряды. А, как известно, однозначная единица, то есть в одном и том же значении, в системе языка не может быть одновременно членом двух и более синонимических групп.

Кроме того, ФЕ *за тридевять земель* в сочетании со словами жить, находиться и т. п. вступает в антонимические отношения с фразеологизмами *в двух шагах, не за горами, под боком*, имеющими значение «близко – где-либо»: в сочетании с глаголами движения антонимических соответствий не имеют.

Таким образом, разные системные связи и отношения свидетельствуют о том, что, несмотря на одну и ту же понятийную отнесенность, у фразеологизма *за тридевять земель* не одно, а два значения: 1) очень далеко уехать, отправиться и т. п. – куда? 2) очень далеко жить, находиться и т. п. – где? (ФСРЯ. С. 173). Таким образом, в данном случае решающим фактором определения полисемичности единицы выступает или предметная направленность, или па-

радикальные свойства (синонимические связи и т. п.).

Наличие полисемичных ФЕ признаётся бесспорным языковым фактом. Фразеологизмов, имеющих два и более значений, несколько меньше, чем полисемичных слов, что объясняется рядом причин, приведённых выше.

Таким образом, для отграничения полисемичной ФЕ от моносемичной основным и универсальным критерием является понятийная (сигнификативная) соотнесенность. Однако в иных случаях этот критерий оказывается недостаточным. Тогда можно прибегнуть к приему парадигматических сопоставлений. Иногда именно парадигматический анализ (например, синонимических связей) позволяет квалифицировать ФЕ как полисемичную.

Омонимические отношения фразеологизмов возникают тогда, когда одинаковые по составу фразеологизмы выступают в совершенно разных значениях: *братъ слово* – «по собственной инициативе выступать на собрании» и *братъ слово* – «получать от кого-либо обещание, клятвенное уверение в чем-либо» (ФСРЯ. С. 47). Омонимичные фразеологизмы могут появляться в языке, если в основе образных выражений оказываются разные признаки одного и того же понятия. Например, ФЕ *пускать петуха* в значении – «устраивать пожар, поджигать что-либо» восходит к образу огненно-рыжего петуха, напоминающего по цвету и форме хвоста пламя (вариант ФЕ – *пускать красного петуха*); ФЕ *пускать (давать) петуха* в значении – «издавать фальшивые звуки» создан на основе сходства голоса певца, сорвавшегося на высокой ноте, с «пением» петуха. Такая омонимия является результатом случайного совпадения компонентов, образующих ФЕ.

В иных случаях источником фразеологических омонимов становится окончательный разрыв значений многозначных ФЕ. Например, значение ФЕ *ходить на цыпочках* – «ходить на кончиках пальцев ног» послужило основой для появления его образного омонима *ходить на цыпочках* – «заискивать, всячески угождать кому-либо». В по-

добных случаях трудно провести границу между явлением многозначности фразеологизма и омонимией двух фразеологических единиц. Таким образом, во фразеологическом составе встречаются омонимы, возникшие в результате распада полисемичных единиц. Проблема разграничения омонимии и полисемии ещё не решена в языкознании. Поиски надёжных критериев, с помощью которых можно было бы провести чёткую границу между этими семантическими явлениями, продолжаются до сих пор.

К настоящему времени лингвистами предложено уже более десяти таких критериев, однако ни один из них не получил у специалистов общего признания. Последнее послужило причиной того, что отдельные исследователи стали отрицательно относиться к самой проблеме, стали снимать её, сводя омонимию и полисемию к одному явлению неоднозначности фонетического слова. Подобный скептицизм, по мнению М.И. Сидоренко, не имеет научных оснований, замена же одной проблемы другой не есть объяснение феномена (см.: Сидоренко М.И. 1985, 178).

В последние годы учёных всё больше волнует вопрос омонимии; так, Н.А. Павлова в кандидатской диссертации затрагивает эту проблему. Она выделяет 146 фразеологических омонимов в русском языке. Как считает Н.А. Павлова, как правило, в омонимические отношения вступают две единицы (100 фразеологизмов из 146), среди омонимичных фразеологических единиц, кроме двухкомпонентных, есть трёхкомпонентные и четырёхкомпонентные.

Например: двухкомпонентные омонимичные ФЕ:

На память – наизусть, не смотря в текст (знать, учить, читать и т.п.).

На память – для того, чтобы помнить, не забывать кого-либо или что-либо (давать, дарить, вручать и т.п.);

трехкомпонентные омонимичные ФЕ:

Брать в руки – 1) подчинять себе, заставлять повиноваться (в поступках, в действиях и т.п.); 2) воздействовать, влиять на кого-либо.

Брать в руки – 1) принимать на себя руководство, управление чем-либо; 2) захватывать что-либо, завладеть чем-либо; четырёхкомпонентные омонимичные ФЕ:

С руками и ногами – целиком, полностью.

С руками и ногами – охотно, с удовольствием.

В омонимические отношения вступают, например, такие ФЕ: **бог знает, за глаза, гнуть спину, давать слово; лицом к лицу, под веселую руку, на веки веков, бросать на ветер**. Ср.:

Под весёлую руку. Возбуждённый.

Под весёлую руку. В возбуждении, легкомысленно.

Например: В тот же вечер, за ужином, стряпчий, **под весёлую руку**, рассказывал посетителям клуба о необыкновенном казусе (Чехов). В данном тексте ФЕ актуализируется в адвербиальном значении.

На веки веков (вечные). Вечный, крепкий.

На веки веков (вечные). Навсегда, навечно.

Например: – Господа! Необходимо, однако ж, чем-нибудь решить наше дело! Мне кажется, что если мы и на этот раз не покажем себя самостоятельными, то утратим право быть твёрдыми безвозвратно и **на веки веков!** (Чехов). В тексте ФЕ актуализируется в адвербиальном значении.

Бог знает. 1) неизвестно, никто не знает; 2) выражение восторга, недоумения, радости и т.п.

Например: – Мы **бог знает** где едем, и **бог знает**, что с нами будет (Л.Н.Толстой)*. ФЕ употреблена в 1-ом значении (предикативном).

Бог знает 1) выражение возмущения, негодования, вообще отрицательного отношения к чему-либо или по поводу чего-либо.

Например: – Ты тратишь свои лучшие годы на **бог знает** что... Роешься в старом, никому не нужном хламе (Чехов).

За глаза – 1) заочно, в отсутствие кого-либо (говорить о нем что-либо, смеяться над ним и т.п.); 2) не видя (купить, нанять и т.п.).

За глаза – вполне, с избытком (хватит, достаточно, довольно и т.п.).

Например: Для Рыковского [селения], при существующем количестве земли, годной для хлебопашества, и при условиях здешней урожайности... двухсот хозяев было бы, как говорится **за глаза**, а, между тем, их тут вместе с сверхштатными более пятисот (Чехов).

Гнуть спину – трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой, например: – Не то важно, что Анна умерла от родов, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потемок **гнут спину**... (Чехов).

Гнуть спину – унижаться, заискивать, раболепствовать, например: – ...Плачу за тебя, за дрянь такую непутящую, **спину гну**, мучаюсь и, можно сказать, страдаю, а какое от тебя внимание? (Чехов).

На синонимичность ФЕ первыми обратили внимание лексикографы, как указывает М.И. Сидоренко. Фразеологические синонимы фиксирует, например, В.И. Даль: **кончать земную жизнь – испускать дух – лишиться жизни – перейти в вечность – отправиться на тот свет – протянуть ножки – дать дуба** (В.И. Даль 1997). Примеры синонимических фразеологизмов находим в словаре фразеологических синонимов русского языка (В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров 1987).

Например: **стереть в порошок – задать перцу – задать жару (пару) – задать трезвону (устар.) – задать тряску (прост.) – всыпать по первое число – прописать ижицу (устар.) – снять голову – показать, где раки зимуют (грубо-прост.) – показать кузькину мать (грубо-прост.)**.

Или:

распустить слюни (вариант: **распустить нюни**) – **пустить слезу** (ирон.) – **разводить сырость** (шутл.).

* Пример заимствован из ФСРЯ. С.34.

В качестве значимой языковой единицы фразеологический оборот может быть эквивалентен не только слову (*сложить руки* – «бездельничать»), но и какому-либо другому фразеологизму: *сложка руки – спустья рукава*;

сложка руки – ничего не делая (ФСРЯ.С.433), *спустья рукава* – небрежно, кое-как (делать что-либо) (ФСРЯ. С. 449).

Или:

валяться (кататься) со смеху – помирать со смеху – надрывать животики «хохотать до изнеможения». (ФСРЯ. СС.262,55,494).

То, что фразеологизм может быть эквивалентен другому фразеологическому обороту, объясняется существованием в языке явления фразеологической синонимии. По мнению Н.М. Шанского, фразеологические синонимы – это различные фразеологические обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности (Шанский Н.М. 1972. С. 23). В.П. Жуков определяет фразеологические синонимы как фразеологизмы с предельно близким значением, как правило, соотносительные с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью (эта особенность прежде всего характерна для одноструктурных фразеологизмов), но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно (Жуков В.П. 1986. С. 18). Если ФЕ разнятся, совершенно не совпадают в одном из этих своих качеств, синонимичность между ними не возникает. Рассмотрим несколько примеров: фразеологизмы *до корней волос*, *на все корки*, *без ума*, *всеми фибрами души*, *как черт лада-на*, *как зюзя*, *как осиновый лист*, *как собака*, *до костей* соотнесены с одним понятием («очень сильно»), но признать их синонимическими нельзя. Дело в том, что у них совершенно разная денотативная отнесенность и никогда не перекрещивающиеся валентности: *до корней волос покраснеть* = *вспыхнуть* и т.п., *на все корки ругать* = *распекать* и т.п., *без ума любить* =

влюбляться и т.п., *всеми фибрами души ненавидеть* = *презирать*, *возмущаться* и т.п., *как черт лада-на бояться* = *страшиться* и т.п., *как зюзя напиться* = *быть пьяным*, *как осиновый лист дрожать* = *трястись* и т.п., *как собака измучиться* = *устать*, *замерзнуть* и т.п.*

М.И. Сидоренко считает что, образуясь на базе синтаксических единиц, фразеологизмы сохраняют отдельные и грамматические свойства словосочетаний (1985. С. 240). Несомненно, такая особенность формальной стороны ФЕ не может не сказаться на процессе их синонимизации.

Сравним фразеологизм *карманная чахотка* «полное безденежье» и *ветер свистит (гуляет) в кармане (карманах)* у кого «совсем нет денег у кого-либо». В исходной форме они несинонимичны, потому что у них разное категориальное содержание (предметности и предикативности).

В качестве ограничительного критерия синонимичности фразеологизмов следует признать также отсутствие в их содержании резко противоположных, взаимоисключающих признаков.

Например, ФЕ *провалиться сквозь землю*, несмотря на семантическую общность с фразеологизмом *взлететь на воздух* (обе имеют значение «исчезнуть, перестать существовать»), не являются синонимическими, потому что внутренняя форма их семем весьма прозрачно указывает на то, что в основу образования единиц легли взаимоисключающие этимологические образы. Это сказывается и на их предметной отнесенности и валентности: *провалиться сквозь землю* используется по отношению к конкретным предметам (человеку, вещам, и т.д.); *взлететь на воздух* – по отношению к отвлеченным понятиям (о планах, мечтах, надеждах и т.п.).

Несинонимичны и те фразеологизмы, между значениями которых имеется резко выраженная градация временного, пространственного, количественного и т.д. характера:

* Примеры заимствованы из: Сидоренко М.И. 1985, 240.

с минуты на минуту, с часу на час, со дня на день «в самое ближайшее время» (фразеологизм *с минуты на минуту* имеет более абстрагированное значение, чем *с часу на час* и *со дня на день*: передаваемый им отрезок времени отвлечен от минутной протяженности). Так, ФЕ не образуют синонимического ряда потому, что, как показывает их внутренняя форма, ближайшее время они передают в разных измерениях: *с минуты на минуту* – «вот-вот», *с часу на час* «в ближайшие часы», *со дня на день* – «в ближайшие дни».

Русская фразеология очень богата синонимическими единицами. В синонимические отношения вступают, в частности, фразеологизмы, имеющие структуру словосочетаний, например: *во все лопатки* – *во весь дух* – *во всю прыть* – *изо всех сил* «очень быстро (бежать, ехать, мчаться и т.п.)» (ФСРЯ. С. 233).

Среди словосочетаний выделяются словосочетания с двупадежным примыканием, такие, как *ухо в ухо*. Ср.: *ухо в ухо* – *бок о бок* – *плечо к плечу* – *рука об руку* – *локоть к локтю* – *ноздря в ноздрю* – *нос к носу* – *грудь в грудь* – *лоб в лоб* «очень близко, рядом».

Значительно реже вступают в синонимические отношения ФЕ, имеющие структуру словосочетания и предложения, например: *за тридцать земель* – *куда ворон костей не заносил* – *куда Макар телят не гонял* «очень далеко, в самые отдаленные места» (ФСРЯ. СС. 18, 235).

Основной вопрос, который стоял и стоит перед исследователями синонимии ФЕ, – это вопрос о том, что положить в основу синонимичности фразеологических единиц, какие ФЕ включать в синонимический ряд, как определять его границы. Все исследования синонимии слов и фразеологизмов, как правило, опираются на понятие семантической общности, по которой ФЕ как бы объективно объединяются в синонимический ряд.

В.Т. Шкляров (1964. С. 229-230) предложил следующий принцип группировки ФЕ в синонимический ряд. Собирая материалы

для словаря фразеологических синонимов, он опирался на опыт лексикографов, однако любой словарь, в зависимости от содержания и назначения, требует решения ряда новых и трудных задач. К числу таких задач в словаре В.Т. Шкляров относит проблему доминанты. Изучение большого фактического материала привело В.Т. Шклярова к мысли о том, что в словаре фразеологических синонимов эту проблему надо решать не так, как в словаре лексических синонимов.

Общепризнано, что все фразеологические обороты (если не считать так называемых терминологических и номинативных) представляют собой застывшую яркую метафору, значение которой обычно осложнено добавочными стилистическими и эмоциональными оттенками, поэтому среди синонимичных фразеологизмов вряд ли возможно выделение доминанты в обычном смысле этого слова. В самом деле, какому фразеологизму можно «отдать предпочтение» при выборе доминанты в таком, например, ряду: *намылить голову* – *задать жару* – *задать перцу* – *протереть с песком* – *накрутить хвост*. Отсутствие доминанты создает определенные неудобства в пользовании словарем и лишает составителя возможности кратко и отчетливо определить общее значение ряда.

Чтобы избежать этих неудобств, автор словаря в роли доминанты намерен использовать отдельные слова и свободные сочетания, которые называет заглавными, например **обманывать: зубы заговаривать** – **втирать очки** – **водить за нос**.

Иногда точное и исчерпывающее определение значения ряда потребовало бы громоздкого заглавного сочетания, поэтому, в «Словаре фразеологических синонимов» в таких случаях дается приближенное значение, например: «о чем-либо постороннем, не нужном» (СФСРЯ. С. 321): *пятое колесо в телеге* – *пятая спица в колеснице* – *с боку припека*.

Такой фразеологизм, как *лить (отливать) пули* со значением «обмануть, ввести в заблуждение» в синонимический ряд включает такие фразеологизмы: *втирать очки* «обманывать кого-либо, представляя

что-либо в искаженном, неправильном, но выгодном, желательном для себя свете» (ФСРЯ. С. 87); *пустить пыль в глаза* «создать ложное впечатление о себе у кого-либо, представляя себя, свое положение и т.п. лучше, чем есть на самом деле» (ФСРЯ. С. 370); *отвести глаза* «отвлекать внимание кого-либо от чего-либо, вводить в заблуждение, обманывать кого-либо» (ФСРЯ. С. 330); *водить за нос* «обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного» (ФСРЯ. С. 73); *заговаривать зубы* «1) посторонними разговорами намеренно отвлекать внимание собеседника от чего-либо; 2) вводить в заблуждение, обманывать» (ФСРЯ. С. 161); *обвести вокруг пальца* «ловко, хитро обманывать» (ФСРЯ. С. 289); *(не) объехать на кривой* «не перехитришь, не проведёшь, не обманешь» (ФСРЯ. С. 292); *лить колокола* «распускать сплетни, врать» (ФСРЯ. С. 227); *заправлять арапа* «врать, привирать, рассказывать небылицы» (ФСРЯ. С. 169); *лить пули* «бессовестно врать, рассказывать что-либо» (ФСРЯ. С. 227).

Совершенно очевидно, что фразеологизмы *лить колокола*, *заправлять арапа* выпадают из этого ряда, ибо основным, доминирующим значением у них является значение «лгать», «привирать».

При определении критерия синонимичности ФЕ в лингвистике прежде всего был выдвинут принцип так называемой семантической взаимозаменяемости единиц в контексте: «В самом общем смысле фразеологические синонимы – это такие два оборота, которые, различаясь по лексическому составу компонентов, но имея однотипное категориальное грамматическое значение, способны к замене в ряде строго определённых синтаксических конструкций, не нарушая строя этой конструкции и её смыслового содержания» (Телия В.Н. 1966, 21).

Между тем очевидно (если исключить случаи абсолютной синонимии фразеологических единиц типа «дать дуба», «сыграть в ящик» и т. п.), что взаимозаменяемость – критерий очень относительный, ибо каждая синонимическая единица имеет свои

дифференцирующие семантические элементы, отличающие её от другой единицы.

Даже при абсолютной синонимии единиц имеются налицо, как правило, различия единиц по стилистической характеристике, употребляемости и т. д.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что критерий взаимозаменяемости предполагает тождество значений, а фразеологических единиц с тождественными значениями очень мало, они не типичны для фразеологической синонимии. Один фразеологизм не может быть заменён другим, не искажая, не нарушая мысли.

В.П. Жуков, В.Т. Шклярков предлагали в качестве критерия синонимии ФЕ группировку их через синонимическое слово – своеобразный организующий центр, вокруг которого располагаются ФЕ. В качестве наглядного примера организации синонимического ряда в соответствии с этим принципом можно привести синонимический ряд фразеологизмов со словом «разоблачать»: *выводить на чистую* (свежую) *воду* кого, что «1) разоблачать. О темных делах, махинациях или людях, причастных к ним» (ФСРЯ. С. 91); *срывать маску* с кого; *сорвать маску* с кого «обнаруживать, показывать истинную сущность, настоящее лицо; разоблачать» (ФСРЯ. С. 450); *срывать* (снимать, сдирать) *покров* (покровы) с кого, с чего; *снять* (сорвать, сдернуть) *покров* кого-либо или чего-либо «обнажать истинную сущность кого-либо или чего-либо» (ФСРЯ. С. 450); <вытаскивать> *за ушко да на солнышко* (прост. шутл.); *раскрывать* (открывать) <свой> *карты*.

В антонимические отношения вступают не все ФЕ с противоположным значением. Существуют определенные ограничители подобных отношений, вызванные различными причинами. М.И. Сидоренко к таким «ограничителям» относит следующие.

1. Фразеологизмы вступают в антонимические отношения тогда, когда их противоположность распространяется на все элементы значений, например: *свалиться с плеч* «переставать быть чьей-либо обязанностью, обычно обременявшей кого-либо, бывшей тягостью кому-либо»; *свалиться на*

плечи «становиться, делаться чьей-либо обязанностью; обычно обременяя кого-либо, будучи в тягость кому-либо» (ФСРЯ С. 410)

2. Антонимичность ФЕ зависит также от их лексико-семантической сочетаемости: фразеологизмы с противоположным значением предстают как антонимы только при том условии, если они сочетаются с одними и теми же словами или со словами, в свою очередь являющимися антонимами. Например: *с горизонта исчезнуть, пропасть и т.п.* «из определенного общества, из круга знакомых, близких и т.п.» – *на горизонте появляться, возникать и т.п.* «в определенном обществе, в кругу знакомых, близких и т.п.» (ФСРЯ. С. 117).

Сочетаемость фразеологических антонимов может частично не совпадать: *как дома быть, чувствовать себя и т.п.* «свободно, непринужденно, раскованно» (ФСРЯ. С. 143) – *не в своей тарелке быть, чувствовать себя* «стесненно, неловко, неудобно, скованно» (ФСРЯ. С. 472)

Ср.: антоним к ФЕ *в своей тарелке* из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» с противоположным значением «не в обычном для себя состоянии, когда чувствуешь себя не так, как всегда»: «-Любезнейший! Ты *не в своей тарелке*» (А.С. Грибоедов)*.

Как пишет М.И. Сидоренко, если фразеологизмы с противоположным значением не совпадают в лексико-семантической сочетаемости полностью или не имеют противоположных по значению слов – сопроводителей, они не находятся в антонимических отношениях, так как в речи взаимно не противопоставляются. О них можно говорить лишь как о логических (понятийных) антонимах. К таким фразеологизмам относятся, например: *семь верст до небес* («очень много»); *кот наплакал* («очень мало»).

Не образует антонимических отношений присоединение к ФЕ отрицательной частицы *не* : *на своём месте – не на своём месте*. Частица *не* в таких случаях сохраняет свое прямое грамматическое значение и

выполняет свою прямую, основную функцию – функцию отрицания.

Вместе с тем следует сказать, что определенный разряд ФЕ гораздо чаще употребляется с частицей *не*, чем без нее: *не по карману, не под силу, не по зубам, не в своем уме, не к месту, не по вкусу*. Это создает своеобразную антонимичность негативных и позитивных употреблений таких единиц.

Ср., например, ФЕ *глаза открываются* «кто-либо освобождается, узнает истинное положение вещей, истинный смысл чего-либо» (ФСРЯ. С. 104) и *глаза не открываются=глаза закрываются* «умереть (устар.)» (ФСРЯ. С. 166).

Заметим, что полисемичные фразеологизмы могут антонимизироваться одновременно с несколькими ФЕ: *под рукой* («очень близко») – *у черта на куличках* («очень далеко»); *под рукой* («тайно, скрытно») – *на глазах* («открыто, не таясь»); *под рукой* («зависеть от кого-либо») – *сам себе голова* («независимо ни от кого»). Такое явление в русском языке наблюдается очень редко. Еще реже отмечаются случаи, когда два полисемичных фразеологизма антонимичны во всех своих значениях: *с головой* (1) «умный, сообразительный»; 2) «сознательно, обдуманно») – *без головы* (1) «глупый, бестолковый»; 2) «совсем не обдуманно, безрассудно»).

Как видим, ФЕ как значимые единицы языка не существуют изолированно друг от друга: они образуют систему, представленную определенными организациями слов, – фразеолого-семантическими парадигмами. Их образуют группы фразеологизмов, объединенных формами (омонимия), семантической и структурно-семантической общностью (синонимия и антонимия) и различающихся семантико-структурными дифференциальными признаками (полисемия).

Условные сокращения

ФЕ – фразеологическая единица

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ФСРЯ – Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 1986.

СФСРЯ – Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М., 1987.

* Пример заимствован из ФСРЯ.С.472.

Литература

1. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.; 1986.
2. Панов М.В. Русская фонетика. – М.; 1967.
3. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.; 1977.
4. Павлова Н.А. Омонимия как проявление семантических отношений и нарушения семантического тождества фразеологических единиц // КД. – Омск, 1995.
5. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке // ДД. – Череповец, 1985.
6. Телия В.Н. Что такое фразеология. – М.; 1977.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.; 1972.
8. Шкляр В.Т. Фразеологические синонимы в современном русском языке. – Иркутск, 1961.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт – М.; 1997.
10. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.; 1987.
11. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.; 1986.

ОШИБКИ, СВЯЗАННЫЕ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

А.В. МАЙОРОВА, доцент кафедры русского языка и литературы МГУЛа, к. п. н.

Фразеологизмы, так же как и слова, в своем употреблении подчинены существующим языковым нормам, то есть определенным исторически сложившимся или принятым и, тем самым, обязательным для всех говорящих правилам. В этом смысле вполне определенно можно говорить о нормативном и ненормативном использовании как отдельных фразеологизмов, так и их групп, разрядов.

Существующие языковые нормы употребления касаются всех сторон фразеологизма – в одинаковой степени его содержания и формы. Поэтому любые отклонения от этих норм, какие бы стороны фразеологизма они не затрагивали, в какой-то степени «искажают» его и могут быть квалифицированы как ненормативные употребления устойчивых выражений. Однако не всякие отклонения от нормы должны быть расценены как языковые ошибки. Объясняется это тем, во-первых, что сами языковые нормы для фразеологизма следует рассматривать в двух планах: в плане языка и в плане речи, так как в последнем случае допустимы индивидуально-авторские преобразования фразеологизма в тех или иных авторских целях.

Таким образом, фиксируя любые отклонения от нормы употребления фразеологизма в речи, очень важно учитывать их причинную обусловленность: являются ли они (отклонения) непреднамеренными (в результате небрежного отношения говорящего и

пишущего к языку или в результате незнания говорящим или пишущим норм употребления фразеологизма), или имеет место преднамеренное преобразование устойчивого выражения, допустимое в пределах нормы.

Чаще всего встречаются в печати и в разговорной речи неправильные сочетания, как результат контаминации, неточного приведения формы какого-либо слова, входящего в оборот, подстановки паронима или в результате забвения первоначального буквального смысла.

Типичным видом контаминации фразеологизмов в русском языке является такое соединение разных устойчивых выражений, когда форма фразеологизма по составу компонентов восходит к двум фразеологизмам, а значение – к одному из них. Например, *влипнуть в переплет* в значении «оказаться в сложном, трудном, опасном или неприятном положении» является контаминацией двух фразеологизмов: *попадать (попасть, влипнуть) в историю* – «оказываться замешанным в каком-либо предосудительном деле, быть причастным к какому-либо неприятному происшествию» и *попадать (попасть) в переплет* – «оказываться в сложном, трудном, опасном или неприятном положении».

Такие же ошибки возникли в результате контаминации фразеологических оборотов *играть значение* (вместо *играть роль*) и *иметь роль* (вместо *играть роль*). Возмож-

ность смешения этих форм объясняется тем, что буквальное значение этих слов в них заметно ослаблены. Поэтому при сохранении общего значения оборота одни слова заменяются другими, часто – из смежных по смыслу и близких по составу фразеологизмов.

Подобные ошибки встречаются, когда употребляется фразеологизм *носить значение* вместо *носить характер чего-нибудь* и т.д.

Устойчивое разговорное выражение *трепать (или) портить, мотать нервы кому-то*, то есть заставлять кого-нибудь нервничать» или «мучить, изводить кого-нибудь», нередко употребляется в искаженном виде: *тратить нервы* – с заменой глагола *трепать* близким по значению словом *тратить* (собственно, «лишиться чего-нибудь»). Неправильно, например: *с тобой говорить, только нервы тратить; он не стоит того, чтобы на него тратить нервы* и т.п. Ошибка возникает, возможно, под влиянием сходных по значению и структуре устойчивых оборотов типа *тратить силы, тратить здоровье* и т.п.

Выражение *пока суд да дело* – то есть пока происходит, совершается что-нибудь, возникло в сфере старинного русского судопроизводства и первоначально имело буквальный смысл: «пока будет вершить суд, да разбирать дело, много времени пройдет». Затем переносное, более широкое употребление фразеологизма вытеснило старое, конкретное значение, оно стало употребляться в тех случаях, когда речь идет о неопределенной длительности чего-то происходящего попутно. Например, *пока суд, да дело, пойдём поговорим немного* (то есть, пока идут какие-то приготовления и т.п.). В современной разговорной, а иногда и в письменной речи употребляется искаженный вариант этого выражения: *пока суть да дело*. Ошибка возникает в устной речи в связи с забвением буквального смысла выражения и под влиянием аналогии с такими конструкциями, как *в суть дела (вникнуть), до сути дела дойти, по сути дела* и т.п.

Фразеологические выражения *венчать лаврами* (кого-нибудь), *пожинать лавры*, то есть пользоваться плодами успехов, *чи-либо лавры не дают спать кому-то* (о чувстве за-

висти), *лавры Герострата* (то есть печальная, дурная слава), *почивать* или *отдыхать на лаврах* (успокоится на достигнутом) и т.п. в современной устной и письменной речи нередко употребляются как неправильное, искаженное выражение *уповать на лаврах* (в значении «успокаиваться на достигнутом»). Ошибка возникает в связи с некоторым забвением буквального смысла оборота и в результате подмены книжного глагола *почивать* таким же книжным и малоупотребительным в общей речи словом *уповать*.

Фразеологизм *боевое крещение* обозначает «первое участие в бою». В переносном значении *боевое крещение* (или просто *крещение*) употребляется по отношению к первому совершению, исполнению чего-нибудь, и первому решительному испытанию на каком-либо поприще. В современной обиходно-разговорной речи нередко встречается избыточные тавтологические конструкции: *принять первое боевое крещение; впервые получать крещение; получить первое крещение в чем-нибудь* и т.д. Ошибка также связана с забвением первоначального, буквального смысла слова *крещение*.

О неприятном чувстве озноба (от холода или вызванного страхом) мы говорим *мороз по коже подирает*. В литературном языке встречаются варианты этого фразеологизма: *мороз по коже (спине) подирает (дерет, пробегает)*. Во всех них сохраняется основной смысл, связанный с пробеганием мурашек по телу. В современном языке это устойчивое выражение нередко употребляется в искаженной форме: *мороз по коже продирает* или *мороз продирает*. В ней глагол *подирать, драть* заменен однокоренным *продирать*, который буквально значит «прорывать насквозь, разрывать». Ошибка связана с незнанием первоначального, исходного смысла фразеологизма и стремлением «прояснить» его через более понятный, чем устарелое *подирать*, экспрессивный глагол *продирать*.

Слово *пенаты* принадлежит к книжно-письменной речи и употребляется в составе устойчивого фразеологического оборота *вернуться к своим (или к родным) пенатам*, то есть в родной дом, к домашнему очагу.

Оно восходит к латинскому *penates*, буквально «домашние боги», расширительно – «отчий дом». *Пенатами* у древних римлян назывались божества, охраняющие семью и домашний очаг. Во время различных семейных торжеств им приносились жертвы. Само почитание пенатов было связано с обожествлением умерших предков – хранителей рода, семьи, а затем всего народа, нации. Отсюда и смысл этого устойчивого выражения. *Вернуться к своим пенатам* – буквально значит «вновь вернуться после долгих странствий домой, к родным местам, на родину» и т.п.

В современном языке нередко встречаются неправильные, искаженные выражения *вернуться в свои пенаты* или *вернуться в родные пенаты* и т.п. Ошибка возникает в результате полного забвения буквального, морфологического смысла всего выражения и входящих в него слов, а также под влиянием ложных аналогий с такими оборотами, как *вернуться в свой дом*, *вернуться в родные места*, *в свою семью* и т.п. В литературном языке допустима только конструкция с дательным падежом и предлогом *к*: *вернуться к своим (или родным) пенатам*.

Образное выражение *играть первую скрипку* (переносно: «быть самым важным, главным в каком-нибудь деле») является профессиональным по происхождению. В современной устной и письменной речи нередко встречается неправильное выражение *играть главную скрипку*, которое возникло в результате забвения в общей речи буквального смысла профессионального музыкантского термина (*первая скрипка*), и, может быть не без влияния словосочетаний *главная роль (играть главную роль)*, *главное место (занимать главное место)* и т.п.

Выражение *наломать дров*, то есть «наделать глупостей, ошибок» (переносно) возникло в южновеликорусских говорах и первоначально имело вполне конкретный смысл.

На Дону *дровами* называли хворост и валежник. Рубить его топором не надо: ветки достаточно тонки и легко ломаются. Готовясь растопить печь (в донских станицах она находится на подворье), хозяйка *ломает дрова* о колено, при этом хворостины ломаются не-

равно – одни получаются длиннее, другие короче. Вот отсюда-то и пошли образные выражения: «Сделал, как дровишек наломал», то есть неровно, нехорошо, нескладно. С течением времени выражение это приобрело более неопределенный переносный смысл: «делать что-нибудь не так, неправильно или необычно, странно, чудно». Широкое общение людей из разных местностей в военные годы привело к тому, что этот выразительный и меткий оборот распространился в общей речи и буквальный смысл его (сохранившийся в донских говорах) был утрачен.

В литературном языке *наломать дров* употребляется преимущественно с шутовым или шутивно-ироническим оттенком. В современном языке нередко возникает неправильная конструкция *ломать дрова* (из-за чего-нибудь) в значении «спорить, препираться, вступать в конфликт» и т.п. Ошибка возникает в результате контаминации близких по составу и структуре выражений *наломать дров* и *ломать копьё* (из-за чего-нибудь). Также в последнее время все чаще встречается в этом фразеологизме замена глагола *наломать* глаголом *нарубить*. Очевидно, незнание происхождения данного устойчивого сочетания сказывается на такой замене. Глагол *нарубить* со словом *дрова* употреблять более привычно, поэтому все чаще встречается фразеологизм *нарубить дров* вместо *наломать дров* в значении «наделать глупостей или ошибок».

Выражение *ахиллесова пята* стало образным обозначением наиболее уязвимо места у кого-либо. Оно связано с именем героя древнегреческого мифа Ахиллеса, у которого была уязвима лишь пятка – за нее его младенцем держала мать Фетида, опуская в священные воды Стикса. Ахиллес был убит Парисом, стрела которого попала ему в пятку.

Встречается ошибочное употребление этого фразеологического выражения в расширительном смысле – для обозначения не одной, а нескольких слабых сторон (например: это – его вторая *ахиллесова пята*), а также тавтологические выражения *единственная ахиллесова пята*.

Иногда искажение фразеологического оборота выражается не в замене какого-либо из составляющих его компонентов, а в неточном приведении формы какого-либо слова, входящего в оборот, в подстановке паронима и т.д., например: *уморил червячка* (вместо *заморил червячка*, в значении «слегка закусил, утолил голод»); *положить в долгий ящик* (вместо *отложить в долгий ящик*, в значении «отложить исполнение какого-либо дела на неопределенное время»); *ушел не солоно похлебавши* (вместо *не солоно хлебавши*); *выросла занятость* (вместо *возросла занятость*); *взять себе львиную часть* (вместо *львиную долю*); *приподнять занавес над этой историей* (вместо *приподнять завесу*); *красной линией проходит мысль* (вместо *красной нитью*); *качество изделий желает много лучшего* (вместо *оставляет желать много лучшего*); *пускать туман в глаза* (вме-

сто *пускать пыль в глаза*); *показывать образце другим* (вместо *служить образцом для других*); *поднять тост* (вместо *провозгласить тост*); *одержать успехи* (вместо *одержать победу*); *придавать внимание* (вместо *придавать значение*); *производить воздействие* (вместо *оказывать воздействие*); *внушать сомнения* (вместо *вызывать сомнение*); *заслужить известность* (вместо *добиться известности*); *имеет интерес для нас* (вместо *представляет интерес*); *результаты не замедлили себя ждать* (вместо *не заставили себя ждать* или *не замедлили сказаться*).

Изучение фразеологии составляет необходимое звено в усвоении языка, в повышении культуры речи. Правильное и уместное использование фразеологизмов придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость и образность.

ОПЫТ РАССУЖДЕНИЙ О ПРЕПОДАВАНИИ «РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ» ДЛЯ НЕГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ МГУЛа

Е.Г. ПАДЕРИНА, доцент кафедры русского языка и литературы, к. филол. н.

Преподавание всех общеобразовательных гуманитарных дисциплин – истории, культурологии, культуры речи – в техническом вузе сталкивается с рядом проблем. К таким проблемам относится отсутствие у большинства студентов тяги к расширению кругозора, а также прагматичный подход к обучению как получению конкретной технической специальности, поглощающему большой объем времени и, соответственно, оставляющему минимум свободного времени. Причем этот прагматизм в освоении выбранной специальности, отсекающий все «ненужное», сочетается с крайним идеализмом и определенным социальным инфантилизмом возраста, не определившего свои приоритеты (или имеющего иллюзорные). Нельзя забывать, что студенты очного отделения, особенно первых курсов (на которых и осваивается весь объем неспециальных – общеобразовательных – дисциплин, в том числе и гуманитарных), в период обучения решают

множество самых разных (и порой противоречивых по целям) задач социального, нравственно-психологического, эмоционального и даже экзистенциального порядка, и другого времени на подобную адаптацию в мире общество им не отводит.

Все это объективно мешает пробуждению интереса к названным дисциплинам – фоновым и как будто избыточным не только по отношению к выбранной специальности, но и в отношении будущего успешного существования в жестких условиях жизни современной России, а собственной заинтересованности в культуре, истории и языке – сохраняющем и выражающем общекультурные и собственные накопления, пока «не случилось».

Наконец, определенную проблему, как и во всех обучающих ситуациях, представляет разнородность студенческой аудитории в плане общеобразовательного и общекультурного развития, усидчивости, но главное – готовности активно, то есть творчески осваивать пред-

ложенный объем информации, вырабатывая или развивая собственный навык *мыслить*.

Преодолеть все эти проблемы в полной мере вряд ли возможно, но поисками путей и способов интенсификации обучения своему предмету озабочен каждый преподаватель-гуманитарий в техническом вузе. При этом общая стратегическая направленность всех трех обязательных для любого, а не только технического вуза, гуманитарных дисциплин на формирование личностного и гражданского самосознания соответствует и основному вектору решения названных проблем. Иными словами говоря, когда у юного человека формируется индивидуальная картина мира и он осознает свое личное участие в этом процессе, становится востребованным язык – инструмент мысли и ее выражения, важным оказывается поиск наиболее емкого и адекватного самовыражения в речи. Тогда различие речевых стилей и жанров перестает быть сугубо репродукционной, механической и избыточной задачей, а овладение необходимыми жанрово-речевыми клише воспринимается как оптимизация реальной речевой практики, а не занудная формализация таковой.

Одним из возможных практических путей решения вышеназванных проблем в курсе «Русский язык и культура речи» представляется введение, наряду с репродуктивными, творческих способов обучения. К таким можно отнести лекции-беседы, организованные по школьному принципу совместной деятельности по «открыванию велосипеда». Преподаватель в таком случае не столько передает обязательное знание пассивно фиксирующим (или пропускающим мимо ушей) студентам, сколько лидирует в совместном поиске наиболее точного определения, промежуточного или окончательного вывода, дополняет этот процесс разными «каверзными» вопросами. В процессе обсуждения некоторая активная – говорящая – группа увеличивается за счет молчаливых, но сообразительных студентов, а в результате – большая часть потока записывает совместно сформулированный вывод «как свой», что, как известно, повышает интерес к деятельности и «укладывает» искомое знание в активный, а не пассивный фонд памяти.

Разумеется, не всякая тема нашей дисциплины предполагает саму возможность использования подобной методики. Очевидно, например, что все вопросы, касающиеся норм и правил языка, не имеют такого потенциала. Зато обсуждение стилей в опоре на уже имеющийся у студентов школьно-образовательный и социально-практический опыт не исключает совместного моделирования прикладных ситуаций, вариативного перечня такового и пр. – с последующей корректировкой и дополнением вербализированных компонентов преподавателем.

Однако невозможно (по многим причинам) вынести обсуждение функциональных стилей на первые лекционные часы, между тем, активизация творческого усвоения предмета имеет смысл именно как начальный толчок, поддерживаемый в течение семестра. Эту неувязку можно устранить, если начать лекционный курс с вводных лекций типа «Язык и речь», «Речь и действительность», «Диалог и спор» и т.п.

Рассмотрим вкратце некоторые компоненты и конкретные возможности названных тем.

В рамках темы «Язык и речь» уместно, на наш взгляд, выйти к расширенному толкованию этих понятий, то есть рассматривать язык и речь как универсальную коммуникативно-познавательную модель. При этом студенты с легкостью дают достаточно большой перечень «языков», опираясь на общеупотребительные клише (язык математики, программирования, литературы, искусства, взглядов, животных и пр.), и выводят первичное определение языка как «совокупности знаков и норм», а речи как «передачи информации с помощью этих знаков». Необходимо ввести понятие «система» и «заменить» им менее точное – «совокупность». Причем подчеркнуть не только строгую упорядоченность, присущую системе, но и особые возможности *развивающихся* систем, к каковым относятся современные естественные языки.

Параллельно происходит уточнение семиотического понятия речи и его соотношение с понятием язык. Мы можем приписать некой совокупности выявленных знаков

значение языка, но это обязывает нас к реконструкции того или иного высказывания на нем. И наоборот: если мы утверждаем, что какое-то явление культуры или природы «говорит» нам что-то, то надо уточнить представление о языке, о том, что мы принимаем за единицу такого языка. Иными словами говоря, необходимо разграничить языки человеческой культуры от области условного приписывания разнообразным явлениям аналогичной структурности в познавательных, адаптационных или иных целях. При этом становится очевидной и информативная многоуровневость русского языка, к которому неизбежно апеллируют в процессе обсуждения и студенты, и преподаватель как к наиболее известному и понятному образцу.

Описанное дистанцирование от образовательных проблем дисциплины и актуализация самого разного культурного опыта и «школьного багажа» приводит к снятию психологических, эмоциональных блоков в отношении к собственному языку как наиболее занудному школьному предмету (для большинства студентов технической ориентации). Плохо освоенному инструменту, не требующему специальных усилий в бытовой устной практике и вызывающему шквал затруднений в письменной, и т.п. Итоговая продуктивность обсуждения названной темы легко проверяется в подробнейшем совместном разборе и максимально полной экспликации получаемой информации таких шуточных примеров, как «глокая куздра» Щербы или переводы Заходера из «Алисы» Кэрролла (напр.: «Варкалось. Хливкие шорьки // Пырялись по новее // И хрюкательли зелюки // Как мюмзики в мове»). Студенты в большинстве своем обнаруживают в этом случае способность распознавания не только бросающихся в глаза синтаксических, грамматических или фонетических закономерностей, но и тончайших смысловых вариаций целого в зависимости от трактовки частных элементов.

Следующая лекционная тема – «Речь и действительность» – логически вытекает из первой. Очевидно, что лекция посвящена прагматике слова, высказывания, текста как речевых актов. Прежде всего необходимо об-

судить понятие языковой картины мира, непреложную связь нашего говорения не только с имеющимися у нас представлениями о мире, но и характером нашего мироощущения. Последнее имеет константы, обусловленные принадлежностью к культурному поколению, веку, эпохе (замечательные результаты дает сопоставление с архаической картиной мира), и индивидуальные особенности. То и другое, естественно, отражается в речи, остается предоставить студентам возможность вспомнить все им известные стилевые или жанрово-речевые клише и определить их функционально-коммуникативную необходимость, одновременно актуализировав осмысленность их использования.

На данный момент теория речевых актов достаточно тщательно разработана, а следствия этого в большей части усвоены в культуре, то есть вошли в фонд само собой разумеющегося. Еще более полувека назад Дж. Остин (J.L. Austin) обнаружил, что минимальной единицей человеческой языковой коммуникации является не предложение или какое-либо другое выражение языка, а осуществляемые посредством их действия. С помощью языка мы не только указываем на объекты мира и утверждаем что-либо о них, но и спрашиваем, приказываем, обещаем, угрожаем, благодарим, сожалеем и т.д., иначе говоря, осуществляя эти речевые акты, мы можем определенным образом воздействовать на слушающего – убедить, беспокоить, развлечь, напугать и т.д. Эту информацию студенты воспринимают почти как банальную. Но то, что в процессе коммуникации они интуитивно более или менее успешно обращаются к контексту (разной протяженности) в целях распознавания смысла (языкового выражения, данного произнесения языкового выражения, смысла говорящего или смысла слушающего и т.п.), для многих является откровением (не меньшим, чем испытанное мольеровским «мещанином во дворянстве»). Естественно, необходимо совместное толкование термина «контекст», в котором были бы озвучены разные аспекты – вербальный, физический, исторический, социальный, культурный и т.п., а также обсуж-

дение примеров зависимости утверждения от контекста (например, ситуаций, в которых одно и то же предложение оказывается истинным или ложным утверждением).

Особую роль в опознании студентами прагматических аспектов собственной речи играет совместный анализ индексалов – «я», «здесь», «теперь» и др. Причем имеет смысл подчеркнуть, что наша вербальная способность базируется на способности восприятия (идентификации и различения) объектов и состояний мира, то есть проблемы вербализации собственных интенций и понимания чужой речи жестко связаны с проблемой понимания мира. В итоге обсуждения означенных проблем студенты могут оценить их значимость, а сами навыки соотнесения контекста, знания, мнения, текста, языка, смысла и проч. – как условия продуктивности коммуникации с окружающим миром и, соответственно, самоосуществления в культуре.

От вопросов репрезентативности речи логично перейти к следующей лекционной теме – «Диалог и спор», в центре которой проблема продуктивности коммуникации (в более или менее широкоаспектной постановке). При этом, если обсуждая вопросы репрезентативности речи мы опирались на разработки западных ученых, то теперь уместно использовать опыт отечественной науки – работы М. Бахтина, В. Библера, Н.С. Арутюновой и др.

По сути, необходимо уточнить, углубить школьное и стихийное представление о названных понятиях. Уместно, кстати, предложить студентам подготовиться к лекции, то есть дома выписать в тетрадь соответствующие словарные определения, причем, включить нейтральный вариант (обмен репликами), а также сопутствующее (монолог).

Опыт показывает, что обсуждение одного из названных понятий невозможно изолировать от одновременного сопоставительного анализа всех остальных. Выявляя общее и специфическое в определенных парах или группах, аудитория приходит к единому мнению о диалоге как продуктивном взаимодействии разных точек зрения на мир (явление, себя и пр.) и о споре как непримиримом про-

тивостоянии тех самых точек зрения. Причем по ходу обсуждения позиция преподавателя, как правило, находит поддержку среди самих студентов, которые способны аргументировано выступить и выступают оппонентами «спорщикам».

На следующем этапе лекции необходимо, на наш взгляд, поставить вопрос о том, каково должно быть минимальное количество участников диалога или спора, подводя студентов к самостоятельной рефлексии таких явлений, как «диалог с самим собой» и «спор с самим собой». После чего приступить к обсуждению диалогического и монологического типов мышления, а также, при необходимости, разных обстоятельств (контекста) коммуникативного акта (в том числе таких, в которых «спор» единственно возможен и необходим).

Разумеется, имеет смысл насытить лекцию самыми разными по сферам человеческой деятельности и по широте примерами. Например, от диалога (или спора) культур, дистанцированных географически или исторически (как частный пример – объективные и субъективные проблемы общения представителей разных этносов), до повседневной речевой коммуникативной практики. Широкие возможности предоставляет совместный анализ шуток или анекдотов, использующих языковую игру.

Зачастую хорошие результаты в этом плане дает актуальная (во времени и по воспитательным задачам) вербальная рефлексия, осуществляемой в процессе лекции коммуникации между преподавателями и студентами. Квалификация того или иного компонента обсуждения как обмена репликами, спора или диалога является провокационным (по целям) и наглядным способом продемонстрировать общее и разное в совместной деятельности этих трех видов и зависимость выбора одного из них от предварительных условий.

Завершая эту лекцию, необходимо обозначить внутренние и внешние связи проанализированных в течение шести лекционных часов понятий и проблем с актуальными и стратегическими задачами учебной дисциплины «Русский язык и культура речи».

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ Н.А.БЕРДЯЕВА

В.В. ФРОЛОВ, профессор, зав. каф. философии, д. филос. н.,

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ

«Философия свободы» в творчестве русского мыслителя является итогом его философских исканий и представляет собой первую систематическую попытку изложения собственной философской позиции. В период с 1907 по 1910 годы Н.А. Бердяев опубликовал цикл статей, содержательно объединенных темой свободы. В 1911 году он выпустил их отдельной книгой. В своей творческой биографии Бердяев отмечает: «Я вышел от свободы, она моя родительница. Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ. В свободе скрыта тайна мира». (Бердяев Н.А. Философия свободы. – М., 1989, с. 50–51).

В предисловии к «Философии свободы» мыслитель пишет: «Заглавие этой книги требует разъяснения. Философия свободы не означает здесь исследования проблемы свободы как одной из проблем философии, свобода не означает здесь объекта. Философия свободы значит здесь – философия свободных, философия, исходящая из свободы, в противоположность философии рабов, философии, исходящей из необходимости, свобода означает состояние философствующего субъекта» (Бердяев Н.А. Философия свободы – М., 1989, с. 12)

В этой работе выделяется несколько вопросов, раскрывая которые, Бердяев касается проблемы свободы: 1) философия и религия; 2) вера и знание; 3) познание, жизнь, истина; 4) христианство, свобода и смысл человеческой жизни.

Философия и религия

Описывая состояние философии в начале XX столетия, Н.А. Бердяев отмечает два привлекающих внимание обстоятельства. В философии наблюдается кризис, проявляющийся в ее эпигонстве и упадке. Это говорит о том, что философское творчество иссекает. В этом плане мыслитель прав, ибо грандиозные системы классической философии в XIX веке ушли в прошлое, породив множество эпигонских школ.

Итогом эпигонской эволюции классической философии в Европе, по мнению Бердяева, стали три ее основных направления – неокантианство, неогегельянство и неопозитивизм. В сущности, ничего нового в рамках рационалистической традиции, по сравнению с классической философией, западно-европейская философская мысль в конце XIX – начале XX столетий предложить не смогла.

Вместе с тем интерес к философии в обществе не только не увядал, но и усиливался. Стимулировался этот интерес потребностью многих людей с помощью философии переосмыслить свое мирозерцание. Однако философия на переломе веков не обладала необходимыми для этого потенциалами. В эту философию уже никто не верил так, как верили, скажем, в Греции (в эпоху расцвета древнегреческой философской мысли) или в Германии (в эпоху торжества немецкого идеализма). Последним по-настоящему верующим в философию был Гегель. Но немецкий мыслитель обожествил свою философскую систему, возвел философскую гордыню в абсолют и тем самым предопределил ее свержение. Таким образом, происходит «кризис философии, т.е. в корне подвергается сомнению возможность

и правомерность отвлеченной рационалистической философии». (Там же, с. 18)

Кризис современной философии, как считает Н.А. Бердяев, состоит в том, что философия оторвалась от жизни, она стала слишком рационалистической и в силу этого неспособна познать бытие. У философии нет чувства бытия, она утратила истинные источники питания. Философия не может питаться только из самой себя так же, как она не может питаться и одной наукой. Зависимость философии от науки приводит к утрате самостоятельности философии. Выход из возникшего кризиса русский философ видит в отыскании философией своих истоков, корней.

В древности философия и вообще познание были функцией жизни, а жизнь была религиозной. Поэтому истоки древней философии коренились в религии, питание философии было религиозным. «На религиозном питании, на органической связи с народной жизнью была основана философская мудрость Гераклита и Пифагора». (Там же, с. 19). В средние века философия была связана с христианством. Это давало философии приобщенность к живому бытию. Философия Нового времени порывает с религией, уходит от жизни и закрывает себе путь к философскому осмыслению бытия. Между тем, философия способна познать бытие, жизнь лишь при условии органической связи с религией. «Философия может быть лишь органической функцией религиозной жизни. Первые славянофилы, Киреевский и Хомяков, яснее Вл. Соловьева сознавали, что лишь религиозно, а не философски, лишь в полноте жизни, а не в гнозисе достижим универсальный синтез, всеединство, так как свободнее были от рационализма». (Там же, с. 20).

Философия находит свою связь с религией через вселенское, церковное сознание, содержащее вселенскую истину. Только через вселенское сознание познаются тайны жизни. Преодолением рационализма философии, ограниченности логики через отречение от «малого», индивидуального разума достигается большой, вселенский разум, сфера Логоса. Ограниченность малого разу-

ма состоит в том, что он всегда функционирует как часть, противопоставляет субъект и объект. Достоинство вселенского разума заключается в его универсализме, в интуитивном постижении тождества субъекта и объекта. «Истина стяжается жизнью и подвигом, усилием воли и целостным духом, а не одним познанием». (Там же, с. 23). В таком понимании Бердяевым религии как источника, питающего философию и связи философии с жизнью, есть рациональное зерно.

Религия питает философию лишь постольку, поскольку связывает ее со вселенским, космическим разумом. Этот разум олицетворяется в Логосе, который согласно многочисленным религиозным, философским и научным источникам представляет собой воплощение законов космоса. Таким образом, философия обретает жизненную силу через постижение Логоса, проявлением которого выступают законы бытия, гармония мира.

Так философия может открывать тайны бытия, тайны жизни. В сущности, философия опирается на знание. Но знание это высшего порядка, знание самой глубокой сущности. Оно не частично, а универсально и опирается не на логику, а на интуицию. Вместе с тем Н.А. Бердяев признает необходимость рационального познания как познания, дополняющего интуитивное постижение вселенской истины, зерна которой составляют тайны бытия.

Вера и знание

Н.А. Бердяев рассматривает три варианта взаимоотношения веры и знания: 1) верховенство знания и отрицание веры; 2) верховенство веры и отрицание знания; 3) дуализм знания и веры. Первый тип взаимоотношения веры и знания опирался на ярко выраженный рационализм, характерный для мировоззрения европейской интеллигенции XIX века. Вера во всеильное знание в этот исторический период достигла апогея. Среди значительной части интеллигенции считалось хорошим тоном освободиться от пережитков прошлого, одним из которых, как полагали многие, была вера в Бога. Ос-

вобождение от религиозной веры позволяло, по их мнению, построить мировоззрение на чисто рационалистических основаниях.

К людям научного сознания относились Огюст Конт, Герберт Спенсер и Карл Маркс. Конт верил в человечество, Фейербах – в религию любви, Спенсер – в мировое развитие, а Маркс верил в социализм, в будущее общество. Все они отрицали религиозную веру. Однако верили в такие вещи, которые также, как объект религиозной веры, невозможно увидеть и показать.

Объекты религиозной веры и объекты веры научного сознания принципиально различаются. Также принципиально различны вера религиозная и вера нерелигиозная. Вера нерелигиозная, научная, возникает, когда положения и выводы науки носят гипотетический характер и в процессе научного познания могут либо отбрасываться как заблуждения, либо уточняться, доказываться и таким образом превращаться в научную теорию. В этом отношении нерелигиозная вера стимулирует научное познание, формирует предпосылки продвижения ученого к истине.

В то же время Н.А. Бердяев отмечает одно общее качество веры религиозной и веры в положения науки. Это самое психологическое состояние веры, которое не упраздняется, а сохраняется, остается в силе. Существование Бога и вера в Бога не могут быть доказаны, также как не может быть доказана вера в исходные положения науки. Поэтому, несмотря на широкое распространение рационализма и позитивизма, научное мировоззрение переживает кризис. «От веры в единую, всеобъемлющую, догматическую науку, постигающую тайну мирового механизма, от веры в материализм, в механизм, в эволюционизм и проч. не остается камня на камне. А с другой стороны, философия и гносеология выяснили, что наука сама по себе не может обосновать, не может укрепить себя в пределах точного знания. Сами первоосновы науки требуют иного, философского обоснования. Своими корнями наука уходит в глубь, которую нельзя исследовать просто научно, а верхами своими наука поднимается к небу». (Там же, с. 41).

Второй этап взаимоотношения веры и знания, в рамках которого вера ограничивает знание, почти не получил сколько-нибудь заметного распространения и не заслуживает внимания в силу своего мракобесного характера.

Господствующим, по мнению Н.А. Бердяева, является третий тип взаимоотношения знания и веры – дуалистический. Это компромиссный вариант, признающий и знание, и веру, но в известных пропорциях, с ограничениями. В результате живой Бог оказался утерянным. Вместо живого Бога стали изобретать, выдумывать богов. «Этот роковой процесс смерти живого Бога в человеческом сознании нашел свое гениальное выражение в философии Канта, духовно властвующего и до сих пор над европейским сознанием. Именно Кант философски формулировал эту оторванность от живых истоков бытия, это бессилие воспринять живое конкретное бытие и живого конкретного Бога. Человек остался одиноким сам с собой, перед бездной пустоты, отрезанным от живой конкретности». (Там же, с. 43–44). В силу этих причин учение о противоположности знания и веры требует пересмотра.

Что такое вера и знание для Н.А. Бердяева? «Вера есть обличение вещей невидимых. ...Знание ... обличение вещей видимых». (Там же, с. 44–45). Видимые вещи даны в жизни человека принудительно, они как бы насилуют его, и человек в их выборе несвободен. Так, человек должен есть, пить, иметь одежду, жилье и т.д. Знание об этих вещах принудительно, а религиозная вера свободна.

Вместе с тем между знанием и верой наблюдается единство. Знание по мнению Бердяева, опирается на опыт, а опыт сам по себе не может дать знанию необходимые доказательства его достоверности. Непосредственный, необработанный логикой опыт содержит много таких предпосылок, которые принимаются на веру. Исходные предпосылки знания, непосредственно данные в опыте, рационально недоказуемы, и в них верится.

У ученого, также как и у человека религиозного, возникает психологическое со-

стояние веры. «С нашей точки зрения, и знание предполагает веру, оказывается формой веры, но веры элементарной и неполной, веры в низшую действительность. Знание есть доверие к ограниченному, земному кругозору... Вера есть тоже знание; знание через веру дается, но знание высшее и полное, видение всего, безграничности». (Там же, с. 53). Поэтому противоположность знания и веры, представленная тремя различными типами позиций, носит поверхностный характер. В действительности, отмечает Бердяев, знание есть вера, вера есть знание. Мир знания и мир веры разделены условно и даны как разные порядки, но они могут быть сведены к единству.

Итак, по мнению Н.А. Бердяева, научное знание и религиозная истина равноправны, так как необходимы для формирования воззрения человека на мир. Таким их положением определяется и связь этих истин с философией. Без религиозного питания философия чахнет, засыхает и превращается в паразита. В то же время философия не может обойтись без научного знания. Однако религиозная вера для философии также как и для науки – это не абсолютное исходное основание, а свет божественного, космического разума. Этот разум не ограничивает философию в ее изысканиях и не ставит науке каких-то жестких пределов. Божественный разум лишь просветляет, преображает истины философии и истины науки, делает их более полными и жизненными.

Познание, жизнь, истина

Недостаток всей рационалистической теории познания, берущей начало от Канта, состоит в ее оторванности от бытия, от жизни человеческого духа. В границах такой теории субъект вырывается из бытия, становится над бытием и утрачивает связь с жизнью. В результате философия замыкается в своих собственных рамках и вынуждена ограничиваться в своем развитии лишь собственным потенциалом.

Между тем такое представление о природе философии, как считает Бердяев, не соответствует реальности. Философия жизнеспособна и может продуктивно развиваться

лишь внутри бытия, будучи его функцией. Этот принцип распространяется и на познание. Как мышление не может быть противоположно бытию и отделено от него, так и познание нельзя противопоставлять бытию и отрывать от действительной жизни духа.

В соответствии с такой позицией Н.А. Бердяев объясняет природу знания и познания. Знание, как и познание, есть функция самого бытия, его внутреннее качество. Посредством знания бытие самораскрывается, расчленяется и оформляется. Знание (и познание) является моментом бытия, его жизнью. Акт познания – это акт творения бытия, а процесс познания – процесс развития, совершенствования бытия. «Знание есть путь от хаоса к космосу, от тьмы к свету, и не потому, что познающий субъект своим трансцендентальным сознанием оформливает бытие и распространяет на него рациональный свет, а потому, что само бытие просветляется и оформляется в акте самопознания». (Там же, с. 80). «Знание потому есть жизнь самого бытия, и потому в самом бытии происходит то, что происходит в знании, потому так, что в познающем субъекте и в познаваемом объекте, в мышлении и в бытии живет и действует тот же универсальный разум, Логос, – начало божественное, возвышающееся над противоположностями». (Там же, с. 81).

Таким образом, предпосылки теории познания нужно искать не в науке о духе, а в самой жизни духа, в самих силах бытия, в живом опыте сознания. Эта позиция противоположна германскому идеализму, который показал «бессилие диалектической мысли в конечных ее выводах, ... обнаружил саморазложение разума как начала рационалистического». (Там же, с. 74). Лишь субъект, оторванный от жизни духа, может сделать такие выводы. Субъект, живущий в недрах бытия, устремлен к активному созиданию ценностей в самом бытии, совершенствованию своей природы и окружающего мира. Такое состояние субъекта совершенно особое. Оно трудно выразимо философским языком, в котором каждое понятие требует уточнения и определения.

Язык рационалистической философии затрудняет разговор людей по душам, осложняет истинное философствование. У людей одной веры смысле слов не оговаривается. Они понимают друг друга, ибо в их словах живет Логос. Высшим выражением познания является любовь. «Любовь к Богу и есть познание Бога, любовь к миру и есть познание мира, любовь к человеку и есть познание человека». (Там же, с. 83).

Рационалистическая теория познания существует не потому, что ее сконструировали философы. Эта теория существует как признак самого бытия, она имманентна бытию. Свобода бытия привела к отпадению от Абсолютного Разума. В результате бытие оказалось греховным, пронизанным болезнью, которая проявляется в рационализме. Поэтому рационализм – это состояние самого бытия, больного и испорченного. Рационализм можно преодолеть не новой теорией познания, а переходом к новому бытию. Главным признаком этого бытия являются единство, слитность, тождество субъекта и объекта, малого разума, человеческого и разума универсального, космического.

Путь познания универсального разума – интеллектуальная интуиция, проявление благодати, схождение Бога в существо мира. Связь человеческого разума с Разумом абсолютным никогда не прерывалась. Мировая история философии показывает, что вечная связь человеческого разума с Абсолютным тянется через всю историю философского самосознания человечества.

Задача истинной философии состоит в развитии и раскрытии этой вечной связи. Такой путь развития философии и вытекающий отсюда способ философствования является действительно истинным потому, что «... в основе мышления и в основе бытия лежит тот же Логос, Логос – субъект и объект, тождество субъекта и объекта. Все великие философы древнего и нового мира признавали Логос как начало субъективное и объективное, как основу мышления и бытия». (Там же, с. 119). «Всякое знание абсолютного бытия есть акт самоотречения отпавшего индивидуального разума во имя Ра-

зума универсального, и благодать интуиции дается этим смирением, отказом от самоутверждения в состоянии отпавшем от Логоса. Мы признаем абсолютную действительность, лишь приобщаясь к абсолютному Разуму, преодолевая оторванность которая отражается в индивидуалистическом эмпиризме и рационализме». (Там же, с. 20).

Такая позиция по-новому освещает вопрос о споре между верой и знанием. Вера, пропущенная через призму интуиции, расширяет сферу знания, раскрывает знание вещей высшего порядка, знание полное Утверждения науки истины, когда раскрывают законы природы. Но когда наука отрицает сверх естественное, иные меры, то ее суждения ложны. Низших истин нет. Истины веры и истины науки равны. Единственное, что дает вера, – это созерцание общих идей, благодатное расширение опыта.

Христианство, свобода и смысл человеческой жизни

Существенный недостаток рационалистической теории познания, по мнению Н.А. Бердяева, состоит в разорванности отношений субъекта и объекта, в отрыве познания от жизни духа. Но этот недостаток – не только гносеологический он – свойство самого бытия, признак его испорченности, греховности. Причина греховности бытия имеет характер космический. Она заключается в том, что мировая душа в своем свободном проявлении отпала от Бога, и поэтому все в мире несут ответственность за ее грехопадение. В этом – исток испорченности бытия, причина появления зла в мире.

Для объяснения этого качества бытия важно понять, что существует абсолютное бытие и небытие. Абсолютное, полное бытие есть божество положительное всеединство, вне которого нельзя мыслить никакого бытия. В абсолютном бытии пребывает идеальный космос, где осуществлено совершенное, настоящее, подлинное бытие, а не его фальсификация. Небытие – это злая пустота, переживаемая и испытываемая человеком. Зло не является антитезой бытию, а лишь занимает в нем призрачное фиктивное

место. Зло должно быть вытеснено из бытия, изничтожено, изобличено во всем своем ничтожестве и поддельности.

Бытие и небытие невозможно сопоставлять, так как они не находятся в одной плоскости. Бытие – абсолютно, небытие – относительно. «Зло есть то нарушение иерархической соподчиненности, после которого первый в небесной, ангельской иерархии становится сатаной, дьяволом. Кроме Бога и творения ничего и нет; путь зла есть путь творения, отпавшего от Бога и погнавшегося за призраком своего оторванного бытия». (Там же, с. 136). «Зло – не особая стихия, а превращение всякой стихии в небытие, подмена подлинных реальностей фиктивными, оболгание всех стихий бытия». (Там же, с. 137). Поэтому, как это ни парадоксально, зло – это продукт свободы, результат свободного выбора мировой душой своего собственного пути. Но свободно выбрав безбожие, путь зла, люди сразу же свободу потеряли, ибо попали под давящее и насилующее воздействие внешней необходимости.

Свобода изначально присуща космосу, всему тварному бытию. Она – основа совершенства и добра. Только свободной любовью к Богу, людям, природе человек может достичь совершенства и воссоединиться с абсолютным бытием. В этом бытии не существует насилия. Оно устроено свободно. У каждого человека есть возможность свободным усилием духа осуществить божественную гармонию. В высшем смысле человек свободен, когда он соединен с Богом. Поэтому, рассматривая человеческую историю, Н.А. Бердяев видит ее исходный пункт в отпадении мировой души от Бога. Смысл истории заключается в искуплении греха и возвращении творения к Богу, оттеснении зла в сферу небытия и свободном воссоединении творения с абсолютным бытием. «История есть разоблачение обмана, выявление подлинных реальностей и их окончательное отделение от лжи... Если начальным в мировой истории была свобода выбора добра и зла, то конечным будет свобода утверждения добра, так как зло будет создано как

окончательное рабство». («Философия свободы» с. 139)

Итак, Н.А. Бердяев определяет свободу в трех значениях, каждое из которых является необходимым для понимания смысла человеческой жизни. Свобода лежит в основании человеческой истории, ибо человек своей свободной волей избрал путь самости и эгоизма, безбожия и зла. Освободив себя от ответственности перед Абсолютным Разумом, человек оказался в сетях насилия. Иными словами, освободившись, он закабалил себя, попал в рабство. Но он способен из этого рабства вырваться, если того добровольно захочет и если своей свободной волей устремится к слиянию с Абсолютным Разумом, Богом. Освобождение человека от пути зла и насилия есть путь двуединый. Это ниспослание божественной благодати человеку и устремленность человека к своему творцу, его свободная любовь к Богу и ко всему сущему. Поэтому смысл жизни человека состоит для Н.А. Бердяева в том, чтобы всеми силами способствовать совершенствованию своей природы и окружающего мира, одухотворению материи. Идеалом свободы выступает человеческая природа, соединенная с божеской. Поэтому подлинную свободу человек может обрести, лишь добровольно и с любовью, следуя в своей жизни вере в Абсолютный Разум, которая вознесет его к светлым тучам божественной благодати. Но для этого нужно жить, а не умирать. Жить активно, дерзновенно, творчески преображая старый мир (мир зла, насилия и тьмы) и создавая новый мир – мир добра, свободы и света.

Духовная устремленность Бердяева к свободе является его судьбой. И мыслитель шел к ней всю жизнь. Уже в молодости сердце философа было открыто свободе. Вспоминая свою жизнь в семье родителей, Бердяев отмечает, что там совершенно отсутствовала авторитарность. «Я не помню, чтобы меня когда-либо наказывали... Мне свойственна изначально свобода», – пишет философ в своей творческой автобиографии «Самопознание» (с. 26). «Я никогда не соглашался отказаться от свободы и даже уре-

зять ее, ничего не соглашался купить ценой отказа от свободы. Но я всегда знал, что свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание. Свобода не легка, как думают ее враги, клеветующие на нее, свобода трудна, она есть тяжелое бремя». (Там же, с. 51). И последняя, чрезвычайно характерная мысль Бердяева о свободе, раскрывающая его позицию: «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. Само состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности, нерешительности, даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан, и когда я иду творческим путем. С свободой связана тема о человеке и творчестве». (Там же, с. 56).

СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА

Творчество и свобода – две ипостаси человеческой жизни. Свобода – предпосылка, условие и цель творчества. Освобождая себя и собирая силы для творчества, человек освобождается от зла. «Выход из рабства в свободу, из вражды «мира» в космическую любовь есть путь победы над грехом, над низшей природой». (Бердяев Н.А. Смысл творчества. Соч. – М, 1989. – С. 255).

Философия и творчество

Н.А. Бердяев скептически относился к возможностям рационального познания, и поэтому считал, что философия есть не наука, а особая область культуры. Наука обладает своей спецификой. Она познает необходимость. Стихия науки – необходимость. Поэтому наука – это послушание необходимости. Специфика философии – в познании свободы и познании из свободы. Философия всегда стремилась освободить человека от необходимости. «Философия есть искусство познания в свободе через творчество идей, противящихся мировой данности и необходимости и проникающих в запредельную сущность мира». (Там же, с. 269).

Способом философского постижения мира выступает интуиция. Философская интуиция изначальна. Она предшествует всякой логике, хотя и пользуется логикой в качестве своего подчиненного инструмента. Такая интуиция позволяет воспринимать вещи в их универсальности. Н.А. Бердяев понимает познание как качество самого бытия. Поэтому философское познание не противостоит бытию, а составляет функцию самого бытия, самой жизни. Познающий субъект, философ – это активный деятель, создающий бытие и осветляющий его недра солнечными лучами знания. Философ не должен сомневаться, так как сомнение делает его зависимым от множественности мира.

Необходимая предпосылка философского познания – избирающая любовь. В любви сомнение прекращается, и универсальная природа вещей открывается во всей ее глубине и объемности. Понимая так философское познание, Н.А. Бердяев воссоздает свой образ философа: «Философ может быть более всех приобщен к соборному, вселенскому разуму, но он может быть одинок и не понят среди людей, разобщенных с этим разумом и потому отвергающих общеобязательность его дела. Критерии соборности, общности, вселенности не есть критерий количественный, критерий большинства. Соборность есть качество сознания... Призванный философ не согласится понизить качество своего дела в мире – он ждет, чтобы до больших высот дошел уровень духовной общности и чтобы в соответствии с этим изменился критерий общеобязательности. Первородную свободу преступно уступать требованиям необходимости. Большинство может быть более приобщено к разуму вселенскому, чем большинство, и поэтому философия не должна быть непременно для всех, не приобщенных, не должна опускаться до минимума, которому дано имя «научность». Во все времена по-разному философы отстаивали свою самостоятельность и свое противление мировой данности, говоря, что цель их познания – свобода, а не природа, дух, а не материя, ценность, а не действительность, смысл, а не необходи-

мость, сущность, а не являющееся. Философия, как и всякий творческий акт, устремлена к трансцендентному, к переходу за грани мировой данности. Философия не верит, что мир таков, каким он нам по необходимости навязан». («Смысл творчества», с. 274–275). «Философ – свободный, не зависимый от «мира», ни к чему не приспособляющийся человек. Философ не может служить государству или политическим партиям, академиям или профессиональным целям. Философ не может служить благу людей, не может быть на службе у людей и у частных целей человеческих. Говорю о философии как о творческом акте, а не как системе приспособления». (Там же, с. 291).

Философия может сделать человека причастным к Логосу, к всечеловечеству. Однако для этого человек должен приложить творческие усилия и через философскую интуицию соединиться со вселенной. Интуиция в философии не произвол. Доверять можно не каждой интуиции, а лишь той, которая связана с познанием сущего. Но это не означает, что сущее, смысл бытия лишь в познании создается. Истинно сущее в творческом познании только развивается, возрастает. Человек, принадлежа двум мирам (земному и Божественному), через философское познание выходит в мир абсолютного бытия. Поэтому философия – это искусство, ибо философия занимается творчеством. Но философия отличается от поэзии, музыки и живописи тем, что представляет собой искусство познания. «Философия есть искусство познания через творчество идей, противящихся мировой данности и необходимости и проникающих в запредельную сущность мира». (Там же, с. 269).

Стремление философии состоит в том, чтобы постигнуть смысл мира, чтобы противостоять, противиться бессмыслице мировой необходимости. В человеческой истории факт слияния земного и Божественного бытия человека воплощен в явлении Христа. Это, как полагает Н.А. Бердяев, – основной факт антропологии. Христос восстановил человеческую природу, поврежденную грехом и отпадением от Бога. Хри-

стос показал путь человека в земном мире. Человек принадлежит к царству свободы и поэтому является существом богоподобным, обращен к творчеству. Именно в творчестве, изначально свободном, раскрывается подлинная природа человека. Поэтому человек – необходимая предпосылка философского творчества. Предпосылка вселенская, космическая, а не чисто психологическая. Источником познания сущего выступают космические состояния человека, оказываясь в которых, он сливается с абсолютным бытием и постигает его смысл. Отсюда и философия является откровением. Но не откровением Бога, а откровением человека, причастного к Логосу, абсолютному бытию. «Философия есть откровение премудрости в самом человеке, через его творческое усилие. В подлинных философских интуициях и прозрениях человек соединяется со вселенной, антропологизм – с космизмом». (Там же, с. 289).

Человек, бытие, творчество

Абсолютной предпосылкой философского познания является акт исключительно самосознания человеком своего значения. Истинное значение человека заключается в том, что человек – это не замкнутое существо. Он космичен по своей природе. «Человек – малая вселенная, микрокосм – вот основная истина познания человека... Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться, им познаваться и постигаться потому только, что в человеке есть весь состав вселенной, все ее силы и качества, что человек – не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная». (Там же, с. 295).

Такое представление о мире и человеке определяет понимание познания этого мира. Поскольку человек и космос равнозначны, постольку человек познает космос через себя. В этом плане философия, выражаясь словами Н.А. Бердяева, есть внутреннее познание мира через человека. Таким образом в человеке открывается абсолютное бытие, которому противостоит относительное бытие, то есть окружающий человека мир. Благодаря такому состоянию, человек

оказывается точкой пересечения двух миров. Вместе с тем Н.А. Бердяев критически оценивает позицию гуманизма, сторонники которого понимают человека как цель природы. Такое положение человека ввергает его в состояние богооставленности.

Гуманизм поэтому представляет собой идеологию природного, зависимого человека. Именно в природном мире гуманисты стремятся найти счастье человека. Они отвергают Бога и стремятся обоготворить человека. Гуманизм отвергает понимание человека как подобие Абсолютного Божественного бытия и трактует человека как одно из преходящих явлений природы. Поэтому гуманизм в своем крайнем выражении отрицает подлинного человека и перерождается в антигуманизм. «Пафос всякого гуманизма – утверждение человека как высшего и окончательного, как Бога, отвержение сверхчеловеческого. Но лишь только отвергается Бог и обоготворяется человек, человек падает ниже человеческого, ибо человек стоит на высоте лишь как образ и подобие высшего божественного бытия, он подлинно человек, когда он сыновок Богу. Человек не может быть только отцом, отцом своих детей, будущих человеческих поколений, он должен быть и сыном, должен иметь происхождение, должен иметь корни своей природы, уходящие в абсолютное бытие и вечность». (Там же, с. 321). До этой крайней формы гуманизм был доведен К. Марксом, отрицавшим самоценность человеческой личности и видевшим в человеке лишь функцию материального производства. В учении Маркса гуманистическая антропология приходит к кризису, ибо человек в этом учении истребляется во имя идеи социализма и пролетариата. Пролетариат в марксизме обожествляется, представляется новым богом. Свое завершение кризис гуманизма нашел в философии Ницше.

С христианской точки зрения, человек имеет истинную ценность только как подобие Бога. Однажды вступив на путь греха и самости, человек должен покаяться, искупить грех и таким образом спастись. Однако, с точки зрения Н.А. Бердяева, толь-

ко этим не исчерпывается жизненная задача человека. Чтобы реализовать свою истинную сущность, человек должен жить для творчества. Поэтому цель человеческой жизни и ее смысл – в творческом восхождении, которому предшествуют покаяние, искупление и спасение. В эволюции человека от покаяния и искупления к активному, творческому восхождению состоит, по мнению Н.А. Бердяева, подлинное значение образа Христа. С одной стороны, Христос предстает перед человеком как страдающий и жертвенный, распятый за грехи мира, а с другой – как прославленный и могучий. Творчество человека, окончательная тайна его природы обращены к Христу грядущему, к силе и славе абсолютного человека, образ которого воплощен в Христе. В процессе творчества раскроется подобие человеческой природы Творцу.

Поэтому для Н.А. Бердяева подлинное творчество есть действие, совместное с Богом. Бог создал человека из-за тоски по его отсутствию, а человек не может жить истинной жизнью без любви к Богу. Такова космическая потребность Бога в человеке, а человека в Боге. В этом состоит тайна христианства. Поэтому Бог близок человеку прежде всего своей человечностью. «К Богу – страшному повелителю, самодержавному хозяину – не может быть интимного отношения. Интимность возможна лишь в отношении к Богу как человеку, т.е. к Христу. Через Христа Бог перестает быть для нас хозяином, господином и повелителем, и промысел Божий перестает быть самодержавием. Начинается внутренняя, совместная, интимная жизнь человека с Богом, сознательная причастность человека к Божественной природе... Нельзя верить в Бога, если нет Христа. А если есть Христос, то Бог не хозяин, не господин, не самодержавный повелитель – Бог близок нам, человекен, Он в нас и мы в Нем. Бог сам человек – вот величайшее религиозное откровение, откровение Христа». (Там же, с. 362).

Истинное творчество предполагает своей безусловной предпосылкой свободу, представляющую основу всякого бытия, ибо она глубже бытия. Но до рационально ощу-

тимого дна свободы дойти невозможно, так как свободу нельзя ни из чего выводить и ни к чему сводить. Дно свободы есть его последняя тайна. Вместе с тем свобода не является царством произвола и случая. Она имеет положительное содержание. Свобода, как считает Н.А. Бердяев, есть мощь духа творить не из природного мира, а из себя. Свобода в своем положительном значении и есть творчество. Человеку изначально, субстанционально присуща творческая, свободная энергия. Но эта энергия не замыкается в человеке, ибо в самой природе человека есть бездонно глубокие родники. «Подлинная свобода, – пишет философ, – есть выражение космического (в противоположность хаотическому) состояния вселенной, ее иерархической гармонии, внутренней соединенности ее частей. Космическое всегда есть свободное, в нем нет внутренней необходимости, нет тяжести и давления, нет материализации одной части для другой. В космосе все живо, ничего не инертно, не отяжелено, не принуждает своей материальностью». (Там же, с. 374). Поэтому зрелая человеческая воля в своих проявлениях, освобождаясь от материальной необходимости, выходит из себя в космическую жизнь. Это дает возможность индивиду утвердить себя в космическом универсализме. В то время, как индивидуализм сам по себе является бессодержательной, отрицательной пустотой. В строгом смысле слова индивидуализм представляет собой противоположность универсализму, выступает результатом отпадения человека от космоса и приводит его к самообоготворению.

Формы проявления творчества

Творчество реализуется в различных формах. Одной из таких форм выступает взаимоотношение полов. В космосе, как и в человеческом обществе, существует разделение мужского и женского начал. «Душа мира – земля – женственна по отношению к Логосу – светоносному Мужу и жаждет соединения с Логосом, принятия его внутрь себя». (Там же, с. 402). В земном мире мужское есть начало человеческое, а женское –

начало космическое. Задача мужского и женского начал состоит в таком их соединении, которое в конечном итоге могло бы привести к возникновению Человека как образа и подобия Божьего. Эта цель достижима лишь одним способом – через вселенскую любовь.

Свое подлинное воплощение творчество находит в любви. Любовь ни в коей мере не может сводиться к сексуальному акту, ибо она – явление не от «мира сего». Ее невозможно упорядочить. С ее помощью нельзя «устроиться» в мире. Любовь – не здешний цветок. Она гибнет в среде материальной необходимости.

В отличие от любви (чувства космического, вселенского) институтом земного благоустройства биологического и социологического характера является семья. С точки зрения Н.А. Бердяева, семья регламентирует взаимоотношения полов и обрамляет их рамками эмпирической необходимости. В семье сексуальный акт приобретает законную основу. Семья, таким образом, регулирует половые отношения. Но в семье регулируются также экономические, материальные отношения полов. Поэтому семья в полной мере не вмещает в себя любви, так как любовь не вмещается ни в какие категории. Любовь – что творческое дерзновение, творческий акт. Именно в любви утверждается личность, ее уникальные, неповторимые черты. «Любовь – свободное художество. В любви нет ничего хозяйственного, нет заботы. И свобода эта покупается лишь жертвенностью. Свобода любви – истина небесная». (Там же, с. 428).

Вечная, новая жизнь человека творится в любви. Поскольку природа любви носит космический характер, то встреча любящего с любимым происходит в Боге. Любовь как явление космическое приобщает к космической иерархии. Истинная любовь есть путь, следуя по которому, человек раскрывает в себе образ и подобие Бога. Однако подлинный брак выпадает немногим и совершается немногими. «Любовь всегда космична, нужна для мировой гармонии, для божественных предназначений. Поэтому

любовь не должна бояться порождаемых ею страданий. Из космической природы любви неизбежен вывод, что любви неразделенной, односторонней не может и не должно быть, ибо любовь выше людей. Неразделенная любовь – вина, грех против космоса, против мировой гармонии». (Там же, с. 431). Поэтому смысл любви сводится к новой жизни, творческому восхождению личности, к устроению гармонии мира.

Сущность творческого акта в наибольшей мере раскрывается в художественном творчестве, находящем воплощение в сфере искусства. Художественное творчество возвышается над необходимостью. Воспринимая мир через красоту, художник прорывается через необходимость и видит мир просветленным и освобожденным. Красота в мире может восприниматься, а творчество может осуществляться только в условиях свободы. По своей природе художественное творчество не является отражением действительности, но всегда прибавлением к ней чего-то еще не бывшего. Творчество поэтому онтологично, а не психологично. Цель художественного творчества, всего мирового процесса – высшее бытие, красота. Она внутренне присуща космосу. Поэтому заповедь новой эпохи состоит в том, чтобы постоянно творить красоту и жить в красоте. «За неисполнение заповеди красоты возможны адские муки». (Там же, с. 456). «Ибо красота есть великая сила, и она мир спасет». (Там же, с. 459).

Творчество осуществляется на основе определенной морали. Традиционная христианская мораль в своих представлениях отталкивается от принципа греховности мира, лежащего во зле. Поэтому христианская мораль проповедует терпение и покорность. Пафос этой морали – скромность положения и малые дела, направленные на приспособляемость человека к условиям материальной необходимости. Однако цельная этика жизни, как считает Н.А. Бердяев, не может быть построена на одном смирении, послушании и искушении. Они необходимы, но лишь как моменты пути, цель которого – творчество новой жизни. В моральной жизни человек

жаждет творить новое, высшее бытие. Творческая мораль строится на заботе о творческом восхождении. «Творческая мораль индивидуальна и космична, в ней творческая энергия индивидуальности переливается в космос, и космос наполняет собой индивидуальность. В творческой морали личное переживается как мировое и мировое как личное. Для нее перестает быть интересным банальный и элементарный вопрос об эгоизме и альтруизме. Есть божественная правда не только в любви к другому, но и в любви к себе. Христос заповедал любить ближнего, как самого себя, т.е. и самого себя любить, как образ и подобие Божье». (Там же, с. 475). Новая мораль направлена на освобождение человека от чувствования себя волом. Она направлена на жизнь в Духе.

Такая мораль предопределяет новое отношение к обществу, суть которого – в общении, в любви, духе и свободе. С этой точки зрения, равенство есть зло, ибо оно отвергает величие индивидуальности. На признании значения индивидуальности зиждется принцип иерархичности космоса. Иерархизм и аристократизм в истинном их значении всегда противоположны демократизму и внешнему иерархизму общественный положений. Новое общество возникнет не из ветхих элементов старого, а из личностей, возрожденных в Духе. В новом обществе окончательно раскроется божественность человека и его творчества. Это качество человека носит глубинный характер и определяется тем, что «человек – не только малая вселенная, но и малый Бог. Человек несет в себе двойной образ и подобие – образ и подобие вселенной и образ и подобие Божье». (Там же, с. 519).

СМЫСЛ ИСТОРИИ

О сущности исторического

Приступая к рассмотрению смысла истории, Н.А. Бердяев предлагает читателю обратиться к пересмотру сановных вопросов философии истории и прежде всего – сущности «исторического». В отношении к историческому мыслитель выделяет три периода. В

границах первого периода историческое воспринимается через призму непосредственно, целостного, органического пребывания субъекта в определенном историческом строе. В этот период человеческая мысль статична и не способна схватывать динамичность объекта исторического познания.

Второй период отношения к историческому характеризуется раздвоением, расщеплением субъекта и объекта познания, рефлексией исторического познания. Субъект выводится из той жизни в которой он пребывал. Происходит разобщение между «историческим» и познающим субъектом. Сущность «исторического» от субъекта отделяется. Чтобы преодолеть раздвоение «исторического» и познающего субъекта, следует приобщиться к тайне «исторического». «Нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу, к внутренней душе истории для того, чтобы осмыслить ее и построить настоящую философию истории» (Бердяев Н.А. Смысл истории. – М., 1990. – С. 6). Таков третий период отношения к историческому, период возвращения к историческому.

Особое место в концепции истории Н.А. Бердяева занимает человек. Он – существо в высшей степени историческое. Человек и историческое взаимосвязаны, сращены. Человека нельзя выделить из истории и взять абстрактно. Также как и историю нельзя рассматривать вне человека. Поэтому подлинная философия истории возможна лишь при условии глубокого тождества между исторической судьбой человека и судьбой всего человечества, глубоко родной каждому человеку. В судьбе истории человек должен увидеть свою судьбу, а в своем судьбе – судьбу истории. Такой путь открывает тайну истории, величайшие духовные судьбы человечества.

История представляет собой не голый фактический материал, а духовную реальность, познаваемую через историческую память. Историческое в таком свете духовно преобразуется, одухотворяется. Историческая память уясняет внутреннюю связь, душу истории. Таким образом, философия ис-

тории есть одухотворение и преобразование исторического процесса через историческую память. Человек приобщается к судьбам истории через приобщение к ним судеб своего индивидуального духа. Такое приобщение духовное, слияние человека и истории возможно потому, что человек – эта малый космос. Он содержит в себе в свернутом, нераскрытом виде все свойства и качества Макрокосмоса, в нем отражаются все великие исторические эпохи.

С точки зрения христианства, история является процессом, в центре которого стоит факт явления Христа. В этом смысле история идет к своему центру – явлению Христа и от своего центра – явления Христа. Через этот принципиальный исторический факт христианство раскрыло выход вечного во временное, показало их нераздельность.

Поэтому Н.А. Бердяев различает историю земную и историю небесную. История небесная им понимается как глубинная, внутренняя жизнь духа, развертывающаяся в земной жизни, в земной человеческой судьбе и судьбе человечества. Отсюда и философия истории должна опираться на раскрытие небесной истории, на выявление связи, единства истории небесной и истории земной. «Основной вывод всех моих чтений о сущности истории, о сущности философии истории тот, что не может быть противоположения человека и истории, духовного мира человека и великого мира истории. Такое противоположение есть омертвление человека и омертвление истории. Метафизика истории, к которой мы должны стремиться, рассказывает не об истории как объекте внешнем, объекте и предмете познания, который остается для нас объектом внешнего предметного мира, метафизика истории есть вхождение в глубину истории, во внутреннее ее существо, это есть раскрытие истории, сама она, ее внутренняя жизнь, ее внутренняя драма, ее внутреннее движение и свершение». (Там же, с. 33)

О небесной истории. Бог и человек

Итак, пролог человеческой истории – на небе. Именно там задана ее тема, там по-

ставлен вопрос об отношениях между Богом и человеком. В истории философии, отмечает Н.А. Бердяев, распространено представление о Боге и человеческом мире как двух самостоятельных сферах. Одна – сфера божественного. Она едина и неподвижна в своем абсолютном совершенстве. Другая – сфера человеческого. Она множественна и противоречива. Однако такой взгляд разрывает связь между Божеством, которое характеризуется подлинным существованием, и миром человека, полным трагических конфликтов. Такой же позиции придерживается и официальное христианство, считающее, что на природу Божества не распространяется принцип движения и трагической судьбы. Между тем, полагает Бердяев, этот взгляд выражает внешнюю сторону христианского учения. В то время как его внутренняя сторона, его сокровенная истина, состоит в признании внутренней трагедии движения в Божественной жизни.

Сама возможность движения в природе Бога обусловлена тем, что в глубине Божественной жизни открывается сокровенная тайна. Это «...внутренняя страстная жажда Божья, внутренняя тоска по своему Другому, по тому Другому, который может быть для Бога объектом величайшей, беспредельной любви, тоска Божья и любовь к тому Другому и беспредельная жажда получить от Другого взаимность, быть любимым. Эта внутренняя трагедия любви Божьей к своему Другому и ожидание ответной любви и есть та сокровенная тайна Божественной жизни, с которой связано творение жизни и творение человека. И в троичном понимании Бога второй лик Божественной Троичности, лик Сына Божьего, понимаемый как беспредельная любовь, и есть сердце – вина как Божественной трагедии, так и трагедии мировой, и судьбы мировой». (Там же, с. 38–39).

Таким образом, жизнь Божественная внутренне родственна жизни человеческой, а тайна Христа является тайной отношений между Богом и человеком. Эта тайна, по мнению Н.А. Бердяева, заключается в рождении Бога в человеке и человека в Боге. Христос объединяет мир небесный и мир

земной. Небесная история проявляется в земной истории, а история земная представляет собой момент истории небесной. Так метафизическое делается историческим, а историческое – метафизическим. Первоосновой истории выступает свобода, свободная любовь между Богом и человеком. Бог захотел свободы в своем Другом – в человеке. Из свободы вытекают все муки мировой истории, ее трагические конфликты. Это обусловлено тем, что признание свободы в истории есть в то же время признание начала свободы зла. Существование этого начала в истории – источник трагизма человеческой жизни. Человек своею свободной волей отпал от Бога. Но человек той же свободной волей имеет возможность к нему возвратиться.

Христианство и история

Отличительная особенность христианского понимания истории состоит в том, что христианство впервые открывает миру начало духовной свободы. Эта свобода означает осуществление истории через действие свободного субъекта, свободного человеческого духа, продуктом которого является истинное добро. Христианство утверждает, «...что добро есть продукт свободы духа, и что только то добро, которое есть результат свободы духа, обладает истинной ценностью и является настоящим добром. Принудительную разумную необходимость добра христианство отвергает». (Там же, с. 86). Первичной темой всемирной истории является тема судьбы человека, взаимодействия свободного человеческого духа и природы, космоса. В реальной человеческой истории христианство сыграло роль объединяющего начала Восточной и Западной культур. Оно явилось провозвестником, духовной основой образования единого человечества. Поэтому в христианстве содержится предпосылка всемирной истории.

В отличие от христианства средневековое сознание не смогло в полной мере раскрыть свободную, творческую силу человека. В средневековом мире человек не был отпущен для свободного, творческого дела,

свободного созидания культуры. Оказалось, что осуществление Царства Божия без свободной деятельности человека невозможно. В этом смысле новая история раскрывает возможности свободной реализации человеческих сил. В новой истории осуществляется поворот от Божьего к человеческому, от внутренней, духовной сосредоточенности во внешнее культурное выявление. Внутренний дух новой истории олицетворяется в гуманизме, возносящем, раскрывающем и утверждающем человека.

Вместе с тем гуманизм новой истории принижает человека, ибо человек уже не считается существом высшего порядка, существом Божественного происхождения. В новой истории человек перестает ощущать и сознавать свою связь с божественной природой, высшим источником своей жизни, что приводит к разрушению человека. «Самоутверждение человека ведет к самоистреблению человека, раскрытие свободной игры сил человека, не связанного с высшей целью, ведет к иссяканию творческих сил. («Смысл истории», с. 110).

Гуманизм вывел человека на путь свободы, завершила который великая французская революция. Однако человек не вынес испытания свободой в революции и выставил себя на публичное поругание. В течение всего XIX века обнаруживалась неудача французской революции. Социализм в России, а позднее и в других странах, явился следствием французской революции и реакцией на нее. Лозунги свободы, равенства, братства были на знаменах социалистов в различных странах. Именно эти чаяния народов не смогла осуществить не только французская революция, но и революция в России. Корневой причиной этой глобальной неудачи оказалось отрицание Бога и обожествление человека, ибо «...права человека, забывающие права Бога, истребляют себя и не освобождают человека». (Там же, с. 113). Человек вступивший на путь исключительного самоутверждения, переставший признавать высшее начало, признающий себя самодавяющим существом, отрицает себя. Такова неизбежная внутренняя диалектика жизни человека, по-

раввшего связь с Богом, Космосом, абсолютными нравственными ценностями.

Человек превращается в оторванный атом, он сознает свое одиночество, и его охватывает чувство невыразимого ужаса, который он стремится преодолеть через объединение в коллективы. Так, самоуверенность человека из чувства индивидуального превращается в чувство коллективное. Он стремится к социальности. Ее воплощением становятся коммунистические идеи и социалистическая практика. Таким образом, на рубеже двух столетий, XIX и XX веков, с человеком происходит страшная катастрофа, надрыв его человеческого самочувствия, уход от природной жизни.

Одной из форм преодоления этой катастрофы духа стал социализм, ставший обратной стороной человеческой разобщенности и покинутости. По этой причине социализм оказался привлекательным, несмотря на принудительное устроение общественной жизни и судьбы отдельного человека. Однако задолго до вступления реального социализма в пору своего «расцвета» Н.А. Бердяев отмечает, что «Социализм в опыте осуществления своего будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся. Он вскроет новые внутренние противоречия человеческой жизни, которые сделают невозможным осуществление тех задач, которые выставило социалистическое движение. Он никогда не осуществит ни ...освобождения человеческого труда, ... никогда не приведет человека к богатству, не осуществит равенства, и создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета». (Там же, с. 155). Таким образом, социализм не выдержал испытания историей и явился одной из форм гибели идеалов Ренессанса. Также как другой формой его гибели оказался анархизм. Программы его столпов – Бакунина и Кропоткина в конечном счете направлены на утверждение коллективизма, неносящего, к сожалению, гуманистического характера. Окончательный разрыв с Ренессансом обнаружился в футуризме Пикассо, который в своем творчестве отошел от образцов природы и античности и, как считает Н.А.

Бердяев, в теософических течениях, в частности, в учении Штейнера.

Учение о прогрессе

Идея прогресса, по мнению Н.А. Бердяева, предполагает цель истории и ее смысл, который должен определяться целью исторического процесса. Учение о прогрессе может быть убедительным тогда, когда цель истории возвышается над временем и не связана с какой-либо исторической эпохой. Обосновать с научной точки зрения можно теорию эволюции, а не учение о прогрессе. Это учение может быть только предметом веры. «В истории нет по прямой линии совершающегося прогресса добра, прогресса совершенства, в силу которого грядущее поколение стоит выше поколения предшествующего; в истории нет и прогрес-

са счастья человеческого – есть лишь трагическое, все большее и большее раскрытие внутренних начал бытия, раскрытие самых противоположных начал, как светлых, так и начал зла. ... В раскрытии этих противоречий и в выявлении их и заключается величайший внутренний смысл исторической судьбы человечества». (Там же, с. 150).

В чем же состоит для Н.А. Бердяева смысл истории и человеческой жизни? Смысл жизни человека и всей человеческой истории сводится к свободному творчеству человека, которое задано Богом и желанно для Бога. Поэтому судьба человека, которая лежит в основе истории, предполагает сверхисторическую цель. Это и есть самый большой аргумент в пользу того, что история и жизнь человека имеют высший смысл.

О КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Т.Л. ШЕСТОВА, *доцент кафедры философии МГУЛа*

Глобальные изменения, происходящие в современном обществе, влекут за собой глубинные перемены в общественно-научном знании. Изменяется предмет, структура, методология обществознания. Изменяются его статус в общей системе наук. Что стоит за этими изменениями, куда движется социальное знание? Ведет ли развитие современного гуманитарного знания к растворению, деонтологизации социального как такового или открывает новые возможности для развития обществознания как совокупности дисциплин, объект которых сохраняет твердый онтологический статус? Каковы черты нового, формирующегося на наших глазах, интегративного образа общества, создаваемого наукой? Эти вопросы лежат в основе настоящей статьи. Она посвящена одному из аспектов трансформации общественно-научного знания – проблеме изменения статуса категории «социальное» в общеонтологической картине, создаваемой современной философией.

На наш взгляд, одной из основных тенденций развития социального знания на современном этапе является его общая деонтологизация, под которой понимается переключение внимания обществоведов с изучения наиболее общих форм существования социальной реальности на социально-философские проблемы гносеологического, этического, эстетического, аксиологического порядка, на проблемы методологии социальных наук.

Нельзя сказать, что проблемы социального бытия полностью перестали интересовать исследователей. Среди современных работ социально-онтологической проблематики выделяется ряд исследований, в которых изменен угол рассмотрения общества как специфической сферы бытия. Так, например, интересные аспекты рассмотрения социального бытия представлены в статье Э.А. Азроянца «Мегасоциум», в которой дается следующее определение мегасоциума: мегасоциум – это «...вся глобально представ-

ленная совокупность людей в ее социальных взаимосвязях и культурном взаимодействии внутри себя и с окружающим миром», а также в совместной статье В.А. Кайдалова и Г.А. Караваева «Общественное бытие как субстанция – система материально-преобразовательной деятельности», в которой с современных позиций переосмысливаются онтологические положения материалистической теории общества.

И все-таки социальное как таковое, занимавшее в предшествующие десятилетия доминирующее положение в проблематике отечественной философской литературы, стало заметно уступать свои позиции исследованиям других сфер бытия. Социальное в своей чистоте все реже привлекает внимание исследователей, объектом изучения которых становятся новые сферы реальности, где социальное совмещается с природным, человеческим или «абсолютно идеальным».

Смещается со своего места в системе общественных наук и сама социальная философия, еще недавно занимавшая доминирующее положение среди основных разделов философского знания, что выразилось как во многих организационных моментах отечественной науки, так и в содержательных. В современной отечественной литературе социальная философия соседствует с философской антропологией, натурфилософией, философией чистого духа, философией виртуальности и др., образуя в сочетании с ними новые перспективные направления и дисциплины.

Среди ведущих тенденций изменения онтологического статуса социального можно выделить три следующих: во-первых, антропологизацию социальной реальности, под которой понимается перемещение угла зрения социально-философских концепций с позиций «социального абсолютизма» на позиции исследования «очеловеченной социальности», т.е. социальности, существующей не столько в себе и для себя, сколько в человеке и для человека; во-вторых, иррационализацию общественного бытия, признание подчиненности общественного развития более могущественной, чем само общество,

силе, замыслы которой (или их отсутствие в принципе) не постигаемы ни индивидуальным, ни общественным разумом; в-третьих, натурализацию социального бытия, под которой понимается рассмотрение общества не столько в его самоцентричности, сколько в единстве с бытием природы.

***

Основным изменением в создаваемом общественными науками сегодня образе общества является его антропологизация. Перенесение на общество черт, присущих человеку, является самой плодотворной метафорой современного обществознания.

Антропологизация (очеловечивание) проблематики общественно-научных исследований проявляется, например, в использовании социальными теориями в качестве категорий понятий, традиционно относящихся к человековедческой проблематике. Такие понятия, как совесть, спокойствие, доверие, согласие, свобода, судьба становятся не только антропософскими, но и социально-философскими категориями. Феномены, обозначаемые этими понятиями, обнаруживаются не только в человеческом, но и в социальном бытии.

Наиболее значительным проявлением антропологизации социального в современной философии является появление нового направления философских исследований – социальной, или социально-философской антропологии. Если аспект социальности в бытии человека является давно утвердившимся полем исследования, то изучение человеческого в социальном представляет собой относительно новый поворот развития гуманитарного знания в современную эпоху.

Данное направление философского анализа антропо-социального бытия как особой сферы реальности представлено в монографиях В.С. Барулина

«Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии», «Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя» и «Основы социально-философской антропологии». Роль этих книг состоит, в первую очередь, в пред-

метном определении и утверждении социально-философской антропологии как самостоятельного раздела философского знания. Предмет социально-философской антропологии составляют, как указывает В.С.Барулин «всеобщие социально-философские принципы, законы взаимодействия общественной сущности человека и человеческой сущности общества в их многоплановости и всемирно-историческом развитии».

Антропологизация проблематики общественно-научных исследований проявляется также в становлении новых направлений в частных общественных науках, включающих в тематику своих исследований проблемы повседневного бытия людей. Например, в социологии последнего десятилетия активно формируются такие новые отрасли, как социология домашней гигиены, социология спорта, социология различных видов досуговой деятельности, социология домашних животных, социология сновидений и т.п.

Исследование повседневности в различных ее проявлениях, повседневности как таковой, утверждает новый для научного познания принцип: вненаучных тем не существует, любой аспект жизненной реальности может стать предметом научного (рационального, систематизированного, методологически обоснованного) исследования. Наука создает свой образ реальности во все большей его полноте и многогранности, явления идеального мира многократно перемножают реальность. Люди описывают жизнь, ища в ней смысл или принципиально отказываясь от поисков смысла. Но, явно или не явно, подобные работы поднимают вопрос о смысле человеческого бытия. В чем смысл проявлений повседневности? Чем отличаются акты обыденной жизни от актов, направленных в сторону вечности? Вот главная проблема социологии жизни – одного из самых современных направлений социального знания.

Повседневность, давно ставшая предметом религиозного и художественного познания, постепенно входит в современное обществознание в качестве категории, отражающей одну из сторон антропо-социальной

реальности. Можно сказать, что повседневность – это и есть ткань, или материя, человеко-социального бытия. Если нет смысла, есть одно переживание протекающей жизни. Словно иллюстрируя эту идею, на которой основана социология жизни, в социологическом дискурсе формируется новое представление о содержании понятия «время», приобретающего категориальное значение.

В современной социологии появилось направление, называемое «социологией времени». В рамках этого направления изучаются рабочее время, время досуга, время, затрачиваемое на различные виды социального общения, время, проводимое в транспорте и т.п. Время и становится тем универсальным «измерением», которое максимально антропологизирует социально-философский дискурс. Общество, хотя и существует во времени, не переживает времени. Переживание жизни во времени – специфическая черта человека, метафорически переносимая на общество и открывающая новые возможности его изучения.

Антропологизация обществознания, наиболее явственно отразившая относительную деонтологизацию социальности, перенесение социального из центра философской проблематики на периферию, выразилась и в изменении представлений об обществе как таковом. Согласно современной литературе, общество – это, в первую очередь, не самодостаточная и не самоцентричная реальность, а сфера, вспомогательная по отношению к человеку, сфера, помогающая человеку осуществить замысел самого себя. Общество – это то, что дает человеку возможность выжить в качестве вида, более того, общество – это то, что дает человеку возможность осуществить себя именно в качестве человека. Общество – это сфера объективации человеческого духа, в которой человек, становясь личностью, становится более человеком, чем биологический человек и чем человек, живущий один на один со своим субъективно творимым духовным миром.

Антропологизируя свою проблематику, вводя в социально-философский дискурс антропологические категории, обществозна-

ние раскрывает в обществе его человекоподобную природу.

Человекоподобный образ общества постепенно сменяет богоподобный образ социума, утвердившийся в общественно-научном знании XIX – XX веков. Научная литература минувших столетий возводила общество в ранг наивысшей силы мирового бытия. Обществу приписывалось господство и над природой, и над человеком, и над своим собственным бытием.

Антропоморфный образ общества более мягок, более приземлен, можно сказать, более реалистичен и зрел: общество, как и человек, слабо ограничено в своих преобразовательных возможностях, установлено в определенных пределах, исторично. Как и зрелый человек, зрелое общество осознало свою возможную смертность. Актуальность антропологизации социальной проблематики обусловлена эсхатологизацией современного общественного сознания. Осознание «смертности» человечества – одна из самых влиятельных идей XX века. Она побуждает общество искать пути выживания. Обращение к человеку – один из немногих таких путей.

Подобно человеку, смертному в своей единичности, но способному обрести бессмертие в качестве вида и потому стремящемуся жить в обществе именно ради выживания в качестве вида, идеи Человека как такового, общество также творит новую реальность, в которой может обрести бессмертие. Эта реальность еще не выделена общественным сознанием в специфическую область бытия, не осознана в качестве онтологической сферы и выступает в современном дискурсе под именем «иррациональное».

***

«Иррациональное» – это одна из тех наиболее существенных категорий современного социально-философского дискурса, которые создают его характерный колорит. Обращение к иррациональному не только в гносеологическом, но и в онтологическом смысле – ярчайшая особенность социальной философии начала XXI века. Иррациональ-

ное видится современным мыслителям и в виде принципа социально-исторического познания, и в виде силы, определяющей, в конечном счете, судьбу человечества.

Интерес к иррациональному у современных философов подтверждается многочисленностью работ, не только активно включающих это понятие в свои работы в качестве методологического аспекта, но и делающих иррациональное специальным предметом своего исследования. Таковы, например, статьи И.И. Бульчева «Об иррациональном в общественном сознании», А.В. Туркуленца «Внерациональное в социальном знании», М.Кацахяна «О соотношении осознаваемого и неосознаваемого в художественном творчестве», Т.Ю. Фоминой «Мифотворчество как рационализация действительности» и другие.

Иррациональное находит в современной литературе и свою новую дефиницию. А.Р. Мамарасулов в статье «Определение понятий «рациональное» и «иррациональное» не только приводит историческую ретроспективу понимания иррационального, но и предлагает свое определение: иррациональное (в онтогносеологическом смысле) – это «рациональное в минимальной степени, а именно – такое бессодержательное для разума сущее, о котором разум полагает единственно то, что оно может существовать как логически данное». Подобное определение не ставит непреодолимой границы между иррациональностью и рациональным познанием, оно подчеркнуто включает иррациональное в предмет рационального, логического рассуждения. В этом заключается характерная особенность отношения современной науки к иррациональному как таковому.

Какой ракурс приобретает «иррациональное» в социально-философском дискурсе? В какой сфере наиболее явственно проступает его воздействие на жизнь общества? Сферой, в которой иррациональное наиболее выразительно проявляет себя современному человеку, современному обществу, выступает история.

В современной историософской литературе преобладают две концепции ирра-

ционального. Согласно первой концепции, под иррациональностью общественного бытия понимают непостигаемость его исторического смысла. Иррациональное – это сила, направляющая ход социального развития, познание замыслов которой выходит за пределы возможностей социального разума. «История не поддается нашей корректировке. У нее свои, недоступные нашему разумению, планы.» Согласно второй, под иррациональностью общественного бытия понимается отсутствие рациональности как заданности направления мирового развития вообще. «У истории нет замысла, нет цели, нет «социально-генетической программы». Исторический процесс хаотичен, законов, определяющих его ход, не существует.»

В частных общественных науках, в современный дискурс которых активно включается «иррациональное» в категориальном качестве, под иррациональностью понимают факторы социальных процессов, недоступные в настоящее время рациональному познанию. В первую очередь имеются в виду явления, относящиеся к сфере бессознательного. Внерациональные мотивы социальных поступков, движений, процессов становятся предметом многих обществоведческих исследований.

Зарождение интереса к иррациональному произошло в экономической науке. «Иррациональное» появилось в экономическом дискурсе в противовес «рациональному», выступавшему в качестве основной характеристики действия всех экономических субъектов. Теория рационального выбора во второй половине XX века перекочевала в политологию и политическую социологию. Однако, в то время, как теория рационального выбора стала утверждаться в политической науке, в экономике зародилось антирационалистическое течение, которое к концу XX века приобрело черты фундаментального теоретического движения. Как вырылся в ходе дискуссии по поводу общего состояния отечественного обществознания на IV Кондратьевских чтениях академик Абалкин, «потерпел крах рационализм как всеобщий способ объяс-

нения процессов, происходящих в мире. Стало ясно, что общественное развитие определяется не только рациональными, но и иррациональными силами».

Гносеологические корни экономического иррационализма и, вообще, «иррационализации» всех частных общественных наук, лежат в философском видении мира конца XX века. Откуда возник такой глубокий интерес к непознаваемому? Что заставляет современного человека верить в могущество иррациональных сил, определяющих его существование? Только одно – страх перед осознанной возможностью рукотворного конца человечества. Разочарованность в подлинной «разумности» и глубине человеческого разума. Надежда на существование более всеобъемлющего сознания, стремление укрыться под его родительским крылом. Блудный сын возвращается под сень божественного незнания. Под апелляцией современного обществознания к иррациональному скрывается надежда общества, осознавшего слабость своего разума, на существование более могущественной силы, которая определяет его путь. Можно сказать, что вера в иррациональное – это социальная вера в бога. Неверие в закономерное, направленное движение социального бытия, абсолютизация хаоса, случайности, игры как принципов социального существования можно назвать социальным атеизмом.

***

Изменение онтологического статуса социального проявляется также в так называемой «натурализации» предмета социальной философии. В качестве объекта социально-философского анализа все чаще принимается некий конгломерат природного и социального, выступающий в современной отечественной литературе под наименованиями «социоприродное бытие», «эко- и социоцелостные системы», «живые, надорганические целостные системы», «социоэкосистемы», «экодемографические системы» и др. Предметом этого направления социально-философской теории становятся закономерности, общие для существования природных

и социальных объектов, позволяющие рассматривать природную и социальную сферы в их онтологическом единстве. Природа, рассматривавшаяся ранее, главным образом, как среда существования общества, становится в современных социально-философских контекстах субъектом, равноправным по отношению к обществу, составляя вместе с ним общую ткань бытия.

К работам этого плана относятся, например, диссертации О.А. Богатыревой «Философско-методологические проблемы моделирования поведения социодемографических систем как целостных объектов», Ю.В. Климовой «Моделирование социоэко-систем: философско-методологические аспекты», А.Н. Лапшина «Формирование регионологического знания», которые в качестве объекта исследования выбирают природно-социальную сферу, получающую в их текстах следующие наименования: «социоприродное бытие» (Лапшин), «эко- и социо-целостные системы», «живые, надорганизменные целостные системы» (Богатырева), «социоэко-системы» (Климова). Содержание этих понятий отличается от таких давно утвердившихся в социально-философском дискурсе категорий, как «ноосфера», «техносфера», «социосфера» и другие.

Как пишет Ю.В. Климова, социоэко-системы – это, в первую очередь, «пример сложных развивающихся объектов», по отношению к которым еще только предстоит выработать теоретико-методологические основания исследования. По ее мнению, социоэко-системы могут быть описаны только с применением трех метаязыков: детерминистического, вероятностного и нечеткого. Поэтому в настоящий период в науке далеко не сформировано развернутое представление об основных свойствах объектов этой сферы реальности.

В целом можно сказать, что тенденция к онто-гносеологическому сближению природы и общества, имеющая глубокие корни в истории философской мысли, находит новые формы в современной науке, что проявляется на данном этапе, прежде всего,

в методологической плоскости. В центре внимания – не столько создание новой теории, сколько поиск метода исследования социо-природной сферы бытия.

***

Подводя общий итог рассмотрению развития онтологической проблематики социального знания, можно сделать следующий вывод. Социальное, как таковое, не исчезает из философского дискурса, однако оно постепенно перекрывается другими сферами познания, образуя такие относительно новые онтологические объекты, как антропо-социальное, социо-природное, рацио-социальное, «внерационально социальное» бытие.

В структуре социального знания также следует отметить определенные сдвиги. Центральной проблематикой современной социальной философии, как, впрочем и частных общественных наук, являются не вопросы о структуре социальности, не исследование отдельных элементов социальных систем и их взаимосвязей, а исследование процессов.

Важнейшим направлением социального познания является изучение историко-софской проблематики. Образы социального пути, которыми изобилует современное обществознание (модернизация, глобализация, социальная трансформация и др.) и которые принципиально открыты для интеграции, возможно, позволят сформировать новое целостное представление об общей направленности социального процесса, преодолев так называемый «кризис рациональности» социальной историософии.

Вопрос о структурировании социальности в современной литературе актуализирован в той своей части, которая касается сферы общественного сознания. Центральной темой социальной онтофилософии XXI века должна стать сфера социального духа. Структура общественного сознания, социальное сверхсознание и социальное подсознание, социальная совесть, социальный бог – такова, на наш взгляд, наиболее актуальная проблематика социальной онтологии ближайшего будущего.

Литература

1. Момджян К.М. Программа курса социальной философии // Философия и общество.– 1998. – № 2.
2. Красин Ю.А. Теория – методология и система // Общественная мысль в поисках концептуального видения мира. – М., 1996.
3. Шевардина М.С. К новой парадигме обществоведения (Отчет о IV кондратьевских чтениях в Институте экономики РАН) // Вестник РАН.– 1996. Т. 66. – № 12.
4. Готеро Ж.Л. Материалистическая диалектика и постмодернизм. Пер. В.И.Метлова // Философия и общество.– 1998.– №2.
5. Култыгин В.П. Современные зарубежные социологические тенденции. – М., 2000.
6. Современная социальная теория: Бурдьё, Гиддингс, Хабермас. Сост. А.В. Леденева. – Новосибирск, 1995.
7. Потехин М.А. Кризис методологии современных социально-экономических наук и пути его преодоления // Менеджмент: теория и практика. – Ижевск, 2000. – 1/3.
8. Руденко С.А., Щеглов В.В. Гуманитарное знание в эпоху изменения философско-методологических программ в науке // Социокультурные исследования. – Волгоград, 1999. – № 4.
9. Дридзе Т.М. Экоантропоцентричная модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социс. – 2000. – № 2
10. Социальные исследования в России. Самопознание общества. Немецко-российский мониторинг. Пер. с нем. Берлин-Москва, 1998.
11. Романовский Н.В. Социология как алхимия // Этология человека на пороге XXI века. – М., 1999.
12. Азроянц Э.А. Мегасоциум // Полигнозис.– М., 2001.– № 3.
13. Кайдалов В.А., Караваяев Г.А. Общественное бытие как субстанция – система материально-преобразовательной деятельности // Пермск. гос. унив: Учен. зап. – 2001. – № 3.
14. Барулин В.С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. – М., 1994.
15. Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. – М., 2002.
16. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. – СПб., 2000
17. Булычев И.И. Об иррациональном в общественном сознании // Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX в. – Иваново, 2000.
18. Туркуленц А.В. Внерациональное в социальном знании // Гуманитарные и социально-экономические науки. Р/Д, 2000. – № 3.
19. Кацахян М.О соотношении осознаваемого и неосознаваемого в художественном творчестве // Труды Института философии и права, Ереван, 1998. – № 2.
20. Фомина Т.Ю. Мифотворчество как рационализация действительности // Рациональность и ее метаморфозы. – Ульяновск, 2000.
21. Мамарасулов А.Р. Определение понятий «рациональное» и «иррациональное». // Пятая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивост., 1998. – С.114.
22. О критике теории рационального выбора в политологии см. в рец. на книгу Г.-Д. Клингеманна и Р. Гудина «Политическая наука: новые направления» // Вестн. МГУ, сер.18.– 1999. – № 4.
23. Вестник РАН. 1996, т.66, № 12, С. 1131.
24. Богатырева О.А. Философско-методологические проблемы моделирования поведения социодемографических систем как целостных объектов. Дисс. на соиск.уч. степ. д-ра филос. наук. Новосибир., 1999.
25. Климова Ю.В. Моделирование социозкосистем: философско-методологические аспекты: Дисс. на соиск.уч. степ. канд филос. наук, М., 2000.
26. Лапшин А.Н. Формирование регионологического знания (методологический аспект): Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Иркутск, 2000.

ТИПОЛОГИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Посвящается доктору философских наук, профессору Авениру Ивановичу УЁМОВУ – создателю параметрической общей теории систем, которому в апреле 2003 года исполняется 75 лет

В.И. ФАЛЬКО, *доцент кафедры философии МГУЛа, к. филос. н.*

Многообразие мировоззренческих позиций, существующих в общественном сознании, может быть лучше понято, если выявлены основания, по которым они различаются. В нашей первой статье [1], основываясь на работе Дж. Сайр [2], построено смысловое пространство, включающее соотносительные пары типов мировоззрений: теизм – нигилизм, восточный мистицизм и пантеизм – экзистенциализм, натурализм и научное мировоззрение – магическое сознание и сознание Новый век (Нью Эйдж). Есть ли у этой классификации единое глубинное основание? Возможно ли преодоление непримиримых расхождений между мировоззренческими позициями?

Одним из оснований предложенной классификации является традиционная для многих религий и философских учений триада «*дух – душа – тело*». Так, в буддийском мировоззрении эта триада «*дух – сила – тело*», в китайской философии – «*небо – человек – земля*». Каждой из этих категорий соответствует свое измерение смыслового пространства мировоззрений. Именно эти понятия объединяют попарно противостоящие друг другу типы мировоззрения, а единство духовной, душевной и телесной жизни человека может явиться основанием для сближения всех основных типов воззрений.

Так, смысловое измерение «теизм – нигилизм» представляет собой ось *духовной свободы*, полюсами которой являются вера в абсолютное Добро, Бога-Творца и, с другой стороны, ее отрицание, абсолютный произвол или полный отказ от ответственности, неизбежно ведущие к злу.

Трансцендентному миру Создателя противостоит «Ничто» – это не субстанциальное Небытие и не абсолютное Зло, рядо-

положенное с абсолютным Добром, а чистая отрицательность по отношению к Абсолюту. Согласно теистической вере, Бог творит мир не из субстанциального «Ничто», а таким образом, что ему для сотворения ничего не нужно. Нигилист же, по словам Ницше, истово *верит в неверие*, проявляя «*волю к Ничто*», которая освящена, по его мнению, христианским Богом [3]. Здесь речь идет о нигилизме европейского и русского типов, но есть и восточный нигилизм, присущий индуизму и буддизму, который заключается в отрицании видимого мира.

Далее, ось «восточный мистицизм – экзистенциализм» связывает мировую душу (Атман – «Я-сам») с индивидуальной *душой*. Для ряда восточных религий характерна вера в переселение душ, бессмертие которых связано не столько с абсолютным духом, как в теистических учениях, а с телесными перевоплощениями. В мистических учениях Востока индивидуальное Я не существует, оно слито с Единым (Атманом, который есть Брахман, или с Дао). Буддизм, как и индуизм, отрицает Я в этом мире, но считает, что подлинное Я обретается в Nirване. Экзистенциальные и постмодернистские концепции соотносят Я с не-Я (Ты, Другим, Оно). Пути познания, характерные для этих типов мировоззрения – психотехники в восточных системах, переживание в экзистенциализме – связаны с приоритетом сознания, души, психики по отношению к духу и телу. Так, в буддийских психотехниках первая ступень – Я как тело, насквозь пронизанное сознанием, вторая – Я как духовное тело, которое вытягивается из тела физического, третья – Я, состоящее из сознания [4].

Связь натуралистического и научного мировоззрений с *телесностью* очевидна: ис-

тинно существует природа как чувственный мир материальных объектов и явлений, а все нематериальное – дух и душа – есть свойства природной или социально-природной субстанции. Магическое и мифологическое миропонимание, включая современный магизм New Age, хотя имеет дело с виртуальной реальностью (ВР), преследует цели, укореняющие человека в наличном, материальном бытии. Магические пути познания, пожалуй,

еще в большей степени, чем иные, связаны с телесностью: «Тело, согласно Кастанеде, тоже обладает способностью познавать» [5]. Телу даны не психические образы или идеи, а информационные структуры, которые несут на себе другие, формирующие его тела или наследственные коды.

Нанесем, для наглядности, основания классификации на оси смыслового пространства типов мировоззрения:

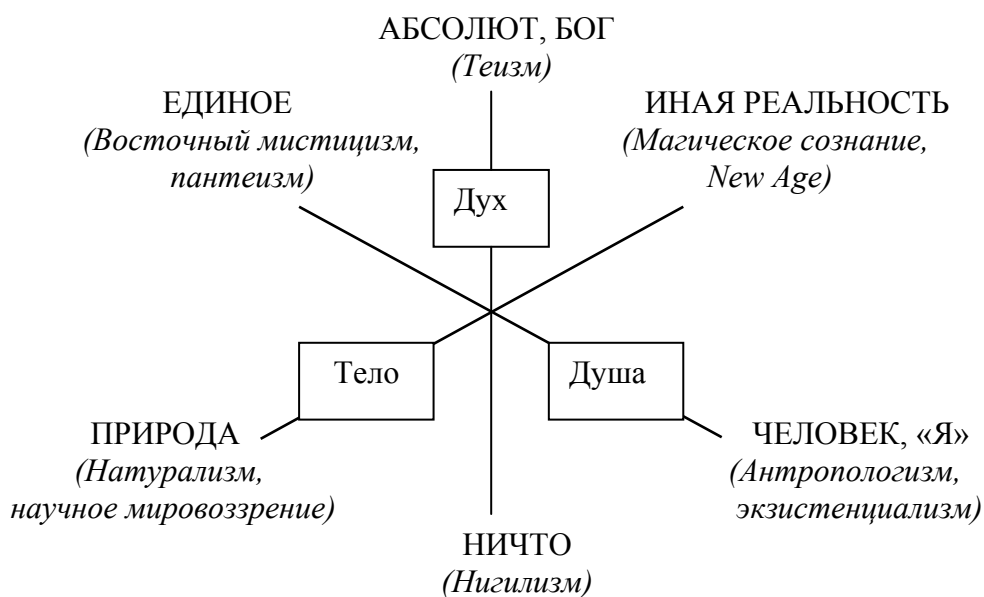

Рис. 1. Основания типологии мировоззрения

Соотношение типов мировоззрения с понятиями духа, души и тела диалектично и поэтому не представляет собой однозначного соответствия. Полюсы каждого измерения смыслового пространства тяготеют, соответственно, к духовной или телесной стороне отношения человека к миру.

Так, в «духовном» измерении есть свой полюс телесности: это нигилизм, возводящий жизненные начала человека и мира в высший принцип. В «телесном» измерении есть свой полюс духа – это магическое сознание, одухотворяющее все сущее. На оси «души» духовный полюс обозначен мистицизмом, поскольку сущностью «Я-сам» является объективный дух – Брахман, а телесный – с экзистенциализмом, который считает, что жизнь, бытие не подчинены никакому высшему смыслу. В этой интерпретации смысловых измерений душа находится как

бы в начале координат, в точке пересечения всех мировоззренческих позиций. Она расщепляет отношение человека к миру на противоположности и одновременно связывает их в кантовском единстве трансцендентальной апперцепции.

Наконец, единство и разделение духа, души и тела свойственны каждому типу мировоззрения, которые различаются неодинаковыми отношениями между этими понятиями. Условно эти различия можно представить в виде расположения понятий «дух», «душа» и «тело» по уровням в порядке их приоритетности в различных типах мировоззрения, как это мы видели выше в буддийской иерархии ступеней психотехники. Возможны шесть вариантов композиции трех понятий, положенных в основание типологии и охватывающих полный класс мировоззренческих позиций:

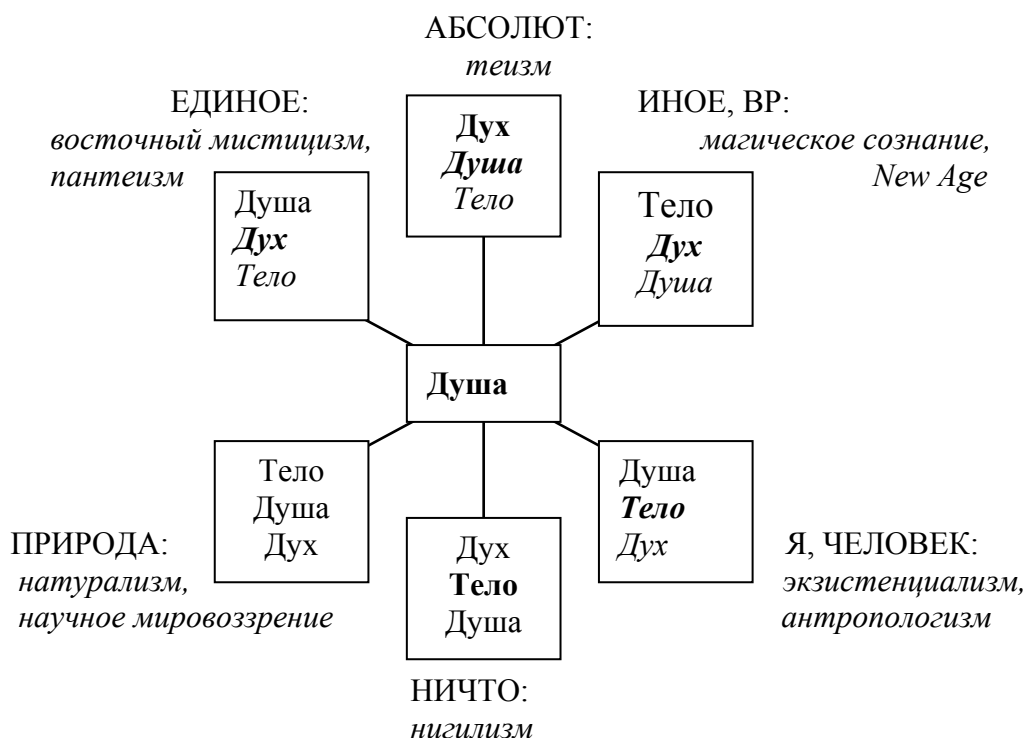

Рис. 2. Декомпозиция оснований типологии мировоззрения по принципу приоритетности в рамках триады «дух – душа – тело»

Жирным шрифтом здесь выделены триады понятий на каждой из осей.

Порядок расположения понятий триады может определяться не только рангом, но и системными связями. Так, с точки зрения параметрической общей теории систем (ОТС) А.И. Уёмова, этой триаде можно поставить в соответствие еще две тройки понятий: «*вещь – свойство – отношение*» и «*определенное – неопределенное – произвольное*», что даст возможность воспользоваться языком тернарного (трехместного) описания (ЯТО) [6]. В тернарном описании вещь (субстрат) *t* характеризуется свойством (атрибутом) *P* и отношением (реляционным параметром) *R*. В триаде «*вещь – свойство – отношение*» последние два понятия выступают в качестве двойственных [7], что позволяет формулировать дополнительные друг другу определения понятий, характерные для каждого из типов мировоззрения.

Так, понятие системы в параметрической ОТС определяется дополнительными друг по отношению к другу дефинициями:

«Любой объект является системой по определению, если в этом объекте ре-

ализуются какие-то свойства, находящиеся в заранее заданном отношении» и «Любой объект является системой по определению, если в этом объекте реализуется какое-то отношение, обладающее определенным свойством» [8].

Понятие материального предмета как системы в научном мировоззрении и философских учениях натуралистического типа может быть определено следующими взаимно дополнительными дефинициями:

Любой предмет является материальной системой по определению, если он существует вне нашего сознания, обладая определенными пространственными и временными характеристиками, и благодаря этому способен, воздействуя на органы чувств человека, вызывать те или иные ощущения.

Любой предмет является материальной системой по определению, если он в том или ином отношении является причиной (субъектом) самого себя, благодаря чему обладает свойством самоорганизации, самодвижения и саморазвития, то есть способностью вызывать и претерпевать

определенные изменения своих пространственно-временных характеристик.

Здесь материальная система, как субстрат определенного отношения и некоторого свойства (или, наоборот, некоторого отношения и определенного свойства), есть любое, произвольно взятое тело B_A (от начальных букв английских слов *body* – тело и *any* – любой), удовлетворяющее указанным условиям. В первой формулировке заранее определенным, фиксированным является ее существование в определенном месте и в определенный момент времени, вне и независимо от сознания человека или, иными словами, отношение объективности вещи. Объективность отношения бытия означает независимость существования предмета от сознания, то есть не только от психических качеств человека, но и от его *духовной* сущности: субъект *верит* в то, что материальный предмет существует объективно и реально независимо от того, воспринимается ли он в данный определенный момент его органами чувств.

В терминах параметрической ОТС такого рода отношения, в которых реализуются те или иные свойства, называется реляционным концептом системы. В данном случае речь идет о духовной стороне отношения человека к миру, которую мы условно обозначим символом s_t (от начальных букв английского слова *spirit* – дух и определенного артикля *the*). Свойство быть воспринятым посредством тех или иных внешних органов ощущения, относящееся в данном случае к душевной (психической) стороне отношения человека к миру, не является здесь заранее определенным, оно не фиксировано. Обозначим это свойство символом m_a (от английского *mental* – психический и неопределенного артикля *a*). В несколько модифицированных нами символах ЯТО первое определение может быть записано следующим образом:

$$(iB_A)Mat =_{df} s_t ((iB_A *) m_a). \quad (1)$$

Здесь *Mat* означает «материальная система», *df* – «по определению», *i* (греческая буква «йота») – символ, означающий, что в левой и правой частях формулы имеет-

ся в виду одно и то же *B*. Символы отношений в ЯТО пишутся слева от символов субстрата, а знаки свойств – справа. Звездочка * справа от символа, обозначающего субстрат, означает, что свойство (в данном случае *m*) присуще *B*. В случае, когда на *B* установлено (или имеется в *B*) некоторое отношение, звездочка ставится слева: * *B*.

Во втором определении материальной системы отношение самопричинения, признаваемое материализмом Спинозы или Маркса, не является заранее определенным, фиксированным, как свойство изменять свои пространственно-временные характеристики: последние представляют собой результат самоорганизации порядка из хаоса. Символически это определение можно записать следующим образом:

$$(iB_A)Mat =_{df} ([s_a (*iB_A)]) m_t. \quad (2)$$

Кроме этих определений, могут быть предложены и другие пары дефиниций материальных систем в формулировках, характерных для натуралистического и научного мировоззрений, которые символически описываются, соответственно, формулами (1) и (2). При этом следует учитывать, что духовная сторона отношения человека к миру определяется здесь косвенно, отрицательным образом, ибо сама она не имеет пространственно-временных характеристик. Явно указано здесь только на телесную и психическую стороны этого отношения.

Из проведенного анализа видно, что определения материальной системы как субстрата, характерные для натуралистического типа мировоззрения, указывают на *душевные* (или психические) явления как *свойства* этого субстрата и на *духовные* (или идеальные) явления как присущие ему *отношения*. Формулы определений материальной системы с позиций научного мировоззрения и натурализма имеют общий вид: sBm , меняется только соотношение определенности и неопределенности духовных и душевных характеристик.

Попытаемся обратить эти отношения по основанию определенности и неопределенности и посмотрим, верны ли они:

Любой предмет является материальной системой по определению, если он каким-то способом существует вне нашего сознания, обладая теми или иными пространственными и временными характеристиками и благодаря этому способен вызывать вполне определенные ощущения.

Любой предмет является материальной системой по определению, если он обладает свойством как-то изменять свои пространственно-временные характеристики благодаря присущему ему заранее фиксированному отношению самодетерминации.

Эти определения вряд ли можно считать верными, по крайней мере, с позиций натуралистического и научного типов мировоззрения. Первая из обращенных дефиниций неверна потому, что определенные, заранее фиксированные ощущения могут быть вызваны не какими-то, а вполне определенными пространственно-временными характеристиками. В то же время одни и те же заранее заданные пространственно-временные отношения материального объекта могут вызывать различные ощущения: тактильные, зрительные, слуховые и т. д., а также в большей или меньшей степени соответствующие параметрам объекта.

Второе определение неверно по той причине, что отношение самодетерминации не может быть заранее фиксированным. В этом случае оно превращается в детерминацию чем-то иным: другим предметом, предыдущими состояниями, законами и т. д. Кроме того, самопричинение, как и любая другая причина, вызывает не какие-то неопределенные, а вполне определенные, заранее определяемые изменения в пространстве и во времени.

Следовательно, для материальных систем может быть справедливой первая пара определений, которая описывается формулами типа sVm , то есть материальный объект характеризуется параметрами, раскрывающимися в ментальных свойствах и духовных отношениях.

Вторая же пара дефиниций, описываемая формулами типа mVs , не характерна для материальных объектов. Как можно увидеть из последующего изложения, такой

неопределенный объект, который не поддается контролю, является виртуальным (или виртуализированным): «Вера в духов и в их магическую силу – это то же самое, что согласие с тем, будто все окружающее находится за пределами нашего контроля» [9]. Магическое мировоззрение наделяет объекты духовными свойствами, которые раскрываются в отношениях, существующих в психической форме.

Для этого типа мировоззрения характерно наделяние чувственной реальности статусом виртуальной, а виртуальных состояний объектов – даже большей степенью реальности, чем предметов, актуализированных в определенных пространственных и временных формах. Так, у бушменов из пустыни Калахари существует пословица: «Есть сон, которому мы снимся» [10]. А для сознания «Новый век» характерна ориентация на созданную человеком гиперреальность, воздействие которой на человека превосходит обычную реальность своей выразительностью и убедительностью. Поэтому проблема различения реального и виртуального миров для человека информационной цивилизации становится, пожалуй, еще более актуальной, чем для бушмена, не отличающего сон от яви.

ВР – это «иная», необычная по сравнению с реальностью, привычной для человека, овладевающего окружающим миром и владеющего собственными состояниями. По определению К. Кастанеды, это реальность, «отдельная» для каждого человека, способного ее видеть, хотя могут быть и случаи массового гипноза или веры в то, что видимая реальность есть коллективное сновидение. Сформулируем возможный вариант парных определений виртуальной реальности:

Любой предмет является виртуальным по определению, если он отождествляется в восприятии человека в виде каких-то чувственных образов с объективно существующей реальностью, но который не поддается контролю над ним как наличной данностью.

Любой предмет является виртуальным по определению, если он обладает способностью каким-то образом овладеть

человеком и в то же время порождается человеком, находясь в зависимости от определенных психических состояний или характеристик генераторов искусственной ВР.

Человек может видеть образы – сновидения, галлюцинации, различные изображения, отражения и т. д. Но ими нельзя обладать так, как мы обладаем внешними вещами материального мира, информацией или внутренними вещами нашего сознания – представлениями, понятиями и т.п. Виртуальный объект нельзя отделить от внешнего и внутреннего миров и передать кому-то другому. Иными словами, отношение данности виртуального объекта субъекту является объективно неопределенным, но воспринимается ментально как определенное. Символически первое из вышеприведенных определений виртуальной системы запишется так:

$$(iB_A)Virt =_{df} ([m_a(*iB_A)])s_t. \quad (3)$$

Здесь *Virt* – виртуальная («иная») реальность. Аналогично, второе определение выражается формулой:

$$(iB_A)Virt =_{df} m_t([(iB_A*)s_a]). \quad (4)$$

Легко видеть, что для приведенных определений виртуальной реальности характерна схема формул *mBs*, в которых меняется только соотношение определенности и неопределенности духовных и душевных характеристик. Повторно обратив определение, можно получить формулы типа *sBm*, которые, однако, справедливы лишь в отношении к актуализированным, воплощенным в материальную форму предметам:

Любой предмет является (воплощенной) ВР по определению, если он воспринимается человеком в виде определенных чувственных образов как объективно существующий и которым человек может овладеть как наличной данностью в каких-то отношениях, но не может владеть в некоторых других.

Любой предмет является (воплощенной) ВР по определению, если он обладает способностью вполне определенным образом организовываться и ограничивать свободу человека, хотя в каких-то отношениях сам находится в зависимости от психиче-

ского состояния человека или параметров генератора искусственной ВР.

Последние определения являются примером перехода от ключевых понятий одного типа мировоззрения к опорным категориям сопряженной с ним мировоззренческой позиции. Аналогично рассуждая, можно прийти к формулам системных определений основных субстратных понятий других типов мировоззрения и способам перехода от одних к другим.

Восточные мистические воззрения проявляются, в частности, в утверждении тождественности индивидуальной и мировой души: «Я есмь То», – гласит мудрость Упанишад. «То» здесь – Единое, Брахман, тождественный субстанциальному Атману, или мировой душе. В Упанишадах говорится: «Кто знает: «Я есмь Брахман», тот становится всем [сущим]». Брахманом становится тот, кто «постиг атмана... благодаря достижению своей цели, свободен от привязанности, страсти и прочих недостатков» [11]. Основываясь на этих положениях, дадим определения понятия мировой души через категорию самосознания человека:

Самосознание любого субъекта есть мировая душа по определению, если оно на основе познания отождествляет себя с мировым духом в каком-то отношении, благодаря чему человек способен достигать определенной степени освобождения от привязанности, страсти и прочих телесных свойств.

В символах ЯТО это определение будет выглядеть так:

$$(iM_A)Atm =_{df} ([s_a(*iM_A)])b_t. \quad (5)$$

Здесь *Atm* – мировая душа (Атман), для которой можно предложить дополнительное определение:

Самосознание любого субъекта есть мировая душа по определению, если в нем рефлексивно устанавливается определенное отношение выделения себя из потока своей психической жизни и определенного противопоставления себя материальной первопричине всего существующего, в чем реализуется способность человека тем или иным образом господствовать над своим телом и сознанием [12].

Запишем эту дефиницию на ЯТО:

$$(iM_A) Atm =_{df} s_t [(iM_A*) b_a]. \quad (6)$$

В экзистенциализме и близких ему типах воззрения (антропологии, феноменологии и др.) важнейшее, хотя и не субстанциальное, понятие сознания определяется через интенцию, то есть направленность на объект. Ж.П. Сартр так характеризует эту категорию: «Сознание есть сознание чего-то. Это значит, что трансцендентность составляет образующую структуру сознания, то есть сознание возникает как *направленное на бытие*, которое не есть оно само» [13]. Это значит, что ментальность определяется через отношение к объекту, иному бытию, в котором конституируется смысл трансцендентности объекта: «прояснить смысл этой трансцендентности – значит понять «интенции» мышления и разгадать способ конституирования ими трансцендентного предмета» [14]. Опираясь на эти формулировки, сконструируем следующие определения сознания через соотносительное с ним понятие бытия:

Любое бытие есть сознание по определению, если оно способно обретаать определенное содержание как трансцендентный смысл объекта, конституируемый тем или иным отношением интенции (направленности) на этот объект как иное бытие.

Обозначив термин «сознание» символом *Cons* (от англ. conscience), запишем его определение в ЯТО:

$$(iM_A) Cons =_{df} [(b_a(*iM_A))] s_t. \quad (7)$$

Хотя интенциональность есть свойство направленности на реальный объект, оно является ментальным по своей природе, т. к. принадлежит сознанию, а не объекту. Трансцендентность сознания также не является реальным отношением, имея, согласно экзистенциализму, ментальную природу.

Интенция на объект в сознании конституирует способность сознания существовать. По Сартру, эта способность есть свойство сознания иметь сознание о своем существовании: «Великий онтологический закон сознания состоит в следующем: *единственным способом существования для сознания является обладание сознанием собственного существования*» [15]. Отсюда:

Любое бытие есть сознание по определению, если оно обладает свойством существования в себе самом как единственным способом существования, в чем выражается некоторое онтологическое закономерное отношение сознания к отличным от него существующим объектам.

Запишем эту формулировку в символической форме

$$(iM_A) Cons =_{df} b_t [(iM_A*) s_a]. \quad (8)$$

Как видно из (7) и (8), общая схема формул дефиниций экзистенциального понятия сознания – *bMs*, в отличие от формул (5) и (6), определяющих мистическое понятие мировой души по схеме *sMb*.

Для определения ключевых понятий нигилизма воспользуемся философией небытия А.Н. Чанышева. В «Трактате о небытии» он пишет:

«До сих пор мы мыслили по схемам:

1) А есть (нет), потому что В есть (нет) – причинность.

2) А есть, потому что А есть – самопричинность.

3) Но просмотрели другой вариант:

4) А есть, потому что А нет.

То есть небытие существует, потому что бытие не существует» [16].

Действительно, в приведенных выше дефинициях, содержащих определенность духовного отношения или свойства s_t , реализуется мыслительная схема причинности:

1) $B \Rightarrow A$. В определениях же, включающих неопределенность духовного свойства или отношения s_a , обнаруживается логика самопричинности: 2) $A \Rightarrow A$. Это и понятно, ибо самоорганизация возможна лишь в условиях неопределенности, исключая однозначную причинность. С другой стороны, неопределенность ментальных m_a и телесных b_a отношений или свойств, которые, в отличие от духовных качеств, не содержат в себе свободы как организующего начала, требует привнесения определенности в виде причинного порядка по схеме 1). Определенность же ментальных m_t и телесных b_t отношений или свойств предполагает отношение тождества как самоимпликации по схеме 2),

то есть справедливость логического закона тождества. Как видим, мыслительные схемы оказываются связующими звеньями между различными типами мировоззрения.

В определениях духовного субстрата S_A реализуется произвольность этого термина, которой соответствует логическая схема 3) $\neg A \Rightarrow A$. Этой схеме должны, вероятно, соответствовать нигилизм и теизм.

Полагая нигилизмом философию небытия (хотя в пору ее создания А.Н. Чанышев считал нигилизмом религиозно-философское сознание), будем основываться на ее определениях: «Свобода – это детерминированность небытием. Несмотря на очевидность своей несвободы, человек чувствует себя все же свободным. Эта иллюзия объясняется тем, что человек способен «не быть». ...Человек небытия понимает себя как небытие своего небытия... Ведь еще Гегель показал, что господин тот, кто обладает сознанием небытия, кто не боится смерти, кто свою жизнь покупает ценою смерти» [17]. Воспользуемся также экзистенциальной характеристикой понятия Ничто в книге Ж.П. Сартра «Бытие и ничто»: «Ничто не есть, ... Ничто не ничтожится, Ничто *«есть ничтожащее»*» [18]. Учитывая нигилистическую «волю к Ничто» по Ницше, а также приведенные выше положения, можем дать следующие дефиниции:

Любой человек свободен по определению, если он, обладая сознанием небытия, обретает иллюзию свободы и детерминирован в данном отношении небытием, благодаря чему он способен некоторым образом не быть и тем самым господствовать над бытием.

Любой человек свободен по определению, если он, веря себя Ничто, пребывает в некоторых отношениях в небытии, благодаря чему обретает способность уничтожать ограничения свободы в своем бытии.

Обозначив через $FreeN$ понятие свободного человека с точки зрения нигилизма, запишем приведенные определения в символах ЯТО:

$$(iS_A)FreeN =_{df} m_t([(iS_A*) b_a]); \quad (9)$$

$$(iS_A)FreeN =_{df} ([m_a(*iS_A)]) b_t. \quad (10)$$

Следует отметить, что автор этих строк не разделяет нигилистического понимания свободы. Наша точка зрения ближе к той, которую занял более двадцати лет назад А.Н. Чанышев, отказавшийся от философии небытия в пользу теизма. Принципиальное различие между нигилизмом и теизмом заключается в отношении к Богу. По словам А.Н. Чанышева, «при допущении существования Бога все содержание трактата рушится» [19].

Можно увидеть, что мыслительная схема $\neg A \Rightarrow A$ соответствует не только нигилизму, но и теизму, устанавливая между ними логическую связь. Как говорил М.К. Мармардашвили, «Если ты не готов расстаться с самим собой, ...то ничего не произойдет. Кстати, не случаен в этой связи и евангельский символ: тот, кто отдает свою душу, ее обретает, а кто боится потерять, тот теряет» [20]. Здесь схема 3) реализуется в двух вариантах, в том числе в виде ее отрицания: $A \Rightarrow \neg A$. Существование свободной личности возможно только тогда, когда оно невозможно, по крайней мере, с точки зрения детерминизма. Как пишет современная украинская поэтесса Лина Костенко в стихотворении, посвященном Г.С. Сковороде, «мы есть лишь потому, что нас не может быть» [21].

Обратимся, наконец, к построению определений одного из ключевых понятий теистического мировоззрения. На сей раз попробуем противопоставить теистическое понятие свободы нигилистическому толкованию, отталкиваясь от положений нашей статьи [22].

Любой человек свободен по определению, если он, обладая способностью внутренне ориентироваться только на свою совесть, воплощающую в себе абсолютные духовные ценности, самостоятельно осуществляет выбор того или иного возможного варианта действия, благодаря чему имеет ту или иную степень власти над своим телом и внешним миром.

Любой человек свободен по определению, если он способен, встав на путь деятельной любви к ближнему, постигать истину и нести нравственную ответственность за свои поступки, благодаря чему вла-

ствует над своей плотью и достигает гармонии души и тела.

Обозначив символом *FreeT* термин «свободный человек» в понимании теистического мировоззрения, запишем формулы этих определений:

$$(iS_A)FreeT =_{df} b_a([(iS_A*) m_i]); \quad (11)$$

$$(iS_A)FreeT =_{df} ([b_t(*iS_A)]) m_a. \quad (12)$$

Приведем комбинацию системных формул как основание классификации типов мировоззрения, которой мы заменим вышеприведенную иерархию уровней триады «дух – душа – тело» («*S – M – B*»):

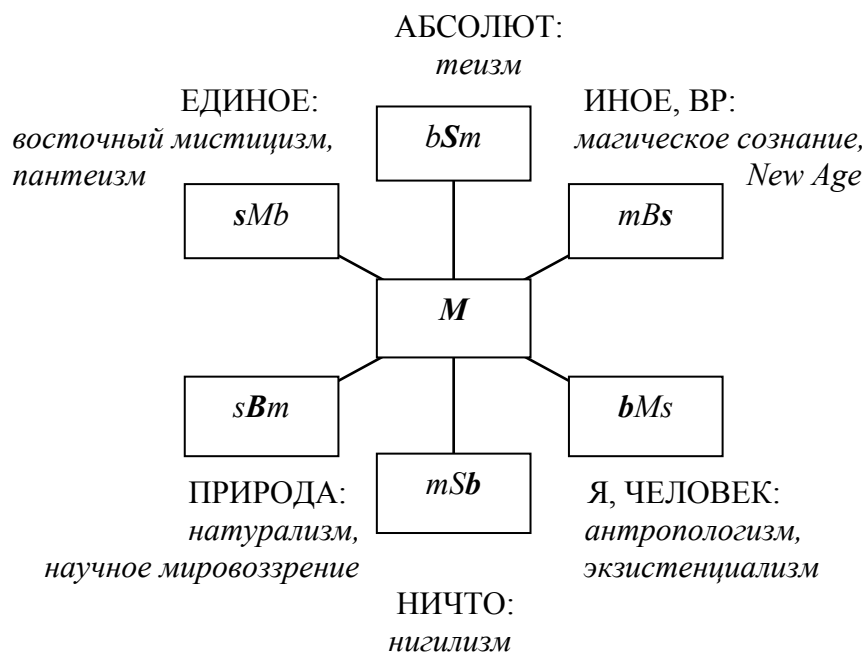

Рис. 3. Комбинация системных связей: «вещь – свойство – отношение» в основаниях типологии мировоззрения

Здесь, как и на рис. 2, жирным шрифтом выделены понятия, обозначающие полюсы соответствующих осей смыслового пространства. Среди них *субстратными* полюсами являются только **S** (дух) в теизме и **B** (тело) в натурализме и научном мировоззрении. Возможно, это обстоятельство отражает наблюдающуюся в мировой культуре и истории дополнительность религиозного и научного мировоззрений, отмечаемую во многих типологиях.

Пара полюсов «Ничто – ВР» связана телесными и духовными *свойствами*, а ось «Единое – Я» – духовными и телесными *отношениями*. В этом обстоятельстве заключены дополнительные возможности для взаимодействия между мировоззренческими позициями.

Благодаря переопределениям понятий можно получать формулы, одинаковые для противоположных полюсов одной и той же

оси. Примеры такого сближения можно найти в сравнительной философии, обнаруживающей параллели между философскими культурами восточного и западного типов. Так, в цитируемой выше статье К. Ясперса «Будда» дается переосмысление буддийского учения, которое показывает, что в нем есть черты, свойственные не только и не столько восточному мистицизму, сколько антропологической и экзистенциальной философии.

Переопределение и переосмысление может носить характер не только интерпретации, но и эволюции, превращения одного типа мировоззрения в другой. Примером этого перехода является путь Достоевского от нигилизма к экзистенциальному варианту православного христианства. Экзистенциальный момент представлен, прежде всего, прохождением через центральное для всех осей положение субстратного понятия **M**

(душа). В другом примере из истории философии мы видим переход Ницше от нигилизма к экзистенциальному атеизму и западной интерпретации восточных учений буддизма и зороастризма.

Субстратное понятие *М* (душа) выступает связующим звеном во всей системе воззрений. Центральное положение души в системе понятий, образующих типологию мировоззрений позволяет предположить, что путь к взаимопониманию между различными позициями в этом смысловом пространстве лежит не только на пути логической интерпретации или обобщения, которые могут быть не восприняты мистическими, магическими учениями или нигилизмом, а в сфере *общения*. В этом отношении ключевую роль в нахождении взаимопонимания мировоззрений может сыграть диалогический метод, развиваемый, в частности, в рамках русской философии.

Итак, дополнительные друг другу *типы мировоззрений связаны как полюсы отношения человека к духовной, душевной и телесной жизни*. Из анализа логических оснований типологии мировоззрений можно видеть, что их различие и противоположение есть оборотная сторона единства. Более того, поиск основания разделения и противостояния обнаруживает глубинную *общность истоков мировоззренческих позиций*.

Поиск единства мировоззренческих позиций может осуществляться и на пути, намеченном в нашей первой статье, а именно через переосмысление процессов *партиципации* и *трансценденции* через триаду «дух – душа – тело». *Партиципация* первоначально предстает как стремление души вернуться к единству с природным телом, от которого ее отчуждает воплощенный в культуре дух, затем в ней проявляются тенденции *приобщения души к духу*.

Полюсы отношения «Единое – Я» – это *отождествление* человеком себя и мира и *противоположение* себя миру. В то же время оба типа мировоззрения выражают стремление человека к преодолению отчуждения от подлинного бытия, *партиципации* (обретению причастности) к подлинной целостности, духовному единству. А это воз-

можно лишь путем трансцендирования за пределы мира наличного бытия, освобождения от него.

Соотнесение Абсолюта и Ничто воплощает дуальную оппозицию *добровольного подчинения* идеальной воле, которая несравненно выше меня и всего мира, и *неподчинения, неподвластности* чему-то внешнему, стоящему надо мной. Вверяя себя Богу, верующий человек стремится к совершенству и святости, к тому, чтобы его выбор сообразовался с божественной волей. Беря на себя ответственность за это, он тем самым обретает свободу от власти наличной реальности и искушения злой воли. Нигилист пытается освободиться от власти сил, которые он воспринимает как внешние. Это, прежде всего, вымышленный Бог-Отец, воплощенный в реальной культуре и общественной морали, навязываемых человеку. Нигилист стремится избавиться от власти над ним других людей и социальных институтов, от искушения мнимой свободой и соблазна ложных ценностей. Если теист трансцендирует от принуждающей, бездуховной культуры к Богу, тем самым *приобщаясь* (партиципируя) к нему, то нигилист трансцендирует от культурного принуждения со стороны церкви и религиозных фанатиков, партиципируя к Ничто как залогом полной независимости.

Основанием для выделения «телесного» измерения смыслового пространства типов мировоззрения может служить отношение *овладения* соответствующим типом реальности. Природной реальностью мы можем овладеть, а «иной», виртуальной – нет. При этом *способ данности* человеку соответствующей реальности их объединяет: и природная (налично существующая), и виртуальная реальности воспринимаются человеком как объективные, чувственно данные виды бытия. Осваивая природу, человек партиципирует а к ней, трансцендируя из культуры как источника отчуждения. Виртуальной реальностью нельзя овладеть иначе, как воплощая ее в наличное бытие. Можно контролировать генераторы искусственной ВР. В иной реальности как таковой можно освоиться, что и дает нам магико-

мифологическое сознание, которое есть та же трансценденция от культуры и партиципация к иной реальности.

На примерах проведенного сравнительного анализа мировоззренческих позиций можно видеть, что отношения и процессы *трансцендирования* и *партиципации*, рассмотренные в первой статье как источники разделения типов мировоззрения, могут служить основанием и для их единения.

Приведенный в данной статье анализ типологии мировоззрения ставит вопрос о той позиции, в которой находится автор рассуждения: в одной из шести рассмотренных или в какой-то седьмой? Здесь следует проводить различие между философско-мировоззренческой и научно-исследовательской позициями, о чем писал К. Ясперс: «В моей «Психологии мировоззрений» есть одно ключевой противопоставление. Там прямо говорится: автор не намерен излагать никакой философии. Ведь философия в высшем смысле этого слова есть проповедование, утверждение чего-то. Психология, наоборот, пытается понять все возможные варианты мировоззрений, окидывая их беспристрастным взглядом» [23].

В нашей работе типология мировоззрений рассматривается не столько с психологических позиций, сколько с точки зрения междисциплинарного и системного подходов. Междисциплинарный подход включает в себя научную и философскую составляющие, и последняя как бы скользит по позициям научного, теистического и экзистенциального мировоззрений. Системная теория А.И. Уёмова является шагом к тому, чтобы придать философскому анализу черты философской науки – метафилософии или более общей метатеории. Следующим шагом на этом пути может явиться разработка аксиоматики каждой из позиций в смысловом пространстве мировоззрений.

Возможны ли иные позиции, выходящие за пределы рассмотренного трехмерного смыслового пространства? Это предмет отдельного исследования, так же как и анализ типологии религий, философий и других *форм* мировоззрения.

Литература

1. Фалько В.И. Типология мировоззрений // Лесной вестник. – 2002. – № 3 (23). – С. 186 – 191.
2. Дж. Сайр Парад миров: Типология мировоззрений. – СПб.: Мирт, 1997.
3. См.: Делёз Ж. Ницше. – СПб.: Аxioma, 2001. – С. 102, 104.
4. См.: Ясперс К. Будда / Западная философия: итоги тысячелетия. – Екатеринбург: «Деловая книга», Бишкек: «Одиссей», 1997. – С. 173.
5. Гуревич П. Этот зыбкий, фантомный мир (общекультурный смысл размышлений Кастанеды) / К. Кастанеда. Учения Дона Хуана: путь знания индейцев Яки. – М.: Миф, 1991. – С. 12.
6. Уёмов А., Сараева И., Цофнас А. Общая теория систем для гуманитариев: Учебное пособие / Под общ. ред. А.И. Уёмова. – Варшава: Изд-во «Universitas Rediviva», 2001.
7. Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. – М.: АН СССР, 1963. – С. 171 – 174.
8. Уёмов А., Сараева И., Цофнас А. Общая теория систем для гуманитариев. – С. 42, 37.
9. Сорос Дж. Сорос о Соросе. Опережая перемены. – М.: ИНФРА-М, 1996. – С. 278.
10. Цит. по: Тиффин Дж., Раджасингам Л. Что такое виртуальное обучение: Образование в информационном обществе. – М.: Информатика и образование, 1999. – С. 211.
11. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. – М.: Мысль, 1969. – С. 82, 93.
12. Ср.: Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). – М.: Наука, 1992. – С. 81, 83.
13. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Респубика, 2000. – С. 34 – 35.
14. Левинас Э. Философская интуиция / Интенциональность и текстуальность: Философская мысль Франции XX века. – Томск: Изд-во «Водолей», 1998. – С. 113.
15. Сартр Ж.П. Воображение // Логос. – 1992. – № 3 (1). – С. 106.
16. Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 162.
17. Там же. – С. 164 – 165.
18. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. – М.: Респубика, 2000. – С. 59.
19. Сенкевич А.Н. Показания свидетелей защиты. – М.: Знание, 1992. – С. 56.
20. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию: Изд. 2-е, изм. и доп. – М.: Издат. группа «Прогресс», «Культура», 1992. – С. 19.
21. Костенко Л.В. Сад нетанучих скульптур. – К., Рад. письменник, 1987. – С. 10.
22. Фалько В.И. Бог и свобода (О современных доказательствах бытия Бога) // Лесной вестник. – 2001. – № 3 (18). – С. 13 – 17.
23. Ясперс К. Философская автобиография / Западная философия: итоги тысячелетия. – Екатеринбург: «Деловая книга», Бишкек: «Одиссей», 1997. – С. 44.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ В РОССИИ

Н.И. МАТЯШ, *профессор кафедры мировой и отечественной культуры*

Для того, чтобы понять особенности формирования современной социокультурной парадигмы в нашей стране следует иметь в виду два важных обстоятельства. Одно из них связано с тенденциями, которые воздействуют в общемировом, глобальном аспекте на процесс развития социокультурной динамики в современном мире. Начало этим тенденциям было положено в эпоху развертывания цивилизационных процессов XX столетия. Об этом достаточно убедительно писали в своих работах О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби, О. Тоффлер и другие выдающиеся ученые, серьезно обеспокоенные этой проблемой. И поскольку XX век уже позади, то можно с большой долей уверенности сказать, что их прогнозы в своей значительной части, к сожалению, были верными.

XX век задал темп быстроменяющейся картине мира, и, следовательно, быстроменяющейся социокультурной ситуации. Под его влиянием усиливается противоречивость развития социальных и культурных процессов, растущий плюрализм культурных форм подменяется еще более быстрой сменяемостью цивилизационных форм, которые значительно обедняют развитие общества в духовно-нравственном аспекте, т.к. в своей сущности они направлены на удовлетворение повседневных потребностей, организации проведения досуга, развертывания широкой индустрии развлечений, информационных технологий, усиления коммерциализации культурно-творческих процессов. И хотя, казалось бы, что все эти процессы должны улучшать, обогащать и делать жизнь людей комфортней, тем не менее, перед человечеством возникают еще более сложные проблемы под давлением событий, знаний, науки, техники и различного рода информации. «В настоящее время огромные массы людей все еще

остаются на том интеллектуальном уровне, на котором они пребывали и сто пятьдесят лет назад, когда новые гигантские социальные силы только начинали появляться, – писал 70 лет назад в своем 12-ти томном труде «Постижение истории» английский историк Арнольд Тойнби. – Мера нравственного убожества и деградации современного человечества в полной мере видна на страницах «желтой прессы». В извращенности западной прессы также ощущается властная сила современного западного индустриализма и демократии, стремящаяся удерживать основную массу людей, и без того ущербную в культурном отношении, на как можно более низком уровне духовности»[1]. Как видим, оценка дается довольно резкая, но современный мир пока еще продолжает жить с этой проблемой.

Примерно, в эти же годы пишет свои труды русский эмигрант «первой волны» Питирим Сорокин. В своем монументальном произведении «Социальная и культурная динамика» он, почти с абсолютной точностью, описал наиболее существенные недостатки и тенденции современного искусства, а точнее – его деградацию. В подзаголовке «Недуги нашего чувственного искусства» П. Сорокин показывает анатомию этой деградации. С иронией он пишет: «Кого сейчас, кроме маленькой кучки старомодных чудачков, интересуется искусство, которое не развлекает, не доставляет удовольствия, не возбуждает и не расслабляет как цирк, как внимание очаровательной девушки, как стакан вина или хорошая еда? Но ведь оно обслуживает рынок, а потому не может игнорировать его запросы. А поскольку большая часть этих запросов вульгарна, то и искусство само не может избежать вульгаризации. Вместо того, чтобы поднимать массы до собственного уровня, оно, напротив, опускается до уровня толпы» [2].

Именно как коммерческий, рыночный товар для развлечений искусство и творчество художников начинает контролироваться торговыми дельцами, руководствоваться коммерческими интересами. Такая атмосфера чрезвычайно неблагоприятна для создания истинных и вечных ценностей. Она ведет к массовой продукции преходящих «хитов» и недолговечных «бестселлеров»... в поисках пользующегося большим успехом чувственного и сенсационного материала так необходимого условия стимуляции и возбуждения чувственного наслаждения, — отмечает далее П. Сорокин, — искусство уклоняется от позитивных явлений в пользу негативных, от обычных типов событий к патологическим, от свежего воздуха нормальной социально-культурной действительности к социальным отстойникам, и, наконец, оно становится музеем патологий и негативных феноменов чувственной реальности» [3].

Активизация человеческой деятельности с помощью научных достижений, совершенствования технологических процессов, расширения информационной цивилизации — это закономерное явление. Но оно интенсифицирует социальное и культурное бытие, ставя человеческую жизнь в условия эмоционально-психологических перегрузок, утраты жизненных ориентиров, состояния неуверенности и страха перед будущим, которое американский публицист и философ Олвин Тоффлер назвал «футорошоком», а австрийский психиатр Виктор Франкл — «экзистенциальным вакуумом» [4]. Возникает парадоксальная ситуация, когда человек в общем цивилизационном движении расширяет творческие возможности своего бытия, свое господство над природными стихиями, а с другой — он с очевидностью подходит к определенной грани этого бытия и тогда возникает необходимость удержания разумной гармонии во взаимодействии с природой, с самим собой, как частицей этой природы.

Естественно, что указанные особенности (конечно, далеко не все) развития общемировой социокультурной ситуации ска-

зываются и на социокультурных процессах в России как части целого. Вместе с тем эти процессы дополняются национальной спецификой.

Прежде всего, затянувшиеся на неопределенное время экономические, политические и социальные реформы в современной России самым непосредственным образом отразились на общей социокультурной ситуации в стране. Оценивая эту ситуацию совсем необязательно прибегать к каким-то сложным теоретическим и методологическим конструкциям, чтобы понять некоторые стороны формирования российской социокультурной парадигмы.

Так, к положительным явлениям перестроечной эпохи следует отнести разрушение устоявшихся стереотипов мышления на отрицательном полюсе, растущий плюрализм мировоззренческих взглядов, приобщение социокультурного бытия к общечеловеческим ценностям, открытие широких возможностей духовного выбора, в частности, активное обращение к духовной русской православной традиции. Положителен сам факт полифонии, многообразия форм социокультурного развития России, динамика ее взаимодействия с культурой других стран на самых различных уровнях: государственном, общественном, культурном и личностном.

Для полнокровной культурной жизни страны важным стал факт открытия широких возможностей для свободы творчества, когда одаренная личность не испытывает над собой никакого идеологического давления, кроме своей собственной совести и общепринятых норм морали. Но этот прекрасный принцип в реальной жизни, к сожалению, для большинства творческих людей осуществляется далеко не так легко, как провозглашается. Существует сложная система жизненных обстоятельств, которые могут свести на нет все усилия по реализации этого принципа.

Произошедшие перемены в России усилили фактор моральной ответственности личности, ибо государство, сняв определенные запреты и ограничения, перевело их в

моральную сферу, что, конечно же, требует от личности большой культуры и осознания своих поступков. Личность в данных условиях переводится как бы в «автономный режим» своего бытия, где категория совести или «внутреннего нравственного закона», как это определял немецкий философ И. Кант, приобретает особую значимость.

Вместе с тем, в современной социокультурной парадигме России в силу нынешних исторических обстоятельств имеется много и противоречивых моментов. Так, по нарастающей развивается тенденция коренной ломки устоявшегося быта и традиций недавнего прошлого, смены ценностных установок и нравственных критериев без определения каких-либо ясных и четких перспектив на будущее, поэтому в такой ситуации, к сожалению, преобладает деструктивный фактор. Кроме того, форсирование реформ предполагает ускоренный, а потому во многом несбалансированный процесс интеграции России в мировое постиндустриальное общество, что вносит деформацию в развитие социокультурного пространства страны. Такие естественные понятия для западной культуры, как рыночные отношения, частное предпринимательство, индивидуализм, правосознание, демократия, массовая культура и другие в российской действительности, в лучшем случае, приобретают уродливые формы, в худшем – криминализируются.

Политическое измерение жизни в России почти всегда в огромной степени было детерминировано этической составляющей: «по правде», «по совести», «по справедливости» и т.д. Ломка этой традиции особенно болезненно воспринимается нашим обществом. Поэтому в осуществляемых реформах самый жестокий удар был нанесен нравственным чувствам и идеалам. Глубина нравственного кризиса стала определяться тем, что она охватывала всю структуру мотивационной сферы, где мотивами человеческого поведения выступают эмоции и чувства; ценности и идеалы; нравственные нормы и культурные стереотипы; рациональные теории или идеи. А ведь мотивы поведения в

значительной степени могут находиться в сфере бессознательного как архетипы. Впрочем, это не только российская проблема. Западные психологи отмечают, что то, что сейчас часто считается трезвостью и прагматизмом, на самом деле, называется ослабленным инстинктом жизни. То есть, когда люди перестают интересоваться обыкновенными вещами: добром, любовью, сочувствием, состраданием, привязанностью, дружбой, какими-либо увлечениями. Другими словами, живут как бы на искусственном эмоциональном питании.

Значительный ущерб в современных условиях наносится русскому языку как основному носителю культуры. Ведь любой язык непосредственно связан с сознанием, менталитетом, образованием и культурой любой нации или народа. Поэтому чрезмерное засорение его словами из чужого языка обедняют родной язык, ущемляют национальное достоинство. Что дают, например, русскому языку такие понятия, как «киллер», «путана», «рэкетир»? Да они просто затушевывают и даже романтизируют страшный смысл этих слов на родном языке: убийца, падшая женщина, вымогатель денег. И таких примеров бездумного использования иностранного языка можно привести множество. В богатой русской истории это уже было – «смесь французского с нижегородским» – и только война 1812 г. способствовала возрождению национального самосознания.

Потрясением также для социокультурной жизни России стало достаточно агрессивное вторжение различных форм массовой культуры, а также средств массовой информации. И, если на Западе эти процессы были естественным следствием развития цивилизации, то у нас в стране они приняли стихийно-подражательный характер без каких-либо норм и правил. Массовая культура – детище рыночных отношений, следовательно, нетрудно себе представить в какие формы она выливается в условиях нашего стихийного рынка. В качестве основных критериев для различных видов массовой культуры выступает, в лучшем случае, под-

ражание западным образцам, в худшем, – шок, эпатаж, патология, невежество, глумление над всем и вся, особенно над своей собственной историей и культурой. При современных средствах массовой информации все это обрушивается на человека, выдавливая из его сознания остатки каких-либо этических норм и правил. В этой связи следует вспомнить слова немецкого писателя Эриха Марии Ремарка, которые он вложил в уста своему герою из романа «Тени в раю»: «Культура – тонкий пласт, ее сможет смыть обыкновенный дождик. Этому научил нас немецкий народ – народ поэтов и мыслителей. Он считался высокоцивилизованным. И сумел перещегоолять Аттилу и Чингисхана, с упоением совершив переворот к варварству» (имеется в виду приход Гитлера к власти /примеч. авт./) [5].

В заключение можно сказать, что духовный кризис переживает вся мировая культура. В ней перекликаются как бы две цивилизации: цивилизация прагматическая, цивилизация индустрии развлечений и цивилизация духовная, нравственная. В России этот процесс происходит особенно остро и болезненно в силу сложившихся обстоятельств. Но в отличие от западной культуры

русская культура своими духовно-нравственными традициями заряжена больше даже на подсознательном уровне. «Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все, что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система, со своими историческими дарами и заданиями», – писал русский философ И.Ильин [6].

Уже сейчас начинается постепенно процесс отторжения многих форм культуры, не совпадающих с традиционной российской ментальностью. А это уже и есть симптомы национального возрождения России.

Литература

1. Тойнби А.Дж. Постигание истории: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1999. – 259 с.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 451-452.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 350 с.
4. Гуревич П.С. Культурология: Учебник – М.: 1999. – 10 с.
5. Эрих Мария Ремарк. Тени в раю. Роман. – Прогресс, 1972. – 443 с.
6. Иван Ильин. О грядущей России: избр. статьи. – М.: Воениздат, 1993. – 323 с.

ТАМОЖЕННОЕ ОБЛОЖЕНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МАШИНОСТРОЕНИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА РУБЕЖЕ XIX – XX веков (ПО РАННИМ РАБОТАМ Л.Б.КАФЕНГАУЗА И Л.Н. ЛИТОШЕНКО)

О.А. ЗОЗУЛЯ, *доцент кафедры мировой и отечественной культуры МГУЛа, к. и. н.*

В начале 1910 г. профессор московского университета, руководитель семинаров по политической экономии И.Гольдштейн получил от харьковского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности интересное предложение. Его просили высказаться в трудах общества по вопросу, который лоббировали отечественные промышленники. Речь шла о готовившемся повышении таможенных пошлин на сельскохозяйственные машины, ввозимые из-за рубежа. Профессор за неимением времени переадресовал работу двум молодым ученым,

участникам семинаров, оставленным в университете для дальнейшей работы. Результатом исследования стали две небольшие монографии: «Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. К вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные машины» Л.Б. Кафенгауза и «Таможенное обложение в России сельскохозяйственных машин и его значение для русского сельского хозяйства» Л.Н. Литошенко, опубликованные в Харькове в том же году [1].

Научные изыскания молодых ученых были проведены на высоком профессио-

нальном уровне, опирались на широкую источниковую базу. Авторы изучили документы «любезно», как они отмечали, предоставленные высшими чиновниками Департамента мануфактур и внутренней торговли, Департамента таможенных сборов Министерства финансов, Главного управления земледелия и землеустройства, Министерства торговли и промышленности, Министерства земледелия и государственных имуществ, что позволило выявить особенности влияния таможенных пошлин на развитие промышленности и земледелия и еще раз обратить внимание на столь значительный для экономики дореволюционной России фактор, как таможенное обложение.

Обращаясь к теории вопроса, следует отметить, что таможенные пошлины являются одной из разновидностей налогов, собираемых государством. «Под именем таможенных налогов, или, как их принято неправильно называть в общежитии, пошлин, – писал в начале XX века известный русский специалист в области финансовой науки И.И. Янжул, – разумеются налоги, взимаемые с различных товаров при их передвижении или транспортировке... обыкновенно на границе при ввозе в страну» [2]. Они, также как и акцизы, налог на операции с ценными бумагами, относятся к косвенным налогам, то есть таким налогам, которые, как считал Адам Смит, связаны с расходами и перелгаются на потребителя, «сидят» в цене товара и являются налогами на потребление.

Таможенные пошлины всегда выступают существенным источником доходов государства, то есть служат задачам фиска. Вместе с тем, они выполняют и другие функции, основными из которых можно назвать: оптимизацию соотношения экспортируемых и импортируемых товаров; защиту отечественных производителей от неблагоприятного воздействия внешнего рынка; регулирование соотношения валютных доходов и расходов государства [3]. Таким образом, помимо сугубо финансовой функции, выраженной в том, что налоги – основная форма доходов государства, налоговый механизм используется государством для эконо-

номического воздействия на общественное производство. Последняя проблема до сих пор является предметом исследования и имеет не только теоретический, но и практический интерес, ибо введение или отмена таможенных платежей на отдельные товары, машины и оборудование может привести, как считают современные исследователи, к трудно предсказуемым последствиям. Именно об этом и шла речь в ранних работах ставших впоследствии известными экономистами, профессорами Л.Б. Кафенгауза и Л.Н. Литошенко.

История отечественного налогообложения стала предметом научных исследований еще в первой половине XIX века. Н.И. Тургенев, автор одного из первых русских фундаментальных трудов в этой области «Опыт теории налогов», подробно рассмотрел основные вопросы о налогах, начиная с их происхождения и источника, до описания различных видов и общего взаимодействия. Он предложил классификацию источников и способов налогообложения, проанализировал различные принципы взимания налогов, затронул вопросы влияния налогообложения на развитие земледелия, промышленности и т.д.

С 50-х годов XIX столетия в специальной литературе и периодической печати началось усиленное обсуждение проблемы свободы торговли и протекционизма. Его результатом было появление многочисленных статей, в том числе и полемического характера. Защитником протекционизма в 80-90 годы выступил известный ученый Д.И. Менделеев, по мнению которого протекционизм отвечает естественным условиям страны, вызывает рост промышленности, обогащение и просвещение народа [4].

Среди исследований о таможенной политике царского правительства в начале XX века выделяется труд профессора М.Н. Соболева «Таможенная политика России во второй половине XIX века». Автор аргументировано доказывал, что фискальные интересы государства носят преобладающий характер в таможенной политике. Он особо остановился на том моменте, что «влияние обще-

ственных групп населения на таможенной политике сказывалось сравнительно слабо... Доминирующее влияние принадлежит государству, которое, как самодавяющее учреждение, стремится извлекать из таможенных пошлин наибольший доход» [5]. Кроме того, ученый обратил внимание на то, что население вынуждено переплачивать громадные суммы при наложении пошлины на ввозимые товары. При этом покровительство отечественному производству, которое должно привести к удешевлению продукции, не достигает своей цели, ибо по законам рынка поднимается не только цена ввозимого, но и «цена туземного товара в виду ослабления рынка». Поэтому выгодные условия, о которых говорили сторонники повышенных пошлин благодаря покровительству, не достигают цели; более того, превращаясь в постоянное явление в стране, отмечал М.Н. Соболев, создают высокие цены и вызывают вздорожание жизни населения [6]. Таким образом, уже в начале прошлого века определились проблемы, которые были напрямую связаны с последствиями проводимой правительством налоговой политики в такой области косвенного обложения, как таможенное обложение.

Работы Л.Б. Кафенгауза и Л.Н. Литошенко написаны в русле изучения данной проблематики. Первый из авторов большее внимание уделил эволюции отечественной сельскохозяйственной промышленности, а второй – влиянию пошлин на развитие земледелия. Оба пришли к схожим выводам относительно влияния пошлин на эти отрасли народного хозяйства.

Анализируя эволюцию сельскохозяйственного машиностроения в связи с таможенной политикой правительства, Л.Б. Кафенгауз выделил хронологически три основных периода с начала XIX до 1908 г.

Первый период связан с появлением сельскохозяйственного машиностроения и становлением промышленности вплоть до 1885 г. В этот период правительство не обладало сельскохозяйственные машины пошлинами, так как спрос на них был незначительный, а собственное производство только становилось на ноги. В начале века в

условиях изобилия крепостного труда в помещичьих хозяйствах широкое применение машин не представляло большой экономической выгоды. Спрос обнаруживался тогда только на простые виды машин: молотилки и веялки. Пионерами распространения машинной молотбы и потребителями машин стали немецкие колонисты юга.

Спрос на сложные машины увеличился после 19 февраля 1861 г., когда, несмотря на беспошлинный ввоз иностранных машин, в разных районах России возникали крупные центры сельскохозяйственного машиностроения. Русские промышленники добились от правительства разрешения на беспошлинный для них ввоз чугуна, что также значительно продвинуло развитие отрасли.

В свою очередь Л.Б. Литошенко обращает внимание еще на одну особенность первоначального периода развития отрасли: сами государственные чиновники, Министерство финансов выступили охранителями интересов сельского хозяйства. В 1857 г. Министр финансов Княжевич в своем обращении к Госсовету говорил о вредном влиянии пошлин на сельскохозяйственные машины и приводил следующие соображения: «Что касается земледельческих машин и орудий, то хотя по несложности большая часть из них доступна для внутренней выделки, тем не менее обложение пошлиною вывозимых из-за границы сего рода машин и орудий было бы весьма невыгодно для нашего сельского хозяйства, которое стеснилось бы через то в выборе наиболее выгодных для него предметов» [7].

В 1868 г., когда тарифами были обложены многие механизмы, повышение не коснулось ввозимых сельскохозяйственных машин потому, что как отмечалось правительством, производство этих машин увеличилось и без пошлин [8].

Таким образом, делал вывод Кафенгауз, фритредерский период «вопреки распространенному мнению», не убил русского производства, но наоборот, даже способствовал его развитию. Причины крылись в том, что ряд ремонтных мастерских и складов иностранных машин, изучив условия

русского сельского хозяйства, перешел к собственному производству, сразу поставленному в «здоровые условия» конкуренции с иностранными заводами.

Второй период – 80-90 годы XIX века, период таможенного обложения всех сельскохозяйственных машин и высоких цен на чугун, сталь и железо, причиной которых стало повышение ввозных пошлин. Этот период связан с общим промышленным подъемом, когда правительство стремилось сохранить за Россией положение великой державы и взяло курс на индустриализацию страны. Поддерживая отечественное производство, оно все больше оказывает покровительство буржуазии, которая требует усилить таможенную охрану отраслей тяжелой промышленности. Заводчики, как и промышленники до революции, настаивали, например, на обложении сельскохозяйственных машин пошлиной до 90 коп. с пуда.

Л. Литошенко в своей работе показывает, как русская буржуазия аргументировала свои ходатайства о введении пошлин. Петербургский владелец завода сельскохозяйственных машин В. Аккерман утверждал, что обложение даст возможность привлечь знающих техников, увеличить спрос на машины русского производства, что приведет к их удешевлению. Одесский хозяин Товарищества механического и чугунного литейного завода Беллино-Фендерих В. Рестель заверял, что беспошлинный ввоз сельскохозяйственных машин поведет к уничтожению этого производства в России, что, в свою очередь, повлечет повышение цен на иностранные машины.

Владельцы предприятий приводили и другие доводы накануне введения нового тарифа. Так, 15 владельцев механических заводов юга России в обращении Министру государственных имуществ в 1884 г., недовольные «систематическим протезированием иностранных сельскохозяйственных машин и орудий» утверждали, что беспошлинный ввоз невыгоден казне, сельскохозяйственным машиностроителям, железным дорогам и даже самим сельским хозяевам [9]. Особенно интересны аргументы, связанные с

последней категорией. Для сельских хозяев использование импортной, выписанной из-за границы, техники невыгодно, ибо при выписке машин из-за границы дорого обходится их починка внутри страны. Русские машины можно будет легко отремонтировать дома.

Требования производителей сельскохозяйственных орудий и машин вызвали возражения со стороны организаций, представляющих интересы сельских хозяев. Киевское общество сельского хозяйства в записке, поданной в Министерство сельского хозяйства, отмечало, что вводимые пошлины приведут к вздорожанию машин, и явятся чувствительным косвенным налогом. Кроме того, все русское потребление орудий и машин в 9 млн. руб. не может быть восполнено отечественным производством, которое не превышает 4 млн. руб.; соответственно, обойтись без закупок иностранных машин невозможно. Поэтому общество предлагало:

- пошлины вводить постепенно;
- заграничные орудия и машины, «распространенные, но не производимые в России», пошлинами не облагать до развертывания их производства в стране.

Член Вольного экономического общества, один из лучших специалистов в стране по сельскохозяйственному машиностроению В. Чернов, также подчеркивал в своих выступлениях нецелесообразность введения пошлины на сельскохозяйственные машины, так как, по его словам, это поднимет их стоимость и ухудшит положение самой отрасли, так как «главным условием развития нашего машиностроения являются невысокие цены на машины». Он также подсчитал рост налогообложения сельских хозяев. При пошлине в 90 копеек сельские хозяева были бы обложены налогом в 1,5 млн. руб. с пуда в пользу нескольких крупных, монополизировавших рынок промышленников [10].

Представитель Рижского биржевого комитета Грамман на совещании в Министерстве финансов с участием представителей биржевых комитетов, комитетов торговли и мануфактур и производителей земле-

дельческих орудий подчеркнул, что надо помогать сельским хозяевам, «которых у нас в России 30 млн., а не заводчикам, которых у нас насчитывается всего 25» [11].

В конечном итоге, Министерство финансов пошло по пути компромисса. Оно подняло пошлины на сельхозмашины до 50 копеек в 1885 г., позже, в 1891 г., была введена пошлина в 70 коп.

Введение пошлин на сельскохозяйственные машины и повышение их до 70 копеек с пуда (веса машины) не привело наших машиностроителей к благоденствию, поскольку одновременно, выполняя требования владельцев горнодобывающих и металлургических заводов, правительство увеличило пошлины на каменный уголь, чугун, сталь и железо. Таким образом, отечественным промышленникам удалось лишь компенсировать затраты на покупку металла для производства машин. Более того, там, где производство потребляло иностранный металл, в Прибалтике и Польше, производство машин снизилось, а спрос удовлетворялся за счет иностранных машин, сделанных из недорогого за границей металла.

Как считает Кафенгауз, общий ход развития отрасли введение таможенных пошлин не изменило. Производство продолжало развиваться, в основном, благодаря спросу на машины, которые устраняли в известной степени зависимость сельского хозяйства от недостатка рабочих рук, снижали себестоимость продукции и увеличивали доходность хозяйств.

И, наконец, третий период, первое десятилетие XX века, когда, с одной стороны, наметилось падение цен на железо в связи с кризисом железнодорожного строительства и улучшение снабжения металлом отечественных металлообрабатывающих заводов, с другой стороны, с 1898 г. правительство разрешило беспошлинный ввоз целого ряда несложных иностранных машин. И в этот период, несмотря на общий кризис, Кафенгауз не обнаружил стагнации производства. Более того, в период с 1901-1908 г. положение сельскохозяйственного машиностроения можно было назвать блестящим.

Расширение посевных площадей и рост крестьянского хозяйства на юге, Северном Кавказе и, особенно, в Сибири вызвали громадный рост спроса на разного рода сельскохозяйственные машины: обороты переселенческих складов в Сибири возросли с 1209 тыс. руб. до 5175 тыс. руб., обороты частных складов в Сибири достигли 8 млн. руб. В какой степени росло потребление и сбыт сельскохозяйственных машин, показывают данные железнодорожных перевозок, которые выросли с 163,8 тыс. т в 1900 до 299, 1 тыс. т в 1908 г [12].

Таким образом, в вопросе таможенного обложения сельскохозяйственных машин фактически взаимодействовали несколько групп экономических интересов: государство, отечественные промышленники, производители сельскохозяйственных машин и сельские хозяева. Лавируя, правительство пыталось, удовлетворить интересы основных действующих лиц, не забывая одновременно и о пополнении бюджета. Поэтому оно то обращалось к политике свободной торговли, то проводило протекционистскую политику, в интересах отечественных промышленников.

В период фритрейдерства правительство инициировало рост закупок машин для земледелия, стремилось содействовать увеличению объемов и снижению цен производимого хлеба, расширению его продажи на зарубежных рынках, позже в угоду нашим заводчикам были введены повышенные пошлины несколько ограничившие присутствие иностранных конкурентов на отечественном рынке. Благодаря отмеченной противоположности интересов таможенная пошлина не отличалась постоянством и определенностью намеченных целей. Это, казалось бы, должно было сдерживать развитие отрасли и приток капиталов в нее.

Но возрастающий спрос на сельскохозяйственные машины, в конечном итоге, делал несущественным введение таможенных пошлин. Отечественное производство все равно не успевало за потреблением, и иностранные машины продолжали пользоваться популярностью. Принимая во внима-

ние данное обстоятельство, в первое десятилетие XX века государство разрешило беспошлинный ввоз сложных машин, в которых были заинтересованы владельцы крупных высокопродуктивных хозяйств: паровых плугов, сложных молотилок, машин для сортировки картофеля, разбрасывания порошкообразного удобрения, дробилок для винограда и т.д. Но и на этот раз развитие отрасли не приостановилось, несмотря на конкуренцию импортных машин.

Поэтому, отвечая на вопрос, который был поставлен перед исследователями о значении подготавливаемого повышения пошлин, Кафенгауз замечает, что покровительственные пошлины имеют известное значение в качестве охраны национального производства от иностранных конкурентов. Но русское сельскохозяйственное машиностроение возникло при свободном ввозе иностранных машин, развивалось и окрепло при относительно свободном ввозе иностранных машин, низкой пошлине на готовые изделия и высокой на железо и сталь и, наконец, в начале XX века оно перешло к производству машин, не облагаемых пошлиной, рассчитывая на значительный спрос, имевшийся в России.

Следовательно, делает вывод Кафенгауз, иностранная конкуренция не угрожает ни существованию, ни развитию отечественного сельскохозяйственного машиностроения. Увеличенные пошлины поддержат не столько производство новых машин и оборудования, сколько нерасчетливых и бесхозяйственных производителей, которые в отсутствии конкуренции не станут заботиться об усовершенствовании производства.

Далее экономист отмечает, что, возможно, проектируемая пошлина вызовет к жизни несколько таких фабрик, которые без пошлины не открылись бы, как на это указывали сторонники протекционизма. Но такое производство не продвинет страну вперед, так как заводы, «рассчитывающие на ненормально высокие цены или разорятся

при первом и неизбежном падении цен, или будут постоянно требовать от государства и общества все новых и новых пошлин, все новой и новой поддержки» [13].

Что касается влияния пошлин на земледелие, то выводы, которые делают авторы монографий, сводятся к следующему: планируемое повышение пошлин может нанести значительный вред сельскому хозяйству, ибо сократится ввоз иностранных машин, поднимутся цены на импортные, а вслед за ними – и на отечественные машины, усилится монополизация нашей промышленности в отсутствие конкурентов. Особенно тяжело планируемая мера отразится на мелких хозяйствах, с небольшими участками земли, которые уже не смогут пользоваться сложными орудиями и усовершенствованными приемами земледелия [14].

Литература

1. Кафенгауз Л.Н. Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. К вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные машины.– Харьков, 1910, Литошенко Л.Н. Таможенное обложение в России сельскохозяйственных машин и его значение для русского сельского хозяйства.– Харьков, 1910
2. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. – М., 2002. – 405 с.
3. Налоги: Учебн. пособие. – М., 2001. –179 с.
4. Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности в связи с ее общим таможенным тарифом 1891. – СПб., 1891.
5. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. – Томск, 1911. – С.V, VI.
6. Соболев М.Н. Перестройка принципов торговой политики в России в связи с вопросами протекционизма. – Харьков, 1915. – С.26-27.
7. Литошенко Л.Н. Указ. Соч. С.3
8. Кафенгауз Л.Н. Указ соч. С. 7.
9. Литошенко Л.Н. Указ. соч. С.10-11.
10. Соболев М.Н. Указ соч. С.594
11. Соболев М.Н. Указ соч. С.595
12. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. – М., 1994. – С.93-94..
13. Кафенгауз Л.Н. Указ. соч. С.59.
14. Литошенко Л.Н. Указ. соч. С.38.

К ВОПРОСУ О БИБЛЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭСХАТОЛОГИИ

М.В. ФИЛАТОВ, *ст. преподаватель кафедры мировой и отечественной культуры МГУЛа*

Вопросы жизни и смерти всегда были предметом особого интереса в истории человеческой культуры. Они имели свое отражение как в материалистических философских концепциях, так и в мировых религиозных системах, в том числе, в христианстве.

В современных условиях эсхатологические и техногенные проблемы как бы вызывают некоторую остроту ощущения приближения конца света, с одной стороны и с другой возрождающееся в нашей стране христианское мировоззрение, в свою очередь испытывает интерес к этому фундаментальному понятию христианского верования.

В этой связи следует добавить, что сейчас как в мире в целом, так и в нашей стране в частности объявляются вновь открытые пророки, которые, спекулируя на страхах и переживаниях людей предсказывают миру близкий конец света.

Библейская эсхатология включает в себя три основных элемента. Во-первых, представления о Богоизбранности и Мессии, а также связанный с ними образ царства Мессии. Во-вторых, представления о посмертном воздаянии. В-третьих, представления о месте наказания для умерших.

Три вопроса, выделенные выше являются определяющими для библейской эсхатологии. Главным источником по библейской эсхатологии является Священное писание – Библия. Библейский текст традиционно разделяется на две части, являющихся священными для двух религий: иудаизма и христианства. В свете этого сложилось две эсхатологические традиции: иудейская и христианская. Обе традиции дополняют друг друга и представляют эволюцию эсхатологических воззрений христианской церкви. Христианская эсхатология отчасти воспринимает иудейскую эсхатологию.

Проблема Богоизбранности и Мессии является ключевой для библейской эсхатологии. Эта проблема интересовала не только иудаизм, но и христианство. Зарождаясь в недрах религиозной иудейской доктрины, данная проблема окончательно была сформулирована христианством. В рамках библейской традиции происходит эволюция проблемы Богоизбранности. Зарождаясь как избранность по крови, т.е. национальная, Богоизбранность постепенно превращается в избранность по духу, т.е. избранность религиозную. Изменение взглядов на Богоизбранность четко разделяется на две традиции: ветхозаветную и новозаветную. Ветхозаветная традиция ассоциируется с Богоизбранностью национальной. Эта традиция сохранилась в иудаизме и стала основной идеей еврейской религии. Согласно этому единственным Богоизбранным народом является только еврейский народ. В соответствии с этим и ветхозаветная Богоизбранность определяется как кровная принадлежность к этому народу. Только позднее появляется тенденция к отождествлению Богоизбранности не только с генетической принадлежностью к определенному народу, но и как духовное родство. В иудаизме эта традиция не получила дальнейшего развития, но Отцы церкви, в частности, Августин Блаженный, развивают эту мысль в рамках христианского учения.

Уже в книге Бытия мы встречаем упоминания об особых отношениях евреев и Бога. Бог поочередно заключает заветы с ветхозаветными патриархами Ноем (Бытие. 9:8-17), Авраамом (Бытие. 17:4-12), Исааком (Бытие. 26:2-5;24) и Иаковом-Израилем (Бытие.28:11-15) и (Бытие. 35:9-13). Причем вначале это неопределенные отношения, которые касаются всего человечества. Именно в Бытии зарождается меркантильное представление о Земле обетованной как

о реальной территории. Эти архаические и экспансионистские чаяния еврейского народа ложатся в основу представлений о царстве Богоизбранного народа.

Идея о царстве Мессии формулируются в книгах пророков и приобретают более универсальный характер, хотя при этом сохраняет материалистические черты реального государства на земле. Вопрос о царстве Мессии переходит на другой духовный уровень только в рамках христианства, причем для этого оказалось необходимым пересмотреть взгляды и на образ Мессии.

В Ветхом завете образ Мессии связан только с еврейским народом, то в Новом завете образ Мессии принимает апокалипсические черты Спасителя всего живого и Судьи Живых и Мертвых. При этом именно в Новом завете все составные части эсхатологической концепции связываются воедино.

В дальнейшем идея Богоизбранности получает развитие в книгах пророков. Если в Торе говорится, что евреи Богоизбранный народ, единственный, который интересует Яхве, то у пророков вопрос о Богоизбранности рассматривается под другим углом зрения. Согласно мнению М.И. Рижского, в пророческую эпоху Израиль остается для Бога избранным народом, но Он также опекает и другие народы. Главным принципом, по которому еврейский народ становится избранным является особая роль этого народа в эсхатологической истории мира. Именно в недрах еврейского народа должен зародиться Мессия-спаситель [1]. Это главная миссия еврейского народа. Ради этой миссии евреям прощаются их проступки перед Богом. Хотя наказание за них регулярно обрушиваются на Богоизбранный народ. Одним из первых идею наказания формулирует пророк Амос.

Вообще говоря, мы можем назвать пророка Амоса и пророка Исаию основоположниками иудейской эсхатологии. Пророк Амос формулирует идею избранности в следующих словах: 2. Только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас

за все беззакония ваши (Амос; 3:2) [2]. Вся пророческая литература полна рассуждений о каре Бога своему избранному народу. Бог не просто испытывает свой народ, но закаляет его, готовя к важной миссии- появлению в его среде Мессии. Ярким примером испытания Богоизбранного народа является Вавилонский плен. Именно в вавилонском плену рождается представление о «Дне гнева Яхве», дне воплощения эсхатологических чаяний еврейского народа. Именно в «День гнева» Яхве будет судить Богоизбранный народ, именно после этого Мессия установит Царство Бога на земле для еврейского народа.

Несмотря на все преступления Богоизбранного народа против Бога, он по прежнему печется о них. Они важная деталь эсхатологической мистерии. Именно через них придет в мир Мессия, поэтому и нужен Богоизбранный народ, поэтому и нужны испытания для него, чтобы подготовить приход Мессии. Пророк Иеремия так говорит о приходе Мессии: 5. Вот, наступают дни, говорит Господь,— и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле. 6. Во дни Его Иуда спасется и Израиль будет жить безопасно; и вот имя Его, которым будут называть Его: «Господь оправдание наше» (Иер. 23; 5– 6) [3].

Говоря о Богоизбранности, мы упомянули и о Мессии. Кто же такой Мессия? Согласно еврейской традиции, Мессия— это спаситель Богоизбранного народа. Идея Спасителя появилась еще в древности. Еврейский народ имел довольно бурную политическую историю, результатом которой стало даже разделение Царства на Израиль и Иудею. Этим воспользовались противники евреев. Много раз евреи терпели поражения от своих врагов. Враги эти были достаточно могучими, в результате чего справиться с ними еврейское государство не могло. Таким образом, в утешение комплекса обиды и была создана теория Мессии – спасителя. В еврейских текстах упоминается слово «Машиах», что в переводе

значит «помазанный». Оно употреблялось по отношению царей, священников, пророков. Мессии в первую очередь уделяют внимание пророки. Именно они предсказывают появление Спасителя методично перечисляя приметы Его прихода. Исайя говорил о Мессии из рода Давидова: 1. Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; [...] 6. Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников, 7. чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме – из темницы. 8. Я Господь, это – Мое имя, и не дам славы Моей иному и хвалы Моей истуканам. 9. Вот, предсказанное прежде сбылось, и новое Я возвещу; прежде нежели оно произойдет, Я возвещу вам. (Исаия 42:1-9) [4].

Со временем, образ Мессии превращался в образ воина, который освободит еврейский народ от иноземного владычества. После этого будет установлено всемирное царство Мессии. Под царством Мессии подразумевалась сначала Земля обетованная, обещанная Богом ветхозаветным патриархам, а в книгах пророков под царством Мессии подразумевалось мировое еврейское государство: 6. В тот день, говорит Господь, соберу хромлющее и совоюплю разогнанное и тех, на кого Я навел бедствие. 7. И сделаю хромлющее остатком и далеко рассеянное сильным народом, и Господь будет царствовать над ними на горе Сионе отныне и до века. (Мих. 4:6-7) [5].

Таким образом, в Библии идея Мессии тесно связана с идеей Царства Божия. При этом налицо эволюция идеи. Образ Земли Обетованной постепенно трансформируется в образ мировой державы Избранного народа. Новый завет создает более мистический и универсальный образ Царства Божия, переводя его из сферы материальной в сферу мистическую.

Более возвышенным становится и образ Богоизбранного народа. В Новом за-

вете Богоизбранность понимается не генетически, а духовно. Это не родство по крови, а единение Духа. Новое духовное родство не учитывает никаких земных критериев: Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе (К галатам. 3;28) [6].

Если в ветхозаветной традиции Богоизбранность превращает евреев в господ по сравнению с другими людьми (Ис. 14:2), то в новозаветной традиции Богоизбранность подразумевает служение Человечеству: 22. и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется (Мф. 10: 22) [7]. Если в Ветхом завете избранный народ получает весь мир, то в Новом завете избранный народ должен сам отказаться от всего ради своего служения: 37. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; 38. и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня (Мф. 10:37-38) [8].

Более универсальным становится и образ Мессии. Он не воитель или мститель за притеснения Богоизбранного народа, Мессия становится фигурой вселенского масштаба, Он спасает все человечество. Именно Мессия создаст на земле Царство Божие. Это не утилитарное земное царство избранного народа, но вселенское царство праведных – Небесный Иерусалим: 2. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего (Апокалипсис; 21:2) [13]. Налицо эволюция и идеи Богоизбранности и Мессианства от более примитивных земных форм в Ветхом завете до духовно-мистических форм в Новом завете.

Особняком в библейской эсхатологии стоит вопрос о посмертном воздаянии. Говоря о посмертном воздаянии мы выделяем два ключевых момента: Страшный суд и концепция самого места наказания.

Идея Страшного суда в христианстве формируется из ветхозаветного «Дня гнева

Яхве». О «Дне гнева Яхве» постоянно твердят ветхозаветные пророки: 6. Рыдайте, ибо день Господа близок, идет, как разрушительная сила от Всемогущего. 7. Оттого руки у всех опустились, и сердце у каждого человека растаяло. 8. Ужаснулись, судороги и боли схватили их; мучатся, как рождающая, с изумлением смотрят друг на друга, лица у них разгорелись. 9. Вот приходит день Господа лютой, с гневом и пылающей яростью, чтобы сделать землю пустыней и истребить с нее грешников ее. 10. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. 11. Я накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничтожу надменность притеснителей: 12. Сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи – дороже золота Офирского. 13. Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его (Исаия; 13:6-13) [9].

Именно концепция «Дня гнева» легла в основу представлений о Страшном суде: 19. Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя – роса растений, и земля извергнет мертвецов. 20. Пойди, народ мой, войди в покои твои и запири за собой двери твои, укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев; 21. ибо вот, Господь выходит из жилища Своего наказать обитателей земли за их беззаконие, и земля откроет поглощенную ею кровь и уже не скроет убитых своих (Исаия; 26:19-21) [10].

В Ветхом завете «День гнева» не столько день кары сколько день подготовки избранного народа к его миссии: 12. Но будет в тот день: Господь потрясет все от великой реки до потока Египетского, и вы, сыны Израиля, будете собраны один к другому; 13. и будет в тот день: вострубит великая труба, и придут затерявшиеся в Ассирийской земле и изгнанные в землю Египетскую и поклонятся Господу на горе святой в Иерусалиме (Исаия; 27:12-13) [11] Пророк Исаия говорит, что только после

того когда Бог снимет свой гнев с Богоизбранного народа придет в мир долгожданный Мессия. (Исаия; 25:6-9).

После этих эсхатологических событий грешники будут приговорены к вечному страданию.

Правда в Ветхом завете еще не существовало представления об Аде, как в Новом завете. В Ветхом завете упоминается только место скорби-Шеол. Шеол – это место, куда попадают все умершие, несмотря на свою праведность или греховность. Шеол – это подземное царство вечной скорби: 17. Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания (Пс. 93:17) [12]. Постепенно Шеол превращается из места пребывания всех умерших в место наказания для грешников: 2. И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание (Дан. 12:2) [13].

В Новом завете ад это место воздаяния грешникам. Хотя в новозаветной традиции детализированного образа ада тоже не существует: 10. а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков. ... 12. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. 13. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим, 14. И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это – смерть вторая. 15. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное (Апокалипсис; 20:10-15) [14].

Таким образом Новый завет продолжает ветхозаветную традицию. «День гнева Яхве» постепенно трансформируется в новозаветный День Страшного суда. Именно в этот день Иисус Христос-Мессия будет судить все человечество. В результате этого праведники окажутся в Царстве Божиим, как его называл Иоанн Богослов – Небес-

ном Иерусалиме, а грешники будут ввергнуты в Геену Огненную.

Также мы видим как изменяются представления о месте наказания грешников. Так ветхозаветный Шеол – место скорби трансформируется в Геену огненную – место страданий грешников.

В целом библейская эсхатологическая концепция тяготеет к усложнению апокалипсических образов. Наблюдается переход эсхатологических идей от грубого физического к утонченному духовно-мистическому восприятию. Несомненно, то что, библейская эсхатологическая концепция оказала влияние на формирование духовного мира западной христианской цивилизации в целом.

Подводя итоги, хотелось бы отметить также и то значение, какое играет библейская эсхатологическая концепция в формировании духовного мира современно-

го человека. Рамки данной статьи не позволяют более детально рассмотреть данный вопрос, однако актуальность проблемы «последних дней» делает его интересным не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Литература

1. Рижский М.И., Библейские пророки и библейские пророчества, М., 1987 г., С. 92.
2. Библия., М., 2000. – С. 799.
3. Библия., М., 2000. – С. 683.
4. Библия., М., 2000. – С. 643.
5. Библия., М., 2000. – С. 809.
6. Библия., М., 2000. – С. 1048.
7. Библия., М., 2000. – С. 843.
8. Библия., М., 2000. – С. 844.
9. Библия., М., 2000. – С. 1103.
10. Библия., М., 2000. – С. 622.
11. Библия., М., 2000. – С. 630.
12. Библия., М., 2000. – С. 631.
13. Библия., М., 2000. – С. 556.
14. Библия., М., 2000. – С. 787.

«КРЕПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» – ФЕНОМЕН В КУЛЬТУРЕ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

А.С. АГАФОНОВА, *ст. преподаватель кафедры мировой и отечественной культуры*

В истории культуры России можно выделить несколько феноменов, не имеющих по своему размаху и результативности аналога в мировом культурно-историческом процессе. Среди таких феноменов творчество крепостного крестьянства, интерес к которому стал формироваться в конце XIX – начале XX веков.

Понятие «крепостная интеллигенция» было введено в научный оборот Е. Летковой в 1883 году [1]. Это широкое понятие, включающее в себя крепостных, представляющих различные виды творчества. Это «все те элементы из крепостной среды, которые, в силу ли собственных дарований, или волею своего барина, посвящали себя занятиям нынешних свободных профессий» [2]. Активно творчество крепостных развивается с XVIII века. То есть в

тот период, когда в России происходят кардинальные перемены в экономическом и культурном плане, когда доминирующем сословием становится дворянство, создавшее свою неповторимую культуру.

Именно дворянская культура самым непосредственным образом связана с творчеством крепостного крестьянства. Образованность, свобода передвижений, свобода действий, доходы, приносимые поместьями, выливались в дворянской среде в желания что-то делать, совершать неслыханное, иметь что-то лучшее, чем у других. Срабатывал психологический фактор, фактор социального соперничества. Элитная корпорация нередко осуществляла свои амбициозные потребности с помощью талантливых крепостных. Труд крепостных крестьян играл двоякую роль: с одной стороны, как

бесплатная рабочая сила, с другой, как творческий созидательный фактор.

Дворянская и крестьянская культура находились во взаимозависимости, обусловленной социальными связями, определяющими совместную жизнь и деятельность. Постоянное взаимодействие дворянина и крестьянина накладывало отпечаток на восприятие мира этими социальными категориями, на их поведение и отношение друг к другу. Дворянин был связан со своими крепостными общим социальным пространством жизни и деятельности, и поэтому эти две культуры не могли обособленно развиваться. По словам И.А. Бунина «быт и душа русских дворян те же, что и у мужика; всё различие обуславливается лишь материальным превосходством дворянского сословия. Нигде в иной стране жизнь дворян и мужиков так тесно, близко не связана, как у нас» [3].

Но крестьянская культура была замкнутой, ей не было доступно мировое пространство и освоение сферы образования, в отличие от культуры дворянской. Следствием этого явилось то, что дворяне направляли, обучали, развивали, а затем использовали талантливых крепостных, достигая, таким образом, своих целей. Польский король Станислав Понятовский записал в своём дневнике об увиденном в усадьбе Останкино: «Бельэтаж весь деревянный, но с таким искусством отделанный и украшенный, что никогда нельзя было бы и подумать, что он был сделан из дерева. Из тех нескольких сот мастеровых и художников, которые там работали, можно было насчитать не более четырёх-пяти иностранцев, а остальные были не только чисто русские, но почти все люди самого графа Шереметева. Если бы факт этот не был констатирован, трудно было бы этому поверить, до такой степени исполнение всей работы отличалось изяществом» [4].

Заметив призвание к какому-либо виду искусства, высшее сословие давало возможность крепостным употреблять свои таланты «на строительстве» дворянской культуры. Парадоксальным феноменом

следует считать то, что дворянин, заметив способности у крепостного, направлял (прежде всего, в собственных интересах) последнего по этой стезе, и крепостной в ходе обучения находил своё призвание. Некоторые крепостные передавали затем своё мастерство потомкам, образуя целые творческие династии, работавшие на дворянские семьи.

Характерным примером в данном случае является династия крепостных Аргуновых, трудившихся для графов Шереметевых. Архитектор Фёдор Степанович Аргунов был дядей художника Ивана Петровича Аргунова, сыновья которого – Павел стал архитектором, Яков и Николай – живописцами. Строительство и украшение почти каждой русской усадьбы представляло собой своеобразное творческое сотрудничество дворянина и крепостного. Дворянин выступал как заказчик, крепостной как исполнитель-творец. Сошлёмся на пример таких усадеб, как Останкино, Архангельское и Марфино. Строительством в Останкино руководили крепостные мастера П.И. Аргунов, А.Ф. Миронов, Г. Дикушин. Крепостные архитекторы разработали ряд самостоятельных проектов. Крепостной мастер Ф.И. Пряхин проектировал машинное отделение и создал оборудование зрительного зала для шереметевского театра.

Сам Н.П. Шереметев отмечал, что Пряхин «при многих строениях ... в закупке материалов и в делании театральных машин показал опыт, усердие и знание своего» [5]. Плафоны останкинского дворца расписывал крепостной художник Г.С. Мухин, а паркет – Ф. Пядченко. Усадьбу Н.Б. Юсупова Архангельское украшали крепостные художники Ф. Сотников, М. Полтеев, Г. Новиков, Е. Шебанин, Ф. Ткачёв, архитектор В.Я. Стрижаков, построивший торжественную въездную арку. Строительством дворца, столярной мастерской, кирпичным заводом в усадьбе Марфино, владельцами которой были сначала князя Голицыны, затем в разное время графы Орловы и Салтыковы, руководил крепостной архитектор Фёдор Тугаров. До настоящего времени в Марфи-

но сохранилась церковь Рождества Богородицы, автором проекта которой является крепостной В.И. Белозёров.

Некоторые крепостные оказывали различное влияние на представителей дворянской культуры. Так, И.С. Тургенев в молодости общался с крепостным Серебряковым, который первый заинтересовал будущего писателя произведениями русской литературы. Тургенев рассказал о нём в «Дворянском гнезде»: «Невозможно передать чувство, которое я испытывал, когда, уловив удобную минуту, он внезапно, словно сказочный пустынный или добрый дух, появлялся передо мною с увесистой книгой под мышкой» [6]. Граф Н. Шереметев в память своей жены Прасковьи Ковалёвой, бывшей крепостной артистки, построил в Москве «Странноприимный дом», в здании которого в настоящее время находится Институт скорой помощи им. Склифосовского.

Деятельность и творчество крепостных способствовали открытию учебных заведений, появлению литературных шедевров, живописных полотен, театральных спектаклей. Венецианов, происходивший из дворянского сословия, открыл школу для талантливых художников, не имевших возможности оплатить обучение. Среди его восьмидесяти учеников большую часть составляли крепостные, жившие на содержание Венецианова. Герцен написал повесть «Сорока-воровка» о крепостной актрисе Кузьминой, посвятив её крепостному актёру Щепкину.

В некоторых случаях творчество крепостных использовалось их владельцами для получения материального дохода. Например, театры князя Н.Г. Шаховского в Нижнем Новгороде и С.М. Каменского в Орле, где выступали крепостные актёры, были коммерческими и приносили немалые деньги их владельцам. Многие дворяне посылали своих крепостных актёров играть на ярмарках с целью получения дохода.

Немаловажную роль сыграли крепостные в созданных дворянами и имевшими успех заводско-фабричных предприятий и кустарной промышленности. В Архангель-

ском был создан завод, выпускавший фарфоровую и фаянсовую посуду, которую расписывали крепостные живописцы. Эту посуду использовали в княжеской семье и для подарков и подношений. Работами на этом заводе руководил крепостной И. Колесников, известный также как автор картины «Император Александр I на лошади». Княжеская семья считалась с мнением этого крепостного: «Привезённые Г. Рейнером для написания фарфора краски (около 50 сортов) живописцем Колесниковым опробованы» [7].

В некоторых дворянских семьях открывались мастерские по производству вышивки, шалей, шёлковых тканей, ковров. Таким образом, в результате постоянного взаимодействия между дворянами и крепостными, в мир культуры было привнесено множество новых социокультурных образований и художественных ценностей, объективно способствующих общему процессу развития русской культуры.

Среди представителей крепостной интеллигенции есть мастера самых различных профессий. Это: архитекторы, художники, певцы, танцоры, музыканты, актёры, писатели, переводчики, колоколотейщики, скульпторы, даже учёные. Самым распространённым видом крепостного творчества являлось театральное искусство. На рубеже веков насчитывалось 173 крепостных театра. Объяснением этому может являться то, что для крепостных профессии, связанные с музыкой и театром были наиболее доступными.

Для того чтобы стать писателем или учёным, требовалось больше подготовки и общего уровня развития. Для многих дворян «свой» театр служил своеобразной демонстрацией богатства. Например, исследователь крепостных театров во Владимирском крае, Л. Богданов, пишет, что «обладание крепостным театром давало Названову [8] лестную для него возможность щеголять перед соседними помещиками, пускать им при случае пыль в глаза. В дворянском быту это тогда было модно и даже считалось одним из верных способов поддержа-

ния личного достоинства» [9]. Большинство дворян к созданию крепостной труппы подходило очень внимательно. В усадьбах существовали школы крепостных актёров, для их обучения приглашали известных русских и зарубежных мастеров сцены. Крепостная балерина Шереметевых Т.В. Шлыкова, вспоминая свою молодость, говорила «о строгой дисциплине, в которой её держали, как носила она железные обручи и корсет для стройности стана» [10].

Не так мало было и крепостных художников. Это связано с тем, что дворянам нужны были свои живописцы для создания фамильных портретных галерей, оформления усадебных комплексов и домашних театральные постановок. Некоторые крепостные художники, получив «вольную», смогли прославиться и утвердиться в новой для них социокультурной среде. Например, Н.И. Аргунов, став свободным человеком в 45-летнем возрасте, был избран академиком Российской Академии Художеств, получал множество заказов.

Из среды крепостных вышел такой художник как В.А. Тропинин, более трёх тысяч картин которого находятся в разных музеях России и Украины. В Москве открыт музей В.А. Тропинина и художников его времени. При его жизни фабрика Лукутиных выпускала различные лаковые миниатюры с тропининскими шедеврами.

Некоторые творческие профессии встречались среди крепостных в единичных случаях. И в этом их уникальность, так как они связаны со значительными именами. Таким был В.Г. Вороблевский, крепостной графов Шереметевых, присматривавший за обучением актёров и занимавшийся переводческой деятельностью для графов с различных языков. Или И.А. Батов, также крепостной Шереметевых. Он считался лучшим инструментальным мастером своего времени. Умел выбирать дерево для инструментов, знал секрет особого лака. Наши скрипачи прославили скрипки крепостного мастера за рубежом.

Единственным именем, представляющим крепостных скульпторов, является

Б.И. Орловский. На наш взгляд, это надо считать нонсенсом. Ведь русская скульптура очень поздно заявила о себе. Все первые скульптурные работы в России выполнялись иностранцами, а первый русский скульптор, Федот Шубин [11], к концу жизни остался без заказов и умер в бедности. А Орловский, принадлежавший помещику Н.В. Шатилову, в 28-летнем возрасте признавался одним из лучших скульпторов столицы. За работу «Ян Усмарь», посвящённую герою времён борьбы Киевской Руси с кочевниками, скульптор получил звание академика. Пушкин посвятил Орловскому стихотворение «Художник». Всем известен украинский крепостной писатель – Т.Г. Шевченко. А в XVIII – XIX вв. не меньшей славой пользовалось творчество крепостного писателя, имя которого сейчас забыто – Матвея Комарова. Он написал популярный в то время роман «Обстоятельные и верные истории двух мошенников», роман-обработку «Повесть о приключениях английского милорда Георга».

Большую ценность для историков культуры представляет литературное наследие крепостного писателя Шереметевых – А.В. Никитенко. Род деятельности Никитенко надо отнести к разряду незаурядному. Помимо записок о своём времени, изданных в 3-х томах, Никитенко смог защитить диссертацию «О главных источниках народного богатства». Он получил учёную степень доктора философии, звание академика и стал лектором по литературе.

В крепостной среде на очень высоком уровне развивалось декоративно-прикладное искусство. Несомненно, что искусством резьбы по дереву, лаковой живописью и вышивкой владели многие крепостные, о чём свидетельствуют многочисленные мемуары. Так, помещик Терпигорьев, вспоминал о бабушкиной мастерской по вышивке в селе Знаменском: «На террасу стали выносить бесчисленные горничные бесчисленное количество удивительно вышитого белья. Бабушка с скромным, но исполненным неопикуемой гордости, видом давала объяснения: – А вот эту рубашку

подвенечную две девки вышивали 1 год и 3 месяца. – Но вот появилось целое шествие. Над головой держали что-то длинное белое. Раздались возгласы восторга. Это было нечто удивительное. Пеньюар, весь вышитый гладью: дырочки, фестончики, кружечки, цветочки – живого места, что называется, не было – всё вышито... Двенадцать девок два года вышивали его» [12].

На лаковых изделиях XVIII – XIX вв. нередко встречаются крестьянские сюжеты. На некоторых из них крестьянский крепостной быт изображается слишком радушно, что выявляет работу свободного художника. Но множество лаковых миниатюр, в особенности фабрик Лукутиных и Вишняковых, отображают реальные крестьянские сюжеты. Авторами этих работ, хранящихся в музеях различных городов, являются талантливые крепостные, чьи имена по большей части не сохранились в истории.

Говоря о феномене крепостной интеллигенции, необходимо упомянуть о той социальной драме, в которой оказывались её представители. Творческий труд, творческий процесс втягивал крепостных в мир эстетических и интеллектуальных переживаний, формировал мироощущение, неадекватное социальному статусу.

Социальная драма крепостной интеллигенции разыгрывалась на основе зависимости и несвободы. Во-первых, талантливые крепостные могли продаваться, быть преподнесены в качестве подарка или взятки, оказаться в виде приданного, получены в счёт карточного долга, ими расплачивались при отсутствии наличных денег. Известно, что актёр М.С. Щепкин был выкуплен у графа Волькенштейна за 8000 рублей [13]. Во-вторых, крепостные, самостоятельно, без помощи помещика не могли обучаться. А полученное ими образование, могло лишь усугубить драматизм их существования.

Пройдя обучение, крепостные были вынуждены возвращаться к своему барину,

прислуживать ему, совмещать творчество с лакейством. По возвращении, им не предоставлялись условия для свободной самореализации творческого процесса. Образованные крепостные возвращались в более низкую интеллектуальную среду, где они не могли совершенствоваться. В-третьих, любой крепостной мог быть жестоко наказан за какой-либо проступок. В приказе графа Орлова от 1796 г. есть следующая запись: «Высечь архитектора Бабакина за то, что он снял кружала из-под свода» [14]. Помимо указанного, существовала ещё одна проблема. Если крепостному удавалось освободиться, то, как правило, тяжело было утвердить свой новый социальный статус. Он оставался в глазах общества бывшим крепостным, крепостническое клеймо сохранялось и после обретения свободы. В качестве примера можно привести высказывание дворянина Ф.Ф. Вигеля в адрес бывшего крепостного графа А.С. Строганова А.Н. Воронихина, архитектора Казанского собора и других зданий в Петербурге: «Непонятно, как, имея в своём распоряжении Кваренги и Камерона, можно было что-нибудь великое поручить Воронихину? Тут бы национальность в сторону: с такими людьми народная слава скорее теряет, чем выигрывает» [15].

Заключая вышеизложенное, отметим, что, несмотря на драматичность своего положения, в условиях, когда почти полностью отсутствовала возможность свободы творчества, испытывая сильнейшую детерминацию, крепостные интеллигенты создали и оставили в культурном наследии страны классические образцы сценического мастерства и высокохудожественные, профессиональные произведения искусства. Крупные масштабы деятельности, квалификация, полученная в ходе обучения, возможность применения знаний и таланта, высокий уровень работы – всё это выдвигает крепостную интеллигенцию на одну ступень с различными достижениями в русской и западноевропейской культуре.

Литература

1. Леткова Е. Крепостная интеллигенция // Отечественные записки. – 1883. – № 11. – 157 с.
2. Использовано определение исследователя творчества крепостных Е.С. Коца. По работе: Коц Е.С. Крепостная интеллигенция. – Л.: Сеятель, 1926. – 234 с.
3. Боборенко А.И. А. Бунин. Материалы для биографии. – М.: Худож. лит., 1967. – 162 с.
4. Шереметевы в судьбе России: Воспоминания. Дневники. Письма. – М.: Звонница, 2001. – 118 с.
5. Останкино. Театр-Дворец / Г.В. Вдовин, Л.А. Лепская. – М.: Русская книга, 1994. – 167 с.
6. Богословский Н.В. Тургенев (ЖЗЛ; Вып. 24). – М.: Молодая гвардия, 1964. – 16 с.
7. Булавина Л.И., Рапопорт В.Л. Архангельское. – М.: Мос. Рабочий, 1967. – 193 с.
8. Николай Никитич Названов, помещик, обладатель 735 крепостных душ, создал свой крепостной театр в родовом поместье – селе Приклоне около города Меленок Владимирского края.
9. Богданов Л. Страницы из жизни крепостных театров Владимирского края. – Владимир, 1930. – С. 45.
10. Шереметев С.Д. Татьяна Васильевна Шлыкова. – СПб, 1911. – 22 с.
11. Некоторые исследователи предполагают, что Шубин выходец из крепостной среды, хотя этому нет подтверждений.
12. Коц Е.С. Крепостная интеллигенция. – Л.: Сеятель, 1926. – С. 61–62.
13. Клиничин А. Михаил Семёнович Щепкин. – М.: Искусство, 1964. – 37 с.
14. Коц Е.С. Крепостная интеллигенция. – Л.: Сеятель, 1926. – 35 с.
15. Вигель Ф.Ф. Записки. – М.: Захаров, 2000. – 127 с.

ОТКУДА ТЫ, РУСЬ?

С.И. КРАСИКОВ, *доцент кафедры мировой и отечественной культуры МГУЛа, к. и. н.*

В исторической науке по вопросу образования и названия древнего государства Русь с XVIII века кипят страсти. Эта проблема становится нередко объектом политических спекуляций, касающихся русского народа. Прав был, наверное, М.Н. Покровский, определивший историю как «политику, опрокинутую в прошлое». В чем суть проблемы? В 30-60 годы XVII века немецкие ученые И. Байер и Г. Миллер, работавшие в Петербургской Академии Наук, в своих научных трудах впервые попытались доказать, что Древнерусское государство было создано варягами. Так, они положили начало теории получившей название – норманской. Крайним проявлением концепции является утверждение, что славяне в силу своей неполноценности не могли создать государства, а затем без иноземного руководства были не в состоянии управлять им.

Против этой теории решительно выступил М.В. Ломоносов, которому императрица Елизавета Петровна поручила написать историю России. С тех пор борьба норманистов и антинорманистов не утиха-

ет. Причиной этому явлению то, что число письменных источников, содержащих сведения о древнейшем периоде истории славян, невелико. В основном это древнегреческие, византийские, арабские сочинения. Наиболее важными источниками русского происхождения являются летописи. Но их до нашего времени дошло очень незначительное количество. В то же время нельзя забывать, что летописи – памятник очень сложный. Летописец брал за основу ту версию, которая казалась ему более убедительной, более близкой, привлекательной. Самой известной древнерусской летописью является «Повесть временных лет», составленная, как полагают, монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в XII веке. «Откуда есть пошла Русская земля» – с этого вопроса начал свой обзор отечественный историк. Российский историк Татищев Василий Никитич, о котором С.М. Соловьев говорил, что он первый указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься историей, так писал: «О князьях русских старобытных Нестор монах не доб-

ро сведом бе». Известный историк Л.Н. Гумилев также отмечал, что «Повесть временных лет», написанная Нестором, передает события с очень сильными искажениями. Вместо правдивого изложения событий мы имеем легенды, которые сочинялись летописцами в угоду «начальству» в зависимости от политической ситуации». В то же время современный историк Б.А. Рыбаков считает, что историко-географическое введение Нестора в историю Киевской Руси написано с небывалой широтой и достоверностью, заслуживает полного доверия с нашей стороны.

Летописец Нестор написал строки из-за которых ломают копья историки. «В год 6367 (859). Варяги из заморья взымали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А Хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке с дыма...

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси (идоша за море к варягом, к руси). Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англты, а еще иные готландцы (сице бо тии звахуса варязи русь...») – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка (наряда) в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля.

Немецкие ученые, писавшие историю Руси и положили эти события в основу своей норманской теории. Напрасно гениальный Ломоносов протестовал против норманской теории – голос его был «голосом вопиющего в пустыне». Профессор

Н.П. Загоскин в своей книге «История права русского народа», (1899. I, 336-338) писал: «Вплоть до второй половины текущего столетия учение норманской школы было господствующим и авторитет корифеев ее Шлецера – со стороны немецких ученых, Карамзина – со стороны русских писателей представлялся настолько подавляющим, что поднимать голос против этого учения считалось дерзостью, признаком невежественности и отсутствия эрудиции, объявлялось почти святотатством. Насмешки и упреки в вандализме устремились на головы лиц, которые позволяли себе протестовать против учения норманизма. Это был какой-то научный террор, с которым было очень трудно бороться». Традиционная версия не вызвала возражений у крупных историков: ее принимали М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.П. Покровский. И все-таки находились историки, которые выступали против норманистов.

В наше время появились новые источники о древней жизни наших предков, которые позволяют заглянуть в глубь веков и дать ответы на вопросы о происхождении древнерусского государства и его названия Русь. Это прежде всего Влесова книга, Иоакимовская и Никоновская летописи. Содержание Иоакимовской летописи использовал писатель Чивилихин в своем романе «Память». Здесь мы видим, что Рюрик оказывается выходцем из западославянских земель, внук известного Новгородского князя Гостомысла, сын его любимой средней дочери Умилы. Большой интерес у историков вызывают материалы Влесовой книги. Что это за источник? Летопись была обнаружена в 1919 году во время Гражданской войны при наступлении Деникина на Москву. Она была найдена полковником Изенбековым и получила название «дощечек Изанбека». Будучи в мирное время художником и участником археологической экспедиции Академии наук в Туркестане, Изанбек заинтересовался ими и подобрал их. Затем этот материал попал за границу и только в 1957 году началось их изучение и публикация получив название Влесова кни-

га. В России о ней по настоящему узнали только в наше время. Летопись написана на деревянных, очень древних, значительно разрушенных временем и черв дощечках. Летопись охватывает историю Руси от 1500 лет «до Дира», т.е. приблизительно от 650г. до н.э. и доведена до последней четверти IX века. Она упоминает Рюрика и главным образом Аскольда, но ни слова не говорит об Олеге. Писалась книга где-то около 1113 г., т.е. почти на 250 лет позже изложенных событий. А за такой срок много было уничтожено и в письменной форме, и в народной памяти.

По своему значению «Влесову книгу» можно сравнить лишь с «Повестью временных лет», с той только разницей, что она излагает 1500-летнюю историю народа из отрезка времени от которого никаких письменных источников не сохранилось. Не имея возможности говорить о содержании Влесовой книги (материалы ее можно найти сегодня в библиотеке и читальном зале даже нашего вуза), остановимся на ее значении для изучения истории славян. Это совершенно новый исторический источник, притом большого объема и излагает неведомые нам доселе события, новые лица и хронологические данные. Ее данные заслуживают особое внимание уже потому, что в ней трактуется об эпохе, от которой почти или вовсе ничего не сохранилось. «Влесова книга» содержит совершенно новые и оригинальные данные о религии наших предков. Она много дает для истории религии и понимания славянского мировоззрения. В книге отмечается, что человеческие жертвоприношения были совершенно чужды религии руссов, но имели место у варягов. В верованиях древних руссов открывается совершенно особый, оригинальный мир представлений о боге, о жизни и смерти, о правилах поведения и т.д. «Влесова книга» – необыкновенно ценный документ для изучения истории языка наших древних предков. Язык «Влесовой книги» не менее чем на 250 лет старше языка нестеровой летописи, а ее первые дощечки, вероятно, на века древнее.

«Влесова книга» – показатель высоты культуры в IX веке. Мы видим, что существовала не только своя письменность, представлявшая собой упрощенную и видоизмененную греческую. Но существовала и писанная оригинальная история своего народа. Русь IX века была уже не варварской страной, а культурной, интересующейся своим прошлым и знающей его. Она уже прошла стадию истории в устах сказителей и переходила в стадию истории научной. «Влесова книга» совершенно разрушает ошибочные утверждения о примитивности культуры Руси в IX веке.

Большую работу по изучению материалов «Влесовой книги» провел историк С.А. Парамонов (С. Лесной). Покинув в годы Великой Отечественной войны родину он оказался за границей. У него были свои разногласия с Советской властью, но он не сказал о своем народе ни единого худого слова. Он явился автором фундаментальных трудов «История «руссов» в неизвращенном виде» (1953-1960, вып. 10, Париж-Мюнхен, 1175 стр.) и «Откуда ты, Русь», вышедшая в Канаде более четверти века назад и после этого ни разу не переиздававшаяся ни за рубежом, ни в Советском Союзе. Сегодня она издана в России. В своих трудах автор поднимает проблему варягов. Он показывает на конкретных примерах, что норманская теория происхождения Руси совершенно ошибочна. Что «варяги», явившиеся на Русь были по национальности славянами и приглашены в Новгород потому, что мужская линия древней славянской новгородской династии угасла. Они же были представителями ее женской линии. Никакой существенной роли в создании государственности, культуры Древней Руси германцы не сыграли. И государственность, и культура были созданные еще веками до этого своими руками. Автор также считает, что племя Русь – славянское и на много веков древнее, что засвидетельствовано историческими документами, на которые раньше не обратили внимание. История Киевской Руси на 400 лет древнее, чем это до сих пор принималось. Племя Русь появи-

лось в Восточной Европе не испокон веков, а, по-видимому, в начале нашей эры или на рубеже старой и новой. Оно является только восточным отрогом древнего племени Русь, которое уже было отмечено в Средней Европе историками до I века нашей эры. Автор считает, что Русь происходит из Средней Европы, где в настоящее время она истреблена, но существовала как минимум до конца XII века. Однако ее восточный отрог от Карпат и до Днепра уцелел и имеет ту историю, которую мы знаем под именем истории Руси.

Таким образом, при всем многообразии суждений и точек зрения на происхождение и становление древнерусского государства и его название Русь, все же очевидным является главное: Русское государство

сложилось независимо от варягов. Центром объединения послужило племя – полян, которое во второй половине IX века было наиболее сильным в военном, экономическом и культурном развитии. Земля полян, как указывали летописцы, носила также название «русь». Объединение славянских земель вокруг города Киева создало государство вошедшее в историю как Киевская Русь.

Необходимо также отметить, что процесс возникновения Киевской Руси хронологически вписывается в процесс государствообразования, протекающий в IX-X вв. на территориях Северной, Центральной и Восточной Европы. И все же, на вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?» до сих пор по-разному отвечают историки.

КРИЗИСНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

И.В. КРЫЖАНОВСКАЯ, *ст. преподаватель кафедры педагогики и психологии МГУЛа*

В современной России система образования включает государственные, межгосударственные и негосударственные (частные, общественные и религиозные) учебные заведения.

После всех преобразований и целого ряда реформ существующая школа представляет следующую систему: общеобразовательная школа, средние образовательные учреждения и высшие специальные школы.

1. Общеобразовательная школа представляет собой такую структуру:

- начальная школа (1-4 классы);
- основная школа (5-9 классы);
- старшая школа (10-11 классы);
- гуманитарные гимназии (1-11

классы), работающие по разноуровневым и общеразвивающим программам.

2. Профессиональные учебные заведения:

- специализированные лицеи, техникумы, колледжи (5-12, 1-12, 9-12, 10-12 классы), где осуществляется профессио-

нальная подготовка при дифференциации, поуровневой подготовки специалиста по принципу непрерывного образования: школа-лицей, техникум, колледж, ВУЗ.

3. Школы-интернаты, лесные, санаторные школы (1-9, 1-11 классы) для детей с отклонениями в здоровье, в физическом и психическом развитии, с различными проблемами в семье.

4. Учебные заведения, дающие дополнительное образование: центры творчества, спортивные, музыкальные, художественные школы, коррекционно-развивающие центры, центры для одаренных детей.

5. Частные учебные заведения общего и коррекционного типа, для особо одаренных детей, где учителя работают по авторским программам развития ребенка. Это программы профессионального и жизненного ориентирования.

6. Религиозные учебные заведения: воскресные школы, епархиальные гимназии, духовные академии.

Все подразделения образования решают задачи совершенствования личности, ее культуры, физического и нравственного развития, приобретения общего и профессионального образования. Существующая система должна подготовить поколение к общественной и трудовой жизни, обеспечить творческое развитие каждой личности.

Кризис системы образования объясняется тем, что оно перестало быть приоритетным направлением в экономике страны. Убогое финансирование со стороны государства сказывается на оснащении учебных заведений – оборудовании, материально-технической базе; а это негативно влияет на обучение, воспитание и здоровье современной молодежи. Низкая оплата труда современного педагога, не престижность профессии, нехватка кадров во всех уровнях общеобразовательных учреждений заведомо отрицательно сказываются на квалификации учителей. Необходимо отметить и о проблемах преемственности учебных заведений. Требования ВУЗов все чаще не совпадают с уровнем знаний выпускников общеобразовательных школ. Несмотря на то, что многие школы работают в тесной связи с профессиональными учебными заведениями, это не решает проблемы подготовленности для дальнейшего обучения школьников. Многие дети, не имея поддержки со стороны родителей, не в состоянии получить необходимые знания для дальнейшего обучения.

Усиление социальной напряженности, резкое падение уровня жизни послужило источником роста ослабленности и отчаяния, нравственного надлома людей, что не могло не отразиться на подрастающем поколении. Нравственное воспитание современного человека становится первостепенной проблемой современного образования.

Стихийно формируется новый тип личности, имеющий достаточно противоречивые личностные и социальные качества. С одной стороны, это инициативный, находчивый, энергичный, а с другой – ориентированный только на себя и свои потреб-

ности, готовый на многое ради денег и материальных благ человек. Большая общественная важность данной проблемы становится особенно очевидной в период построения демократического государства с рыночной экономикой. Тяжелое экономическое положение страны, крушение прежнего мировоззрения и несформированность нового, отсутствие должных знаний и умений жить и работать в условиях конкурентного и высоко производительного производства – все это привело наше общество к серьезным трудностям и внутренним конфликтам. Особенно трудно в этот период оказалось подрастающему поколению.

Среди молодежи усилился нигилизм, демонстративное и вызывающее по отношению к взрослым поведение. Чаще, и в крайних формах, стали проявляться жестокость и агрессивность. Социальное самочувствие большинства студентов может быть охарактеризовано терминами «разочарование», «пессимизм», «неуверенность», «апатия», «экстремизм». Среди части молодежи наблюдаются иждивенческие настроения, преклонения перед материальными благами, антиобщественное поведение. Появление антисоциальных неформальных объединений молодежи, религиозных сект свидетельствуют о том, что молодежь сегодня особенно нуждается в помощи воспитателей и наставников. Но корректирование поведения современного учащегося возможно, если сам педагог хорошо разбирается не только в сущности происходящих общественных процессов, но и в психологии теперешней молодежи. Современному педагогу необходимо не только осознать коренные изменения в сознании россиян, но и понять новые требования общества к выходящим в самостоятельную жизнь молодым людям, чтобы помочь им найти свое достойное место в мире взрослых, минимизировать трудности приспособления, уберечь от неверного пути.

В советское время принцип индивидуального подхода разрабатывался нашими педагогами и психологами недостаточно. В этой связи в учительской практике этот

принцип использовался мало и часто неэффективно. Причем целью его применения было не свободное развитие личности учащегося, а его наиболее полное подчинение и приспособление к господствовавшим идеологическим догмам. Иное положение складывается сейчас, когда свободное развитие личности человека, соблюдение его прав ставится во главу угла. Новые цели воспитания ставят новые задачи – гуманистического подхода к личности учащегося. А это требует применения психолого-педагогических методов воспитания и обучения ребенка и помощи в развитии необходимых ему для самостоятельной жизни психологических качеств.

Среди основных принципов новой концепции современной системы образования выделяют гуманизм, духовность, демократизм, патриотизм, конкурентоспособность, толерантность. Гуманизация воспитательного процесса предполагает целый ряд условий:

1. Признание личности молодого человека самостоятельной ценностью, уважение уникальности и своеобразия каждого индивида;
2. Создание обществом условий для самоопределения, самоутверждения, самореализации;
3. Социальная защита и охрана здоровья, достоинства и прав;
4. Гуманизация межличностных отношений воспитателей и воспитанников, родителей и детей, учителей и учеников, преподавателей и студентов по принципу уважения, сострадания, терпимости, милосердия, внимания и доброты.

Однако, ни государство, ни современная система образования, ни семья оказались неготовыми для выполнения основных задач нового воспитания.

В современных социально-экономических условиях, основной характеристикой которых является неопределенность, в сфере образования и воспитания требуется широкое внедрение в практику учебно-воспитательного процесса активных методов обучения. Именно они развивают способность к социально-психологической адаптации. В названии этих методов подчеркивается, что в процессе обучения основной акцент делается на активность обучаемого. Важно, чтобы каждый обучаемый самостоятельно или с помощью преподавателя прошел, пережил, осмыслил все этапы познания в определенном образом организованных условиях, получил знания и сформировал коммуникационно-организационные навыки.

Русский педагог Сергей Иосифович Гессен отмечал, что «подлинное образование заключается не в передаче того культурного содержания, которое составляет особенность поколения образовывающего, но лишь в сообщении ему того движения, продолжая которое оно могло бы выработать свое собственное новое содержание культуры».

Литература.

1. Степанов В.Г. Психология трудных школьников: Учебное пособие – М,1998.-С.7
2. Журнал «Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы». – 1997.– №3.– С.3.
3. Журнал «Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы». – 1996. –№1. – С. 46, 60.

СТРЕСС И СТРЕССОУСТОЙЧИВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Э.П. СОЛОМАХО, профессор кафедры педагогики и психологии МГУЛа,
Е.В. КЛИМАЧЕВА, ст. преподаватель кафедры педагогики и психологии МГУЛа

Проблема стрессоустойчивости человека актуальна для России, так как последние десятилетия значительная часть ее населения живет в ситуации жесткого психологического и психофизиологического хронического стресса. Часто основные силы уходят на экономическое выживание, последствия острого и длительного хронического стресса порой бывают скрыты, отсрочены во времени и поэтому тяжелы. Быстрое «эмоциональное сгорание», переутомления, ранние инфаркты, инсульты, обмороки и другие соматические проблемы являются, как правило, последствием прошлых стрессов. От стресса не убежать и не спрятаться. Рано или поздно он настигает нас. Возникает вопрос: что же делать? Мы убеждены, что прежде всего нужно научиться противостоять стрессовой стихии, строить индивидуальные системы защиты.

В мировой психологической теории и практике вопросу стресса уделяется огромное внимание уже в течение многих десятилетий. Первым дал определение стресса Ганс Селье, канадский физиолог начала XX в. Он ввел термин «стресс» для обозначения неспецифической реакции организма в ответ на любое сверхсильное воздействие. Благодаря Г. Селье термин «стресс» и обозначаемое этим словом понятие получило широкое распространение в науке, вошло в справочники, учебники, энциклопедии и в повседневную жизнь. Ученый утверждает, что стресс – это не просто нервное напряжение. Это состояние может быть связано с приятными и неприятными переживаниями. Теория стресса, предложенная Г. Селье, может быть обобщена в четырех положениях. Все биологические организмы имеют врожденные механизмы поддержания внутреннего равновесия (гомеостаз). Стрессоры (сильные внешние раздражители) нарушают это

равновесие, на что организм реагирует неспецифической (независимой от вида стрессора) защитно-приспособительной реакцией. Возникающий процесс стресса и приспособление к нему проходит несколько стадий. Тревога сопровождается мобилизацией резервов, включением защитных механизмов, большинство стрессов разрешается на этой стадии. При продолжении действия стрессора возникающее сопротивление неизбежно вызывает расходование адаптационных резервов. Последующая стадия – истощение. При этом сопротивляемость организма временно или необратимо снижается. Организм имеет ограниченные резервы адаптационных возможностей, их истощение может быть необратимым, что ведет к потере здоровья, быстрому старению.

Термин «стресс» в современной психологической литературе употребляется для обозначения состояния человека в экстремальных условиях на биохимическом, физиологическом, психологическом (эмоциональном) уровнях. Менее употребим термин «дистресс», обозначающий наиболее разрушительные, сверхсильные последствия стресса.

На бытовом уровне стрессом часто называют любое психологическое (эмоциональное) напряжение. Но Ганс Селье утверждал, что полная свобода от стресса означает смерть. Под психологическим стрессом мы понимаем высокую степень психологического напряжения, оказывающую сильное отрицательное влияние на деятельность человека и его отношения с окружающими (причем дистресс – это разрушительный стресс). Стрессовая ситуация и поведение в ней человека характеризуются следующими особенностями. Преобладающими стресс-факторами являются психологические факторы (профессиональные и семейные деструктивные конфликтные взаимоотношения).

Фактор не является стрессогенным сам по себе. Таким он становится в оценке его конкретным человеком.

Возможные реакции человека на стрессовую ситуацию можно разделить на три группы: сознательное овладение ситуацией и преобразование ее в конструктивное поведение; импульсивная реакция, ухудшающая и не разрешающая отношения с близкими и другими людьми, дающая лишь разрядку негативных эмоций; уход от ситуации, защита (часто несознательная) от негативных чувств, связанных с ней.

Результатом конструктивного поведения в стрессовой ситуации являются: позитивные изменения в ситуации, улучшения отношений с вовлеченными в нее людьми, самопознание, новый опыт, повышение самоуважения, уверенность в себе, увеличение и изменение своего поведенческого репертуара.

При неконструктивном поведении (уход от решения проблемы, неадекватное, импульсивное реагирование) характерны: ухудшение ситуаций и отношений; понижение или неустойчивость самооценки, самоуважения, уверенности, примитивизация поведения (сокращение поведенческого репертуара).

Большинство стрессовых чувств, эмоций можно разделить на две группы – страх и гнев (разного уровня интенсивности). Страх проявляется в тревожности, беспокоействе, чувстве вины, самоедстве, боязни конкретных ситуаций, чувстве беспомощности, безысходности. Гнев порождает раздражительность, обиду, зависть, злость, месть, ненависть.

По характеру индивидуальных реакций людей на стрессовые факторы выделяют два психологических типа. Они характеризуются следующими особенностями. У первого типа выявляется большая уязвимость перед стресс – фактором, низкий стрессовый порог. Показатели работоспособности и самочувствия снижаются даже при небольшой интенсивности стресс – фактора. Этому типу присущи склонность к конкуренции, борьбе, высокий уровень притязаний, стремление быть всегда на высоте, завышенные требования и нетерпимость по отношению к ок-

ружающим. Для второго психологического типа характерна меньшая подверженность влиянию стресс – факторов, высокий порог к стрессам, склонность к компромиссу, способность быстро адаптироваться к ситуации (гибкое, разнообразное поведение), способность к самоанализу (умение анализировать проигрыш), спокойное и разумное отношение к другим.

В контексте вышесказанного остановимся на понятиях «стрессоры» и «потребности». В каждой ситуации человек реализует (сознательно или бессознательно) ту или иную потребность, намерение. При благоприятных условиях потребность реализуется насыщаясь, «растворяясь», теряя свою актуальность. Человек получает возможность «строить» новые потребности. Стресс – факторы срывают благоприятный цикл зарождения, насыщения, «растворения» потребности. На психику человека негативно влияют не реализованные намерения, планы, желания. Стрессогенными являются не сами по себе события (ситуации, личностные особенности), а связанные с ними препятствия для реализации человеком значимой потребности, утрата достигнутой жизненной позиции.

Существует несколько моделей поведения человека в стрессовой ситуации, в зависимости от его реакций на стрессор. Так, негативные эмоции, вызванные стрессором, повышают вероятность импульсивных, автоматических реакций, деструктивных ответов на ситуацию. Человек становится рабом своих эмоций. («Я» – не хозяин своего поведения, «эмоции ведут меня»). В этом случае человек действует в рамках автоматизированного поведения. У такого человека можно наблюдать следующие деструктивные реакции: агрессию, неоправданные уступки, уход от ситуации, обесценивание ее, заикливание на негативных чувствах, регрессию. Человек сам не выбирает ответную реакцию. За него это делает эмоция. Эмоция автоматически вызывает реакцию.

Конструктивное поведение можно представить схематически «Я» – ситуация. При этом человек выходит из состояния, когда его «ведут». Его поведение становится

обдуманном, учитывающим поступающую информацию. Нет деструктивного влияния негативных эмоций. Человек сам начинает активно влиять на ситуацию, проясняет ее и свои взаимоотношения с вовлеченными в нее людьми.

В тренинговых и коррекционных занятиях с поведенческими реакциями работа ведется в двух направлениях: через осознание участниками тренингов, семинаров неконструктивного поведения, коммуникативной некомпетентности, отработку конструктивных навыков в режиме «здесь и теперь».

Практическая реализация нашего теоретического исследования проблемы стресса нашла отражение в программе занятий «Стресс и стрессоустойчивое поведение», проводимых совместно с психологами Центра психолого-педагогической поддержки и реабилитации г. Королева. Значимая роль в программе отводится освоению методов релаксации и снижению стрессовых реакций (ступора, двигательного возбуждения, страха, агрессии). В процессе тренинга дается установка на принятие возможной неудачи и программирование успеха. Используются эффективные методы изменения мышления и современные технологии психологической защиты, в основе которых – приемы, мобилизующие адаптационные резервы организма в целях преодоления ситуации разрушающего стресса. Для абитуриентов, студентов, молодых специалистов особенно актуален тренинг «Учимся сдавать экзамены». Его цель – психологическая подготовка к сдаче экзаменов, зачетов с наименьшими эмоциональными потрясениями, тренировка психологической устойчивости и овладение приемами эффективного распределения внимания, улучшения памяти, активизации мышления.

Совместно с врачом – психотерапевтом Центра психологической реабилитации «Исток» г. Москвы С.Л. Шарминой разработана и успешно реализуется обучающая программа «Экстренная психологическая помощь и профилактика посттравматических расстройств (ПТСР)». Программа адресована педагогам, психологам и другим специалистам, работающим с детьми и подростка-

ми и призванным оказывать экстренную психологическую помощь. Программой предусмотрено курс лекций и практических занятий. В лекционном курсе рассматриваются психофизиологические проявления острого стресса и его влияние на жизнедеятельность, особенности адаптации и психологическая помощь в период преодоления посттравматических стрессовых расстройств (сверхсильный стресс, отсроченный во времени стресс и т.д.). Большое внимание уделено теории развития ПТСР и ее психофизиологическому отличию от острого стресса.

Особое место в данном лекционном курсе отводится проблеме взаимосвязи ПТСР и суицидальных намерений, у детей и подростков взаимозависимости внутриличностных конфликтов и предсуицидальных поведенческих реакций, а также системе долгосрочной психологической поддержки и психотерапии при суицидальных намерениях.

Не менее пристальное внимание создателей программы обращено на проблему детей и подростков «между миром и войной». Намечены пути и методы психологической помощи при адаптации человека из зоны боевых действий к жизни в мирных условиях; особенно остро поставлены акценты проблемы «детей катастроф» и влияние длительных страхов на психологическое развитие детей и подростков. Актуальна психологическая помощь в ситуации выраженных страхов при необходимости проведения медицинских процедур.

В психотерапевтической и коррекционной работе преобладающими методами являются современные НЛП психотехнологии (нейролингвистическое программирование), гештальт – терапия, методы десенсибилизации (психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз), проективные, апперцептивные приемы (зависимость восприятия от прошлого опыта).

На практических занятиях преподаватели, психологи познают пути коррекции эмоционального стресса, технологии психологической защиты, контроля и управления поведением в условиях острого стресса и дистресса (отсроченного стресса).

Освоение современной психодиагностики острого стресса и посттравматических реакций дают участникам семинаров и лекций возможность своевременно на современном уровне анализировать, классифицировать эмоциональные расстройства в соответствии с основными диагностическими стандартами европейских стран (МКБ -10). Осваиваются следующие диагностические методики ПТСР у взрослых и их модификации для детей и подростков: «клиническое интервью», «шкала влияния травматического события», «миссисипский опросник ПТСР», «Родительская анкета оценки травматического переживания».

Мы осознаем, что наша практическая деятельность – малая толика психологической помощи в ситуации все возрастающего количества природных, техногенных катастроф, резких и негативных перемен в жизни и обществе. Однако помочь молодым людям преодолеть их неумение решать свои сложные проблемы с минимальными психологическими издержками – первоочередная на сегодняшний день задача психологов и педагогов.

Литература

1. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб.: Изд-во Питер, 2001. – 268 с.
2. Тарас А.Е., Сельченко К.В. Психология экстремальных ситуаций. – Минск: Харвест, 2000. – 475 с.
3. Самоукина Н.В. Экстремальная психология. – М.: Эксмо, 2000. – 281 с.
4. Пушкарев А.Л и др. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия. – М.: Институт психотерапии, 2000. – 110 с.
5. Сандомирский М.Е. Защита от стресса. – М.: Институт психотерапии, 2001. – 314 с.
6. Ксандария В. Тренинг по управлению стрессом. – М.: Эксмо, 2002. – 268 с.
7. Киришбаум Э., Еремеева А. Психологическая защита. – М.: Смысл, 2000. – 175 с.
8. Гремлинг С., Ауэрбах С. Практикум по управлению стрессом. – СПб.: Питер, 2002. – 231 с.
9. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. – СПб.: Изд-во Речь, 2002. – 161 с.
10. Бодров В.А., Информационный стресс. – М.: Персе, 2000. – 322 с.
11. Тушканова О.А. Психологическая подготовка к экзаменам, выступлениям, ответам на уроках. – Волгоград: Центр психологии, 2001. – 65 с.
12. Шапиро Ф. Психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз. – М.: Класс, 1998. – 486 с.
13. Пчелинцева Е.В. Коррекционно – профилактическая работа с дошкольниками, пережившими насилие. – М.: Изд-во Гном, 2000. – 31 с.
14. Ташаева А.И., Гриднева С.В. А я не боюсь! Профилактика страха медицинских процедур у детей. – М.: Генезис, 2002. – 75 с.
15. Менделл Д., Дамон Л. Групповая психотерапевтическая работа с детьми, пережившими сексуальное насилие. – М.: Генезис 2000. – 155 с.
16. Аршад С. Руководство по лечению психологической травмы у детей и подростков. – США: Гуманитарно благотворительный центр Сострадаине. 2000. – 36 с.

СЕКТЫ – ФАКТОР УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Л.Н. КОНЯГИНА, *ст. преподаватель кафедры психологии и педагогики МГУЛа*

Сектой называется организованное общество людей, разномыслящих с традиционной Православной церковью, но согласных друг с другом в религиозном отношении. «Секта» слово латинское и в переводе на русский язык значит «правило», «метод», «учение», «школа». Древние античные ученые этим словом обозначали философскую партию или школу, придерживающуюся нетрадиционного, особого от господствующего в то время учения, или же политическую партию меньшинства.

В христианскую эпоху слово «секта» стало применяться, прежде всего, к религиозным обществам, отличавшимся в своих верованиях и учениях от вселенской церкви.

Секты были преимущественно явлением западной религиозной реальности. В России же, до тех пор пока она шла своим путем исторической православно-монархической государственности, секты были явлением редким аномальным. До 19 века в России можно вспомнить незначительные движения, группы.

Шире распространяются секты во второй половине 19 века. Тогда утверждает­ся в России «тундизм», в последствии полу­чивший более известное нам название «бап­тизм» и ряд старообрядческих сект.

Понятие «секты» за последние годы прочно вошло в лексикон России.

Секты всегда представляли собой особую опасность, потому что вторгаясь в область человеческой психики, души чело­века, они наносят ей столь ощутимый вред, что даже освободившись от такого рода псевдорелигиозного сообщества человек на протяжении долгих лет будет ощущать по­следствия даже самого краткого, временного взаимодействия с сектой.

В последнее время над российской молодежью нависла реальная угроза вовле­чения в сети нетрадиционных религиозных культов. Любая секта остро нуждается в мо­лодых, энергичных профессиональных кад­рах. Поэтому объектом особого влияния «новых религиозных течений» является мо­лодежь и прежде всего студенчество.

В юношеском возрасте с особой ост­ротой встает проблема поиска смысла жиз­ни. Большинство родителей не в состоянии удовлетворить духовные запросы своих де­тей, и дети вынуждены искать ответы где-то на стороне. Чаще всего юношеская пылкость и неосмотрительность приводят к религиоз­ному тупику – молодые люди бросаются на первое попавшееся, что имеет видимость духовности. Как раз этим и пользуются ли­деры «новых» религиозных движений. Для вовлечения в свои сети молодежи они на­учились играть на тонких струнах чело­веческой души. Для этого у них профессиональ­но разработаны реклама и тактика навязыва­ния своего учения.

Обладая огромными финансовыми возможностями, представители этих культов без особого труда добиваются расположения руководителей светских учебных заведений. Современная сложная ситуация вынуждает духовно слепых директоров школ и интер­натов, в погоне за спонсорами, идти на кон­такт с нетрадиционными религиозными ор­ганизациями. А те в свою очередь обещают

оборудовать целый компьютерный класс, или за свой счет провести ремонт помеще­ния, и для недалеководного руководителя образовательного учреждения уже неважно чему в замен будут учить эти благодетели, получившие доступ к детям. И уже мало ко­го волнует какую «духовную религию» нач­нут преподносить детям, – были бы день­ги... В действительности же за деньги про­дают души детей.

Посылая детей на занятия, родители и не догадываются, сколько опасностей таят в своих стенах эти «светские» учебные заве­дения. А в один прекрасный день их ребенок может вернуться домой бритоголовым кришнаитом или иеговистом.

В последние годы на религиозную си­туацию в России все активнее пытается ока­зать воздействие так называемый Комитет защиты совести, возглавляемый бывшим священником Глебом Якуниным (отлучен­ным от церкви на Архиерейском Соборе в 1997г.) и его помощником Львом Левинсо­ном. Как отмечают многие, Комитет защиты совести уже не первый год специализирует­ся на борьбе с Русской Православной Цер­ковью и открытом пособничестве сектантст­ву. Его председатель неоднократно выступал в защиту таких организаций как «Общество создания Кришны, «Церковь объединения», « Богородичный центр», « Сайентологиче­ская церковь» и даже « Аум Сенрике».

В России давно уже сформировалась определенная группа политиков и экспертов, которые прямо или косвенно потворствуют сектантству. Прикрываясь длинными рассу­ждениями о свободе совести эти люди пыта­ются навязать России американскую модель, которая уравнила бы Православие, имеющее тысячелетнюю историю, с такими «религия­ми» как «сайентология», «кришнаизм», «ие­говизм», «мунизм», «асахаризм» и др.

Свобода совести, безусловно, являет­ся неотъемлемым правом каждого цивили­зованного человека, но именно этой свободы лишают лидеры «новых религий» своих подчиненных. Попадая в секту, человек ока­зывается в зависимости от лидера и органи­зации, изолируется от общества, семьи, те-

ряет связь с культурой и духовностью своей страны. С помощью психологического воздействия лидеры сект стремятся контролировать сознание людей, подавляют в них способность к критическому мышлению.

В сектах целенаправленно создается атмосфера внешнего уюта, комфорта, жизненной радости и процветания, но очень скоро новообращенные сталкиваются и с другой стороной этой жизни. Выйти из секты очень сложно, а часто такие попытки заканчиваются трагедией.

Многие секты в основе своего построения имеют пирамидальную структуру. Во главе стоит лидер, ему непосредственно подчинен определенный круг подчиненных помощников (подлидеров), у которых, в свою очередь, другие, более мелкие помощники (ученики). А те, соответственно, являются лидерами для более мелких учеников – и так до самого основания пирамиды – рядовых членов секты. Подобная система лидерства – наставничество особенно характерна для молодежной секты «Церковь Христа».

Можно провести параллель между строением секты и структурой какой-нибудь бандитской группировки (главарь «пахан» – близкие дружки «братва» – шестерки), или же параллель с мафиозной структурой (крестный отец – члены семьи и близкие друзья – друзья друзей – шестерки и рядовые члены). Правда в отличие от мафии, где низшие не знают высших, в сектах наоборот все знают своего лидера, основателя, президента, гуру.

Регламентированные отношения людей в мафиозной структуре весьма схожи с сектантскими: жесткое подчинение крестному отцу, служение общим интересам и целям организации, круговая порука (кодекс чести), финансовая зависимость членов и т.д.

Есть легкие пути входа в секту, а вот выход очень труден, а подчас – невозможен.

Уйдя от православия человек может считать своей родиной Россию и называть себя русским, но в действительности он теряет духовную связь со своей нацией, прервет преемственность в культуре и окажется в трагической ситуации чужого среди своих.

Характерные особенности большинства сект:

1. Установление жесткого контроля над волей, сознанием, чувствами подчиненных (железная дисциплина; требование обязательного штудирования и зубрения методологической литературы секты; психологическое давление на тех, кто хочет порвать с сектой)

2. Формирование психологической зависимости от лидера и организации (подавление способности критического мышления; требование от вновьобращенных разрыва отношений с критически настроенными людьми (в том числе с членами семьи, друзьями и т.д.; ограничение круга общения только с членами секты, отсутствие свободного времени вне организации; создание атмосферы тревоги и страха и, как следствие, многочисленные случаи психических расстройств, нередко с элементами суицидности).

3. От невежества к обману (негативное отношение к науке и образованию; негативное отношение к медицине, равнодушно-презрительное отношение к отечественной истории и культуре).

4. Метод воздействия (простота, доступность и привлекательность учения; интенсивная реклама, непосредственная вербовка на улице, в метро, в учебных заведениях.

5. Источники жизнедеятельности (владение крупными финансовыми средствами – отсюда возможность аренды кинотеатров, ДК, стадионов; возможность трансляции своих программ по радио и телевидению; финансовая поддержка из-за рубежа; создание сознательной финансовой зависимости от подчиненных людей; использование труда и энергии низших членов секты)

6. Методы укрепления собственных позиций (стремление заручиться поддержкой властей и подкуп их; попытки внедрить своих людей в высшие эшелоны власти. А также в СМИ, учебные, правоохранительные органы и коммерческие организации)

7. Активное реагирование на критику (борьба с критически настроенными специалистами; крайне осторожное отношение к СМИ; быстрое реагирование на критику в СМИ.)

ПРОБЛЕМНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Э.П. СОЛОМАХО, *к. п. н., профессор кафедры педагогики и психологии МГУЛа,*
Г.И. ЧЕПАЛЫГА, *ст. преподаватель МУПК*

Знаменательным явлением в системе современного высшего профессионального образования является включение в учебные планы всех вузов РФ дисциплин психолого-педагогического блока.

В цикле этих дисциплин особое место занимает профессиональная педагогика. Это сравнительно молодая научная дисциплина. Как ветвь общей педагогики она изучает закономерности образования, воспитания, обучения и развития, разрабатывает информационные и педагогические технологии, обобщает знания о педагогических теориях и способах проектирования инновационных технологий.

Вместе с тем профессиональная педагогика является совершенно особой наукой – наукой о подготовке человека к профессиональной деятельности. Большой интерес к этой новой научной дисциплине напрямую связан с начавшимся процессом реформирования системы образования в Российской Федерации. В последние годы активно развиваются новые типы учебных заведений: высшие и средние профессиональные училища, лицеи, колледжи, гимназии. Создаются инженерно-педагогические вузы, факультеты, специальности. Суть инновационных процессов в сфере профессионального образования и перспективы педагогического творчества раскрывает профессиональная педагогика, так как именно эта наука наиболее тесно взаимодействует с другими науками, разрабатывая на стыке со смежными областями знаний новые концепции и теории, подлежащие практической реализации.

В последние годы педагогическая наука и практика обеспокоены все более возрастающим и углубляющимся несоответствием между конечными результатами обу-

чения и бесконечными потребностями в знаниях, постоянно возникающими в практической деятельности вчерашнего студента. Это несоответствие в значительной степени – результат методов традиционного (сообщающего) обучения.

Накопление знаний, умений и навыков при таком обучении происходит в основном в плане количественном. Чем обширнее учебная программа, тем больше объем приобретаемых знаний и умений. Однако в реальных условиях никакая, даже самая обширная учебная программа, не в состоянии снабдить студента всеми знаниями и умениями, которые ему потребуются в его будущей практической деятельности.

Необходимость разрешить это противоречие привела современных дидактов к поискам активных способов обучения, которые позволили бы студенту одновременно с овладением некоторым, по-прежнему конечным, объемом знаний и умений получить устойчивую способность к самообразованию и дальнейшему совершенствованию знаний и методов их приобретения.

Качественно новым этапом активизации учебно-познавательной деятельности студента явилось обращение современной дидактики к принципу проблемности в обучении и к методам проблемного обучения.

В данной статье мы попытались систематизировать основные компоненты понятийного аппарата теории проблемного обучения, разработанного современными дидактами (В.А. Сластениным, И.Ф. Харламовым, Б.Т. Лихачевым, И.В. Кузьминой и др.). Их теоретические идеи базируются на понимании сущности обучения как процесса организации активной познавательной деятельности учащегося и методики как средств-

ва формирования его личностных качеств, а также на знании органической связи между социально-экономическими отношениями в обществе и целями, содержанием и методами воспитания и развития.

Практическое исследование содержания, специфики и методов проблемного обучения осуществлялось нами в группах студентов МГУЛ, обучающихся по специальности 030500.18 (профессиональное обучение: экономика и управление) и студентов Московского университета потребительской кооперации, изучающих профильные специализации.

Рассмотрим особенности проблемного обучения. Так как это обучение требует некоторых преобразований в содержании и методике работы, то нетрудно догадаться, что его особенности проявляются именно в этом преобразовании, в ином подходе к содержанию каждого конкретного занятия и методике предъявления учебного материала.

Остановимся на объективных и субъективных особенностях проблемного обучения. Каждый учебный предмет, если он отражает соответствующую развитую науку, представляет собой объективные возможности для проблемного его изучения.

В действительности любая наука складывалась и складывается из результатов решения ею познавательных и практических проблем. Многие из них могут быть преобразованы в проблемы учебные. Какие это проблемы? Всякая учебная дисциплина отражает систему связей (существенных и несущественных) реальных объектов изучения. Наукой установлены следующие основные связи и отношения реальных предметов и явлений: атрибутивные (присущие объекту основные свойства), причинные, следственные (в том числе функциональные), условные (связанные с условиями проявления свойств), структурные и другие.

Специфической человеческой формой отношений к миру является сознательная целенаправленная деятельность, осуществляемая определенными способами. Следовательно, познать природные и общественные явления – значит понять атрибутив-

ные, причинные, следственные, условные, структурные, целевые способы действия, а также связи и отношения вещей – внутренние и внешние. Эти связи и отношения являются предметом (проблемами) науки и практики. Они в первую очередь должны быть и учебными проблемами.

Таким образом, в процессе обучения могут возникать следующие проблемы: атрибутивные (что такое?); причинные (почему?); следственные (что из этого следует?); условные (при каких условиях?); целевые (что делать?); способа действия (как делать), а также проблемы структурные и функциональные (касающиеся строения, устройства, состава предметов или явлений и их функций).

Эти вопросы нередко являются учебными проблемами не только в отдельном виде, но и в совокупности, взаимосвязи, в различном сочетании. И вполне понятно, они должны носить предметный и конкретный характер. Стало быть, учебными проблемами являются принципиальные вопросы того или иного курса, то есть такие проблемы, решение которых поможет студентам глубже и сознательнее овладеть сущностью учебного предмета, развить профессиональные способности и интересы.

Решающим фактором в использовании проблемного обучения, конечно, является преподаватель. Чтобы овладеть этим типом обучения, преподавателю надо решить ряд задач. Первая из них – проблемное осмысление содержания курса, нахождение действительных проблем в учебном предмете, преобразование темы в проблему.

Основными понятиями концепции проблемного обучения являются: «проблемная ситуация», «проблема» и «проблемная задача».

Проблемная ситуация – это познавательная задача, которая характеризуется противоречием между имеющимися у учащегося знаниями, умениями и предъявляемыми к ним требованиями. Она создается постановкой перед учащимися задачи, требующей для своего решения мобилизации знаний, повышенной активности мысли-

тельных способностей и разрешается учащимися самостоятельно или с помощью педагога.

Структура проблемной ситуации: постановка задачи в форме вопросов, гипотез, недосказанных утверждений; задания по обоснованию теоретических положений, концепций; задания по сопоставлению теоретических положений, концепций; задания по обнаружению противоречий и способов их разрешения (например, противоречия между общепризнанными и новейшими научными знаниями).

Деятельность учащихся при проблемном обучении предполагает прохождение следующих этапов: усмотрение проблемы, ее формулировка; анализ условий отделения известного от неизвестного; выдвижение гипотез (вариантов) и выбор плана решения (или на основе известных способов, или поиск принципиально нового подхода); реализация плана решения; поиск способов проверки правильности действий и результатов.

Уровни проблемности в обучении различаются в зависимости от степени участия педагога в самостоятельном поиске учащегося. Высшим уровнем принято считать тот уровень, когда исследовательский поиск учащегося приближается к научной деятельности, педагог же только направляет этот поиск (III уровень). Для других уровней характерно участие педагога в формулировке проблемы, анализе ее условий (II уровень), или его участие на первых трех этапах деятельности учащегося (I уровень).

Проблемная ситуация может использоваться на всех этапах объяснительно-иллюстрационного обучения, однако имеет ограничения в своем применении вследствие неэкономичности.

В чистом виде метод проблемного обучения применяется редко, т.к. значительная часть знаний учащихся должна быть усвоена ими с опорой на методы традиционного обучения (фактологические сведения, аксиомы, иллюстрации тех или иных явлений и т.п.). Далее приведены примеры проблемных ситуаций.

Проблемная ситуация № 1.

В середине декабря 2000 г. была полностью прекращена работа Чернобыльской атомной электростанции: остановлен третий энергоблок, до самого своего конца дававший Украине электроэнергию. Из прочих блоков четвертый разрушен в результате страшной катастрофы еще в 1986 г, первый и второй закрыты давно, а пятый и шестой так и не были достроены.

Ориентировочная формулировка преподавателем проблемы электроснабжения на Украине:

– *энергетическая* проблема: собственного топлива для работы на Украине тепловых электростанций почти нет, а мощность действующих в стране Хмельницкой и Ровенской атомных электростанций явно недостаточна;

– *производственная* проблема: само закрытие ЧАЭС – процесс не одномоментный; ее демонтаж, выгрузка, переработка и захоронение ядерного топлива, дезактивация территории займут в общей сложности несколько десятков лет;

– *экономическая* проблема: решение энергетических и производственных проблем повлечет за собой огромные финансовые расходы.

Проблемные вопросы:

– Охарактеризуйте существующие теоретические подходы ученых-специалистов к решению проблемы.

– Определите оптимальные, на ваш взгляд, прогнозы и предложения специалистов.

Проблемная ситуация № 2.

Страны постсоциалистического пространства активно осуществляют переход к рынку. Россия находится на начальной (поисковой) стадии этого процесса.

Проблемные вопросы:

– Какие отрасли экономики России могут обеспечить переход к рынку, не ущемляя при этом интересы национальной безопасности страны?

– Каковы наиболее реалистичные прогнозы развития этих отраслей?

Проблемная ситуация № 3.

Наименее экономически развитые государства вступили в организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК). Россия не является членом этой организации.

Проблемные вопросы:

– Есть ли в этом необходимость у России? Входит ли это в ее планы?

– Какие реальные шаги нашей страны обеспечили бы ей вступление в ОПЕК?

Наш опыт показал, что решение проблемных ситуаций, вопросов и задач побуждает учащихся к поисково-познавательной деятельности, и тем самым способствует самостоятельному осмыслению и прочному усвоению изучаемого материала.

В процессе исследования возможностей проблемного обучения мы поставили перед собой вопросы: какой характер должна носить тема (подтема) занятия, чтобы ее целесообразно было преобразовывать в проблему; каковы требования к этой теме. Во-первых, тема (вопрос) занятий должна быть достаточно сложной (и важной) в изучаемом курсе. Простые вопросы, которые часто ставят преподаватели перед студентами при изложении нового материала и на которые у студентов имеются готовые ответы, не являются проблемными. Не являются проблемными и те вопросы, которые ставятся перед студентами в качестве домашнего задания. Во-вторых, тема (вопрос) занятий может носить как теоретический, так и практический характер. Следовательно, проблемное обучение можно использовать как при изучении нового материала, так и на практических занятиях. В-третьих, тема (проблема) должна быть посильной для студентов, способной вызвать размышления, поиск ее решения. Не служат проблемой для студентов и те сложные вопросы, в направлении которых они не в состоянии размышлять, делать предположения.

Что же заставляет студента думать, рассуждать, искать ответы на поставленные вопросы? Прежде всего, противоречие между возникшей потребностью в решении проблемы и неполной информацией о ней. Это «ин-

тригует» студентов, а указанное противоречие субъективно переживается ими как психическое затруднение. Оно вызывает эмоционально-волевое и интеллектуальное напряжение личности, побуждающее ее к снятию этого напряжения, то есть к умственному поиску путей разрешения проблемы.

В процессе занятий с использованием метода проблемного обучения мы убедились, как велика роль преподавателя в ходе доказательства гипотезы: он сообщает студентам необходимые факты для анализа и размышления; направляет их мысль на анализ, сравнения и выводы; ведет от неправильных догадок, предположений и прямых заблуждений к правильным предположениям, обоснованию гипотез и их подтверждению фактами.

Преподаватель «подвергает» содержание занятия предварительной проблемно-логической обработке: преобразование темы занятия в проблему, определение путей ее решения, превращение последних в подпроблемы, расчленение подпроблем на более мелкие вопросы. Вся эта система логически взаимосвязанных и взаимообусловленных подпроблем (вопросов и подвопросов) вытекает из общей проблемы (проблемы занятия) и направлена на ее решение.

Следует подчеркнуть, что главным в проблемном обучении является поисковая деятельность, поиск способов (подходов, путей, методов) решения поставленных проблем. Этот поиск осуществляется в разных видах: в проблемном изложении (объяснении) материала, поисковой (эвристической) беседе, решении познавательных или практических задач, исследовательской учебной работе. Все виды проблемного обучения различаются между собой не только по форме, но и по существу. Существенным их различием является степень мыслительной самостоятельности и активности студентов в процессе овладения знаниями и умениями. Выбор вида проблемного обучения зависит от задач и содержания обучения, подготовленности студентов, возможностей и инициативы преподавателя.

В целом же метод проблемного обучения основан на строгом логическом мышлении, постоянном использовании анализа и синтеза в их взаимосвязи и направлен на изучение существенных связей и отношений между предметами и явлениями. А поиск существенного, продуктивное мышление – это ведущие условия слияния образования и воспитания в единый процесс, условия развития интеллектуальных способностей и интересов студентов.

Литература

1. Национальная доктрина образования в российской федерации (проект). – М.: 2000
2. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. – М.: 2000

3. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе. – М., 1989
4. Кинелев В.Г. Из истории российского высшего образования. – М.: 1995
5. Кудрявцев В.П. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. – М., 1991
6. Лихачев Б.Т. Педагогика. – М., 1998
7. Махмутов М.И. Современный урок. – М., 1991
8. Педагогика / Под ред. Ю.К. Бабанского – М., 1998
9. Педагогика / Под ред П.Н. Пидкасистого – М., 1998
10. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – М.: Школа-Пресс, 1998.
11. Харламов И.Ф. Педагогика: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1997.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Н.М. НАРЕТЯ, *доцент кафедры педагогики и психологии МГУЛа, к. т. н.*

Н.А. КОРОЛЕВА, *доцент кафедры педагогики и психологии МГУЛа*

В соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальности 030500,18 – Профессиональное обучение (экономика и управление), завершающим этапом обучения студентов является педагогическая практика. Основная цель практики – подготовка будущих специалистов к непосредственному осуществлению профессионально-педагогической деятельности в качестве преподавателя общепрофессиональных и специальных дисциплин в учебных заведениях различных типов. Опыт кафедры педагогики и психологии МГУЛ по организации и проведению педагогической практики показал, что содержание такой практики должно включать три составляющие: решение конкретных дидактических задач (цель – закрепление дидактических умений и навыков студентов); организацию и проведение воспитательной работы (цель – закрепление воспитательных умений и навыков); проведение психологического исследования (цель

– закрепление и развитие психологических умений и навыков).

В современных условиях при организации педагогической практики особая роль должна отводиться психологической составляющей. Это обусловлено тем, что знания психологических особенностей педагогической деятельности, практическое умение проведения психологического исследования, а так же навыки практического использования его результатов обеспечивают высокий уровень профессиональной психолого-педагогической подготовки выпускника и составляют основу развития психологического мастерства педагога.

Опыт проведения педагогических практик показал также, что максимального результата можно добиться, если, во-первых, на психологическом уровне в ходе педагогической практики студенты будут осуществлять психологическое исследование не только отдельной личности, но и группы учащихся, и, во-вторых, если педагогическая

практика будет осуществляться в два этапа с интервалом не менее полугода. Научно-обоснованные представления об индивидуальных особенностях отдельных учащихся и о групповых процессах позволяют находить оптимальные способы педагогического воздействия, эффективно управлять педагогическим процессом. Проведение практики в два этапа позволяет студентам на первом этапе разработать программы психолого-педагогической коррекции личности и учебной группы, а на втором этапе проанализировать результаты реализации этих программ. В целом, в ходе обоих этапов, студентам предоставляется возможность актуализировать знания в области психологии и получить необходимые психологические навыки и умения. Таким образом, в рамках психологической составляющей педагогической практики перед студентами ставятся две основные задачи:

- психологический анализ личности учащегося;
- социально-психологический анализ учебной группы (класса).

Психологический анализ личности включает:

- 1) исследование особенностей познавательной сферы личности (внимания, памяти, мышления);
- 2) диагностику свойств личности (типа темперамента, характера);
- 3) исследование самооценки учащегося в сфере межличностных отношений;
- 4) определение структуры интересов личности.

В состав социально-психологического анализа учебной группы (класса) входят:

- 1) определение структуры учебной группы;
- 2) оценка психологического климата группы;
- 3) анализ ценностей группы.

Студентам рекомендуется использовать комплекс психологических методик и тестов, позволяющих определить индивидуальные особенности личности и социально-психологические характеристики группы с точки зрения перечисленных параметров.

Для исследования познавательной сферы учащегося целесообразно использовать следующие методики: тест «Корректурная проба» [1]; модифицированная методика «10 слов» [2]; тест для определения коэффициента интеллекта Айзенка [3]. С помощью данных методик выявляются особенности познавательных процессов, которые существенно влияют на качество учебной деятельности. Так, методика «Корректурная проба» позволяет определить динамические характеристики внимания и общую психическую работоспособность испытуемого. Посредством методики «10 слов» исследуются индивидуальные особенности памяти с точки зрения различий в продуктивности кратковременной зрительной и слуховой памяти на числа и слова. Тест Айзенка позволяет определить общий коэффициент интеллекта и проанализировать особенности вербального и образного мышления, определить уровень сформированности различных мыслительных операций.

Исследование свойств личности должно включать, как минимум, диагностику типа темперамента и характера учащегося, понимание природы и особенностей которых предоставляет педагогу возможность выбрать адекватную стратегию взаимодействия с учащимся. Тип темперамента определяется посредством теста Айзенка [1], позволяющего также определить степень выраженности экстраверсии, интроверсии и нейротизма (эмоциональной нестабильности) испытуемого. Тип акцентуации личности выявляется с помощью теста Шмишека [4]. На основании данных этого теста строится профиль характера учащегося.

С учетом роли самооценки в развитии личности и субъективной значимости интерперсональных отношений учащихся, в схему психологического исследования включен анализ самооценки типа межличностных отношений, осуществляемый с помощью методики Г. Лири [1]. Сравнение Я-актуального и Я-идеального выявляет те особенности стиля межличностного поведения, которые не устраивают учащегося, диагностирует наличие внутриличностного конфликта.

Четвертым модулем исследования личности является определение структуры ее интересов [5]. Данная методика позволяет проанализировать содержание и соотношение общих и профессиональных интересов учащегося, выявить источники их формирования и факторы, сдерживающие их развитие.

Социально-психологическое исследование учебной группы осуществляется методом социометрии [1]. Социометрический опрос позволяет определить общую структуру группы, внутригрупповой статус каждого ее члена, качество психологической атмосферы в коллективе. В дополнение к социометрической методике рекомендуется провести исследование психологического климата в учебной группе [5] и ценностей группы [5]. Данные, полученные на этом этапе психологического исследования, представляют собой ценный материал с точки зрения учета и коррекции групповых процессов, структуры ценностей учащихся.

В результате проведенного психологического исследования студент-практикант получает материал для составления интегративной психологической характеристики учащегося и учебной группы, а также возможность для разработки программ их психолого-педагогической коррекции.

Важным элементом повышения результативности педагогической практики является организация ее проведения в учебных заведениях различного типа (лицее, гимназии, средней школе, техникуме, бизнес-школе, профессионально-техническом училище) с последующим проведением студенческой научно-практической конференции по обсуждению результатов практики.

Одной из важных задач научно-практической конференции является обмен опытом прохождения практики студентами. При этом целесообразно особое внимание уделять обсуждению специфики и отличий в организации учебной и воспитательной работы, проведения психологического исследования, обусловленных различиями типов учебных заведений. В ходе такого обсуждения студенты получают возможность проанализировать психологические особенности учащихся, принадлежащих к одной возрастной группе, но имеющих различный социальный опыт. Таким образом, практика студентов выходит за рамки непосредственно реализуемых видов психолого-педагогической деятельности и создает предпосылки для гармоничного профессионального становления будущих педагогов, неотъемлемым элементом которого является формирование их психологической компетентности.

Литература

1. Альманах психологических тестов. – М.: «КСП», 1996, – 400с.
2. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: Учеб. Пособие/ под общей ред. Крылова А.А., Маничева С.А. – СПб: издательство «Питер», 2000. – 560 с.
3. Энциклопедия психологических тестов. – М.: изд-во ЭКСМО – Пресс, 2001. – 496 с.
4. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других / составители Р. Римский, С. Римская. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. – 376 с.
5. Психологические основы педагогической практики студентов: учебное пособие / Под ред. А.С. Чернышева. – М.: педагогическое общество России, 2000. – 144 с.

ЗАДАЧИ И ОСНОВЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ, ЕГО ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРОБЛЕМЫ

Л.Б. БАХТИГУЛОВА, *доцент кафедры педагогики и психологии МГУЛа*

Семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью.

Это отношения между мужем и женой, родителями и детьми, основанные на браке или кровном родстве; имеющие исторически определенную организацию, соци-

альное объединение, члены которого связаны общностью быта. Взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.

Семьи различаются по характеру брака – моногамные – единобрачие, историческая форма брака и семьи, и полигамные – многоженство, форма брака, свойственная преимущественно патриархату. По составу – индивидуальные (одна брачная группа) и «неразделенные» или «составные» (две или несколько брачных групп); по характеру «семейной власти» – патриархальные, управляемые отцом или одним из братьев и матриархальные – управляемые матерью, а также демократические, предполагающие равенство супругов.

Примерно до середины XIX века семья понималась как изначальная и по своей природе моногамная ячейка общества, рассматривая общество как разросшуюся семью, философы и историки, вплоть до Руссо, Кондорсе, Гердера, Фюстеля де Куланжа и в какой-то мере даже Гегеля и Канта были склонны выводить социальные отношения из семейных отношений. Такой неисторический и умозрительный взгляд на семью преодолевался, с одной стороны, при помощи исследования истории семьи, в частности, брачно-семейного уклада так называемых «примитивных народов», с другой, – путем изучения жизни и деятельности семьи в различных социальных условиях.

Оформление первого из этих направлений связано с именем швейцарского историка права И.Я. Баховена («Материнское право», 1861г.), заслугой которого явилось обоснование исторической изменчивости брака и семьи. Согласно выдвинутой им гипотезе, моногамному браку предшествовали полигамные отношения между полами, а патриархату – экономическое и нравственное главенство женщин в жизни рода и семьи. Независимо от Баховена, к открытию материнского права пришел также шотландский ученый Мак-Леннан («Первобытный брак», 1865 г.).

Новое учение о семье подверглось критике в работах защитников теории патриархализма Г. Мена («Древнее право»,

1861г. и «Древний закон и обычай», 1883г.). Эти работы положили начало многолетней дискуссии. Идеи матриархата и исторического развития семьи нашли поддержку и дальнейшую разработку в работах Леббока, Колера, М. Ковалевского, Л. Штенберга и др. Важнейшее значение имел труд Л. Моргана «Древнее общество» (1877г.) в русском переводе «Первобытное общество» (1900г.), который послужил также одним из основных источников при создании известного труда Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884г.).

Идеи патриархализма, хотя и с признанием некоторого изменения форм брачно-семейных отношений, отстаивались Э.Тайлором, К. Штарке, Э. Вестермарком, В. Шмидтом и др. Фактически к ним примыкал и К. Каутский «Возникновение брака», выступивший с критикой основных выводов Моргана и Энгельса.

Наиболее важным результатом всемирной дискуссии было установление многообразия исторических форм брачно-семейных отношений и зависимости их от конкретно – исторических условий.

Однако в буржуазной науке тех лет это было связано с отказом от поисков, какой-либо закономерности («одно линейности») развития семьи и сведением его лишь к смене моногамных форм (Р. Торнвальд, Ф. Гребнер, У. Фей, В. Шмидт и др.). Другой путь преодоления неисторического и умозрительного взгляда на семью связан с именами Дюркгейма «Введение в социологию семьи»(1888), Ле Пле «Европейские рабочие» (1855), Энгеля «Исследование семейных бюджетов»(1881).

Так, Дюркгейм сформулировал закон «контракции» (сжатия) семьи от обширного круга родственников до так называемой «супружеской семьи». Правильный лишь до некоторых этапов истории семьи, этот закон не имеет всеобщего характера, как показали более поздние исследования.

На конечном этапе развития первобытнообщинной формации господствующим стал парный брак – легко расторгаемое

моногамное сожителство мужчин и женщин. С переходом к рабовладельческой формации главной целью брачного союза стало увеличение богатства, и обеспечение условий его наследования, поскольку самым важным из них являлась бесспорность происхождения наследника от определенного отца, жена была отдана под безусловную власть мужа. Перед мужчинами открылись новые возможности многоженства (наложничество рабынь, гетеризм, проституция). Особенно это проявлялось в странах мусульманского Востока, где многоженство стало законной формой брака.

С переходом к феодализму «... моногамия, развивающаяся на развалинах римского мира, в процессе смешения народов, облекла владычество мужчин в более мягкие формы и дала женщинам, по крайней мере, с внешней стороны, более почетное и свободное положение, чем когда-либо знала классическая древность. Распространение мировых религий, в том числе христианства, усилило идеологические узы, скрепляющие семью. Господствующий класс, освобожденный от экономических и хозяйственных забот, достиг такой стадии духовного и нравственного развития, при которой могли появиться «рыцарское отношение к женщине» и «рыцарская любовь».

Капиталистическая индустриализация разрушила связь семьи с домашним производством, оставив у нее из экономических функций лишь организацию быта; большинство семей стало состоять из супругов и их детей (*нуклеарная семья*). В капиталистическом обществе, где частнособственнические отношения способствуют распространению браков по расчету, действуют две противоречивые тенденции: обновление семьи на основе промышленного и культурного прогресса (превращение семьи в морально – правовой союз мужчины и женщины) и ее дезорганизация (рост семейных коллизий, значительное число разводов). И только при социалистическом строе, как утверждали тогдашние ученые, семейные отношения освобождаются от ус-

тановлений старого общества (собственнические права, влияния церкви, сословных, классовых и национальных предрассудков). Подавляющее большинство браков заключается по личному выбору будущих супругов, а семейные отношения характеризуются их равноправием. Брак из экономического института все более превращается в морально – правовой союз мужчины и женщины, основанный на любви и личном выборе.

После революции 1917 года воспитание детей было объявлено делом государственным, и семья значительно утратила свое значение в воспитании детей. Только что родившегося ребенка семья определяла в ясли, затем в детский сад, далее в школу с продленным днем или в школу – интернат. Ребенок вырастал, таким образом, переходя из одного образовательного учреждения в другое. Даже летние каникулы дети проводили вдали от семьи. В результате произошел отрыв детей от семьи, а государственно-общественная забота о детях обернулась снижением уровня влияния родителей на детей, снижением роли семейного воспитания.

Что же такое семейное воспитание?

Семейное воспитание – одна из форм воспитания подрастающего поколения в обществе, сочетающая целенаправленные педагогические действия родителей с объективным повседневным влиянием семейного быта.

Из истории семейного воспитания. С возникновением семьи на протяжении многих тысячелетий семейное воспитание было по существу единственной формой воспитания детей в обществе. В рабовладельческом и феодальном обществах воспитание детей осуществлялось главным образом в семье: школ и других воспитательных учреждений было мало и они обслуживали преимущественно детей из привилегированных классов. Сословно – классовый характер общества определял различное содержание и направленность семейного воспитания в разных социальных группах. Ве-

ками накапливающийся опыт семейного воспитания стихийно складывался в определенные педагогические взгляды на воспитание детей, на роль семьи в подготовке их к жизни, к труду и к определенным общественным отношениям. Даже в капиталистическом обществе семейное воспитание длительное время продолжало оставаться господствующей формой воспитания, вместе с тем стала интенсивно развиваться общественная форма воспитания детей в специальных педагогических учреждениях, в первую очередь в школе. Развитие школьного образования и воспитания определялось новыми общественными потребностями, развитием машинного производства, науки и техники, усложнением социальных связей в жизни общества.

Опыт семейного воспитания являлся той почвой, на которой вырастали *первые педагогические теории*. Вначале они не выделяли специфики воспитания в семье, используя опыт семейного воспитания для общепедагогических выводов. С появлением школ возникла проблема соотношения семьи и школы в общем процессе воспитания. Решалась она по-разному – в зависимости от господствующего общественного строя, от философских и социально-политических взглядов того или иного мыслителя и педагога – практика. Так, Квинтилиан, теоретик воспитания в Древнем Риме, сформулировал ряд педагогических требований к семье и в то же время подчеркивал преимущество школьного обучения и воспитания. Чешский педагог XVII века Я. Коменский, выделив 4 ступени развития подрастающего поколения (детство, отрочество, юность, возмужалость) и наметив, для каждой ступени 6-летний период воспитания (6 летняя школа), указывал, что для детства такой школой является «клоно матери» – материнская школа в каждой семье.

Решительным сторонником индивидуального воспитания в семье под руководством гувернеров являлся английский философ 17 века Дж. Локк, выдвинувший идею воспитания «джентльмена». Француз-

ский просветитель 18 века Ж.-Ж. Руссо утверждал, что «воспитанием в семье должны заниматься сами родители». Другой французский философ – материалист 18 века Гельвеций отдавал решительное предпочтение общественному (школьному) воспитанию перед семейным при условии, что школы будут изъяты из рук духовенства и организация их будет передана государству. Однако другие педагоги не противопоставляли столь резко школьное воспитание семейному. Швейцарский педагог И.Г. Песталоцци (конец 18 –нач. 19вв), видя цель воспитания в выявлении «истинной человечности», подчеркивал, что к осознанию своей связи с человеческим родом каждый приходит в процессе семейного воспитания. Осознание неразрывной связи воздействия школы с влиянием семьи и среды в широком смысле слова привело к идее народности воспитания, которая в России была разработана в педагогической системе К.Д. Ушинского, и нашла отражение в трудах Л.Н. Толстого, П. Ф. Лесгафта и др. представителей русской педагогической мысли XIX века. Значительный вклад в теорию и практику семейного воспитания внесли также Н.К. Крупская и А.С. Макаренко.

В «Книге для родителей» Макаренко раскрываются своеобразные и сложные проблемы семейного воспитания, его противоречия и пути их разрешения. В «Лекциях о воспитании детей» он рассматривает общие условия семейного воспитания, проблемы родительского авторитета, дисциплины, игры, семейного хозяйства, воспитания в труде, полового воспитания и воспитания культурных навыков в семье. Вопросы семейного воспитания привлекали внимание С.П. Шацкого, А.П. Пинкевича, П.П. Блонского. Отдельные проблемы семейного воспитания в 20 – 30-е гг. разрабатывались в научно – исследовательских педагогических институтах АПН РСФСР, некоторых научно – исследовательских институтах педагогики тогдашних союзных республик.

Некоторые вопросы воспитания детей в семье

Семья оказывает воспитательное воздействие на ребенка с первого дня его рождения. Способы ухода и кормления, общий режим, характер обращения матери с младенцем – все это формирует у ребенка первоначальные привычки, от которых в большей степени зависит и его дальнейшее поведение. Воспитателями малыша, наряду с матерью, являются все члены семьи, независимо от того, осознают они это или нет. Поведение каждого из них постоянно привлекает внимание маленького ребенка и влияет на его развитие. Воздействуют на ребенка и окружающие его предметы, домашняя обстановка, весь уклад жизни семьи. Роль этих факторов особенно усиливается, когда малыш начинает ходить и овладевать речью, в связи с чем расширяются возможности его активного физического и духовного контакта с окружающим миром. Этот новый этап в жизни ребенка выдвигает важные педагогические задачи перед семьей. Первая из них – установить единый подход к ребенку. Разнобой в педагогических требованиях взрослых (один родитель чрезмерно строг, другие излишне снисходительны, один назначает наказание, другой отменяет) выбивает ребенка из колеи, а порой приучает его добиваться своего, используя противоречия старших. Когда же старшие во всем поступают разумно и согласованно, их единым требованиям дети подчиняются безоговорочно.

В дошкольном возрасте активность детей стремительно растет, обгоняя приобретение малышом соответствующего жизненного опыта, что создает для него известные опасности, которые не всегда могут быть устранены одним лишь надзором старших. Важно уже в этом возрасте развивать в детях способность подавлять те желания, которые имеют отрицательный характер, сдерживать свою активность, когда она переходит допустимые границы, правильно реагировать на слова «можно», «нельзя», «надо», «не надо» и т. д. Так вы-

рабатывается детское послушание как первичная форма дисциплинированности. Правильное сочетание активности и торможения достигается в обстановке хорошо организованной детской жизни.

Широкими возможностями располагает семья в области организации игры с ребенком, занятии физкультурой, выполнения гигиенических процедур, *навыков трудового воспитания, умственного и эстетического*. Сама потребность ребенка в движении носит не только физический, но и эстетический характер – движение связано с пластикой, ритмикой, оно легко сливается с восприятием музыки, танца. Радио, кино, телевидение также позволяют обогащать ребенка разнообразными эстетическими наблюдениями, впечатлениями. Но, используя эти средства, нельзя перегружать ребенка, иначе ребенок привыкнет к поверхностному восприятию произведений искусства. Очень важно давать ребенку возможность выразить собственные чувства и мысли в самостоятельном творчестве – рисовании, лепке, танце, драматизации.

Семье принадлежит ответственная роль и в *нравственном* воспитании детей. Такие качества, как честность и доброта, отзывчивость и чувство товарищества, любовь к родине, уважение к людям разных национальностей и др. закладываются уже в раннем возрасте, при этом важны реальные жизненные отношения, как в собственной семье, так и с другими детьми, взрослыми, с окружающим миром.

Важнейшим условием правильно организованного семейного воспитания является *индивидуальный подход*. Например, ребенка медлительного, флегматичного надо приучать к более быстрым реакциям. Наоборот, у ребенка подвижного надо терпеливо вырабатывать навыки сдерживания, торможения реакций. На одних детей лучше действует более строгий подход, другие же больше нуждаются в ласке, требуют осторожного отношения. Специфические особенности имеет воспитание единственного ребенка в семье, а также воспитание неродных детей. Пренебрежение индивидуаль-

ными особенностями ребенка может привести к появлению у него отрицательных черт характера и привычек.

Поступление в школу – большое событие в жизни ребенка и семьи. Прежде всего, оно означает, что с этого времени воспитание одновременно будет происходить в семье и в школьном коллективе. Это ни в какой мере не умаляет воспитательной роли семьи, но теперь ее влияние постоянно должно согласовываться с влиянием школы. В то же время существенно изменяются педагогические задачи семейного воспитания в связи с тем, что основным содержанием детской жизни становится повседневная организованная и планомерная учебная деятельность, в процессе которой дети не только приобретают знания, у них воспитывается трудолюбие, прилежание, формируется характер. Некоторые родители недооценивают роль семьи в организации учебной деятельности детей или понимают ее узко. Очень важно, чтобы в семье была создана атмосфера, которая поддерживала бы и углубляла интенсивную внутреннюю жизнь школьника. Не ограничиваясь минимально необходимой помощью в приготовлении домашних заданий, надо беседовать с детьми на темы, связанные с учением, обогащать их новыми фактами и жизненными наблюдениями, подкрепляющими то, что узнали дети в школе, предлагать разнообразные задачи, работы позволяющие применить на практике приобретенные знания и умения. Организовать домашнее чтение детей, помогать детям, разбираться в событиях школьной жизни, правильно оценивать свои и чужие поступки, учить их жить в коллективе.

Новый характер приобретают и взаимоотношения между семьей и школой. Родителям следует поддерживать более тесный контакт со школой, чтобы под руководством учителей тактично помогать ребенку, учиться, расширять свой кругозор, повышать общественно – трудовую активность, развивать нравственные качества и гражданское сознание, особенно в юношеском возрасте. Чем старше сын или дочь,

тем серьезнее становится разговор на темы нравственности, дружбы и любви, полового воспитания, активной жизненной позиции.

Родительская требовательность в этот период еще в большей мере, чем раньше, должна сочетаться с максимумом такта и уважения к личности юношей и девушек. Особенно важно помогать им вырабатывать твердый характер, всячески поощрять стремление к самовоспитанию, последовательно расширять их права и самостоятельность, повышая их роль в домашней жизни (в хозяйственных делах, воспитании младших детей), воспитывать чувство ответственности за общее благополучие семьи.

Огромную роль в воспитании детей в этот период играет пример самих родителей. Если маленьких детей привлекает внешняя сторона их поведения, то старших привлекает сама личность родителей: духовные и нравственные качества, искренность, честность и справедливость, душевность и отзывчивость, умение идти в ногу со временем.

Многие ошибки и просчеты в семейном воспитании допускаются родителями из-за отсутствия у них необходимых знаний из области физиологии, психологии и педагогики.

В настоящее время многие школы вновь обратились к педагогическому просвещению родителей, что создает благоприятные условия для органического соединения психолого-педагогических знаний с живой практикой семейного воспитания.

Таким образом, семейное воспитание – это еще и наука, это педагогика будней, педагогика каждого дня, которая в повседневной жизни совершает великое таинство – формирование личности человека. Семейная педагогика нуждается в философском осмыслении закономерностей образа жизни в семье, стиля общения и условий жизни.

В настоящее время особенно необходимы глубокие научные исследования по проблемам современной семьи, которыми занимаются Центр семьи и детства, Институт развития личности, Центр эстетического воспитания, Институт коррекционной

педагогике, а также многие педагогические институты и университеты. Составлена комплексная программа «Семейное воспитание», которой предусмотрена разработка моделей семейного воспитания на основе современной гуманистической психологии.

Чтобы семейное воспитание было более действенным необходимо повысить педагогическое образование и культуру родителей. Таким средством оказания помощи семье в воспитании детей является организация педагогического просвещения родителей, т. к. многие беды семейного воспитания обуславливаются незнанием элементарных педагогических истин работы с детьми. Например, ребенок начинает развиваться: беспорядочно бегает, кричит, разбрасывает домашние вещи... Мать или отец, повышая голос, требуют, чтобы он прекратил безобразничать. Но ребенок продолжает. Для него это – игра, деятельность, удовлетворение потребности в движении. Снова – окрики, затем угрозы, берутся за ремень, стремясь воздействовать страхом. Но страх делает ребенка безвольным, подавляя его деятельность и лучшие склонности.

Знание педагогики подсказало бы родителям, что в данном случае нужно прибегнуть не к угрозам и страху, а переключить ребенка на другой, более спокойный вид деятельности.

В последние годы снова стали обращаться к забытым формам родительского просвещения – это так называемому *родительскому всеобучу*, основной целью которого является проведение научно-методической работы, и который охватывает разнообразные формы популяризации психолого-педагогических знаний среди родителей. Широкое распространение получают «школы молодой матери», в которых основами педагогических знаний овладевают женщины, готовящиеся стать матерями или имеющие маленьких детей. Они изучают вопросы физического развития и санитарно – гигиенического ухода за детьми, овладевают методикой развития их речи, выработки навыков и привычек поведения.

Психолого-педагогические знания по воспитанию детей дошкольного возраста родители получают в специальных семинарах при детских садах, затем работу в этом направлении проводит школа. Для педагогического просвещения родителей создаются лектории по семейному воспитанию, народные университеты педагогических знаний, где читаются лекции и доклады на психолого-педагогические темы, проводятся методические конференции, и семинары по обмену опытом организуются выставки литературы по педагогике и психологии, семейному воспитанию, просмотр и обсуждение кинофильмов по проблемам воспитания. Родители получают здесь педагогические знания с учетом возрастных особенностей детей и класса, в котором обучается их сын или дочь. К чтению лекций привлекаются не только учителя, но и ученые, врачи деятели культуры.

В отдельных семьях не созданы необходимые условия для подготовки домашних заданий школьников, их трудовой деятельности, контроля за подготовкой урока, соблюдения режима дня, что отрицательно сказывается на успеваемости и нравственном развитии уч-ся. Некоторые родители не заботятся об организации досуга детей и воспитании у них здоровых духовных потребностей. В частности, обнаруживается, что некоторые уч-ся мало читают, не проявляют интереса к музыке и изобразительному искусству и слишком много времени проводят у телевизора. Не изжиты также факты, когда некоторые родители стремятся снять с себя ответственность за воспитание детей даже тогда, когда отдельные уч-ся совершают серьезные шалости в школе, не выполняют домашних заданий и полностью переложить ее на учителей. Все это естественно требует соответствующей индивидуальной работы с родителями. В этих случаях учителя совместно с родителями анализируют причины недостатков в учебе и поведении школьников и намечают пути их преодоления.

Индивидуальная работа зачастую носит характер педагогических консульта-

ций родителей и дачи им практических советов по улучшению семейного воспитания. Например, отдельные учащиеся отличаются повышенной нервозностью или упрямством. Не все родители достаточно компетентны в подходе к таким детям и нуждаются в квалифицированной помощи педагогов. Контакты школы с родителями выражаются также в том, чтобы родители, заботясь о развитии творческих задатков детей, создавали для этого им необходимые условия, обращали внимание на вовлечение их в другие виды деятельности, в общественно полезную работу. Все это будет содействовать их правильному нравственному формированию.

Оказывая индивидуальную помощь и влияя на родителей в целях улучшения семейного воспитания, учителям следует проявлять необходимый педагогический такт. Особенно критической оценки заслуживает такой метод, когда учителя жалуются родителям на тех детей, которые «плохо ведут» себя в школе. Такие жалобы, как правило, не дают положительного эффекта. На это указывал еще А.С. Макаренко: «Вы прекрасно понимаете, что обычно вызывают родителей и говорят: «Ваш мальчик не учится и плохо ведет себя. Примите, какие-нибудь меры. Поговорите. Боже сохрани – не бейте»... Иной родитель после такого разговора прямо берет за ремень. А другой просто ничего не делает, и все идет по-прежнему»... (соч. т. 5, с. 457). Макаренко придерживался мнения, что школа должна воздействовать на улучшение семейного воспитания через учащихся. Он говорил: «Что же касается школы и семьи, я никогда не вызывал родителей. Я педагог... и считал, что если дети у меня воспитываются, я квалифицированный воспитатель, так я детей заставлю вносить положительное влияние в семью...». Попробуйте стать на эту точку зрения, и вы увидите, как будет легко, когда вы научите детей чувствовать ответственность за семью...». (Там же, т.4, с. 480 – 481).

Эта идея Макаренко о влиянии на семью через учащихся заслуживает самого

серьезного внимания. Когда педагоги занимались, например, проблемой развития читательских интересов учащихся и рекомендовали им создание домашних библиотек, они оказывали этим необходимое влияние на родителей, и те включались в эту работу. То же самое относится к трудовой деятельности учащихся в семье, к соблюдению режима дня и т.д. Когда эти задачи ставились перед учащимися, и проводилась с ними соответствующая работа, то это оказывало положительное влияние также на воспитательную деятельность родителей. К сожалению, положение *о влиянии на воспитательную работу* семьи через учащихся пока еще не получило глубокого освещения в педагогике и слабо используется в школе.

Кроме того, среди родителей есть специалисты в различных областях науки и техники, работники искусства, ветераны труда и др. Хорошо бы школе использовать их при проведении внеклассной и внешкольной воспитательной работы, это придаст ей разнообразие и повысит ее содержательность. Можно использовать родителей при проведении экскурсий на природу, промышленные предприятия, в научные учреждения, театры, музеи и выставки. Это влияние поможет и с проведением профориентационной работы.

Каковы же тенденции современного семейного воспитания?

К сожалению, ученые констатируют, что не все современные молодые родители умеют воспитывать своих собственных детей. От этого страдают и дети, и их родители, и учителя. Причин тому много. А.П. Ситник называет такие:

Во-первых, однодетность или малодетность семьи в городских условиях уже во многих поколениях, особенно на протяжении последних пятидесяти лет. Это значит, воспитываясь в таких условиях, дети не получают практических навыков по уходу и воспитанию за своими братьями и сестрами. Что было характерно в условиях многодетной семьи.

Во-вторых, в молодых семьях имеются возможности отделиться от своих родителей, от старшего поколения. Казалось бы, в этом есть определенное благо. Но жизнь порознь лишает молодые семьи возможности воспользоваться знаниями и мудростью старших в вопросах воспитания детей. Кроме того, дети лишаются ласки, сказок, внимания бабушек и дедушек. В то же время страдает старшее поколение без наивной непосредственности внуков, без общения с ними.

В-третьих. Основательно утрачены традиции народной педагогики, по законам которой считалось, что воспитывать ребенка надо, пока он еще маленький, и «лежит поперек, а не вдоль лавки». Народная педагогика учила высокой нравственности через пословицы и поговорки, через незамысловатые, но очень значимые выражения: «Гуляй, девица, да смотри, чтобы ветром не надуло» или «Гуляй, да в подоле не принеси».

В-четвертых, вследствие происходящей урбанизации общества усилилась анонимность общения детей и взрослого населения. Раньше в деревне все знали, чей это сын и чья это о дочь, которые нарушают правила поведения, совершают асоциальные поступки, поэтому родителям было стыдно иметь невоспитанных детей, а детям совестно вести себя недостойно. Совсем иная ситуация в крупном городе, где живут горожане «в первом поколении», выходцы из деревни, но порвавшие родные корни с деревенскими традициями и не усвоившие еще городского образа жизни.

В-пятых, в ряду причин, осложняющих семейное воспитание, все возрастающие социальные и экономические трудности: низкая заработная плата и несвоевременная ее выдача. Полная или частичная безработица и необеспеченность во многих семьях прожиточного минимума. Все это

снижает уровень эмоционального внутрисемейного настроения, что не создает благоприятных условий для общения в семье, в итоге – для семейного воспитания.

В-шестых, гипертрофированная политизация общества, когда прямая трансляция заседания съездов, выступлений депутатов палат и Госдумы приковывает к телеэкранам молодых родителей, а от детей в эту пору они отмахиваются, как от назойливых мух: «Отойди, не мешай!» И дети остаются предоставленными сами себе. Затем эти увлечения сменились не мене по-вальной увлечением сериалами «Просто Мария», «Дикая Роза», «Дикий ангел», «Во имя любви» и т. д. Вновь вся семья прикована к телеэкрану, а на воспитание детей не остается времени.

Перечень причин, которые не позволяют или мешают молодым родителям заниматься воспитанием детей, можно продолжить. Однако и этих вполне достаточно, чтобы констатировать неблагополучие в постановке семейного воспитания во многих современных семьях. Вот почему школьные учителя должны быть заинтересованы в оказании помощи родителям по содержанию и организации воспитания детей в семье, в педагогическом просвещении родителей, вооружении их знаниями и умениями воспитательного воздействия на детей, установлении между школой, родителями и учителями союзнических взаимоотношений.

Литература

1. Воспитание вашего ребенка (составитель Т. Мартынюк, А. Ефименко). – Харьков, 1996.
2. Воспитание детей в семье.– М., Педагогика, 1990. Рек. Библ. Указатель.
3. Маленкова Л.И. Педагоги, родители, дети – М.: Педагог. Общество России, 2000.

ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ В ЛИРИКЕ Н. СТАРШИНОВА

С.А. ЩЕРБАКОВ, доцент кафедры русского языка и литературы МГУЛа

Образ любимой в лирике Н. Старшинова дуалистичен и коррелятивен перипетиям личной жизни поэта. Однако главные ценные им в женщине черты: чистота души, светоносность, «скромная красота» – составляют неотъемлемую сущность любимой на протяжении всего творчества. Это позволило Ю. Иванову говорить о «собирательности» данного образа: «В женском портрете поэт подчеркивает характерные приметы одного и того же облика. Черты этого собирательного женского портрета обильно рассыпаны на страницах книги любви. Любовная поэзия Старшинова – часто все тот же рассказ о судьбе русской женщины – матери, сестры, поэтизация народного характера» [1].

Тем не менее, поэт создал два портрета любимой женщины. Первый из них писался с Юлии Друниной, причем не только в те «тринадцать самых лучших лет» (Т. 1, с. 143), которые они были вместе, но и годы спустя после трудного расставания. Второй портрет я бы назвал вслед за Ю. Ивановым «собирательным». Портреты эти кроме общих характерных черт, названных выше, имеют черты индивидуальные, обусловленные прежде всего фактором времени.

Жизненные пути Н. Старшинова и Ю. Друниной удивительно похожи даже с учетом того, что война вообще нивелировала судьбы людей. Они родились в один год, посещали в детстве одну литературную студию; оба были комиссованы из армии после тяжелых ранений и пришли в Литературный институт в середине учебного года; оба прочувствовали в нем гораздо больше положенного; оба стали известными поэтами, лауреатами многочисленных премий и наград, и оба до конца дней остались верны идеалам своей юности, даже когда общество от этих идеалов отказалось.

Похожи не только судьбы, порой удивительным образом перекликаются и стихи этих поэтов, хотя, конечно, «женское начало» в них имеет разную природу. Сравним два четверостишия:

И даже в криках и в дыму,
Под ливнем и огнем
В окопе тесно одному,
Но хорошо вдвоем. [2]

И

Мети метель, мороз морозь,
Дуй, ветер, как назло, –
Солдатам холодно поврозь,
А сообща – тепло. (Т. 1, с. 57)

Тема, идея, размер, ритм – совпадает все. Несмотря на то, что в стихотворении «Приходит мокрая заря...» Ю. Друниной, речь, в общем-то, идет о взаимоотношениях на войне мужчины и женщины, а не просто солдат.

«Вот нить суровой дружбы нашей» (Т. 1, с. 143) – писал Н. Старшинов в «Стихах о бывшей любви», вспоминая то, что их связывало. И только в следующих строфах речь шла о «нити любви» и «нити привычек». По моему глубокому убеждению, стихов о «бывшей любви», если «бывшая» понимать как «прошедшая», «минувшая», написать нельзя, так как нет повода к стихам. «...Любовь еще, быть может, / В душе моей угасла не совсем» – вот гениально обозначенное состояние души поэта, при котором она наиболее «продуктивна» в плане любовной лирики. Не об этом ли состоянии души говорит заключительная строфа стихотворения «Стихи о бывшей любви», которое по объему и построению вполне может быть отнесено к жанру малой поэмы и написано уже в 1964 году, почти через десять лет после расставания:

Ну а память? А песни? А радости?
 Все не в счет!
 А тревоги? А раны? А трудности?
 Все вчера!..
 Лишь камыш раздвигая,
 Течет она и течет,
 Все течет, все течет
 Фронтальная река Угра...(Т. 1, с. 147)

Полагаю, об этом, ведь «река любви» – сквозная метафора в лирике поэта.

+Любовь, подкрепленная «суровой дружбой» и общей солдатской судьбой, конечно, «больше, чем любовь». К тому же этот «портрет» в основном был создан в годы юношеского максимализма. Потому и образ любимой здесь поднят на недостижимую высоту:

Да и правда, с такой красивой,
 Скромной, строгою красотой,
 С откровенною и простой,
 Можно встретится
 Лишь в России. (Т. 1, с. 62)

Стихотворение «Даже в детстве...», из которого взяты вышеприведенные строки, в первом сборнике поэта «Друзьям» имело посвящение «Юле». В более поздних изданиях посвящение было снято автором, скорее всего, по личным мотивам, но этому можно дать и другое объяснение. Дело в том, образ, «срисованный» с конкретного человека, тем не менее, практически лишен конкретных черт, зато несет в себе характеристику всего поколения «светлокосых солдат» («Ты шла под пули, раненных спасая...» (Т. 1, с. 42), «Ты горячей своею кровью / Обожгла родные снега» (Т. 1, с. 61)) и т.д. Видимо, для только что вернувшегося с войны «поколения победителей» общее было важнее частного.

Стихотворение 1952 года «Руки моей любимой» также в большей степени является гимном русской женщине вообще, чем воспеванием рук любимой, хотя в нем нет ни слова преувеличения или какого либо отхода от фактов биографии Ю. Друниной. Они (руки любимой – С.Щ.) «С материнскую лаской/

Раненым солдатам/ Делали перевязку/ ...Мерзли в траншеях дымных.../ ...качали/ Дочь мою в колыбели». Все здесь правда. Но не вся правда. О том, что этими руками уже написаны хрестоматийные стихи о войне автор не упоминает. Общее для него важнее частного. Возможно, в этом проявилась и характерная особенность поэтов военного поколения, определенная Л. Аннинским: «Мы сталкиваемся здесь с удивительной и сквозной для военного поколения убежденностью: поэзия – ничто перед жизнью». [3]

Образ любимой в облике Ю. Друниной семантически близок к образам матери и бабушки, как бы становясь третьей ипостасью лика Женщины.

Если упоминавшиеся выше «Стихи о бывшей любви» написаны в 1964 году, то в 1957 году, когда отношения между ними были уже на грани разрыва, Н. Старшинов пишет «Стихи о любви», где образ любимой очень похож на образ матери из поэмы «...И я открыл глаза...», и даже ситуации, в которых оказался лирический герой схожи:

Я помню: я сгорал в огне,
 Впадая в бред ночной...
 И ты тогда пришла ко мне,
 Склонилась надо мной.

Спасительная сила любви вернула лирического героя к жизни. Но саму «любовь земную», восхищавшую когда-то многих, знавших Друнину и Старшинова им спасти не удалось. Процесс «спасения», судя по стихам его участников был мучительным, что сказалось на образе любимой. Он перестал быть обобщающим и приобрел зрительную конкретность. До предела сжатый рот, устало согнутые пальцы, холодок металла в глазах, чуть согретый теплотою слез – «Вот какой ты красивой стала –/ Даже горе тебе идет» (Т. 1, с. 104).

Пройдут годы, и в стихотворении «У костра» поэт выведет образ женщины, удивительно похожей на ту, которая стала главной любовью в его жизни. Похожей своим фронтовым прошлым и сохраненной памятью о нем:

...У тебя худые руки
И усталое лицо.

Но в глазах твоих,
Живые,
Даже в нынешние дни
Все не меркнут фронтовые,
Те, далекие огни. (Т. 1, с. 250)

Вряд ли в 1972 г. судьба свела поэта у ночного костра в еловом лесу именно с Ю. Друниной, но черты ее в образе той, что «...пришла из дымных зарев... Не забыв до этих пор / Фронтовых своих братьев,/ Боевых своих сестер...» абсолютно узнаваемы. Даже руки, которые «Стынут... на коленях,/ Словно первый снег белы» идентичны белым, не огрубевшим, рукам любимой из упоминавшегося выше стихотворения «Руки моей любимой». (Вообще, в создании образов бабушки, матери, любимой их руки у Н. Старшинова играют главенствующую роль. При этом, у бабушки они изборозжены морщинами, у матери – в мозолях, руки любимой белы не смотря на все выпавшие на их долю труды. В этом, конечно, есть определенная поэтическая условность – идеальный образ любимой и физически должен быть безупречен.)

Итак, кто бы ни была реальная визави поэта у ночного костра, образ ее полностью вписывается в обобщенный образ любимой – боевого товарища, прототипом которого стала первая жена поэта Ю. Друнина. Образ этот тем более характерен для поэзии «военного поколения» в целом, что именно Ю. Друнина благодаря своей фронтовой лирике воплощает в русском общественном сознании всех «светлокосых солдат» времен Второй мировой войны. Мало того, у нее тоже есть стихотворение с названием «У костра» и там есть строфа, напрямую перекликающаяся с рассмотренным выше стихотворением Н. Старшинова:

По горящей земле
Пол-России протопав,
Хлебанув свою толику
В общей беде,

Я, как ценный трофей,
Принесла из окопов
Только веру в людей,
Только веру в людей! [4]

Второй написанный Н. Старшиновым портрет любимой женщины отличается от первого прежде всего тем, что она на нем значительно моложе самого поэта. Недаром он часто сравнивает ее с ребенком: «Я руки детские твои/ Сжимаю до несносной боли» (Т. 1, с. 227), «Пусть застенчивый детский румянец/ На твоих загорится щеках...» (Т. 1, с. 327).

Так что ни о какой «суровой дружбе» здесь не может быть и речи – это любовь-нежность. Облик изображенной на втором портрете возлюбленной в общих чертах определен в стихотворении 1984 года «Когда-то, (не помню уже когда!)...»: «Светла, красива и молода...». Способность дарить свет и красота сближают этот портрет с первым. Перенес художник на новое полотно и руки любимой – они остались «белыми», однако, их роль кардинально переменялась: если прежде они перевязывали, рыли землю, стирали, качали колыбель, чем восхищали лирического героя, то теперь эти «...белы руки зацелованы,/ Словно два любимые дитя» (Т. 1, с. 332). И теперь рука любимой своим прикосновением продлевает «мгновенья ясного покоя»: «Только б на щеке моей лежала/ Белая и тихая рука» (Т.1, с. 265).

В остальном черты любимой на втором портрете переменчивы. Как сказал об этом обстоятельстве сам художник: «Ни один из памятных портретов / Сущности твоей не передаст» (Т. 1, с. 362). Главный отличительный признак возлюбленной – её волосы:

Лунный луч, облака разорвавший,
Вдруг сверкнул на росинках травы.
Как он высветил волосы вашей...
Белокурой твоей головы! (Т. 1, с. 226)

И в следующем за ним стихотворении: «Я глажу волосы-ручьи – / Они бегут чернее смоли» (Т. 1, с. 227). Далее:

Чтоб под солнечными плесами
Пряди русых твоих кос
Перепутывались с косами
Наклонившихся берез... (Т. 1, с. 258)

А глаза ее пустые-препустые,
Удивительно прекрасные глаза!
(Т. 1, с. 229)

И затем: «Тебя увижу и взлохмачу / Копну ржаных твоих волос» (Т. 1, с. 287). Встречаются метонимические уподобления: «Не соболя – роскошный блеск, – / Стекающие с плеч...» (Т. 1, с. 316).

Меняются с течением времени и географические координаты встреч с любимой, обозначенные названиями рек: «Там, где течет Нерис, / Моя любовь живет» (Т. 1, с. 263), «От Витимских скал / До Великих Лук / Меж тобой и мной – / Океан разлук» (Т. 1, с. 328), «...Плавно кружатся ястреба / Над речушкой твоей – Островкой» (Т. 1, с. 483).

Но не меняется сущность любимой – она дарит свет: «Ты сняла сарафан торопливо, / В неподвижную воду вошла / И на глади ночного залива / Отразилась, как полдень светла» (Т. 1, с. 226), «Нету глаз твоих светлых бездонней, / В них лучится сиреневый свет» (Т. 1, с. 257), «Тот благостный, тобой зажженный свет» (Т. 1, с. 264), «...Солнечная! / Ты вошла мне в душу, / Словно самый-самый чистый свет» (Т. 1, с. 395), «Ты – лучшая из лучших, / Тебя светлее – нет!» (Т. 1, с. 396), «Льетса свет невеселых глаз...» (Т. 1, с. 483).

При этом поэт неоднократно подчеркивает и «земную красу» любимой, совмещаемую с «небесной душой»: «Там до неба дошла душа, / Хоть сама ты – совсем земная». Земное, плотское начало присуще и виртуальной «женщине мечты» поэта, в стихотворении «Все я заново начну, и все я сдую...» он даже утрирует ее «не идеальность». «Незнакомка» Н. Старшинова – это не бестелесное видение А. Блока, она «реальна» благодаря своей «приземленности»:

Нет, она мне не покажется богиней,
А представится земной, совсем земной:
Отряхнет с воротника колючий иней
И уютно сядет рядышком со мной
На ее руках колечки золотые,
В розоватых мочках стынет бирюза.

К этому облику с высокой степенью соответствия подошла бы формула Б. Пастернака: «А ты прекрасна без извилин, / И прелести твоей секрет / Разгадке жизни равносителен» [5] – если бы не «колечки самой низкой пробы и голубенькие клипсы», придающие попутчице лирического героя Н. Старшинова определенный налет вульгарности. Чтобы полностью соответствовать его представлениям о красоте, виртуальной красавице приходится избавляться от «безделушек». Стремление освободить образ любимой от всякой неестественности, искусственной красоты просматривается и в стихах, имеющих реальных адресатов:

Любимая, твои черты,
Улыбка, просинь глаз
Неповторимы и чисты
Без всяческих прикрас. (Т. 1, с. 316)

«Ради бога, себя не уродуй!..» – восклицает лирический герой в другом стихотворении, видя «милый рот, обожженный помадой» (Т. 1, с. 300). В еще большей степени, чем сохранение чистоты внешних черт, заботит его сохранение чистоты души возлюбленной. Видя «...и не раз, как мельчают и скудеют души, словно бы чужими становясь» (Т. 1, с. 262), именно в этом он видит причину того, что «...так бездарно и так бестолково погибает сама красота» (Т. 1, с. 389).

То есть, второй образ любимой не столь идеален, как первый. Но это не делает его менее привлекательным для лирического героя, потому что как сам он признается: «Только молодостью твоей / Я сегодня и жив и молод».

Два выше обозначенных образа сливаются в один в поэме «...И я открыл глаза...» при последнем свидании лирического героя с любимой. Здесь ее черты обобщены и сведены в один «печальный образ» чувством вины лирического героя перед ней. Ко-

нечно, «многострадальное лицо», «скорбные уста», «огромные...прекрасные и скорбные глаза», в которых «столько боли и печали» (Т. 2, с. 157-158), мало соответствуют весеннему настроению второго образа любимой:

Ты – песня жаворонка в апреле...
И я весною дышал, пока
Твои глаза на меня смотрели
Сквозь хлопья снега – два василька.
(Т. 1, с. 281)

Больше здесь соответствия первому образу времен расставания лирического героя с любимой:

Не рыдала. Не причитала.
Лишь упрямей сжимала рот...
Вот какой ты красивой стала –
Даже горе тебе идет. (Т. 1, с. 104)

Но, зная обстоятельства личной жизни Н. Старшинова, можно с большой степенью вероятности предположить, что прототипом героини пятой главы поэмы явилась, наряду с Ю. Друниной, вторая жена поэта – Эмма Антоновна Старшинова, связавшая с

ним свою жизнь в очень нелегкие для него годы. То есть, в поэме сливаются воедино даже не два образа любимой, а две конкретных женских судьбы: прославленной поэтессы и провинциальной девушки, уехавшей за заезжим гостем из родной литовской деревушки в Москву. Судеб столь разных, и тем не менее объединенных в видениях лирического героя поэмы в одну «многострадальную» женскую судьбу. Косвенным подтверждением данного предположения служит третья глава поэмы, посвященная свиданию с дочерью. Судя по кукле в руках, прототипом дочери лирического героя явилась младшая из двух дочерей поэта (от второго брака), хотя, конечно, обе они были им равно любимы.

Литература

1. Юрий Иванов. Мне другая судьба не нужна...// Наш современник.– 1979.– № 2.– 156 с.
2. Друнина Ю.В. На печаль я наложила вето: Сборник стихов. – М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс, 1988. – С. 92.
3. Аннинский Л. Глубина фронта. С. 229.
4. Друнина Ю.В. Указ соч. С. 72.
5. Пастернак Борис. Сестра моя – жизнь: Стихотворения и поэмы. – Алма-Ата: Жалын, 1986. – 400 с.

АРХОНТЫ В МОСКВЕ

*Познайте то, что перед вами, ибо
тогда скрытое тоже откроется вам.
Кефалайа («Главы»)*

А.Б. ЛЕВИН, профессор кафедры теплотехники МГУЛа, к. т. н.

Архонт – греческое слово, означающее «князь, правитель». Так в манихействе названы вожди демонов, порождений Мрака. Манихейство, как философская система и религия, возникло в III веке н.э. и названо по имени, принятому её основателем, как считается, в начале служения; имя данное при рождении сыну Фатака (Патака или Патика)¹ точно неизвестно.

Родившийся 14 апреля 216 года в Месопотамии, выступивший с проповедью в 240 году и жестоко казнённый не позднее 277 года² вероучитель в истории известен как Мани. Этимология этого имени не ясна и может восходить к арамейскому «сосуд», как любезно сообщила автору Е.Б. Смагина, или к греческому «дух, ум»³. Имеются и иные, менее вероятные предположения на

этот счёт⁴. Новая религия, манихейство, широко распространилась на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, просуществовала иногда явно, иногда тайно до IX века и ещё в конце XIX века характеризовалась как учение «скрытно существующее, в различных видоизменениях, и доньине»⁵.

И как бы это ни показалось странным, такое скрытное существование манихейства несомненно в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», что отмечалось уже вскользь исследователями романа.⁶

Чтобы обсудить это подробнее, придётся очень кратко изложить основы манихейской доктрины.

Мани учил, что окружающая нас действительность представляет собой результат смешения, возникшего в акте противоборства двух начал, существовавших предвечно и независимо друг от друга – Света и его абсолютной противоположности. Оговоримся, что различные авторы переводят многие манихейские термины на русский язык различно. Абсолютная противоположность идеальному Свету может называться Мрак⁷ или Тьма^{2,8}.

Свет олицетворён верховным божеством, называемым Отец величия (Царь светлости, Царь Света). Мрак персонифицируется Материей, иногда именуемой как Грех, Помысел смерти, Дьявол или Сатана.

Свет и Мрак существовали раздельно, и между ними была непроницаемая преграда. Затем (здесь, как и во многих других случаях проявилось, отмеченное В.С. Соловьёвым¹ «ребячество» манихейства) Материя, посмотрев на Свет и позавидовав его совершенству, решила поглотить его.

Последовали битвы, для ведения которых Отец величия «вызвал из себя», «призвал» несколько светлых божеств, одно из которых – Первочеловек отделил от себя пять светлых стихий: Воздух (Благорастворённый воздух, Нечто подобное эфиру), Огонь (Согревающий огонь), Вода, Ветер (Освежающий ветер, Прохлада), Свет (Яркость). Материя, в свою очередь, несколькими последовательными актами произвела пять тёмных стихий симметрично отрица-

тельных относительно светлых: Дым (Яд, Зараза), Огонь (Пожар, Пожирающее пламя), Вода (Туман), Ветер (Бурный вихрь), Тьма (Мрак).

Названия тёмных и светлых стихий приведены в переводах Е.Б. Смагиной², в скобках даны варианты переводов В.С. Соловьёва¹, А.В. Ефремова⁸ и В.Н. Торопова⁹.

Очень хорошо помня поговорки о калашном ряде и сверчке с его шестком, рискну всё же предложить для первой из стихий Мрака старинный русский термин – Моровое поветрие, что по Далю означает «наносные, повальные болезни, ... состояние воздуха, приносящего их»¹⁰. На латыни это понятие – *malus aeg*, по-итальянски – *mal aria*.

Последовательные превращения стихий Мрака привели к возникновению в мире каждой из них архонтов (повелителей, царей) и подчинённых им демонов. В войне светлых божеств с силами Мрака последние были побеждены, но при этом на границе Света и Мрака образовалась область смешения, в которой светлые и тёмные стихии оказались связанными друг с другом. Силы света должны были преобразовать область смешения так, чтобы было возможно отделить частицы Света от Мрака. Был сотворён видимый мир – Земля, над ней установлены десять твердей и Колесо звёзд. Началось то время, которое, очевидно, длится по сей день. Последним усилием Материя (но не бог Света!) создала Адама и Еву, давших начало роду человеческому. Как порождения области смешения люди принадлежат обоим мирам, и их души обладают частицами Света. Устройство видимого мира имеет единственной целью разделение Света и Мрака. Главную роль в этом процессе играют Корабли света – Солнце и Луна – места обитания младших божеств Света. Ниже об этом ещё будет сказано подробнее.

В конце времени, когда светлые божества соберут весь оставшийся в материальном мире Свет, благодетельный Огонь сожжет за 14068 лет непрерывного горения всё, порождённое Материей и произойдёт окончательное разделение миров Света и Мрака.

Вернёмся теперь к роману, к эпизоду появления Левия Матвея в ротонде на крыше дома Пашкова и его разговора с Воландом¹¹. Именно эта сцена и вызывает упоминания комментаторов о манихейских мотивах в романе. Заметим, что этот отрывок в высшей степени синкретичен, как впрочем, и весь роман, о чём автор надеется написать когда-нибудь подробно.

От собственно манихейства заимствована терминология (мир блага назван светом, зло названо миром теней) и радикальный дуализм – абсолютное разделение мира добра и зла и всеилие в пределах материального мира «духа зла и повелителя теней». От христианства – персонификация мира Света в Иисусе – Иешуа. Писатель старательно избегает назвать это имя в авторской речи, Воланд и Левий так же употребляют только местоимения. Выдержать этот приём Булгакову всё-таки не удалось, и через полтора десятка страниц имя Иешуа названо¹².

От диалектиков – иронические рассуждения Воланда о невозможности существования добра без зла, как света без тени. Наконец, от самого Булгакова – совершенно невозможная для любой религиозной системы ситуация обращения олицетворения Света с *просьбой* к олицетворению Мрака. Бог не может просить о чём-либо своего извечного противника (буквальное значение слова

Сатана – противник, враг). Отметим и столь же невозможное почти дословное цитирование Сатаной Евангелия от Матфея: «каждому будет дано по его вере». От Булгакова и несовместимая с любой религиозной доктриной идея награды в вечной жизни за страдания при жизни земной, получаемой из рук Сатаны. И от Булгакова снижающее пафос сцены сообщение о том, что Иешуа *прочитал* сочинение мастера». Сообщение это повторяется дважды. Сначала Левий говорит об этом Воланду, а затем Воланд передаёт это мастеру. Само слово «читать» применительно к Всеведущему и Вездесущему, по-видимому, неуместное в любом ином контексте, здесь в сплаве разнородных и противоречивых идей, понятий и обстоятельств, кажется вполне органичным.

Итак, только тень учителя Мани мелькнула перед читателем. Но приглядимся к тексту романа повнимательнее, может быть, найдутся и другие более или менее отчётливые его следы.

В манихействе силы зла представлены архонтами пяти миров Мрака и подвластными им демонами. Их предводитель по одному из вариантов толкований – Царь мира Дыма¹³, по другим – родившийся из соединения всех пяти миров Сатана^{14,15}. Вот его подробное описание:

«Что касается архонта, вождя всех сил Мрака, то пять подобий есть в его теле, по подобию клейма пяти творений, сущих в пяти мирах Мрака: его голова – облика львиного, что возник из мира Огня. Его крылья и плечи – облика орлиного, по подобию сынов Ветра; его руки и ноги – демонские по подобию сынов Дыма; его туловище – образа драконьего, по подобию мира Мрака. Его хвост – образа рыбьего, принадлежащего к миру сынов Воды. Вот какие пять форм есть в нём, вышедшие из пяти творений пяти миров Мрака. Когда захочет, он ходит на двух ногах, по подобию сынов мира Дыма; и всякий раз, когда захочет, бегаёт на четвереньках – на руках и ногах, подобно сынам Огня: когда захочет, поднимается на крыльях, как сыны ветра; и когда захочет, прыгает вниз, в воды,

как сыны воды; и когда захочет, ползает на животе, как сыны Мрака. Вот какие пять форм есть в нём. **Есть в нём и другие три свойства: первое – он** понимает язык своих сил, хотя его сердце скрыто от них. Второе: он владеет заклинаниями и знаками своей волшбы; когда захочет, он закликает сам себя и скрывается от своих сил, и когда захочет, показывается им: он наносит рану и убивает своим колдовством; порой он возглашает речь и этим творит колдовство. Третье: его тело так крепко, что никакие рога, зубы и когти его сил не могут проткнуть его, никакое тело железное или медное не может ничего сделать с ним, и невозможно его разрушить, ибо он сделан и сотворён из жестокосердного суждения Материи, матери демонов и дьяволов. Есть в нём ещё три свойства: когда он хочет, его огонь пылает, и всё тело делается как железо на огне. И когда захочет, он выпускает холод, и всё тело холодеет, как облако снежное. Третье: пока его силы стоят перед ним, он смотрит на них и знает, что у них на сердце; он знает, что у них на сердце и на лице, доколе они стоят перед ним; но когда они удаляются от лица его и отдаляются от него, он не знает, что у них на сердце.»¹⁶

Всякий прочитавший роман не может не узнать в этом описании Воланда, «убивающего колдовством», с его заклинаниями и знаками, с его возникновениями и исчезновениями и с его знанием, «что у них на сердце».

Сатану сопровождают архонты пяти миров Мрака, и у Воланда пять спутников: Азazelло, Фагот, Бегемот, Абадонна, Гелла.

Азazelло – демон мира Дыма (Яда, Заразы, Морового поветрия):
«Тело всех сил, принадлежащих миру Дыма, – это золото. А вкус плодов – соль.
Дух Царя тёмных – тот, кто царствует
ныне во властях и началах страны и всего мира; я разумею тех, кто царствует над всем творением и угнетает людей тиранией по воле своей.»¹⁷

Азazelло в полном соответствии с описанием демонов мира Дыма – «огненно-рыжий». Стоит ли напоминать, что «рыжий» в русском воровском аргосе означало и означает – *золотой*. Слова *рыжьё*, *рыжуха* в значении *золото* встречаем, например, у И. Бродского («К преговорам в Кабуле», «Песенка») и у Т. Толстой («Кысь»). Именно демону Дыма (Яда) поручено отравить Мастера и его подругу, он же «нашептал совет» не названным по именам, но лег-

ко угадываемым Ягоде и Буланову, «обрызгать стены кабинета ядом», чтобы отравить Ежова, тоже, разумеется, не названного.¹⁸

Имя Азazelло восходит, и это многократно отмечалось в комментариях к роману, к духу зла, именуемому в Библии Азazel, что в буквальном переводе означает козлотпущение. По закону Моисея в день грехотпущения избирались два козла, один для жертвоприношения Богу, а другой для «отпущения» в пустыню после предварительно-

го возложения на него рук, что означало переложение на него грехов всего народа. Азazel известен у многих народов Ближнего Востока и у последователей некоторых древних христианских сект. У арабов до и после принятия ислама это имя было одним из имён Сатаны¹⁹. В иудейских апокрифах Азazel – негативный культурный герой, научивший, между прочим, женщин блудному искусству раскрашивания лица²⁰. И никто иной, как Азazelло даёт Маргарите *золотую* коробочку с дьявольским кремом, сделавшим её, а заодно и Наташу, неотразимо прекрасными ведьмами.

Фагот – демон мира Ветра (Вихря). Уже его имя на время пребывания в Москве – название *духового* инструмента – можно толковать как аллюзию. Но особенно ярко его принадлежность к миру разрушающего Ветра проявляется в сцене прощания с Мо-

сковой на Воробьёвых горах. Перед тем как свистнуть «по старой памяти» и пообещав «только пошутить, исключительно пошутить», Коровьев-Фагот «...завился, как винт, <можно подумать, чтобы вобрать в себя энергию смерча или тайфуна, А.Л.> и затем, внезапно раскрутившись, свистнул.

Этого свиста Маргарита не услышала, но она его увидела в то время, когда её вместе с горячим конём бросило саженой на десять в сторону. Рядом с нею с корнем вырвало дубовое дерево, и земля покрылась трещинами до самой реки. Огромный пласт берега, вместе с пристанью и рестораном, высадил в реку. Вода в ней вскипела, взметнулась, и на противоположный берег зелёный и низменный, выплеснуло целый речной трамвай с совершенно невредимыми пассажирами. К ногам храпящего коня Маргариты швырнуло убитую свистом Фагота галку.»²¹

Только демон мира Вихря мог бы произвести подобное действие:
«А царь миров Ветра имеет облик орла. Его тело – железо, и тело всех, кто принадлежит Ветру, – железо. Их вкус острый в любом виде. Его дух – это дух идолопоклонничества, духов заблуждения, пребывающих в каждом храме, в капищах идолов, молельнях, изваяниях и образах, обителях заблуждения мирского.»²²

Фагот в романе не появляется с крыльями, если не считать именно его воплощением воробья, танцевавшего фокстрот на письменном столе и нагадившего в чернильницу профессора Кузьмина. Но «усишки у него, как куриные *перья*», в другом месте – «усы-*пёрышки*», он раскрывает рот, как *птенец*, при первом появлении он не касается земли, *дунув* в воздух он прекращает денежный дождь, *дуновения* же достаточно для

уничтожения записи в домово́й книге и для заживления пальца Геллы, простреленного Бегемотом. Чтобы подписать у Воланда договор «он *слетал* с ним в спальню и вернулся», и назван он редким словом *надувало*.²³

Архонт мира Огня (Пламени, Пожара) – Бегемот, главный виновник пожаров в Москве, как и подобает сынам Огня четвероногий²⁴ и из рода кошачьих:

«А царь миров Огня имеет облик льва, первого из всех зверей. Медь – тело его, и также тело всех архонтов, принадлежащих Огню, – медь. Их вкус – это вкус кислый во всяком виде. А дух царя тех, кто принадлежит миру Огня, – тот, Что царствует среди знати и вождей, которые в подчинении у властей, начал и царей мира. Дух его также пребывает в лжеучениях, которые служат огню и приносят жертву огню.»²⁵

Бегемот более всех спутников Вольфа служит огню и с лёгкостью жертвует огню «нехорошую квартиру», магазин Торгсина на Смоленской, писательский ресторан и весь особняк Массолита.

Имя его, восходящее к каноническим и апокрифическим книгам Ветхого Завета, означает по представлениям древних иудеев самого большого и сильного из четвероногих животных. А по убеждению манихеев все четвероногие произошли от демонов мира Огня.²⁶

«Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол.

Вот его сила в чреслах его и крепость в мускулах чрева его.

Поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бёдрах его переплетены.

Ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья.

Это – верх путей Божиих; только сотворивший его может приблизить к нему меч свой.»²⁷

«А царь мира Мрака – дракон. Его тело – свинец и олово; также у всех архонтов, принадлежащих миру Мрака, тело – свинец и олово. А вкус его плодов – горечь. А царящий в них дух – это дух, донныне гласящий в оракулах и дающий предсказания через прорицателей всякого рода, через одержимых и других духов, дающих всякого рода предсказания».³¹

Имя Абадонна восходит к библейскому Аваддон – уничтожение, прекращение бытия. В Ветхом Завете – это имя синоним смерти и преисподней, как бездны: «Преисподняя и Аваддон открыты перед Господом, тем более сердца сынов человеческих.»³² В откровении Иоанна Богослова говорится об ангеле бездны «...имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион (губитель).»³³ Полчища подчинённых Аваддону существ – гигантская саранча удивительно похожая на *драконов*:

«По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на

Облик Бегемота соединяет в себе черты архонта мира Огня и традиционного для многих народов олицетворения Дьявола в виде чёрного кота.²⁸ В частности, обвинявшимся в формальном культе дьявола альбигойцам, влияние на которых манихейства несомненно, приписывались собрания, на которых Сатана присутствовал в виде кота.²⁹

Атрибуты Бегемота – примус с медным либо из медного сплава резервуаром или маринованный, то есть приготовленный в уксусе, заведомо кислый гриб – очевидные атрибуты архонта мира Огня. Преобразившись в последнем полёте, Бегемот оказывается пажом – тем, кто обязательно *знатен*, но находится *в подчинении у начал и царей мира*.

Абадонна – демон мира Тьмы, отсутствия всякого света, олицетворение поглощающей, скрывающей и бесследно уничтожающей ямы могилы и пропасти преисподней.³⁰

золотые, лица же её – как лица человеческие.

И волосы у ней – как волосы у женщин, а зубы у ней были как у львов;

На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев её – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну;

У ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах её были жала...»³⁴

Чёрные очки скрывают глаза Абадонны, в которых зияет абсолютный Мрак, символ разверстой бездны, взглянув в них, человек гибнет.

Наконец, Гелла – демон мира Воды (Тумана):

«А царь мира Воды имеет облик рыбы. Его тело – серебро; и у всех архонтов, принадлежащих Воде, тело – серебро. А вкус его плодов – сладость водяная, вкус сладкий во всяком вкусе. А дух царя архонтов Воды – тот, что царствует
Ныне в лжеучениях заблуждения, которые
 Крестятся омовением водным, чья надежда
 И упование – в крещении водном.»³⁵

Из всех спутников Воланда Гелла выписана наименее подробно и на её принадлежность к миру Воды намекает разве что *гнилая малярийная сырость*, которой тянет по полу, да *ледяная волна*, которой окатило Римского при приближении женщины – демона. В манихействе силы зла двуполы, и само разделение полов – проявление зла:

«...Материя, живописец и зодчий
 всех миров плоти, та, которая живописала плоть
 и всё архонство, какое есть в мире Мрака,
 сотворила их в пяти чувствилищах – пяти мужских
 и пяти женских, по два на каждый мир, а также огонь и
 наслаждение, обитающие в мужчинах и женщинах и влекущие
 их друг к другу.»³⁶

И *натурально*, как сказал бы один из наших героев, характерные черты повелителя архонтов Воланда, дробятся, дwoятся, соединя в его облике признаки принадлежности к каждому из подвластных ему миров. Например, коронки на зубах с правой стороны у него *золотые*, как должно было бы быть у архонта мира Дыма, а с левой – платиновые, т.е. из драгоценного металла неизвестного во времена Мани, но на вид неотличимые от *серебряных*, как должно было бы быть у архонта мира Воды. Ведь и само слово платина произошло от испанского plata – *серебро*. Правый глаз у Воланда *пуст, черен и мертв*, как закрытые черными очками глаза Абадонны, левый же *зелен*, как у Геллы.³⁷

В главе «Прощение и последний приют» Гелла и Абадонна отсутствуют, но число спутников у Воланда по-прежнему пять: закованный в латы Азазелло, тёмно-фиолетовый рыцарь – Фагот, задумчивый юный паж – Бегемот, Мастер и Маргарита. Это специфическая особенность манихейства, в котором стихии Света и Мрака образуют симметричные пентады, в отличие от большинства религиозных и философских систем или фольклорных традиций, в кото-

рых традиционно используются числа три, семь, двенадцать.

Отзвуки манихейских представлений рассыпаны по тексту романа. Слова Азазелло:

«Тогда огонь! – вскричал Азазелло. – Огонь, с которого всё началось и которым мы всё заканчиваем»³⁸ выглядят несколько пародийным изложением манихейской эсхатологии. В конце времён на материальный мир снизойдёт великий благодетельный огонь, который будет гореть упомянутые уже 14068 лет. Всё материальное сгорит в нём, после чего идеальные Свет и Мрак окончательно разделятся уже навсегда. Впрочем, эта фраза может быть и насмешкой над иудейским апокрифическим предсказанием о том, что Азазел, и так уже будто бы закованный в цепи архангелом Рафаилом, будет ввергнут в огонь после Страшного суда.³⁹ Возможно также, что эта фраза отголосок одного из ранних вариантов романа, в котором вся Моксва гибла в огне, как Содом и Гоморра. Окончание главы «На Воробьёвых горах» должно читаться как «...нет давно уже и самого города. Он как сквозь землю провалился, – остались лишь *туман* и *дым*.»⁴⁰ Последние два слова выделены нами, потому что это имена стихий Мрака.

И наиболее яркое проявление манихейских представлений в романе – важная роль солярных и лунарных мотивов, неоднократно отмеченных комментаторами. Комментарии эти иногда довольно причудливы. Так, в солидном труде одновременно утверждается, что Солнце и жара свидетельство приближения дьявола и что дьявол и его присные исчезают с восходом Солнца, возвещаемым петушиным пением.⁴¹

По учению Мани частицы Света душ праведных людей сначала поднимаются к Луне, где окончательно очищаются, а затем восходят к Солнцу, которое открывает им путь к полному воссоединению с миром Света. Души неправедных претерпевают многократные перерождения, постепенно очищаются в мытарствах, состоящих главным образом в отвратительных видениях, и возносятся или окончательно погрязают в грехе и опускаются в геенну, где остаются навеки. Оба светила – обиталища светлых божеств и предназначены для разделения Света и Мрака. Они – ступени, по которым Свет возносится из мира, единственные врата, через которые души праведников могут попасть в мир Света.⁴² Луна прибывает, когда Свет из мира смещения по частичкам накапливается и начинает убывать по мере передачи этого света Солнцу, которое и переправляет Душу живую в мир Света.⁴³ Эти представления, странным образом, отразились в эпизоде решения участи Понтия Пилата. В полнолуние прощённый Пилат после почти двух тысяч лет терзавших его видений устремляется навстречу Луне по лунной дорожке.

Признание за Солнцем и Луной роли мистических проводников праведных душ в мир Света было поводом для обвинения в манихействе Г.С. Сковороды. Интересно, что в трудах и даже в самой биографии Г.С. Сковороды тонкий исследователь находит источник вдохновения автора Мастера и Маргариты.⁴⁴

Но тем, чьими именами назван роман, не уготована участь растворения в благом Свете. Соединяющее их чувство, согласно учению Мани – порождение Зла. Довольно примитивная этика манихеев сводится к

требованию «наложения печати на уста, руки и лоно», то есть к отказу от употребления мяса, вина и воспрещению хулений, особенно самого Мани, запрещению лишать жизни даже животных и растения и, наконец, требование сохранения девственности.⁴⁵ Плотская любовь создана силами Мрака для деторождения, которое осуждалось, так как с увеличением численности человечества вело к раздроблению Света в области смешения на всё более мелкие частицы. Поэтому Мастер и Маргарита, для которых любовь и самая жизнь неразделимы и которые ради воссоединения в этой любви вступили в сделку с дьяволом, не заслуживают Света. И вот тот, кто сказал, «что в числе человеческих пороков одним из главных он считает трусость»⁴⁶, одновременно призывает в царство Света заведомого грешника, из трусости осудившего на смерть невинного и лично ему симпатичного узника, и признаёт недостойными Света Мастера и его возлюбленную не виновных ни в чём, кроме всепоглощающей любви.

Никакие из известных нам толкований загадочной развязки романа, включая такие экзотические, как установление связи между загробной участью и положением героя в масонской иерархии⁴⁷, не кажутся более убедительными, чем приведенное выше. Более того, противопоставление Света и Покоя нарушает традицию. Так, в цитируемом И.Л. Галинской по обсуждаемому поводу четверостишии Г.С. Сковороды покой царствует в той стране, «где неприступный свет».⁴⁸ И церковь просит об умершем: «В покоищи Твоем, Господи, идеже вси святии Твои упокоеваются, упокой и душу раба Твоего, яко един еси Человеколюбче».

Взыскательный вкус продиктовал Булгакову неожиданную читателем развязку, исполненную, по слову Пушкина, «светлой печали». Он наградил своего героя тем, чего «сердце просит» как единственно возможной награды для мятущейся души гения – покоем. При жизни ни автор, ни его герой не могли надеяться обрести покой, за её пределами герой получил свою награду, об авторе же ведаёт только Бог.

Итак, «то, что перед нами» познано или, по крайней мере, проявлено и объяснено. Но вопреки утверждению Мани «скрытое» осталось тайной. Как попали в роман эти совпадающие подробности? Речь именно о подробностях. «При соответствующих условиях до дуалистических воззрений (представлений, что добро и зло – категории изначально чуждые, что материальный мир есть зло и т.д.) человек может «додуматься» в самые разные эпохи и в самых несхожих культурах.»⁴⁹ Но откуда, по слову всё того же Александра Сергеевича, эти «странные сближения»?

Ко времени написания «Мастера и Маргариты» манихейские тексты не были опубликованы в России. И сегодня «Кефалайа» – единственное издание подлинного манихейского текста на русском.

Мог ли юный Михаил Булгаков узнать какие-нибудь подробности от отца Афанасия Ивановича, профессора кафедры западных вероисповеданий, читал ли он Блаженного Августина или какие-то иноязычные труды? Нет нужды поддаваться соблазну «не сходя с места изобрести объяснение явлению необъяснимому»⁵⁰. Прибавим эту загадку к длинному списку иных, какими окружены таинственно привлекательные и привлекательно таинственные Воланд с его пятью архонтами, Мастер, Маргарита и жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат.

Литература

1. Энциклопедический словарь. – СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890 – 1907 (далее ЭС). Т. XVIII^a, с. 541.
2. Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указ. Е.Б. Смагиной. – М.: Восточная литература РАН, 1998, (далее Кефалайа, в ссылках на манихейский текст точкой разделены номер стр. оригинала древней рукописи и номер строки, в ссылках на текст Е.Б. Смагиной приводится номер стр.), 18 – 30.
3. ЭС. Т. XVIII^a, с. 541.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1982 (далее Мифы 1982). Т.2, с.103.
5. ЭС. Т. XVIII^a, с. 541.
6. Галинская И.Л. Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986, (далее Галинская 1986), с.95,96.
7. Кефалайа, с. 38.
8. Ефремов А.В. Манихейство// Журнал историко-богословского общества, 1991, №2 (далее Ефремов 1991). С. 60.
9. Мифы 1982. Т. 2, с. 104.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., СПб.: М.О. Вольфа, 1880. Т. III, с.151.
11. Булгаков М.А. Собрание сочинений. В 5 – тт. Т.5. Мастер и Маргарита. Письма/ Подгот. текстов Л. Яновской, В. Гудковой, Е. Земской. Коммент. Г. Лескиса, Е. Земской. – М.: Худож. лит., 1990 (далее Б90). С. 350.
12. Б 90.С.371.
13. Кефалайа, с.39.
14. ЭС. Т. XVIII^a, с.542.
15. Ефремов 1991, с.60.
16. Кефалайа, 77. 26 – 35, 78. 1 – 31.
17. Кефалайа, 33. 2 – 8.
18. Б90. С.83, 262, 659.
19. ЭС. Т. I, с.201.
20. Мифы 1982. Т. I, с. 50.
21. Б90. С.366.
22. Кефалайа, 33. 18 – 24.
23. Б90. С. 47, 82, 98, 120, 122, 272, 281.
24. Кефалайа. С.374.
25. Кефалайа, 33.9 – 15.
26. Кефалайа. С.396.
27. Иов., 40. 10 – 14.
28. ЭС. Т. XXXIX, с. 83.
29. Там же, с. 84.
30. Мифы 1982. Т. I, с. 23.
31. Кефалайа, 33.33 – 35, 34. 1 – 5.
32. Притч. 15. 11.
33. Откр., 9. 7 – 10
34. Там же, 9. 11
35. Кефалайа, 33.25 – 32.
36. Кефалайа, 26. 11 – 17.
37. Б90. С. 10, 44, 248.
38. Б90. С.360.
39. Мифы 1982. Т. I, с. 51.
40. Лескис Г.А. Триптих М.А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита»: Комментарии. – М.: ОГИ, 1999. С. 384.
41. Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. – М.: Локид; Миф, 1996 (далее Сколов 1996). С. 171, 316.
42. Кефалайа, С.450.
43. Там же.
44. Галинская 1986, с.75 и сл.
45. Ефремов. С. 65.
46. Б90. С. 296.
47. Соколов 1996. С.286.
48. Галинская 1986. С 84.
49. Кефалайа. С. 45.
50. Б90. С. 106.

АННОТАЦИИ

Майорова Е.И. НАРКОМАНИЯ – НАЦИОНАЛЬНОЕ БЕДСТВИЕ.

Статья посвящена проблемам незаконного оборота наркотиков и злоупотребления наркотическими средствами. В работе приводится история вопроса, анализируются формы и методы борьбы с наркоманией, практикующиеся в разных странах. Особое внимание уделяется правовым мер противодействия наркомании в России. В заключении автор предлагает ряд действенных мер, которые должны помочь в борьбе против данного вида преступности.

The paper covers the problems of illegal drug circulation and drug-abuse. The history of the issue is cited in the paper. Forms and methods of drug addiction control, practiced in different countries are analyzed. Special attention is given to legal methods of drug addiction control in Russia. In the conclusion the author suggests a series of effective measures to help control this kind of crimes.

Макаренко С.М. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

Раскрываются проблемные вопросы защиты прав собственности, связанные с несовершенством нормативной правовой базы, регулирующей последствия введения чрезвычайного и военного положения.

Problem questions of protection of the property rights, connected with imperfection of the normative legal base regulating consequences of introduction extreme and the martial law are opened.

Попов В.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

В статье рассматриваются некоторые вопросы использования оперативно-розыскной деятельности в обеспечении экологической безопасности.

The article deals with some aspects of crime detection practices to provide environmental safety.

Маслов Д.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования формирования экологической культуры в Российской Федерации на уровне федерального законодательства.

In article problems of legal regulation of formation ecological culture in the Russian Federation at a level of the federal legislation are considered.

Пивульский В.В. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЕЛАХ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ ГК РФ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ О ДОГОВОРЕ.

В статье рассматриваются некоторые пробелы и противоречия ГК РФ в регулировании общих положений о договоре.

About some deficiency and about some flaws and contradictions in the civil code of R. F. in the regulation of common positions about contracts.

Дехтерева Л.П. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРИРОДООХРАННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.

В работе представлен анализ современного законодательства об особо охраняемых городских природных территориях и обращено внимание на проблемы и пути совершенствования данного законодательства.

In this work author represented analysis of modern legality about especially guarded urban nature territories and paid attention to problems and means of improving given legality.

Жаворонкова Р.Н. ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ АРТИКЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Данная статья рассматривает функционирование английского артикля на уровне текста. Анализ фактического материала показывает, что артикль является тексто-связанной языковой единицей. Артикли, принимая участие в создании связанного текста, обнаруживают свои текстообразующие функции. Так, неопределённый артикль чаще всего используется в своей рематической функции и является лингвистическим средством, обеспечивающим перспективную связь в тексте. В то время как, определённый артикль характеризует ретро-перспективную направленность элементов текста и обеспечивает тематическую соотнесённость в тексте.

The paper considers the functioning of articles in a discourse. Analysis of practical materials shows that the article is a text-based. Language unit. Participating in text creation, articles reveal their textual functions. They are used as a linguistic means of theme and rheme relations in a text.

Маньковская З.В. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОДЕЛЯХ ПЕРЕГОВОРОВ.

В статье «Межкультурные особенности реализации речевых стратегий в британской и российской моделях переговоров» рассматриваются лингвистические особенности реализации намерений партнеров на разных стадиях переговоров и дается их обоснование с точки зрения принципов, действующих в рассматриваемых культурах.

The article “Cross-cultural peculiarities of speech strategies manifestation in British and Russian models of negotiations” looks at linguistic peculiarities of expressing speaker meanings on different stages of negotiations in the British and Russian cultures and offers an interpretation of those peculiarities from the point of view of principles underlying speaker choices.

Волоснова Ю.А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.

В статье описываются способы образования неологизмов в области компьютерных технологий. Особое внимание уделяется метафорическому словообразованию и видам перевода терминов с русского языка на английский, таким как калькирование, транслитерация и описательный перевод.

The paper describes formation of neologisms in the word stock of information technology. The emphasis is laid upon metaphorical methods of word formation and ways of terminological translation from English into Russian, such as calques, transliteration and descriptive translation.

Красикова Т.И. К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОМОНИМИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Настоящая работа посвящена изучению эволюции генетически не связанных омонимов английского языка. Это проблема-сущность смешанного характера словарного состава английского языка.

English contains some hundred pairs of homonyms, i.e. of words identical in spelling but differing in meaning and origin. The subject is a difficult one to deal with. The article is about the theoretical problems of historical development of homonyms for today.

БОНДАРЕНКО Т.Н. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.

В данной статье делается попытка проанализировать возможности использования этих отношений для эффективного и адекватного распознавания семантики лексических структур в процессе преподавания иностранного языка. Интересную возможность определения усвоения семантики нового слова представляет собой ссылка на отдельные известные слова. В методике обучения иностранным языкам устанавливаются отношения семантического значения неизвестного слова со словами, которые уже усвоены обучаемым. При этом рассматриваются четыре вида таких соотношений: синонимия, антонимия, производность, тождественность (Doye, 1975).

In this article the problems of the semantization of German words in reference to already known words in German are discussed. In this learning-technique four relations come into consideration: synonymy, antonymy, derivation and similarity to Russian words. The acquisition of the word-meaning through synonymy is the most problematical one, because it is hardly possible to find two words with identical meaning in German that would be used in identical semantical contexts. In the case of antonyms it is easier to find words with the precisely opposite meaning. Nevertheless the teachers and learners should take into consideration that there are many words referring with their antonyms to complicated relations in the extralingual reality that can't be reflected by a real antonymy-relation.

Уварова Т.П. СКОЛЬКО СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ, И КАКОЙ В СРЕД- НЕМ ЗАПАС СЛОВ У ЧЕЛОВЕКА?

Данная статья основывается на трудах выдающихся английских и американских лексикографов в вопросах о количестве слов в английском языке и о среднем запасе слов у человека.

The paper is based on the work of the outstanding British and American lexicographers regarding such common questions as how many words there are in the English language and the average size of a person's vocabulary

Жердева М.О. СУФФИКС -ING/-UNG В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.

В этой статье предпринимается попытка объяснить функциональную и семантическую переориентацию одного из наиболее продуктивных английских суффиксов –ing, которая произошла еще в древнеанглийском языке. Рассматриваемое изменение словообразовательной парадигмы обусловило его дальнейшую историческую эволюцию.

The article deals with the explanation of the functional and semantic changes that took place in the paradigm of the most frequently used suffix –ing in Old English. The changes in question influenced it a lot and brought about its further evolution.

Пильгун М.А. РАЗВИТИЕ ИМЕН СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА.

В статье рассматриваются проблемы суффиксального и семантического словообразования. Исследование проводится на материале имен существительных со значением действия в русском языке. Особое внимание уделяется сравнительному анализу словообразовательных моделей в русском и французском языках.

The paper considers the problems of suffix and semantic word-derivation. The research is based on «nomina actionis» in Russian. Special attention is given to comparative analysis of word-formation models in the Russian and French languages.

Салерно Т.В. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ДВА В XVIII ВЕКЕ.

XVIII век – важный этап в развитии прилагательных с основой числительного ДВА. Именно в этот период омоформы Р.-П.п. числительного в виде ДВУ– и ДВУХ– становятся преимущественно используемыми в качестве компонента словной структуры.

Факты использования прилагательных в языке XVIII века позволяют сделать вывод об имевших место структурно-семантических трансформациях словообразовательной модели, приводивших к включению прилагательного, образованного от числительного два, в круг морфемным способом образованной лексики, а также в область семантического словообразования.

This article deals with the adjectives which are based on the numeral adjective два (two) plus the noun. The focus is being on the links existing between the words combinations and the derivative model. The object of our analysis is the structure and the meaning of the derivative models of the adjectives.

Корнилова Е.Н. XX ВЕК И ДИКТАТУРА (ПОЧЕМУ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ОКАЗАЛАСЬ В ОППОЗИЦИИ К ИСТОРИОСОФИИ?)

Статья посвящена проблемам диктатуры и тирании в истории и художественной литературе XX века, в творчестве Б. Брехта, Т. Уайлдера и А. Камю.

The article is devoted the questions of dictatorship and tyranny in the history and literary context XX century, on the examples creations by B. Brechte, T. Wilder and A. Camus.

Крапотина Т.Г. ПАРАДИГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

В статье рассматриваются проблемы фразеолого-семантической парадигматики. Основное внимание уделено обоснованию системности фразеологических единиц русского языка, которая проявляется прежде всего в семантическом аспекте, а именно в тех парадигматических отношениях, которые существуют внутри смысловой структуры одной единицы (полисемия) и между несколькими единицами (омонимия, синонимия, антонимия). Анализ взаимообусловленности таких отношений позволил выявить оппозиции: моносемия/полисемия, полисемия/омонимия, синонимия/антонимия.

The problems of phraseological-symmantical paradigm are considered in this article. The basic attention is given to the substantiation of the systematization of phraseological units of Russian which is shown first of all in symmantic aspect namely in those paradigmatic relations which exist inside semantic structure of one unit (polysemy) and between several units (omonymy, synonymy, antonymy). Analysing the interconditionality of such attitudes the following oppositions can be revealed: monosymy-polysemy; polysemy-omonymy; synonymy-antonymy.

Майорова А.В. ОШИБКИ, СВЯЗАННЫЕ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ.

В статье рассматриваются ошибки в употреблении форм устойчивых выражений, связанные с неточным приведением формы какого-либо слова, входящего во фразеологизм, подстановкой паронима, контаминаций или забвением первоначального буквального смысла.

Paper consider mistakes in the use of fixed word-combination, connected with inexact forms of a word as a part of a phraseological unit, by substitutting a paronym, contaminations or disregarding its initial literal sense.

Падерина Е.Г. ОПЫТ РАССУЖДЕНИЙ О ПРЕПОДАВАНИИ «РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ» ДЛЯ НЕГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ МГУЛ.

В статье обсуждаются некоторые практические возможности интенсифицировать обучение студентов технических специальностей культуре речи.

Some practical recommendation intensify teaching process in speech styles for students of technical specialties.

Фролов В.В. ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ Н.А.БЕРДЯЕВА.

В статье рассматривается понимание свободы Н.А. Бердяевым как состояние духа человека. Понятие свободы для русского мыслителя является исходным в осмыслении кардинальных вопросов философии смысла жизни человека, смысла творчества, смысла истории.

The paper considers understanding of freedom given by N.A.Berdjaev as a condition of a person's spirit. The concept of freedom is initial for a Russian thinker in understanding a cardinal problem of the philosophy of existentialism, sense of creativity, and sense of history.

Шестовой Т.Л. О КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Статья Шестовой Т.Л. «О категории «социальное» в современной философской литературе» посвящена проблеме изменения содержания категории «социальное» в современном общественнонаучном дискурсе.

Фалько В.И. ТИПОЛОГИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ.

Предлагаемые в качестве оснований для типологии мировоззрений триады «дух – душа – тело», «вещь – свойство – отношение» и «определенное – неопределенное – произвольное», а также параметрическая общая теория систем дают ключ к различению мировоззренческих позиций и к поиску их единства.

The triades “spirit – soul – body”, “thing – property – relation” and “definite – indefinite – arbitrary” which are proposed as a foundations of the typology of the world-conceptions and also a parametrical general system theory give a key to differentiation of the world-conception positions and to search of its unity.

Матяш Н.И. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ В РОССИИ.

В статье анализируется актуальная проблема развития социокультурной жизни России на современном этапе. Отмечаются наиболее существенные стороны формирования российской социокультурной парадигмы.

The paper analyzes an actual issue of socio-cultural life development of Russia at the present stage. The author mentions the most essential aspects of the Russian socio-cultural paradigms formation.

Зозуля О.А. ТАМОЖЕННОЕ ОБЛОЖЕНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МАШИНОСТРОЕНИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. (ПО РАННИМ РАБОТАМ Л.Б.КАФЕНГАУЗА И Л.Н.ЛИТОШЕНКО).

Статья посвящена одной из страниц истории косвенного обложения в дореволюционной России. Она раскрывает особенности таможенного обложения и его влияния на развитие сельскохозяйственного машиностроения и земледелия на рубеже 19 – 20 вв.

The paper is devoted to the history of indirect taxation in pre-revolutionary Russia. It reveals features of customs taxation and its influence on the development of agricultural engineering and agriculture on the boundary of the 19 – 20 centuries.

Филатов М.В. К ВОПРОСУ О БИБЛЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭСХАТОЛОГИИ.

В связи с сегодняшним интересом общества к мистике и оккультизму становятся актуальными вопросы, связанные с концом света. В своей статье автор дает представление о развитии эсхатологической концепции в рамках церковного учения о конце света.

Problems connected with doomsday become particularly important nowadays as society expresses certain interest to mysticism and occultism. The author gives the idea of eschatological concept development within the framework of the church doomsday doctrine.

Агафонова А.С. «КРЕПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» – ФЕНОМЕН В КУЛЬТУРЕ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ.

Статья посвящена одному из интереснейших периодов в истории культуры России. Это был период формирования светской дворянской культуры, появления и деятельности представителей крепостной интеллигенции. Проблема, затронутая в статье, может быть актуальна и в современном обществе, так как это, прежде всего, проблема свободы и воли, проблема творчества и несвободы.

Статья адресована культурологам, историкам, психологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей культуры нашего Отечества. Может быть рекомендована в качестве дополнительного материала на лекционных и семинарских занятиях в вузах.

The paper is devoted to one of the most interesting periods in the cultural history of Russia. It was the period of the secular nobility culture formation, emergence and activity of the serf *intellectuals'* representatives. The problem mentioned in the paper, can be also actual in present-day society, as it, first of all, a problem of freedom and will, a problem of creativity and serfdom.

The paper is addressed to culturologists, historians, psychologists, and also a wide audience of readers, who are interested in the history of culture of our Fatherland. It can be recommended as an additional material for lectures and seminars in high schools.

Красиков С.И. ОТКУДА ТЫ РУСЬ?

В Отечественной истории нет однозначного ответа по вопросу возникновения, названия и развития Древнерусского государства. Существуют норманнская и антинорманская теории. Автор приводит исторические факты и события в подтверждение антинорманской теории.

There is no definite answer on a matter of the origin, name and development of the Old Russian State in the domestic history. There exist Norman and anti-Norman theories. The author mentions historic facts and events in support of the anti-Norman theory.

Крыжановская И.В. КРИЗИСНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.

Данная статья повествует о состоянии современной системы образования. В ней указаны как отрицательные моменты, которые проявляются в содержательной стороне образования, так и положительные, раскрывающиеся в гуманистическом направлении воспитания.

The given article concerns condition in modern system of education. It describes both negative moments, which are appeared in informal part of education, and positive, which are discovered in humanistic direction of education.

Соломахо Э.П., Климачева Е.В. СТРЕСС И СТРЕССОУСТОЙЧИВОЕ ПОВЕДЕНИЕ.

В статье раскрываются основные положения теории стресса и анализируются методы формирования стрессоустойчивого поведения. Использование этих методов и приемов в практической работе педагогов, психологов и других специалистов, оказывающих психологическую помощь в стрессовых ситуациях, повышает эффективность работы, облегчает эмоциональное напряжение людей.

Substantive provisions of the stress theory and methods of the stress-free behavior formation are analyzed in the paper. The use of these methods and techniques in practical work of teachers, psychologists and other experts rendering psychological help in stressful situations, increases an overall performance and relieves an emotional pressure of people.

Конягина Л. Н. СЕКТЫ – ФАКТОР УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

В данной статье рассматривается вопрос о реальной угрозе вовлечения в сети нетрадиционных религиозных культов современную российскую молодежь.

In the given paper the problem of realistic threat of involving modern Russian youth in a network of non-traditional religious cults is considered.

Соломахо Э.П., Чепалыга Г.И. ПРОБЛЕМНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

В статье анализируются инновационные процессы в современной системе высшего профессионального образования. Изложены позиции современных дидактов в их определении цели, содержания, форм и методов проблемного обучения.

Приводятся результаты практического использования метода проблемного обучения на занятиях со студентами МГУЛ, обучающимися по профильным специальностям.

The innovative processes in the present-day system of the higher professional education are analyzed in the paper. It states the attitudes of contemporary deducts to their identification of the purpose, contents, forms and methods of problem training.

The results of practical use of the problem training method at the studies with students of the Moscow State University of Forestry, trained on profile professions are given.

Наретя Н.М., Королева Н.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассматривается психологическая составляющая педагогической практики, как важнейшее условие профессионального становления студентов, обучающихся по специальности 030500.18 Профессиональное обучение (экономика и управление), с учетом опыта кафедры педагогики и психологии по организации и проведению педагогических практик в образовательных учреждениях различных типов.

The psychological component of the pedagogical practical training, as the major condition of professional formation of the students trained for speciality 030500.18 Vocational education (economics and management) is considered in the paper, in view of the experience gained by the department of pedagogics and psychology in the management and execution of the pedagogical practical trainings in educational institutions of various kinds.

Бахтигулова Л.Б. ЗАДАЧИ И ОСНОВЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ, ЕГО ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРОБЛЕМЫ.

Семейное воспитание – одна из форм воспитания подрастающего поколения в обществе, сочетающая целенаправленные педагогические действия родителей с объективным повседневным влиянием семейного быта.

Family education – one of the forms of education of the coming generation in society is the subject of the paper. This problem combines purposeful pedagogical actions of parents with objective daily influence of a family life.

Щербаков С.А. ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ В ЛИРИКЕ Н. СТАРШИНОВА.

Статья посвящена образу любимой в лирике Н. Старшинова.

The paper is devoted women image in love lyrics N. Starshinov.

Левин А.Б. АРХОНТЫ В МОСКВЕ.

Рассмотрено возможное влияние монисейства на сюжетные линии и образную структуру романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».